

Я П О Н И Я :
ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК 2024
(К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)
«ISSUES OF JAPANOLY» №10

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №10

ЯПОНИЯ:
цивилизация, культура, язык 2024
(К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

JAPAN:
Civilization, Cultural History,
Language 2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНИЯ:
цивилизация, культура, язык 2024
(К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

JAPAN:
Civilization, Cultural History,
Language 2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Печатается по рекомендации
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:
А.В.Филиппов, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов, Щепкин В.В.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Синицын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. филол. Наук, Ph.D. Ибрахим И.С. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
докт. ист. наук Филиппов А.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
докт. филол. наук Басс И.И., канд. ист. наук Османов Е.М.,
канд. ист. наук Щепкин В.В., канд. ист. наук Боголюбов А.М.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов
Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык 2024 (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета). [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №10]. – СПб. – Изд-во Art-xpress, 2024. – 615 с.

Коллективная монография посвящена рассмотрению жизни традиционной и современной Японии, в ней с разных сторон характеризуются тенденции развития разных сторон общественной жизни в условиях локальных и глобальных изменений.

Авторский коллектив объединил российских японоведов и зарубежных учёных. Всесторонний комплексный подход авторов позволил представить развитие японского общества, отразив широкий круг вопросов (язык, литература, религия, культура, реалии жизни, политическое и социокультурное взаимодействие, экономика, история). Глубокий анализ исследуемых проблем позволяет составить целостный образ современной Японии.

Монография адресована как востоковедам, так и студентам, аспирантам, специалистам в области культуры, истории, международных отношений, широкому кругу читателей, интересующихся прошлым и настоящим Японии. Материал приводится на русском, японском, английском языках.

ISBN 978-5-4391-0967-8

© Авторский коллектив, 2024
© Восточный факультет СПбГУ, 2024
Все права защищены

– ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ –

Японоведение в России: прошлое и тренды текущего момента

(Филиппов А.В., Щепкин В.В.)

Вниманию любезного читателя предлагается монография «ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык 2024», подготовленная большим авторским коллективом. Одни имена знакомы, другие могут показаться новыми. Важно, что речь о Японии в этой книге ведёт коллектив японоведов-профессионалов, уже принимавших участие в таких проектах. Сама серия «Выпусков японоведения = Issues of Japanology» выходит уже на протяжении почти двух десятилетий (с 2005-2006 годов), а издание, которое Вы держите в руках, также особый, десятый, юбилейный выпуск. Интересующемуся читателю предлагается познакомиться с Японией, которая представлена многогранно, подобно краскам на палитре художника. Каждая из десятка глав посвящена одной из граней жизни Японии, либо её языку, литературе, либо развитию экономики и отношений с другими странами. По стечению обстоятельств, именно десять глав составили корпус юбилейного, десятого выпуска издания.

Особое значение монографии также связано и с тем, что она написана в условиях специфично преобразившегося за последние пять лет мира. Поначалу сложности межкультурного и межличностного, наконец, научного общения принесла пандемия – усилив «виртуальные перекосы» в понимании жизни. Затем новым шоком для японоведения стало разобщение мирового сообщества и появление «недружественных стран», каковой сейчас для

России оказалась и Япония. Отметим, что это не отменило интереса простых людей к японской кухне, традициям чайной церемонии, японским единоборствам и проч. Нередко сложности, возникавшие в отношениях России и Японии, напротив, давали новые стимулы к пристальному изучению культуры страны-партнёра. К примеру, русско-японская война 1904-1905 гг. привела к чёткому пониманию, что архиважно усерднее изучать Японию – тогда появятся и словари, и пособия по языку, и новые возможности для постижения культуры, этнических особенностей и иных нюансов. Возрождение школы японоведения в 1920-30-х годах после Великого Октября и Гражданской войны (или даже становления японистики в новых условиях) далось стране во многом нелегко, имея в виду также и репрессии 1937 года. Впрочем, два сравнительно ранних советских документа, появившихся на рубеже 1920-30-х годов («Декларация о задачах востоковедной науки» и постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР»), предопределили успехи в развитии востоковедения (и японоведения) в Стране Советов. Будем верить, что в наши дни призывы к изучению истории, к повороту России на Восток – не останутся просто словами. Это позволит востоковедению в целом вновь стать приоритетным идеологическим направлением. Если таковое случится, то без сомнений будет способствовать успехам науки.

Невзирая на все очевидные сложности сегодняшней международной политики, отметим, что сохраняют значимость концепции устойчивого развития общества (*sustainable society*) и «мягкой силы» (*soft-power*). Именно стабильность и устойчивость в сохранении межкультурных

связей, поддержание «народной дипломатии», интерес к культуре и искусству Японии (2 октября 2024 г. открылась выставка нэцукэ в Эрмитаже), развитие японоведения как науки и профессиональная подготовка японоведов в ВУЗах – залог дальнейших успехов. Об интересе к Японии обычных граждан России мы знаем, но забываем (либо не принимаем в расчёт), что интерес это взаимный. Японцы искренне увлекаются русской литературой (Чехов, Достоевский, Гоголь и др.). Жаль, что в России не знают о существовании торговой марки "Тарас Бульба" у японской спортивной фирмы Asics. А японцы ещё и хорошо разбираются в русском балете, классической, народной музыке. Десятки русских народных песен (Очи чёрные, Красный сарафан, Дубинушка и т.д.) переведены на японский язык, исполнялись в Японии на эстраде, поколения японцев учили их на уроках пения в школе. Если читатели пожелают послушать сами – могут обратиться к ресурсу "ру-трекер". Дело дошло до того, что авторам приходилось слышать от японцев утверждения, мол, "Миллион алых роз" – исконно японская песня. В России, увы, знания о японской музыкальной культуре сильно скромнее (разве что общеизвестна мелодия "恋のハカシ Каникулы любви = У самого синего моря", некогда исполнявшаяся японками, сёстрами Пинац).

Знания японцев о культуре России формировались по-разному. С рубежа XIX-XX вв. интересы России и Японии нередко затрагивали Дальний Восток, регион Маньчжурии, Монголии, Кореи. На маньчжурских просторах в одних и тех же сёлах бегали босиком японские и русские детишки, ходили друг к другу в гости и могли узнать, что такое самовар, пирожки и балалайка, могли послушаться рус-

ских народных песен. По-своему важным продолжением межкультурного обмена стало и появление в СССР японских военнопленных после Второй мировой войны. Многим из них запала в душу душевность русских людей и культура, в которой те жили. Кто-то из тех японцев навсегда остался в Стране Советов, женился, проработал всю жизнь в колхозе. Кто-то вернулся в Японию, но сохранил в душе тепло русских песен, застолий, гостеприимства. Кого-то связывали с Россией лесозаготовки на сибирских просторах, оставив в душе ту же очарованность от общения с иной культурой. Всё это так или иначе потом сохранилось в семьях, было передано детям и внукам. Немало укрепила интерес к России и горбачёвская перестройка, принеся некий краткий, но весьма значимый всплеск к занятиям русистикой.

Учитывая перемежающиеся полосы в улучшении отношений, ухудшении отношений – всё же отметим, что развитие взаимопонимания продолжается. И задача японоведов в том, чтобы поддержать уникальную традицию изучения Японии, изучения Востока, способствовать росту новых кадров. Лишь те, кто смог проникнуться реалиями иной культуры, смогут способствовать развитию эффективного диалога с её представителями, понимая поведенческие стереотипы, моральные установки, нюансы быта и социальных норм. Во многом это цель предложенной читателю монографии, написанной в нынешний не самый простой период в развитии отношений России и Японии.

Два года с момента выхода предыдущей коллективной монографии «Issues of Japanology» отмечены для Японии окончанием периода ограничений пандемии, посте-

пенным возвращением к привычному образу жизни. Последствия трёх лет «самоизоляции» ещё не закончились, возможно, японская экономика выходит из трёх десятилетий стагнации, вместе с ней словно просыпается ото сна японское общество, пытаясь осознать себя в новой реальности.

Впервые за долгое время вновь начали расти цены и зарплаты, больше, чем до пандемии стал приток иностранных туристов (в том числе из России). Всё больше наших сограждан получают возможность лично, живую познакомиться с Японией. Хотя это ставит и новые цели перед японоведами.

Очевиден спрос на экспертные знания о странах Востока, в частности, о Японии. Выставка японского искусства или книга о Японии всегда находят отклик. Люди тянутся слушать лекции, приходить на курсы по истории, культуре, искусству. Хотя смущает, что часто «экспертами» оказываются блогеры, путешественники, просто увлеченные Японией лица. На этом фоне японоведам-профессионалам и экспертам приходится думать – как без лишнего наукообразия сохранить, развить, популяризировать профессиональные знания о Японии? Японоведам-профессионалам нужно усиливать участие и в таком востребованном ныне онлайн-формате просветительской деятельности, чтобы эту сферу не заполнили лишь дилетанты (любители и популяризаторы без должной подготовки). Многие университеты России стали инициаторами онлайн-проектов и лекционных курсов по японскому языку, истории либо культуре. Стали обращать внимание на этот формат и частные школы японского языка, осознав, что только изучение языка вне культурного

контекста ущербно изначально и не способно удовлетворить даже любителя. Отрадно, что таковые инициативы находят отклик и у японоведов-профессионалов, готовых уделить время для подготовки таких курсов. Рост числа «самозванных псевдопрофессионалов» отчасти вызван тем, что профессионалы не всегда «доступны» для журналистов, авторов документальных фильмов, видеороликов и проч. Развитие профессиональных блогов, участие в соцсетях, популяризация результатов своих исследований молодыми японоведами – улучшила бы взаимодействие академического сообщества с «миром интернета», любителями мемов, наконец, широкой аудиторией.

Наш дорогой читатель! Книга в Ваших руках – это коллективная монография, подготовленная усилиями японоведов из разных городов России, при участии коллег из Японии, Индии, Китая, Германии и Италии, – призвана в числе прочего внести вклад в выполнение задачи по популяризации экспертного знания о Японии. В монографии представлены результаты исследований последних двух лет по самым разным направлениям японоведения: язык, литература, религия, культура, реалии жизни, политическое и социокультурное взаимодействие, экономика и, конечно же, история.

Первые две главы монографии подготовлены российскими лингвистами и преподавателями японского языка. Открывает монографию **глава** по проблемам преподавания языка, что в последние годы вызывает живой интерес у японоведов: преподавателей университетов, школ и языковых курсов. Это даже привело к созданию нескольких постоянных площадок для общения – конференций «Японский язык в вузе» и «Японский язык в образовательном пространстве» в московских университетах. Отрадно,

что и в Петербурге в рамках регулярных конференций на кафедре японоведения Санкт-Петербургского госуниверситета формируется аналогичная площадка. **Вторая глава** посвящена изучению лексики японского языка, что стало важным вектором исследований лингвистов-японистов. В главе данная проблема рассмотрена как на примере отдельных слов, так и их классов, а также в связи с некоторыми грамматическими категориями.

Третья глава монографии рассматривает разные аспекты исследований по японской литературе (от классических «Записок у изголовья» до современной психологической прозы и веб-новелл).

В **четвертой главе** нашёл отражение богатый мир японских религий, причём порой в довольно интересном приложении к повседневным ритуалам и практикам наших дней (туристическому паломничеству, «строительным жертвам», использованию благовоний).

Иным граням японской культуры посвящена **пятая глава** монографии: авторы сосредоточили внимание на бытовании различных цветов, предметов, отражению традиционных элементов культуры в современном искусстве.

Результаты исследований, касающихся реалий печального дела Японии сформировали **шестую главу** монографии.

Следующие **три главы** подводят итоги исследований в области истории Японии, в частности исторической памяти и российско-японских отношений. В **седьмой главе** рассмотрены сюжеты из древней, средневековой истории и истории Нового времени. **Восьмая глава** посвящена сложным отношениям Японии с её ближайшими соседями – Китаем и государствами Корейского полуострова. **Девятая глава** повествует об аспектах истории российско-японского взаимодействия, преимущественно во 2-й пол. XIX – начале XX вв.

Завершает монографию **десятая глава**, где отражены исследования отдельных тенденций в развитии японской экономики.

В монографии подчеркнута взаимосвязь современности с историей страны, это помогает понять процессы эволюции социума и логику межкультурного взаимодействия. Авторский коллектив надеется, что издание принесёт пользу всем, интересующимся Страной Восходящего Солнца. Надеемся на дальнейшую плодотворную деятельность наших авторов в рамках очередных симпозиумов «Япония: цивилизация, культура, язык» (日本文明・文化史と国語の国際大会).

Несмотря на сложную международную обстановку, ухудшение российско-японских отношений, причисление Японии к «недружественным странам», сокращение источников финансирования – всё же исследования Японии продолжаются. История российско-японских отношений знает аналогичные периоды, когда недостатки в диалоге на высшем уровне компенсировались взаимодействием регионов, отдельных городов и простых людей, активизацией культурных, научных и образовательных связей. Так было в первые годы после русско-японской войны, в трагические 1930-е и 1940-е, в период холодной войны 1960-70-х. Будем верить, что потребность в специалистах по Японии не угаснет и послужит дополнительным источником вдохновения, поддержки для японоведов в эти переломные годы.

Для удобства читателя в содержании приведены имена авторов разделов монографии; подробные сведения об авторах (аффилиация) – представлены в конце издания.

ГЛАВА 1. ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК: ЛОВУШКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Япония и соседи: особенности языковой политики в новейшей истории

(Фролова Е.А.)

Языковая политика является важной составляющей государственной политики. Под языковой политикой, как внешней, так и внутренней, мы будем понимать комплекс мер по реализации языковой идеологии и языкового планирования. Анализ языковой политики четырех государств Восточной Азии – КНР, КНДР, РК и Японии – в период новейшей истории, показал, что наиболее активные периоды реализации языковой политики – это периоды социальных кризисов либо время сразу после них. Кризис – это не обязательно катастрофа, он является переломным периодом в развитии общества как системы. Для государств Восточной Азии, находящихся в фокусе нашего исследования, такими кризисными периодами мы выбрали следующие: 1) Китай: образование Китайской республики (1949), период середины 1960-х гг. и Культурная революция, переход на рельсы «социализма с китайской спецификой» на 3-м пленуме ЦК КПК (1978, Пекинская весна) и современный период; 2) Япония: послевоенный период и эпоха глобализации (с 1990-х гг.); 3) Корея: разделение на два государства в послевоенный период и эпоха глобализации (с 1990-х гг.). Таким образом, временные рамки нашего исследования – это приблизительно 70-80 последних лет, от момента создания современных КНР,

КНДР и РК, а также капитуляции Японии во Второй мировой войне.

Рассмотрим языковую политику, проводимую этими государствами в указанные кризисные периоды. Ограниченный объем статьи вынудил нас излагать материал крайне тезисно, более подробные сведения можно найти в литературе из приведенного списка.

Китай: особенности языковой политики

Реформы 1955-1958 гг. Языковая политика выходит в ряд приоритетных направлений в период после образования КНР в 1949 г. Масштабные языковые реформы начались уже в 1950-х гг. К политическим целям правительства многонационального Китая относились: обеспечение стабильности национального единства страны, улучшение взаимопонимания, устранение языкового барьера и снятие напряженности в межэтнических отношениях, а также укрепление культурных связей между жителями северных и южных районов, разобщенных вследствие диалектных различий.

Уже тогда было заложено начало нескольких масштабных реформ: создание фонетической транскрипционной системы пиньинь, стандартизация письменности и упрощение классических написаний иероглифов, популяризация общеупотребительного разговорного языка путунхуа. Сделать путунхуа, основанный на столичном пекинском диалекте, общеупотребительным языком для всего населения Китая стало одной из ключевых задач языковой политики КНР. Но это потребовало определенного компромисса между путунхуа и другими языками. Компартия занялась созданием фонетических письменных систем для беспись-

менных языков Китая; развитием системы билингвального образования для национальных меньшинств [1].

Период середины 1960-х годов. В конце 1950-х вместе с кампанией «Большого скачка» все начатые реформы по развитию языков национальных меньшинств были приостановлены. В связи с началом в середине 1960-х годов Культурной революции в Китае осуществлялась агрессивная ассимиляционная политика в отношении культуры и языков национальных меньшинств. Единственная значимая реформа письменности в этот период – это утверждение упрощенных знаков (2238 иероглифов) в 1964 г. [2].

Пекинская весна. Переход на рельсы «социализма с китайской спецификой» на 3-м пленуме ЦК КПК в 1978 г. После смерти Мао Цзедуня и начала Пекинской весны перед партией стояла задача сохранения территориальной целостности государства путем создания единого экономического и культурно-информационного пространства, позволяющего осуществлять эффективный контроль во всех сферах жизни. Во второй половине 1980-х и начале 1990-х гг. власти сконцентрировали свои усилия на завершении стандартизации письменности, начатой еще три десятилетия назад, и на создании основной правовой базы регулирования языковых отношений.

Стандарт путунхуа получил в Конституции 1982 г. статус языка, официально популяризируемого и поддерживаемого властями, но не государственного языка. Это отвечало интересам национальной политики, делающей акцент на равенстве всех народов Китая. Во второй половине 1990-х гг. был учрежден Государственный комитет по языку и письменности, взявший на себя принятие основных законов о статусе языков в КНР.

В 1980-х гг. основными реформами стали создание фонетической транскрипционной системы и поэтапная стандартизация иероглифической письменности. Было провозглашено бережное отношение к письменному наследию национальных меньшинств [3].

Современный этап: 2001 – наст. время. На современном этапе язык и культура в Китае становятся главными ресурсами объединения нации и усиления влияния за рубежом. Важнейшим инструментом консолидации при этом выступает общеупотребительный языковой стандарт путунхуа.

Принятие закона «Об общеупотребительном языке и письменности» (2001) является поворотным моментом в истории языковой реформы и вводит государственный контроль над языковой сферой жизни общества применительно как к корпусу, так и к статусу языка. Закон определяет использование языков и диалектов Китая в различных сферах жизни, устанавливает, что обучение некитайского населения китайскому языку должно проводиться на добровольной основе, а китайский язык в КНР выполняет этнообъединяющую функцию языка межнационального общения. Однако дети в автономиях, начиная с 3-го класса начальной школы, обучаются по безальтернативной Единой национальной образовательной программе на путунхуа, что фактически противоречит лозунгам мультикультурного образования в Китае [4].

В XXI в. масштабы языковой политики в КНР приняли небывалый размах, значительно возросло количество ответственных за это направление государственных ведомств. Принимаются основополагающие документы, например, «Долгосрочный план развития и реформ в отношении

государственного языка и письменности на 2012-2020 гг.», где заявлено поощрение использования национального общего языка, который базируется на общем построении социализма с китайской спецификой, прописаны дальнейшая стандартизация языка и меры по снижению языковых конфликтов. Китай активно продвигает китайский язык во внешний мир через глобальную сеть Институтов Конфуция (с 2004 г.), а также общедоступные онлайн-учебные платформы с использованием ИИ и новейших информационных технологий [5].

Корея: особенности языковой политики

В период японского колониального правления (1910-1945) корейский язык на полуострове был «в изгнании», к нему относились как к иностранному, запрещалось использование корейского языка в школе. Японцы провозгласили японский язык национальным языком Кореи в 1911 г. Только после освобождения от японской аннексии преподавание в школах было переведено с японского языка на корейский. После разделения Кореи в 1945 г. начались процессы размежевания, которые касались не только государственно-политического устройства, но и языка. На Севере начал внедряться язык, основанный на пхеньянском диалекте, а на Юге – на сеульском.

После Корейской войны обе Кореи поставили перед собой задачи полной ликвидации безграмотности, восстановления обучения на родном языке и очищения языка от заимствований. Решались эти задачи немного по-разному, поэтому уже с 1950-х гг. языковые нормы в обеих странах начали меняться.

Республика Корея: особенности языковой политики

После освобождения в 1950-х гг. в РК началось движение под названием «Верните корейские слова». Японские и английские заимствования, а также небольшая часть синокорейской лексики попали «под зачистку». На волне кампании за всеобщую грамотность шло расширение применения хангыля и сокращение иероглифики. В конце 1980-х гг. хангыль стал официальной письменностью во всех сферах, включая государственную документацию.

С 1970-х гг. правительство РК провело кампанию против «засорения языка», пытаясь бороться с «конглишем» – корейским языком, насыщенным англоязычными заимствованиями. Пуристы указывали на то, что только 12% вывесок в Сеуле написаны на корейском языке.

В 1989 г. был создан Национальный институт Исследования корейского языка (ныне NIKL), основной орган языковой политики РК, который опубликовал нормативный словарь корейского языка на 500 000 слов и корпус корейского языка из 240 миллионов слов. Правовую основу для корейской языковой политики обеспечивает «Основной закон о языке», принятый в 2005 г.

Со второй половины 1990-х гг. преподавание корейского языка как иностранного стало ключевой политической директивой. NIKL создал систему квалификационных экзаменов TOPIK (с 1997 г.), учредил международную школу корейского языка «Sejong» (с 2007 г.), разработал социально инклюзивную лингвистическую политику и ее обеспечение. В рамках политики межкорейской лингвистической интеграции NIKL проводит постоянные исследования языковых несоответствий между двумя Кореями,

количество которых уже составляет более десяти тысяч слов и выражений [6].

КНДР: особенности языковой политики

Тезисы речей Ким Ирсена 1964 и 1966 гг. были положены в основу языковой политики Северной Кореи. Их основной посыл – лингвистический пуризм и этнический национализм. «Чистка языка» была масштабной кампанией под руководством правительства, все иностранные слова, включая синокорейскую лексику, были тщательно заменены на исконно корейские. От иероглифики в Северной Корее отказались еще в 1949 г. (но от китайских цифр только с 1956 г.). С 1966 г. по настоящее время происходит становление и развитие теории языка чучхе. Язык в КНДР служит инструментом для укрепления режима и мобилизации масс [7].

Хотя грамматический строй корейского языка практически не изменился, проведение различной языковой политики вылилось, помимо лакун в лексическом запасе, в существенные языковые различия, начиная от норм фонологии, орфографии до грамматики и языкового этикета [8]. Продолжающаяся изоляция только усугубляет различия между северо- и южнокорейским вариантами языка.

Япония: особенности языковой политики

Послевоенный период. После поражения империалистической Японии во Второй мировой войне языковая ситуация резко изменилась. Во всех сферах нарастало влияние английского языка, стали исчезать и нарушаться старые языковые нормы. Назрело «радикальное обновление» японского языка, и в 1946 г. была принята конвен-

ция *гэндаи канадзукаи* (букв. «современное использование каны»), которая явилась водоразделом между довоенной и современной системой письма. Написание приблизилось к литературному произношению, некоторые буквы были отменены. Из употребления был полностью выведен старописьменный язык *бунго*, в том числе в официальной документации [9]. Вскоре после войны был составлен иероглифический минимум *тоёкандзи* из 1850 знаков, около сотни знаков получили упрощенное написание. Хотя он имел силу закона лишь для учебной литературы, выпускаемой Министерством просвещения, его создание оказало несомненное влияние на употребление иероглифики.

С 1945 г. единственным официальным языком Японии стал современный японский литературный язык, основанный на восточном токийском диалекте. Стояла задача ускоренной модернизации и стандартизации языковых норм. В 1948 г. при Министерстве просвещения был создан Государственный институт японского языка¹, взявший на себя реализацию этой задачи. В связи с повышением в японском обществе роли средств массовой информации работа над языком начала активно осуществляться и информационными учреждениями, прежде всего государственной радио и телекомпанией NHK. В первые 10-15 лет после войны для литературного языка были созданы стандарты там, где они отсутствовали (произношение и ударение), и заново установлены там, где язык заметно изменился (формы вежливости).

К концу 1950-х гг. произошел переход от этапа уста-

---

¹С 2009 г. Национальный институт японского языка и лингвистики, NINJAL.

новления норм к этапу их поддержания и совершенствования [10].

Эпоха глобализации: 1990 гг. – наст. время. Основным приоритетом в языковой политике этого периода стала популяризация японского языка в мире, связанная с глобализацией. Базовым государственным институтом, реализующим потенциал языка как «мягкой силы», является Японский фонд (The Japan Foundation, 1972), который проводит экзамены по определению уровня владения японским языком (JLPT, с 1994 г.), направляет преподавателей японского языка за рубеж, организует стажировки в Японии для преподавателей японского языка и специалистов различного профиля, создает учебные материалы, учебные планы, словари, пособия и т. д. Также Фонд финансирует Японские центры во многих странах мира. Одной из задач языкового планирования стало усовершенствование японского языка, чтобы он отвечал всем вызовам глобального мира. Продолжаются мероприятия по нормированию языка, улучшению правописания, уточнению значений заимствованной лексики. В этих условиях появилась инклюзивная концепция «простого японского языка» (яп. *ясасий нихонго*) как средство доступа к информации и социализации для всех слоев населения Японии: людей с ограниченными возможностями, иностранцев, этнических меньшинств [11].

Таким образом, мы рассмотрели подходы к языковой политике в двух условно тоталитарных государствах: Китае и КНДР, и в двух условно демократических: Японии и Республике Корея. Эти страны во второй половине XX в. вошли в новую фазу своей истории через слом старых

институтов. Важнейшими потребностями в сфере языка стали потребность идентичности и потребность взаимопонимания. Средством удовлетворения этих потребностей должен был стать единый государственный язык, поэтому в послевоенный период везде происходили в основном два процесса: популяризация государственного языка через административные меры и школу (позже и через СМИ) и его кодификация, создание общего стандарта в виде литературного варианта.

С задачей достижения всеобщей грамотности быстрее всех справилась КНДР – уже к 1949 г. в стране провозгласили искоренение неграмотности, тогда как в Китае еще в 1980-х гг. насчитывалось 23,5% неграмотного населения [12]. Пример Северной Кореи показывает, что когда долгосрочно правящая политическая власть пользуется высшим авторитетом в разработке и реализации языковой политики, успех в большей степени вероятен.

Языковая политика заключается прежде всего в защите и обеспечении функций государственного языка, для чего предпринимается его законодательное сопровождение и научное изучение. Здесь раньше всех начала Япония, а Китай и РК создали правовую базу достаточно поздно. Однако модернизация всех языков происходила и до создания государственных языковых институтов. Интересно, что лингвистический пуризм в двух Кореях имел различный вектор – если в Северной Корее шел процесс «чистки языка» от иноязычных заимствований вообще (китайских, японских, русских, английских слов и даже от сеульского диалекта), то в Южной Корее война велась в основном с японскими заимствованиями.

Во всех государствах велся целенаправленный процесс лингвистической гомогенизации. Считается, что подавление региональных диалектов и языков меньшинств является одной из характеристик языковой политики в тоталитарных обществах. Однако через этот этап прошли все четыре государства, в разное время заявив об отказе от этой политики и начав уделять особое внимание сохранению регионального языкового разнообразия. Пожалуй, на настоящем этапе только КНДР не участвует в этом процессе.

Реформы письменности позволили значительно облегчить обучение языку и его использование в печати и других средствах массовой информации. Однако переход на новый стандарт написания, например иероглифов в КНР, способствовал увеличению культурного разрыва между материковым Китаем и островом Тайвань, китайской диаспорой за рубежом, а также колониальными территориями Макао и Гонконгом. Переход на обновленную систему письма в Японии сильно затруднил чтение в оригинале классической литературы, а отказ от иероглифики в КНДР фактически отрезал корейцев от богатого культурного наследия.

Экономический успех азиатских стран предопределил и интерес к изучению их языков, и тут опять закономерно первой выступила Япония, но наибольшего успеха, думается, добился Китай. В условиях глобализации возрастает конкуренция между языками за сферы влияния и функционирования. Исходя из международного опыта, государства, обладающие статусом престижного языка мирового уровня, способны оказывать существенное политическое влияние. Поэтому в современном мире все большую

значимость стали приобретать вопросы внешней языковой политики. Исследования в этой области имеют большой потенциал.

Список литературы

1. Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Улан-Удэ, 2012. 143 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-politika-v-kitaiskoi-narodnoi-respublike-vo-vtoroi-polovine-xx-veka> (дата обращ. 14.02.2024).
2. Морозова Н.В. Языковая политика КНР на современном этапе (2001–2013 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Москва, 2019. 187 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-politika-knr-na-sovremennom-etape-2001-2013> (дата обращ. 13.10.2023).
3. Каплунова М.Я. Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР. Дисс. ... канд. фил. наук. 10.02.19, Москва, 2017, 202 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-politika-i-funktsionalnoe-razvitie-yazykov-v-knr> (дата обращ. 10.02.2023).
4. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2012. История. №2 (18). С.140-143.
5. Банщиков А.А. Проблемы реализации языковой образовательной политики КНР в условиях мультикультурного общества // Вектор науки ТГУ. 2013. № 4 С. 212-216. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site3456/html/media93797/50%20Banshchikov.pdf (дата обращ. 10.02.2023).
6. Ким Хэ Ран. Исследование различий северокорейской и южнокорейской лексики // Международный научно-

- исследовательский журнал. 2021. №11 (113). URL: <https://research-journal.org/archive/11-113-2021-november/issledovanie-razlichij-severo-korejskoi-i-yuzhnokorejskoj-leksiki> (дата обращ. 06.02.2023).
7. Kim Chin Woo. Linguistics and language policies in North Korea // *Korean Studies*, vol. 2, 1978, p. 159-175.
  8. Kumatani Akiyasu. Language policies in North Korea // *International Journal of the Sociology of Language*. 1990. №82. Pp. 87-108. URL: <https://doi.org/10.1515/ijsl.1990.82.87> (дата обращ. 10.02.2023).
  9. Алпатов В.М. Япония. Язык и общество. М.: Муравей, 2003. 208 с.
  10. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции // *Сравнительная политика*. №2 (12). 2013. С. 11-22. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/5609/6078/2/7785> (дата обращ. 10.02.2024).
  11. Фролова Е.Л. «Новая грамотность» и «новая волна» языковой политики в Японии // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2020. Т.19, №10: Востокосведение. С. 130-140.
  12. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Исторические основы современных образовательных концепций в Китае // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*, №3. С.71-93.

**Дифференцированный подход в преподавании
японского языка в разноуровневых группах**

(Воробьева Л.А., Давыдова А.В.)

В течение нескольких лет в образовательной системе наблюдаются глобальные изменения при доминировании личностно-ориентированного подхода в обучении. Концепция данного подхода диктует активно использовать различные средства обучения, ориентированные на индивидуальные, психофизиологические особенности, интеллектуальные способности обучающихся. Достаточно часто в группах японского языка, обучение которому реализуется как в государственных, так и в частных школах, а также и в высших учебных заведениях, преподаватель сталкивается с проблемой разноуровневой подготовки обучающихся. К примеру, в рамках одной группы всегда встречаются ученики, которые только вступили на путь изучения японского языка, но и ученики, изучавшие японский язык ранее. Кроме того, в процессе обучения освоение учебного материала может проходить по-разному. Это напрямую связано с готовностью обучающихся впитывать новые знания по японскому языку, что представляет собой достаточно сложный процесс. Разный уровень владения японским языком сопровождается с неуспеваемостью выполнения определенных заданий слабыми учениками и отсутствием сложности для продвинутых учеников.

В настоящее время преподавателям японского языка доступны как русскоязычные учебники, используемые в качестве основного учебника, такие как «Японский язык для начинающих» (Л.Т.Нечаева), «Читаем, пишем, говорим по-японски» (Е.В.Стругова и Н.С.Шефтелевич) и др., а так-

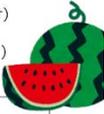
же японского издания: *みんなの日本語* Минна-но нихонго, *できる日本語* Дэкиру нихонго, *げんき* Гэнки, *子どもの日本語* кодомо-но нихонго, *まるごと* Маругото, Basic kanji book и т.п. Несомненно, упражнения в данных пособиях структурированы, позволяют затронуть все аспекты – чтение, говорение, письмо, аудирование, однако не всегда являются подходящими для преподавания в разноуровневой группе. Таким образом, перед преподавателем стоит задача проработать либо создать новые задания для реализации интересного, увлекательного изучения японского языка без снижения мотивации к изучению у обучающихся.

Достаточно часто при разноуровневом обучении осуществляется деление учеников на подгруппы в рамках одной группы или одного класса по определенным критериям, а именно уровню компетентности обучающихся, внимательности, развитости памяти, однако это в современном обществе может вызвать некое порицание, поскольку затрагивает личностные характеристики обучающегося, дискредитирующие его возможности. Поэтому для эффективного лично ориентированного обучения стоит использовать теорию Б.Блума о необходимости разделения учебных задач на подуровни. Данные подуровни должны соответствовать следующим параметрам: знание, понимание, применение, анализ, синтез [Горлова, 2015].

Так, актуальным становится применение дифференцированного способа реализации процесса обучения. К дифференцированным способам обучения ряд ученых относят задания с разной сложностью выполнения, ряд ученых – степень самостоятельности при выполнении определенного задания. То есть целью дифференцированного подхода является организация обучения каждого ученика

в рамках группы с учетом его особенностей, способностей, на уровне его возможностей [Сейтасанов, 2014].

Примером дифференциального способа обучения на начальном уровне изучения японского языка могут служить следующие упражнения. На начальном этапе изучения японского языка обучающиеся предстоит знакомство с японской письменностью. Обучающимся предлагается японская азбука Хирагана или Катакана в табличном виде **五十音** годзюон, часть букв в которой пропущены, обучающимся предлагается распределить вырезанные буквы по местам, либо вписать недостающие буквы. Еще одним вариантом упражнения на уровне знания может быть предложения азбука Хирагана или азбука Катакана с неправильным порядком букв. Перед обучающимся ставится задача назвать буквы в текущем порядке. Для более эрудированных студентов дополнительно предлагается задание на поиск букв, занимающих правильную позицию в таблице **五十音** годзюон, Уровень понимания может быть реализован в упражнениях на поиск слов в кроссворде, записанных на ромадзи или транскрипцией Поливанова. Данное упражнение направлено на произвольное запоминание букв при визуальном восприятии (см. рис. 1).

	sushi (sushi)	shikaku (square)	
	kasa (umbrella)	okashi (sweets)	
	isu (chair)	kaisou (seaweed)	
	ashika (sea lion)	sukoshi (a little bit)	
	shika (deer)	suika (watermelon)	

ま	あ	お	も	し	か	お	と
す	い	か	ふ	め	ひ	さ	か
し	す	し	て	へ	か	た	り
か	い	ら	く	つ	は	し	ん
を	む	す	か	る	い	み	あ
お	え	こ	し	う	す	ち	る
		し	ほ	か	い	そ	う

Рис.1. Найдите слова в кроссворде.

В качестве дополнения задания можно предложить найти в кроссворде знакомые слова, не представленные списке поиска.

Уровни применения и анализа могут реализовываться в упражнениях по типу *ならびかえ* нарабикаэ, где необходимо изменить порядок букв так, чтобы получить знакомое слово, что также позволит повторить пройденный лексический материал. Для более продвинутых учеников можно добавить слова под звездочкой. В качестве заданий уровня синтез можно предложить упражнение на составление слов из фразы, в данном случае очень ярко проявляется разноуровневость обучающихся. К примеру,

обучающимся дается фраза にほんごがかなりおわかりになりましたか。Нихонго-га канари о-вакари-ни наримасита ка, из букв которой необходимо составить максимум слов, а именно おんな онна «женщина», わに вани «крокодил», なし наси «груша», ほん хон «книга», りんご ринго «яблоко» и т.п.

При обучении иероглифике разноуровневые упражнения могут быть представлены в следующих упражнениях. Определить порядковый номер черты, расписать иероглиф по чертам. Особый интерес у обучающихся вызывают иероглифы, неизученные ранее, порядок черт которых можно определить, опираясь на знакомые иероглифы, к примеру, в следующем упражнении для обучающихся иероглифы 星 хоси «звезда» и 雪 юки «снег» являются незнакомыми (см. рис. 2):

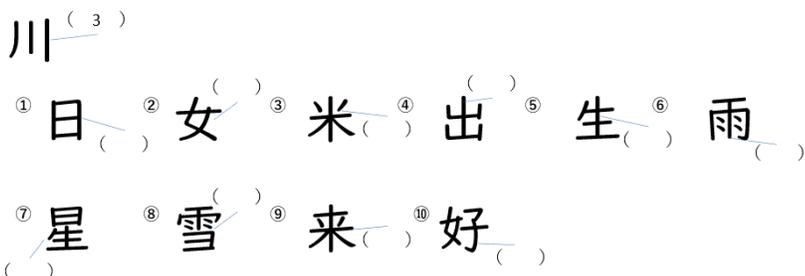

Рис.2. Напишите порядковый номер черты следующих иероглифов

Следующее упражнение (см. рис. 3):

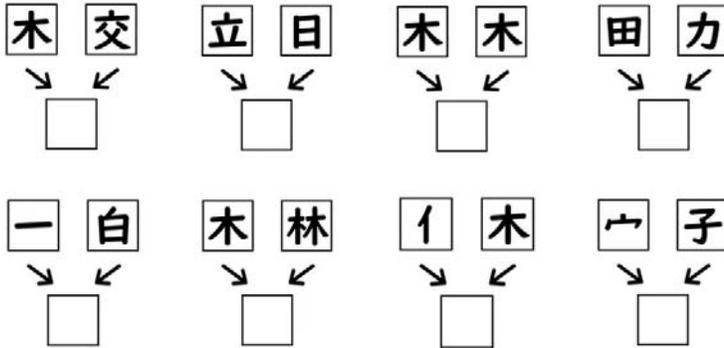

Рис.3. Составьте из частей иероглифы

Необходимо определить иероглиф, разбитый на 2 части, в качестве усложнения можно предложить написать чтения иероглифа, а также написать слова, в состав которого входит иероглиф. Например, из элементов 木 и 交 получается иероглифы 校 со значением «школа», чтение которого こう ко. Данный иероглиф входит в состав таких слов, как: 学校 гаккō «школа», 校長 кōтэ «директор школы», 校門 кōмон «школьные ворота», 高校 кōкō «старшая школа» и т.д.

Таким образом, можем утверждать, что под дифференцированный подход можно адаптировать почти каждое упражнение, что несомненно является эффективным методом преподавания, позволяющим активизировать мыслительную деятельность обучаемых даже в разноуровневых группах. Данный подход позволяет сделать учебный процесс привлекательным и интересным, позволяет поддерживать мотивацию к изучению у более эрудированных учеников, а также стимулировать к овладению японским языком.

Список литературы

1. Горлова Е.А. Инновационные методики обучения русскому языку: разноуровневые задания как способ дифференциации процесса обучения // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т.2, №2(2). С. 260-261. EDN TQLTRH.
2. Сейтасанов Ф.С. Реализация индивидуального дифференцированного обучения на основе применения разноуровневых дидактических средств обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 46-4. С. 228-233. EDN TGOQPJ.
3. Шуклинова О.Л. Результаты внедрения технологии разноуровневого обучения на уроках практического и теоретического обучения учащихся (студентов) колледжа // Инновации в современной науке: Материалы II Международного осеннего симпозиума, Таганрог, 27 ноября 2013 года / Науч. ред. Г.Ф.Гребенщиков. Том 2. Таганрог: ООО "Издательство "Спутник+", 2013. С. 88-95. EDN SIXFWD.

Intercultural Communication Competence Development in Japanese MOOC: Content and Strategy Analysis of Situational Dialogue

(Син Юнь)

Introduction

In recent years, the accelerated process of globalization and the rapid development of network information technology have led to increased attention on the fusion and expansion of multiculturalism, as well as the cultivation of intercultural communicative competence within the context of foreign language teaching and research. The influence of culture on language is multifaceted. Particularly, as the representative of a country with high-context culture, Japanese language and culture is characterized by euphemistic expressions in communication with others. This reflects that Japanese people tend to consider others' feelings when communicating with others and try to avoid conflicts with others in the process of communication. This language feature is related to the reserved and implicit cultural characteristics of Japan. Such cultural characteristics of Japanese put forward higher requirements for Japanese teaching.

In recent years, to integrate cultural aspects related contents into the process of language teaching is becoming a consensus. Intercultural communication competence (ICC) refers to the ability to communicate effectively and appropriately in various cultural contexts. Michael Byram's emphasizes the significance of teaching and assessing ICC, highlighting the necessity for educators to prioritize developing students' capacity for effective cross-cultural communication¹. Forster

---

¹Byram, M. (2021). Teaching and assessing intercultural communicative competence. <https://doi.org/10.21832/9781800410251>

ICC can broaden students' vision beyond the foreign language competence, enhancing their comprehension of the underlying cultural context and facilitating the acquisition of the integrative competence for appropriate and efficacious communication.

With the prevalence of Massive Open Online Course (MOOC), a prominent trend of online learning, there is growing interest in how ICC is demonstrated and developed through virtual interactions. It is found that most of languages MOOCs are highlighted the keywords “culture” which indicate a close connection between language education and intercultural communication. Many of language MOOCs are not only focusing on language competence but also focusing on fostering the soft skills related to intercultural competence². The integration of intercultural communication themes within MOOCs can be attributed to two primary factors. Firstly, MOOCs employ a multi-modules approach, incorporating various multimedia elements such as video, audio, and text³. This integration allows courses to embed intercultural communication themes through videos or extended reading materials. Secondly, the flexible course design of MOOCs differentiates them from the traditional textbook-based teaching methods prevalent in conventional language classrooms. MOOCs are often designed by teams of experienced university educators who arrange teaching contents and incorporate a variety of themes in situational dialogue. This thoughtful integration of intercultural communication content within the language teaching

---

² Rai, L., Deng, C., Lin, S., & Fan, L. (2023). Massive Open Online Courses and intercultural competence: analysis of courses fostering soft skills through language learning. *Frontiers in Psychology*, 14, 121947⁸.

³ Chong, S. W., Khan, M. A., & Reinders, H. (2022). A critical review of design features of LMOOCs. *Computer Assisted Language Learning*, 1-21.

process addresses the diverse learning needs of foreign language students.

Currently, research on intercultural communication competence in foreign language teaching mainly focuses on limited languages such as English, Chinese, and Spanish. However, Japanese, as a language deeply embedded in a high content cultural, has seen limited research in this area. Moreover, as a potentially effective method for cultivating language learners' intercultural communication skills, existing studies primarily examine the foreign language teaching methodologies of MOOCs. There is a notable shortage of research on how to design intercultural content within the existing curriculum during the teaching and learning process. Therefore, this study will select Japanese MOOCs, through the content analysis of the communicative dialogues in the course, we will explore the intercultural communication elements embedded in them and analyze the presentation strategies of intercultural communication in these courses.

Method

The methodology involved a qualitative content analysis of selected MOOC videos, with a focus on identifying cultural themes within contextual conversations. Extracting and categorizing these topics enabled us to assess if and how the MOOCs incorporated intercultural communication concepts to support language learners.

1. The Selection of MOOC

In this study, we adopted an observational approach, and the authors examined in detail the communicative dialogue sections of two selected beginner Japanese MOOCs.

Waseda University's "Steps in Japanese for Beginners" on the edX platform and St. Petersburg State University's "Japanese for beginners" on the Open Education platform were chosen for comparison. On the one hand, we selected these two MOOCs because the Japanese MOOCs created by these two universities are aimed at beginners, and the difficulty level of the course content is designed to be at the A1 level under the CEFR standard or N5 level of Japanese Language Proficiency Test; on the other hand, as world-class higher education institutions, their faculty teams have long been conducting research at the forefront of Japanese language teaching and learning, which guarantees the quality of the selected MOOCs. Table 1 below shows the basic information of the two MOOCs.

Table 1: Basic information of selected MOOC

The name of MOOC	Language of teaching	Holding University	Mooc Platform	Unite	Weather using the textbook
Steps in Japanese for Beginners ¹	English	Waseda University	EDX	12	No
Japanese for Beginners (Японский для начинающих)	Russian	Saint Petersburg State University	Open Education (Открытое Образование)	5	No

2. Analyzing the embedded cultural elements

After initially exploring the characteristics of the two MOOCs, focused specifically on the instructional videos that contained situational conversation dialogues. The author watched these videos repeatedly, taking the perspective of a learner. In order to analyze the implicit cross-cultural communication factors, we extract the communicative topics in the communicative dialogues, which were organized and presented in Table 2.

Table2: Communicative topics

MOOC course	Topics involved in communicative dialogues
Japanese for Beginners (part1)	Greetings and farewells, Talking about the weather Introducing friends, Self-introduction, Ordering at a Russian restaurant, Inquiring about products and prices, Flower arrangement, Making an appointment with friends to go to the Hermitage Museum, Asking for a friend's opinion, Talking about meeting times, Asking about prices of tickets, Asking for phone numbers, Vacation life, Study life, Transportations, Travelling to Moscow, Art galleries, Critique of artworks, Hobbies, Visiting a friend's house, Talking about family members, Inviting a friend for a movie, Talking about the holidays (March 8 th)
Steps in Japanese for Beginners	Greetings, Self-introduction to a roommate in the dormitory, Expressing food allergies, Inquiring for the ingredient of food, Ordering food in a fast-food restaurant, Asking for directions in the campus, Getting information about the course, Making an invitation, Talking about plan and habit, Talking about activities in day offs, Asking for permission, Introduce family

By thoroughly examining authentic conversation scenarios presented in the MOOCs, we were able to gain insights into how cultural knowledge and communicative skills were integrated alongside language instruction.

Empirical results

1) Wide range of dialogue scenes

By analyzing the communicative themes and communication scenarios that involved in selected MOOCs, we could find that both MOOCs teaching materials are involve a comparatively wide range of communication topics, which basically cover the scenarios of daily life and study. For most students who are studying Japanese out of Japan or lack of Japanese acquaintance, it is hard for them to practice the language skills that they learned. Especially for beginners, the language competence is barely formed, the wholistic image of the language is also vague. Thus, often students find it hard to see applications of what they learn in languages courses beyond the activities in their language classrooms

(Byram & Wagner, 2018)⁴. The communicative dialogue part designed in MOOCs, are bring students into a virtual interactive communicative scene. Rich scene conversation design can make up the gap between language ability and application caused by lack of language environment to some extent. Scenario-based dialogues are designed to allow students from different cultures to interact in Japanese, allowing learners to experience cross-cultural communication. Students will be guided to use appropriate Japanese expression skills such as requests and greetings in different situations.

2) Storytelling strategies

In situational dialogue design, storytelling strategies are widely used to enhance learning experiences. Both MOOCs are employed storytelling strategies in designing situational dialogue whereas the background settings are quite different.

The Japanese MOOC produced by St. Petersburg State University is based on the study and life of Japanese students Hikari and Seiji in St. Petersburg, Russia, and the dialogues takes place in the scene of talking with Russian students. Russia is known for its rich cultural and artistic heritage. It is combines an abundance vocabulary related to the art galleries, museums, and the name of famous artists, which can help learners to accurately introduce Russian cultural in Japanese.

Waseda university's MOOCs take Andy, a foreign exchange student studying in Japan, as the story background, and the dialogue scenes mostly take place on campus, such as dormitories, cafeterias, classrooms, etc. The situational

---

⁴ Byram, M., & Wagner, M. (2018). Making a difference: Language teaching for intercultural and international dialogue. *Foreign Language Annals*, 51(1), 140-151.

dialogue closely focused on how to help foreign students survive in Japanese in Japan.

By observing these two MOOCs, we found that both MOOC courses integrated cultural theme and communicative dialogues into the course and arranged it at the end of the unit, after the explanation of vocabulary, grammars. Storytelling skills skillfully string the grammar and vocabulary from the first part of each unit into the situational dialogue, which reveal basic grammar and vocabulary skills are not viewed as isolated skills but rather as interrelated skills. Language ability and communicational ability are inseparable, and they jointly realize the improvement of students' comprehensive ability.

3) Diversified presentation of situational dialogue

MOOC not only provide rich cross-cultural communication content in Japanese language teaching, but also enhance the learning experience through a variety of innovative means of presentation. For example, in the two Japanese teaching MOOCs, situational conversations are presented in different ways. One course uses virtual animation techniques to reproduce everyday conversation situations through vivid animated characters and scenes, enabling learners to intuitively understand and mimic the use of Japanese. This way not only increases the interest of learning, but also helps learners to better grasp the intonation and expression of the language.

Waseda university's MOOC uses the means of real scene reproduction, through shooting dialogues in real life, so that learners can feel a more real language environment. Video shooting enhances the sense of learning substitution through the change of shooting perspective. It is starting with watching drama-like authentic role-plays and ending with being the main character taking part in the conversation

in real time. This approach enables learners to observe the practical application of language in different social situations and enhances their intercultural communication skills. By watching these real scenes, learners can better understand the way Japanese is used in different cultural backgrounds, thereby improving their language application ability in actual communication.

Discussion

The cultivation of intercultural communicative competence through MOOC has a great potential in research. At present, the cultivation of intercultural communication competence through MOOC is mainly limited to the ability of language aspect, and there are certain problems and deficiencies in the cultivation of intercultural competence.

The existing Japanese language MOOCs are more inclined to cultivate language communication ability, and the content related to foster awareness of cultural differences for intercultural communication is less penetrated in the courses. Language is a carrier of culture, and intercultural communication requires a certain understanding and inclusiveness of the differences that exist between different cultures. Although intercultural competence can be acquired through students' observation, experience, and reflection in the process of learning Japanese, it is helpful that language educators provide explanations of the differences between different cultures in the process of language teaching. It can more effectively help learners eliminate cultural bias, enhance cultural inclusion, boost cultural sensitivity in the process of language learning. From the perspective of Japanese MOOC learners, there is a preference for MOOCs that contain more cultural elements. Cultural knowledge serves as the foundation for intercultural communication as

well as serves as a motivator for learners to continue learning Japanese.

According to the operational report of the MOOC “Steps in Japanese for Beginners”, interest in Japanese culture is one of the primary motivations for Japanese MOOC learners to learn Japanese.⁵ As Japanese anime and manga have been recognized and loved by people all over the world, their enthusiasm for learning Japanese has been aroused. However, sometimes, depending on the genre of anime or manga, the Japanese language and Japanese etiquette used by the main characters are not inconsistent with the norms of interpersonal communication in everyday Japanese society. If this bias in cultural understanding is noted in subsequent MOOC Japanese language learning, it will become more attractive to those who want to learn and study Japanese.

Conclusion

Through the observation of the situational dialogues design in two Japanese MOOCs, we found that MOOC has the advantages of breaking through the spatial limitation of communicative scenes in traditional teaching environment. Different dialogue scenes, diverse dialogue topics and flexible integration of cultural elements are the special advantages of MOOC in situational dialogue to cultivate learners' intercultural communication ability. Meanwhile, MOOC also providing potential ways in cultivating intercultural communicative competence. However, the design of situational dialogues in

---

⁵ 木下直子, 濱川祐紀代, 大熊伊宗, & 遠藤健. (2021). MOOC 「Steps in Japanese for Beginners」 のコース開講・運営に関する報告 (Doctoral dissertation, Waseda University).

Kinoshita, N., Hamakawa, Y., Okuma, I., & Endo, K. (2021). (2021). Report on the course launch and operation of MOOC "Steps in Japanese for Beginners" (Doctoral dissertation, Waseda University).

the existing courses has the problems of emphasizing communicational competence instead of intercultural competence. It is also having the problems of insufficient awareness of intercultural communicative competence practice, failing to put the content of dialogues in the perspective of comparing cultural differences for the cultivation of intercultural communicative competence.

References:

1. Byram, M. (2021). Teaching and assessing intercultural communicative competence. <https://doi.org/10.21832/9781800410251>
2. Rai, L., Deng, C., Lin, S., & Fan, L. (2023). Massive Open Online Courses and intercultural competence: analysis of courses fostering soft skills through language learning. *Frontiers in Psychology*, 14, 1219478.
3. Chong, S. W., Khan, M. A., & Reinders, H. (2022). A critical review of design features of LMOOCs. *Computer Assisted Language Learning*, 1-21.
4. Byram, M., & Wagner, M. (2018). Making a difference: Language teaching for intercultural and international dialogue. *Foreign Language Annals*, 51(1), 140-151.
5. 木下直子, 濱川祐紀代, 大熊伊宗, & 遠藤健. (2021). MOOC 「Steps in Japanese for Beginners」 のコース開講・運営に関する報告 (Doctoral dissertation, Waseda University). Kinoshita, N., Hamakawa, Y., Okuma, I., & Endo, K. (2021). (2021). Report on the course launch and operation of MOOC "Steps in Japanese for Beginners" (Doctoral dissertation, Waseda University).

**Лексическая сочетаемость параметрических
прилагательных современного японского языка 大きい
ōкий «большой», 広い хирой «широкий» и 長い нагай
«длинный»: межъязыковая интерференция в японской
речи русских студентов на начальном уровне**

**ロシア語母語話者の初級日本語学習における母語干渉を背景とした
日本語次元形容詞「大きい」「広い」「長い」の使い分け**

(*Аракава Ёсико 荒川好子*)

本稿では、ロシア語話者である初級日本語学習者の日本語の作文や発話によく見られる共起表現¹の中で次元形容詞「大きい」を含むものに注目し、日本語としてより自然な「広い」「長い」を用いたコロケーションとの違いを探る。本稿の目的は、形容詞と名詞の日本語として不自然な組み合わせと自然な組み合わせとの違いを認知言語学的側面から考察し、なぜ不自然なのか学習者に説明する方法を探ることである。

筆者は、日本語学習者との会話や作文指導において①「?²大きい部屋」「?私の部屋は大きいです」②「?大きい作文」といった日本語母語話者として不自然であると感じる表現を見聞きすることが少なくない。これらの表現の不自然さには、ロシア語の形容詞「большой」が干渉していることが考えられる。非漢字圏（フランス）の日本語学習者の形容詞共起表現を分析した曹・仁科は、語彙の意味の誤用に関しては「小さい紹介」「大きい御飯」「現象は大きい」「能力は大きい」などの例を挙げ、属性

¹ 語と語の連結は「連語」や「コロケーション」と呼ばれるが、本稿では、日本語として不自然なものや与えられた課題の文脈の中では不自然なものは、共起表現、語の連結、語の組み合わせなどの表現を用い区別する。

² ? : 文法的非文ではないが（母語話者から見て）不自然な共起表現。

形容詞の装定用法に誤用が集中しているとしている³。曹・仁科のこの調査は、独自に日本語学習者作文コーパスを作成し統計的に分析した大変意義のある研究であるが、抽出した共起表現がなぜ誤りなのかの説明には至っていない。本稿では、日本語の「大きい」と名詞の不自然な連結の装定用法「形容詞+名詞」と述定用法「名詞が形容詞」のどちらも考察の対象とし、「広い」「長い」を用いた自然で日本語らしい表現との違いの説明方法を提案する。

近年、認知言語学的対照研究により日本語の事態把握の特徴が明らかにされている。特に、池上嘉彦による「日本語らしさ・英語らしさ」に関する一連の研究の成果である日本語では主観的な事態把握（subjective construal）に基づいた描写が好まれ、英語は客観的な事態把握（objective construal）に基づいた描写が好まれるという基本的な主張⁴は多くの研究者にその有効性が支持されてきた。日本語で好まれるとされる主観的な事態把握とは、「話者（認知の主体）が事態（認知の客体）の中に身を置いて体験的に（〈主客合一〉的なスタンスで）把握する」ことで、英語で好まれる客観的な事態把握とは「話者が事態との間に隔たりをとって観察者の的に（〈主客対立〉的なスタンスで）把握する」ことである⁵。さらに、このような日本語と英語の事態把握の〈スタンス〉の対照（日英の順）は、中村芳久の I モード認知 (Interactional

³ 曹紅荃・仁科喜久子「非漢字圏学習者の日本語作文から見る形容詞と形容動詞の習得：作文対訳データベースを利用して」『日本語教育方法研究会誌』13(1), P.22-23.

⁴ 池上嘉彦『「する」と「なる」の言語学』東京:大修館書店, 1981, 316p., 池上嘉彦・守屋三千代『自然な日本語を教えるために』東京:ひつじ書房, 2009, 227p. 等多数。

⁵ 池上嘉彦「日本語話者における〈好まれる言い回し〉としての〈主観的把握〉」『人工知能学会誌』26, No.4. 東京: オーム社. 2011. P.317.

mode of cognition)とDモード認知(Displaced mode of cognition)⁶、尾野治彦の体験的把握と分析的把握⁷など、先行研究の調査と再考を経て広がりを見せている。

しかし、このような人間の認知的営みから言語を研究する認知言語学における形容詞の意味記述の研究は、助詞、空間移動動詞、名詞などと比べて、スキーマ、プロトタイプ、比喩、意味ネットワークといった研究の対象となることは比較的少なかったとされ、今井らによるとその理由は形容詞が共起する格・項の種類・数の貧弱さにある。また、今井らが述べるように、格と項を中心とした意味ネットワークの考察が効果的な動詞に対し、形容詞の意味記述の拠り所は共起関係(コロケーション)である⁸。本稿でも形容詞と名詞の共起関係に注目し、形容詞「大きい」「広い」「長い」の使い分けの基準の記述を試みる。

森田良行が爬虫類型・鳥類型⁹と言っているように、言語による事態把握や言語を用いる私たちの発想の違いを生む要因として話者の視点がある。「視点」という語は、日本語では「どこから見るのか(視座・立脚点)」「何を見るのか(注視点)」というどちらの解釈も可能だが、本稿では池上ら日本の言語学者達も参照しているラネカーにならって、認知主体の視線の起点・立脚点(vantage

---

⁶ 中村芳久「認知モードの射程」『「内」と「外」の言語学』東京: 開拓社, 2009, P.353-393.

⁷ 尾野治彦『「視点」の違いから見る日英語の表現と文化の比較』東京: 開拓社, 2018, 207p.

⁸ 今井新悟・森山新・荒川洋平「学習辞典編纂のための形容詞の意味ネットワーク記述・試論—「小さい」を中心に」『日本認知言語学会論文集』10. 横浜: 日本認知言語学会. 2010. P.345-346.

⁹ 森田良行『日本人の発想、日本語の表現』東京: 中公新書, 1998. P.174.

point) と視線の向き (orientation) を合わせた意味で用いる¹⁰。

現代日本語の形容詞は、基本的な分類として、物や人の性質や状態、動きの様子などを表わし、客観的な性質・状態の表現をなす属性形容詞 (大きい、白い、高いなど) と人間の主観的な感覚・感情を表わす感情形容詞 (まぶしい、いたい、うれしいなど) とがある¹¹。しかし、外界にある状態であるから客観的とされる物に関する属性も、実際は人間の感覚的な把握を介さずには表現できない。西尾も述べているように、属性形容詞も「人間の感覚を離れてはあり得ない」¹²。そして、その使い分けの鍵は主観的な把握の仕方の理解にある。

本稿で取り上げる形容詞は空間の量を表す属性形容詞である。その意味研究は西尾寅弥¹³、国広哲弥¹⁴、久島茂¹⁵、今井新悟¹⁶、劉庭嘉¹⁷、劉笑倩¹⁸、栗本久美¹⁹らによって詳細に行われている。

¹⁰ Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. P.123. (“... the general term view point as subsuming the two more specific notions vantage point and orientation”)

¹¹ 西尾寅弥『形容詞の意味・用法の記述的研究』(国立国語研究所報告 44) 東京: 秀英出版, 1972. P.21.

¹² 西尾寅弥 前掲 (注 12) P.64.

¹³ 西尾寅弥 前掲 (注 12) 467p.

¹⁴ 国広哲弥「4.4.1 次元形容詞の意義素」『意味論の方法』第 5 版. 東京: 大修館書店. 1992. P.156-169.

¹⁵ 久島茂「日本語の量を表す形容詞の意味体系と量カテゴリーの普遍性」『言語研究』104. 京都: 日本言語学会, 1993. P.49-91.

¹⁶ 今井新悟『日本語多義語学習辞典 形容詞・副詞編』東京: アルク. 2011. P.307.

¹⁷ 劉庭嘉「日本語次元形容詞についての一考察—「広い」と「大きい」を中心に—」東呉大学日本語文学系碩士論文. 台北, 2011. 150p.

西尾は、「大きい」「広い」は1・2・3次元、「長い」は1次元の量を表すとした²⁰。5対の次元(dimension)形容詞²¹の体系を正六面体で表した国広は、「大きい」は言及対象の形態上の特徴に関する制約が最も少なく他の形容詞との言い換えが可能な場合が多いことに注目し、次元形容詞の中で最も抽象度が高く、他の形容詞と両立可能(compatible)であることが特徴だとまとめている²²。例えば、名詞「部屋」に対する次元形容詞の共起の調査では「大きい」「広い」どちらも母語話者によって用いられていることが報告されている²³。では、「大きい部屋」と「広い部屋」の違いはどこにあるのか。

国広は、全体の形がつかみにくいような事物には「大きい」は使いにくいと述べ、「広い世界」は「大きい世界」と言い換えられないことを指摘し、「大きい」には<形のある物を全体として捕えた時の空間占有量が大きい>、「広い」には<厚さを考慮に入れないで見る時のものの面積が大きい>という意義素を抽出している²⁴。

久島は、言語主体の経験・知識に基づいて意味付けられる<物>としての性質と<場所>としての性質に注目し、

---

¹⁸ 劉笑倩「視点による次元形容詞の使い分けー「大きい・小さい」「広い・狭い」「高い・低い」「太い・細い」に関する考察ー」拓殖大学大学院言語教育研究科博士論文. 東京, 2013. 136p.

¹⁹ 栗木久美「日本語次元形容詞の意味研究ー認知言語学の観点からー」名古屋大学大学院国際言語文化研究科博士論文. 名古屋, 2022. 207p.

²⁰ 西尾寅弥 前掲(注12) P.70-78, P.179-181. P.230-240

²¹ オオキイ・チイサイ、ヒロイ・セマイ、ナガイ・ミジカイ、フトイ・ホソイ、アツイ・ウスイ

²² 国広哲弥 前掲(注15) P.166-167.

²³ 劉笑倩 前掲(注19) p.48.; 川出才紀「基本形容詞のプロトタイプ構造」『信州大学教養部紀要』27. 松本:信州大学, 1993. P.122.

²⁴ 国広哲弥 前掲(注15) P.163-166.

「大きい」はそれだけで独立した移動可能なく物>を言及対象とし、「広い」は移動が不可能で本体との関係を重要視する（本体の一部である）<場所>を言及対象とする形容詞であると述べている。また、久島は<場所>は人に活動の場を与える機能に重点が置かれると指摘している²⁵が、西尾も久島に先駆けて「広い」の特徴として「中に多くのものを容れうる」「活動のための十分なゆとりがある」「楽に通過できる」などの<収容性>があるかどうか、また好都合かどうかの要素があることだと、「広い」の言及対象の機能に注目していた²⁶。

次に、国語辞典の語釈の第一義を見てみたい。

「大きい」：視覚的に捉えて 物体が空間を占める量が多く、面積・体積・寸法などが大である（明鏡 219）；目に見える形を備えていて、互いに比較することができるものについて 問題となるものが比較される他方を包み込んだ（とみなされる）状態になり、なおかつ余りがあると想定できる様子だ（新明解 171）。

「広い」：空間が開けてゆとりのあるさま。ア）面積が大きい。特に、活用できる面積が大きい。イ）仕切られた両端の幅が大きい。ウ）ものの広がりが大きい範囲に行き渡っているさま（明鏡 1498）；何かをするのに十分過ぎるほどの空間があると認められる様子だ（新明解 1297）。（傍線・二重線は筆者）

明鏡国語辞典第 2 版と新明解国語辞典第 7 版の語釈には、前述の先行研究のように、「大きい」は指し示す物の形状を視覚で知覚することが重要であり、「広い」は指し示す空間を活用したりそこで活動したりする用途が重要な要素であることが共通している。しかし、「大きい」

²⁵ 久島茂 前掲（注 16）P.49-91.

²⁶ 西尾寅弥 前掲（注 12）P.76-77.

「広い」どちらの語釈にも「もの/物体」「空間」「面積」という語が共通しており、使い分けのはっきりした違いを見て取るのは難しい。

このような微妙な使い分けに関する十分な回答が国語辞典で得られないことに関して森田良行は、国語辞典は「用法上の問題や関連する他の語との対比の上で意味の違いや発想の違いを取り上げていないから」²⁷だとしている。森田は自身の辞典を認知言語学的なものとは言っていないが、「ことばというものは話し手の主体的な行為であるから、話し手（時には聞き手も含めて）の立場・視点というものが特に問題になる。それは時に、その語を用いるときの基準の置き所となる」²⁸とし、森田が認知言語学的観点から語彙を見ていたことがわかる。また、山や車、人、話者の視線の起点を表す目のイラストなどを駆使したわかりやすい図解もこの辞書の特徴である。

では、森田の基礎日本語辞書を見てみよう。「大きい」の基本義は「標準や比較の対象より体積・面積・高さ・数・程度・規模などが上回る状態」²⁹とされ、前述の国広の両立性のような使用範囲の広さや（体積の）視覚的判断による属性描写であることに森田は注目している。一方、「広い」は程度判断の属性描写で二次元の量（面積）を指すのが基本義とされ、三次元・一次元の表現でも基本的に平面的な広がりを感じて捉えた表現であるとしている。「大きい」と「広い」の使い分けについては「宇宙」を例に挙げ「客観的」「主観的」という表現を用いている³⁰。

²⁷ 森田良行『基礎日本語辞典』東京:角川書店, 1989. P.1.

²⁸ 森田良行 前掲（注 30）P.1257.

²⁹ 森田良行 前掲（注 30）P.224-225.

³⁰ 森田良行 前掲（注 30）P.993-994.

このことから、森田が話し手の判断や感覚（視覚）の重要性を説いていることがわかる。

名詞を基準に共起する次元形容詞を認知意味論的アプローチで調査した劉笑倩の研究では、認知主体が言及対象³¹を「1つのまとまったもの」として把握する場合は「大きい」、「動作を行う所/かかわる動作の結果の存在する所」として把握する場合は「広い」が用いられる傾向があると述べ、前述の国広、西尾、久島との共通性が見られる。使い分けの要因について劉笑倩は、ラネカーの視点の配置（viewing arrangement）の観点から図式化してみせた。つまり、次元形容詞が指し示す対象を認知主体がどのように捉えてどの次元形容詞を共起し選択するかは、認知主体の視点の配置（viewing arrangement）によるというのである。これは森田と共通性がある。劉笑倩は主体から見える対象の範囲を「場」と定義し、「大きい部屋」は「場」の外から「部屋」の容積・体積に注目し1つのまとまったものとして把握する場合に用いられ、「場」の中から「部屋」の面積・容積に注目し関わる動作の結果の存在する所として把握する場合または「場」の中から「部屋」の面積・容積に注目し動作を行う所として把握する場合には「広い」が用いられるとし、長方形 S（認知主体から見える対象の範囲「場」）とその中にある長方形 O（対象物）と目のイラスト（立脚点）と線（視線）で図式化している。この図式では、認知主体が実際に対象の前にいて視線によって対象を捉えている（実線で「実際の把握」）のか、知識や経験などで空間的量を把握している（点線で「概念的把握」）のかも示され

³¹ 劉笑倩は観察対象・言語主体という語を用いているが本稿では言及対象・認知主体に統一した。

ている。そして、言及対象を「実際の把握」で捉える場合には「広い」が共起され、「概念的把握」の場合は「大きい」が選択される傾向があった³²。

上記の先行研究を踏まえてまとめると、「大きい」は言及対象である客体の外から容積や体積を視覚的に捉え1つのまとまった物として認知主体によって把握された物の属性を表し、「広い」は言及対象である客体の中から面積・容積の機能に注目し人間が活動・存在する所として認知主体によって把握された場所の属性を表す、ということがわかった。

次に、本稿で問題と日本語として不自然な共起表現について考えてみたい。

(1)「?大きい部屋」→ (1')「広い部屋」

(2)「?私の部屋は大きいです」→ (2')「私の部屋は広いです」

初級の形容詞の用法と存在文・所在文の学習が終わった後に「私の部屋」というテーマを導入すると(1)(2)の表現が発話や作文に見られる。部屋のどこにどんなものがあるのかを話す・書くという課題で名詞「部屋」を装定・述定する場合は、①部屋の外に立脚点を置き、そこから部屋を立体物として全体の外形を言語化するのではなく、②部屋の中に立脚点を置き、そこから勉強したり休んだりするための家具などが置いてある所または勉強したり休んだりする所として、③作文を書く学生が認知主体となり部屋を把握し言語化するのであるから、「広い」を用いた方が日本語としてより自然であるということになる。

大学生の外国語の語彙学習において母語による対応語を通して意味を理解することからはじめることは一般的であり、不可避の学習方略である。しかし、多義語学習

³² 劉笑倩 前掲 (注 19) P.68-72.

において母語による対応語を通して目標言語を理解する方略には限界があるに違いない。

教師は「私の部屋」という作文課題を与える場合は事前に、現代日本語の「大きい」「広い」の基本義（プロトタイプの意味）を学習者と共に確認することが重要であり、作文を書き始める際の視点の配置を図式化し明確にする必要がある。形容詞「大きい」の語基を接頭辞として形成された複合名詞「大部屋」も большая комната と訳すことができるが、「大部屋」の場合は「名前の売れていない俳優が共同で使う楽屋部屋」「病院で、数人が一緒に入院する部屋」³³という意味で用いられることに留意し、複合名詞の扱いについては今後の調査の課題としたい。

(3) 「?大きい作文」→ (3') 「長い作文」

次に、日本語母語話者の感覚では「長い」を用いた方が自然であると思われるロシア人学生の不自然な共起表現「大きい作文」について見てみたい。

上記のように「大きい」は、言及対象である客体の外から容積や体積を視覚的に捉え1つのまとまった物として認知主体によって把握された物の属性を表す。物を1つのまとまった物として視覚で捉えるためには、物を際立たせる背景、物が存在する空間が周りになくはない。「大きい作文」と学生が口頭や筆記で産出する場合、「作文」を「提出課題として紙やワードファイル上に文字で表わす文章のまとまり」とであると捉えていると仮定すると、「作文」は文字列の集まりとそれを際立たせる周りの空間を視覚で捉えることができる。つまり、日本語母語話者も「大きい作文」をある程度イメージできるし、「長い作文」のことを言っているのだと想像もつく。しかし、日本語で「作文」の属性を判断する場合には、作

³³ 『類語大辞典』柴田武ほか編. 東京:講談社, 2002. P.401.

文の「文字列のまとめり」に焦点を当てるのではなく、読んだり書いたりする「時間」に焦点を当てた共起表現を用いる。

国広は「長い」の意義素を<線的な広がり>が標準値より大きい>³⁴とし、西尾も「長い」が1次元の量を示し、その延長は水平や垂直とは無関係であり、直線曲線どちらの量も表すことを指摘している³⁵。「長い」は、空間における次元的な用法以外について「時間」を表すことができる。小出は、「長い」で表される「時間」は対象を1次元的に延びるものとしてイメージされ、「長い文章」「長い小説」などは印刷物としての空間的物理的な量ではなく、読むという行為が書かれたものを線的に辿るという性質を表わしていると述べている³⁶。次元形容詞の多義構造をスキーマやフレームといった枠組みで調査した栗木は、文章などの言語表現の規模を表す「長い」について、文章などの言語表現を線的に捉え、文書の始まりと終わりという2点間の距離を焦点化した空間的な距離の長さからのメトニミーによる拡張と、読んだり話したりするのに時間がかかるという因果関係にもとづくメトニミーによる拡張の両方が考えられると述べている³⁷。

このように、日本語の名詞「作文」を修飾する次元形容詞は、作文の文字列を前景化し物理的に知覚しやすい一次元の空間の量と捉えた属性、または、作文を読んだり書いたりする時間の量に焦点を当てた属性を表す「長い」が用いられる。つまり、日本語では作文の属性を表

---

³⁴ 国広哲弥 前掲（注15）P.158.

³⁵ 西尾寅弥 前掲（注12）P.70-73.

³⁶ 小出慶一「次元形容詞の空間的用法と非空間的用法」『群馬県女子大学記要 21』玉村:群馬県立女子大学, 2020. P.11.

³⁷ 栗木久美 前掲（注20）P.172-174.

す場合、作文の文字列を2次元や3次元の1つのまとまった物と捉えず、文字列の線的な形状や読み書きの所要時間に焦点を当て1次元のものと捉えるため、日本語で作文は大きいか小さいかではなく、長いか短いか、と判断されるのである。「大きい作文」という共起表現の日本語としての不自然さの説明は、このような何に焦点を当てどう捉えるかが言語間によって違うことに留意させることが鍵である。

以上のように、日本語で「大きい」と言えるかどうかは、一方で視覚による捉え方が大きく関係しており、そのために、認知主体がどこからどう言及対象を見るかという視点によって次元形容詞「大きい」「広い」の使い分けの指導が必要であることがわかった。他方で、同じ視点から対象物を視覚で捉えることができても、言及対象の何を前景化するかによって共起表現が異なることを確認し、「長い作文」が日本語として自然である理由の説明を試みた。

森田が述べているように、全く「やさしいと思われる基礎語ほどむずかしい、というのは、真実である」³⁸。このような認知言語学的アプローチによる言語間の基本義のずれや言及対象の捉え方の違いに関する気づきの積み重ねは、語彙のみならず文法、文章、談話レベルにおける「日本語らしさ」の習得に繋がると考える。

参考文献

1. 尾野治彦『「視点」の違いから見る日英語の表現と文化の比較』東京:開拓社, 2018, 207 p.
2. 池上嘉彦「日本語話者における<好まれる言い回し>としての<主観的把握>」『人工知能学会誌』26, No.4. 東京: オーム社, 2011. P.317-322.

³⁸ 森田良行 前掲 (注 30) P.1.

3. 池上嘉彦・守屋三千代『自然な日本語を教えるために』東京:ひつじ書房, 2009. 227 p.
4. 今井新悟・森山新・荒川洋平「学習辞典編纂のための形容詞の意味ネットワーク記述・試論－「小さい」を中心に」『日本認知言語学会論文集』10. 横浜:日本認知言語学会, 2010. P.344-354.
5. 川出才紀「基本形容詞のプロトタイプ構造」『信州大学教養部紀要』27. 松本:信州大学, 1993. P.122. 117～141.
6. 久島茂「日本語の量を表す形容詞の意味体系と量カテゴリーの普遍性」『言語研究』104. 京都:日本言語学会, 1993. P.49-91.
7. 国広哲弥「4.4.1 次元形容詞の意義素」『意味論の方法』第5版. 東京:大修館書店. 1992. P.156-169.
8. 栗木久美「日本語次元形容詞の意味研究－認知言語学の観点から－」名古屋大学大学院国際言語文化研究科博士論文. 名古屋, 2022. 207 p.
9. 小出慶一「次元形容詞の空間的用法と非空間的用法」『群馬県女子大学記要 21』玉村:群馬県立女子大学, 2020. P.1-13.
10. 曹紅荃・仁科喜久子「非漢字圏学習者の日本語作文から見る形容詞と形容動詞の習得: 作文対訳データベースを利用して」『日本語教育方法研究会誌』13 (1). 東京:日本語教育方法研究会, 2006. P.22-23.
11. 中村芳久「認知モードの射程」『「内」と「外」の言語学』東京:開拓社, 2009. P.353-393.
12. 西尾寅弥『形容詞の意味・用法の記述的研究』(国立国語研究所報告 44) 東京:秀英出版, 1972. 467 p.
13. 森田良行『基礎日本語辞典』東京:角川書店, 1989. 1294p.
14. 森田良行『日本人の発想、日本語の表現』東京:中公新書, 1998. 241 p.

15. 劉笑倩「視点による次元形容詞の使い分けー「大きい・小さい」「広い・狭い」「高い・低い」「太い・細い」に関する考察ー」拓殖大学大学院言語教育研究科博士論文. 東京, 2013. 136 p.
16. 劉庭嘉「日本語次元形容詞についての一考察ー「広い」と「大きい」を中心にー」東吳大学日本語文学系碩士論文. 台北, 2011. 150 p.
17. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
18. 『新明解国語辞典第 7 版』山田忠雄ほか編. 東京:三省堂, 2012. 1679 p.
19. 『明鏡国語辞典第 2 版』北原保雄著. 東京:大修館書店, 2010. 1937 p.
20. 『類語大辞典』柴田武ほか編. 東京:講談社, 2002. 1502 p.

ГЛАВА 2. ДУША СЛОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Семантика и употребление предикативного прилагательного **НАЙ** в японском языке

(Кутафьева Н.В.)

Значение отрицания анализируется в лингвистике с различных точек зрения: синтаксиса (структура отрицательных предложений, объем отрицания, способы выражения отрицания и т. д.), семантики (формальная семантика, изменение значения, значение с ограничительными частицами и т. д.) и прагматики (дискурсивный анализ, отрицание и субъективность в когнитивной грамматике и т. д.). В японском языке существуют прилагательные со значением количественного существования, причем выражение количества зависит от стандарта, принятого в данном обществе. Если расположить эти прилагательные на горизонтальной шкале, то прилагательное *ない* най «отрицание существования» займет промежуточное место между прилагательным *多い* оой «многочисленный» и прилагательным *少ない* сукунай «малочисленный».

В данной работе мы рассмотрим семантику, способы написания и способы употребления прилагательного *ない* най в функции определения и сказуемого простого предложения.

К интересующей нас теме исследования есть несколько подходов.

Во-первых, существует ряд общих работ, связанных с анализом прилагательных японского языка. Так, Накамура

Юкихиро представил различные подходы к описанию прилагательных [Накамура Юкихиро, 2021]. Нисио Эния, Исигуро Кэй, Е. Manita & J. Blagdon предложили классификации прилагательных [Нисио Эния, 1972; Исигуро Кэй, 2021; Manita & Blagdon, 2010]. Матида Кэн, Цудзимуре Нацуко описывали формы, свойственные предикативным прилагательным [Матида Кэн, 2021; Цудзимуре Нацуко, 2013]. Хида Ёсифуми и Асада Хидэко анализировали семантику и использование прилагательных [Хида Ёсифуми, Асада Хидэко, 2018].

Во-вторых, существуют работы, непосредственно связанные с семантикой отрицания. Так, в «Энциклопедии японской грамматики» в целом проанализирована семантика отрицания [Энциклопедия..., 2021]. В монографии «Отрицание и теория языка» проанализировано отрицание и его особенности в японском языке [Отрицание..., 2010]. Кисимото Хидэки и Матида Кэн описали самостоятельное и служебное использование *ない* най [Кисимото Хидэки, 2010; Матида Кэн, 2021]. Уэяма Аюми исследовала семантику «несуществования», выраженную с помощью прилагательного *ない* най [Уэяма Аюми, 2015].

В данной работе представлен структурно-семантический анализ предложений, найденных в словарях Goо и Weblіo, а также в исследовательских работах на японском языке.

Далее рассмотрим классификации прилагательных, найденные нами в работах исследователей на японском языке. Сначала выделяются объективные и субъективная прилагательные, затем среди объективных прилагательных выделяются прилагательные принадлежности (*長い*

нагай «длинный», 短い мидзикай «короткий»), а среди субъективных – выражающие эмоции (うれしい урэсий «счастливый», かなしい канасий «печальный») и чувства (ねむい нэмуй «сонный», だるい даруй «слабый») [Нита Ёсио, 1998]. В другой работе предлагается классификация прилагательных, сходная с вышеописанной, выделяются предикативные и полупредикативные прилагательные, далее выделяется группа прилагательных, выражающих чувства (こわい ковай «страшный», 良い ёй «хороший», 好きな сукина «любимый») и атрибут (丸い маруй «круглый», 多い оой «многочисленный», 少ない сукунай «малочисленный») [Исигуро Кэй, 2021. С.105].

В работах на русском языке прилагательные разделяются на две семантико-функциональные подгруппы: обозначающие объективные свойства (предполагается наличие предмета, свойства которого они обозначают) и обозначающие как объективные, так и субъективные ощущения, чувства и отношения (предполагается наличие не только предмета, но и субъекта, воспринимающего эти свойства) [Лаврентьев, 2002. С. 62-63].

В работах на английском языке выделяются прилагательные со следующими значениями:

- тип и количество (いろいろな ироирона «различный», さまざまな самадзамана «разнообразный», 多い оой «многочисленный», 少ない сукунай «малочисленный», わずかな вадзукана «немногочисленный»);
- атрибут (はやい хаяй «ранний, быстрый», 大きい о: кий «большой», 黒い курой «черный», 熱心な нэссинна «усердный»);

- оценка (良い ёй «хороший», 悪い варуй «плохой», 素晴らしい субарасий «замечательный»);
- эмоции и чувства (寂しい сабисий «одинокий», うれしい «счастливый», こわい ковай «страшный») [Manita & Blagdon, 2011. С. 133].

Рассмотрим место прилагательного **ない** най в этих классификациях. С одной стороны, оно является объективным и выражает отсутствие чего-либо.

Пример 1. お金が**ない**。О-канэ-га най. «Денег нет».

С другой стороны, с помощью отрицания в предложении можно выразить субъективные чувства или ощущения.

Пример 2. ビールほど**おいしい**もの**はない**。Б̄иру ходо оисий моно ва най. «Нет ничего вкуснее пива».

И в первом, и во втором примерах подразумевается воспринимающий субъект.

Далее рассмотрим варианты применения **ない** най в предложении. В традиционной японской грамматике на основе морфологического критерия использование **ない** най подразделяется на три типа в зависимости от предиката: **ない** най с глаголом рассматривается как вспомогательный глагол, **ない** най с прилагательным как вспомогательное прилагательное, экзистенциальное **ない** най как независимое прилагательное [The Cambridge Handbook, 2018. С. 301-302].

Таким образом, **ない** най может иметь как самостоятельное (сказуемое, определение), так и служебное использование (образует отрицательные формы глаголов, прилагательных и служебных глаголов) [Матида Кэн, 2021.

С.52]. Поскольку использование *ない* най является основным способом выражения отрицания в японском языке, возникает вопрос, как различить самостоятельное и служебное использование *ない* най.

В японской лингвистической традиции считается, что при условии, если *ない* най сохраняет свои лексические особенности, оно используется как предикативное прилагательное. Если прилагательное не сохраняет свои лексические свойства, область его применения расширяется, и оно используется как глагольный суффикс [Кисимото Хидэки, 2010. С. 27-28].

В «Энциклопедии японской грамматики» предполагается, что если в отрицательную форму, например, *面白くない* омосирокунай можно вставить частицу *は* ва, *面白くはない* омосироку ва най, то это самостоятельное предикативное прилагательное [Энциклопедия японской грамматики, 2021. С. 134].

В российской японистике существует формальное разграничение. *ない* най в форме *面白くない* омосирокунай «неинтересный» рассматривается как вспомогательное прилагательное [Лаврентьев, 2002. С. 61]. Форма *面白くはない* омосироку ва най рассматривается как подчеркнутое отрицание с *ない* най в служебном использовании. В данной работе мы придерживаемся точки зрения, принятой в российской японистике.

Существует и семантическое разграничение. В «Словаре использования современных прилагательных» различаются значения, которыми обладает *ない* най в самостоятельном и в служебном использовании. В самостоятельном использовании *ない* най имеет значение

«несуществование», а в служебном использовании (отрицательные формы прилагательных и глаголов) *ない* имеет значение «отмена, отрицание» [Хида Ёсифуми, Асада Хидэко, 2018. С. 394-395].

В русской японистике рассматривается использование *ない* най в качестве отрицательного суффикса [Алпатов, 2008. С. 169-174]. В найденных нами работах рассматривается использование *ない* най с глаголами и прилагательными, а также семантика прилагательного *ない* най. Однако, мы не обнаружили исследований, в которых бы рассматривалось использование *ない* най в качестве самостоятельного прилагательного. Далее рассмотрим *ない* най как предикативное прилагательное.

В работе Уэяма Аюми анализируется значение следующего предложения.

Пример 3. ジョンはひげがない。Дзён ва хигэ-га най. «У Джона нет бороды (У Джона отсутствует борода)».

Выражение «отсутствует борода» имеет функцию добавления свойства объекта, указанного лексическим субъектом «Джон», т. е. указывается на то, что у Джона отсутствует такой атрибут как борода. В целом выражается не существование атрибута у субъекта. В этом же значении можно рассматривать и следующие предложения.

Пример 4. ジョンはお金がない。Дзён ва о-канэ-га най. «У Джона нет денег».

Пример 5. ジョンは欠点がない。Дзён ва кэттэн-га най. «У Джона нет недостатков» [Уэяма Аюми, 2015. С. 207].

Предикативное прилагательное най записывается тремя способами, азбукой **ない** и иероглифами **無い** и **亡い**.

В значении «несуществование» прилагательное записывается азбукой и иероглифом **無い**, причем азбукой чаще. В качестве антонима выступает связка **ある** ару «существовать, иметься», т. е. антонимичное прилагательное отсутствует. Прилагательное **ない** най является нейтральным, не имеет никаких дополнительных положительных или отрицательных коннотаций.

Пример 6. 地獄などどこにもない。Дзигоку доко ни мо най.
«Ад и тому подобное нигде не существует».

Если речь идет о покойном человеке, используется иероглиф **亡い**, но может использоваться и азбука.

Пример 7. 元気だった祖父ももう亡い。Гэнки датта софу мо мо: най. «И дедушки, который был здоров, уже нет».

Рассмотрим значения двух следующих предложений.

Пример 8. 郷土を愛した詩人ももう今はない。Кё:до-о айсита сидзин мо мō има ва най. «И поэта, который любил свою родину, уже сейчас нет».

Пример 9. 郷土を愛した詩人もない。«И поэта, который любил свою родину, нет».

В примере 8 с помощью сочетания **もう今は...** мō има ва ... «уже сейчас...» подчеркивается, что поэта, который любил свою родину, в настоящее время не существует, он уже умер.

Пример 9 имеет значение «нет поэта, любившего свою родину, т. е. изначально не существовало поэта, который бы любил свою родину».

В общем значении «несуществование» выделяются семантические нюансы, зависящие от предложения, в котором используется предикативное прилагательное *ない* най. В различных японских работах выделяется от 8-ми до 10-ти подобных нюансов.

Так, на порталах Goo¹ и Weblio² приведено восемь значений: несуществование; не иметь чего-либо; время и количество не достигают значения, указанного в предложении; отсутствие желание делать что-либо; отсутствие опыта; отсутствие двух одинаковых вещей (= беспрецедентный), отсутствие; умерший.

В «Современном словаре использования прилагательных» приведено 10 значений: несуществование; исчезновение того, что до этого существовало; отдельно выделяются значения в устойчивых словосочетаниях и пословицах: значение в устойчивом словосочетании «говорить о том, что было, как о том, что этого не было»; значение в устойчивом словосочетании «сделать вид, что что-то не происходило»; значение в пословице «отсутствие новостей – это хорошие новости»; значение в устойчивом словосочетании «чрезвычайно»; отдельно выделяется значение «отсутствие чего-то в прошлом»; значение «отсутствие чего-либо у субъекта предложения»; существование чего-либо в пределах, указанных числительным в предложении; об умершем человеке [Хида Ёсифуми, Асада Хидэко, 2018. С. 393-396].

---

¹ URL <https://dictionary.goo.ne.jp/word>. Электронный словарь Goo (дата обращения 15.12.2023).

² URL <https://www.weblio.jp/content>. Электронный словарь Weblio (дата обращения 15.12.2023).

В предложениях с отрицательным предикатом *ない* най для усиления высказывания могут использоваться частицы *しか* сика и *も* мо.

Существуют определенные правила использования частицы *しか* сика в предложении с отрицательным предикатом:

- падежный показатель *に* ни и ограничительная частица *だけ* дакэ предшествуют частице *しか* сика (*にしか* ни сика, *だけしか* дакэ сика), но не следуют после нее;
- частицы *も* мо и *は* ва не сочетаются с ограничительной частицей *しか* сика;
- прилагательные в форме на <-ку могут предшествовать ограничительной частице *しか* сика (*近くしか* тикаку сика);
- после частицы *しか* сика не могут следовать падежные показатели *の* но, *で* дэ, *に* ни и связка *だ* да;
- частица *しか* сика с отрицательным предикатом может использоваться в определительном предложении [Отрицание и языковая теория, 2010. С. 172].

Если в предложении с отрицательным предикатом и ограничительной частицей *しか* сика используется числительное, то общее значение предложения можно объяснить, как «нахождение чего-то в пределах, указанных числительным».

Пример 10. 本番まであと一週間しかない。Хомбан мадэ ато иссюкан сика най. «До выступления осталась всего одна неделя».

В примере 10 с помощью конструкции *しかない* сика най подчеркивается, что неделя – это небольшой срок.

Таким образом, с помощью частицы **しか** сика и отрицательного предиката **ない** най говорящий выражает свою субъективную оценку. Если из предложения убрать ограничительную частицу **しか** сика, то будет выражаться объективная оценка времени.

В том случае, если говорящий хочет подчеркнуть, что неделя – это большой срок, используется конструкция с частицей **も** мо и связкой **ある** ару.

Пример 11. 一週間もある。Иссюкан мо ару. «Есть целая неделя».

В работе E.Manita и J.Blagdon отмечается, что в предложениях с отрицательным предикатом и ограничительной частицей **しか** сика содержится некоторое ожидание или прогноз, а также выражается некоторая неудовлетворенность несбывшемся ожиданием [Manita & Blagdon, 2010. С. 41].

Пример 12. 昼食には遅すぎる、なしですませるしかない。

Тюсёку-ни ва ососугиру, наси дэ сумасэру сика най.
«Для обеда уже слишком поздно, придется обойтись без него».

Если в предложении с отрицательным предикатом используется числительное (например, связанное с расстоянием) и частица **も** мо, то в предложении выражается субъективная оценка расстояния. В приведенном далее предложении **ない** най используется в определительном предложении **百メートルもない** «нет и ста метров» к именному сказуемому **近さ** тикаса «близость».

Пример 13. 会社は駅まで百メートルもない近さだ。Кайся ва эки мадэ хяку мэтору мо най тикаса да. «Офис к станции близко, нет и ста метров».

100 метров – это реальное расстояние, однако говорящий, выражая свою субъективную оценку, хочет подчеркнуть, что для него 100 метров – это близко.

Пример 14. 百メートルもある。Хяку мэ:тору мо ару. «Есть целых 100 метров».

Если заменить отрицательный предикат на утвердительный, то говорящий опять же передает свою субъективную оценку, 100 метров для него – это большое расстояние. Таким образом, сочетание частиц с отрицательным или положительным предикатом передает субъективную оценку говорящего.

В отрицательных предложениях используются сочетания с частицей **も** *мо*, такие как **何もない** *нани мо най*, **一つもない** *хитоцу мо най*, **いく** *ику* (**ら** -ра, **つ** -цу) **もない** *мо най*. Сравним значения, которые выражаются в данных случаях.

В предложениях с сочетанием **何もない** *нани мо най* «ничего нет» или **一つもない** *хитоцу мо най* «ни одного нет» выражается значение полного отрицания.

В предложениях с **いく** *ику* (**ら** -ра, **つ** -цу) **もない** *мо най* «немного» выражается значение существования в небольшом количестве.

Американский лингвист John Whitman называет сочетание **いくら** *икура* + **も** *мо* выражением скалярной величины со значением «некоторое неопределенно большое количество». Кроме того, он отмечает наличие универсальных квантификаторов, усиливающих отрицание, таких как **全員** *дзэнъин* «все», **全部** *дзэмбу* «всё» и ослабляющих отрицание, таких как **いくつ** *икацука* «несколько», **なにか** *наника* «некоторые» [Whitman, 2010, С. 162].

Пример 15. 残品は何もない。 Дзампин ва нани мо най.
«Ничего не осталось».

Пример 16. 残品はいくらもない。「Осталось немного (в небольшом количестве)」.

Далее рассмотрим семантику формы прошедшего времени предикативного прилагательного **ない** най.

Пример 17. 席に戻って見たらカバンがなかった。 Сэки-ни модоттэ митара кабан-га накатта. «Вернулся на место, посмотрел, а сумки не было».

В примере 17 предикат выражает значение «сумка, которая до этого там была, исчезла».

Пример 18. この話はなかったことにしてくれないか。

Коно ханаси ва накатта кото-ни ситэ курэнай ка? «Не мог ты сделать вид, что этого разговора не было?».

В примере 18 предикат выражает значение «этого разговора не было», здесь же используется устойчивое выражение **なかったことにする** накатта кото-ни суру со значением «вернуться к состоянию чистого листа бумаги».

Предикативное прилагательное **ない** най также может использоваться в составе идиом, пословиц и поговорок.

Пример 19. 彼はあることないこと言い触らす癖がある。

Карэ ва ару кото най кото иифурасу кусэ-га ару. «У него есть привычка говорить неправду».

В данном предложении **あることないこと** いう ару кото най кото иу является идиомой со значением «говорить о том, что было и не было в действительности».

Пример 20. 便りががないのはいい便り。 Таёри-га най но ва ий таёри да. «Отсутствие новостей – это хорошая новость».

Пример 20 – это пословица со значением «нет от меня известий – это потому, что я здоров и веду активный образ жизни, просто у меня нет времени отправить письмо».

Пример 21. 小銭でもないよりはました。 Кодзэни дэмо най ёри ва маси да. «Лучше мелкие деньги, чем ничего».

Пример 21 – это пословица со значением «лучше иметь хотя бы что-то, чем ничего не иметь, даже небольшие изменения лучше, чем ничего».

Итак, мы рассмотрели семантику, способы использования и написания предикативного прилагательного *ない* най и пришли к следующему заключению. В работах, посвященных анализу отрицания в японском языке, написанных на японском, английском и русском языках, в основном, анализируются отрицательные формы глаголов, прилагательных и существительных, в которых *ない* най применяется в служебном использовании. Наблюдается различное понимание *ない* най в служебном и самостоятельном использовании. С помощью частиц и предиката *ない* най можно выразить субъективные ощущения. Предикативное прилагательное *ない* най в самостоятельном использовании выражает значение «несуществование, отсутствие какого-либо атрибута у субъекта высказывания, субъективную оценку говорящего, а также различные семантические оттенки в зависимости от компонентов предложения и частиц, использующихся в предложении.

Список использованной литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн.1. М.: Наталис. 2008. 560 с.
2. Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык. 2002. 352 с.
3. The Cambridge Handbook of Japanese Linguistic. Ed. Hasegawa Yoko. Cambridge University Press. 2018. 760 p.
4. Manita E. & Blagdon J. Japanese Grammar in Use. マリア書房 Maria Shobo. 2010. 439 p.
5. Tsujimura Natsuko. An introduction to Japanese linguistics. Blackwell Publishing Ltd. 2013. 501 p.
6. Whitman John. Отрицательные конструкции и исторические изменения 否定構造と歴史的変化 // Отрицание и теория языка 否定と言語理論. С.141-169. Составители Катō Ясухико 加藤康彦, Ёсимура Акико 吉村あきこ, Имани Икуми 今仁生美. Кайтакуся 開拓社. 2010. 477 с.
7. Исигуро Кэй 石黒圭. Словарь проверки японских предложений 日本語文章チェック辞典. Тōкēдō сьуппан 東京堂出版. 2021. 390 с.
8. Кисимото Хидэки 岸本秀樹. Перемещение отрицательных слов и область применения отрицания 否定辞移動と否定の作用域 // Отрицание и теория языка 否定と言語理論. С. 27–50. Составители Катō Ясухико 加藤康彦, Ёсимура Акико 吉村あきこ, Имани Икуми 今仁生美. Кайтакуся 開拓社. 2010. 477 с.
9. Матида Кэн 町田健. Общие положения грамматики японского языка 日本語文法総解説. Кэнкюся 研究社. 2021. 519 с.

10. Накамура Юкихиро 中村幸弘. Японские прилагательные 日本語の形容詞たち. Юбунсёин 右文書院. 2021. 225 с.
11. Нисио Эния 西尾演弥. Дескриптивное исследование значения и использования прилагательных 形容詞意味・用法の記述的研究. Сьюэй сьуппан 秀英出版. 1972. 475 с.
12. Нита Ёсио 仁田義雄. Прилагательные в японской грамматике 日本文法における形容詞 // Язык 言語. 1998. 27 (3). С. 26–35. Дайсёкан сьуппан 大修館書店.
13. Отрицание и теория языка 否定と言語理論. Составители Катō Ясухико 加藤康彦, Ёсимура Акико 吉村あきこ, Имани Икуми 今仁生美. Кайтакуся 開拓社. 2010. 477 с.
14. Уэяма Аюми 上山あゆみ. Семантика синтаксиса 統語意味論. Syntactic semantics. Нагоя дайгаку сьуппанкай 名古屋大学出版会. 2015. 295 с.
15. Хида Ёсифуми 飛田良文, Асада Хидэко 浅田秀子. Словарь использования современных прилагательных 現代形容詞用法辞典. Токёдō сьуппан 東京堂出版. 2018. 700 с.
16. Энциклопедия японской грамматики 日本語文法百科. Составитель Окимори Такуя 沖森卓也. Асакура сётэн 朝倉書店. 2021. 546 с.

**Способы репрезентации языковой категории
считаемости в японском языке**

(Воробьева Л.А.)

Проблема определения типов организации языковых категорий как концептуального комплекса, объединяющего в себе различные структуры знания и, в результате, представляющего собой определенный формат знания о языке поставлена давно и на настоящий момент является актуальной.

Как утверждает Дж.Лакофф, если человек способен размышлять как об отдельных вещах или людях, так и о категориях вещей и людей, то важнейшим пунктом для любого подхода к мышлению является категоризация [Лакофф, 2004, с. 22].

С точки зрения лингвокогнитивного подхода под категоризацией понимается в узком смысле «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения мира сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также результат этой классификации» [Кубрякова, 1996, с. 42].

Проблемы, связанные с изучением языковой категоризации знания о мире связаны с прояснением вопросов о том, как происходит осмысление-концептуализация мира, приводящая к категоризации, лежит ли в основе категоризации один абстрагированный признак, согласно которому регулярно выделяются оппозиции в процессе категориза-

ции, или речь идёт о прототипическом способе категоризации, существует ли различие между грамматической и лексической категоризацией, каковы способы и знаковые формы языковой категоризации.

Обращение к изучению языковой категоризации в японском языке представляется актуальным в связи с типологическими характеристиками языка и этнокогнитивными характеристиками японской языковой картины мира. В этом плане особый интерес представляет языковая категоризация сущностных и функциональных характеристики представлений о мире с точки зрения отдельности его составляющих, их количественной характеристике, считаемости, нумерации.

Целью данной статьи является выявление особенностей языковой категоризации считаемости в японском языке, объективизированной, опредмеченной в группе знаков – классификаторов (счетных слов). В связи с этим поставлены задачи уточнения подходов к категории считаемости в японском языке, определения параметров и признаков, на основании которых происходит их распределение на ограниченное число непересекающихся классов.

Объектом нашего исследования являются языковые единицы и структуры японского языка, репрезентирующие категорию считаемости.

В ходе работы был проанализирован корпус счетных слов из таких источников, как «Японско-русский словарь» [研究社和露辞典, 2000], тексты статей интернет-канала NHK web news.

Уточним, прежде всего, подходы к анализу языковой категоризации. Анализ литературы показал, что в современной лингвистике относительно языковой категоризации существуют как «традиционные» подходы, раскрывавшие понятийно-семантическую сущность языковых категорий, так и новые подходы к языковой категоризации как процессу и механизму когниции – обыденного познания в его тесной связи с этнолингвистическими факторами её реализации. Е.С.Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяет категоризацию как одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека; процесс выделения категорий, «членения внешнего и внутреннего мира человека», «на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» в результате таксономической деятельности [Кубрякова, 1996, с. 93].

Процесс категоризации рассматривается с точки зрения таких подходов, как номиналистический, реалистический, концептуальный и прототипический. Так, номиналистический и реалистические подходы являются противостоящими, поскольку номиналисты утверждают, что классификация явлений и предметов осуществляется на основании имеющихся в языке терминов и понятий, тогда как реалисты утверждают, что классификация осуществляется без учета номинации по признакам, позволяющим создавать группы явлений и предметов.

Представители концептуального подхода ориентируются на номиналистический, либо на реалистический подходы, это связано с обоснованием того, что концепт является единым для определенного ряда явлений в

зависимости от их номинации, либо является результатом формирования схожих ментальных репрезентаций.

Прототипический подход актуализируется при рассмотрении взаимосвязи языка и человеческого мышления [Кубрякова, 2004, с. 98].

Основанием для определения оптимальных обоснований для изучения языковой категоризации является системно-структурный подход, который позволяет установить саму группу знаков, опредмечивающих исследуемую категорию.

В современной лингвистике утверждается необходимость системного подхода к анализу языковой категоризации. Данное основание может способствовать более углубленному изучению языковой категоризации, и, в частности, уделить особое внимание грамматической языковой категоризации, отражающей внутренние языковые процессы систематизации, не всегда соотносящиеся с семантикой как отношением языка к миру действительности [Болдырев, 2006].

Отметим, что способ мышления, способы абстрагирования и категоризации опыта, воплощаемые в данном национальном языке, его типологических особенностях, ярко проявляются в грамматике. Как следствие, выявляется необходимость комплексного анализа грамматических категорий, которые бы включали в себя как системно-грамматический, так и этнокогнитивный аспекты анализа. Изучение концептуального сходства объектов, основанного на выделенных в опыте познания определенных признаков и характеристик, распространяемых на классы объектов, позволит получить представление о мировидении определенного народа.

По отношению к категории считаемости наиболее абстрагированным понятием является категория количества. Категория количества/считаемости занимает особое положение в ряду грамматических категорий. В японском языке данная категория включает в себя несколько функционально-семантических категорий, а именно категории множественности, единичности, двойственности и нумеральности [Кутафьева, 2014].

Репрезентация количества и, в частности, считаемости, имеет следующие отличительные черты. Во-первых, выявляется её лексико-грамматический характер. Наличие классификаторов (счетных слов) является основным способом репрезентации данной категории на лексико-грамматическом уровне. Счетные слова представляют собой языковую категорию, выражаемую через специальные лексемы или морфемы, что свойственно для таких языков, как айну, китайский, корейский, тайский, вьетнамский, непальский и т. п., а именно для языков Юго-Восточной, Восточной, Южной Азии и Океании.

Во-вторых, важным в языковой категоризации количества / считаемости является морфологический способ репрезентации. Именно служебные морфемы как форманты слова являются носителями грамматического значения, выходящего на грамматическую категорию. С этой точки зрения японский язык выявляет свою специфику по отношению, в частности, к русскому языку.

Так, в русском языке относительно категории количества выделяется семантическая грамматическая категория числа: числа существительных, а также личных местоимений, а также синтаксическая грамматическая категория

числа прилагательных и глаголов [Большой энциклопедический справочник «Языкознание», 1988].

Исходя из общей трактовки грамматического значения и грамматической категории в теории грамматики, приложимой скорее к «структурным» европейским языкам, исследователями японского языка грамматическая категория числа в том виде, как она представлена, в частности, в русском языке, не выделяется. Согласно С.Д.Кацнельсону, имя вне речи в японском языке не имеет противопоставления единичности и множественности, является «виртуальным понятием, оно не имеет примет грамматического числа» [Кацнельсон, 2004, с. 34].

Системно-структурный и функциональный анализ позволяет систематизировать языковые средства репрезентации категории считаемости в японском языке в следующем виде: суффиксы и префиксы множественности, а также редупликация. Категория считаемости, репрезентируемая через функционально-семантические категории множественности и единичности, может быть представлена суффиксами со значением собирательности или множественности *がた* гата, *たち* тати, *ども* домо, *ら* ра и т. п., часто присоединяемыми к личным местоимениям *私* ватаси «я» – *私たち* ватаситати «мы», *私* ватаси «я» – *私ども* ватасидо «мы» *彼* карэ «он» – *彼ら* карэра «они».

Суффикс *ら* ра также используется в качестве квазисуффикса, выполняя функцию коллективизатора (*患者* кандзя «пациент» – *患者ら* кандзяра «пациенты»). Примечательно, что употребление того или иного суффикса множественности может служить показателем формального и неформального отношения между участниками коммуникации.

В переводе на русский язык два местоимения «мы» 私たち ватаситати и 私ども ватасидомо имеют разную степень вежливости, показатель *ども* домо является наиболее вежливым, что свидетельствует о том, как важно проявлять вежливость при взаимодействии в японском обществе.

Из данной систематизации вытекает, что на этнокогнитивном уровне категория считаемости, объективируемая суффиксами и квазисуффиксами, сопряжена с такими концептуальными признаками, как множественность, единичность, собирательность и множественность, коллективность (объединение лиц в коллектив), вежливость, формальный и неформальный вид общения.

Приведём примеры данного типа языковой категоризации в речи, в тексте:

午前中、すべての便が欠航した…航空会社の社員らは終日、振り替え便の案内などの対応におわれた。Годзэнтю, субэто-но бин-га кэккосита... *кōкүгайся-но сяинрава сюдзицу*, фурикаэбин-но аннайнадо-но тайō-ни оварэта «В первой половине дня все рейс были отменены... Работникам авиакомпаний приходилось сообщать о трансферных рейсах» [日本経済新聞, 2007]. В данном примере слово *社員* сяин «работник компании» используется с суффиксом *ら* ра со значением множественности с целью указания на то, что все работники были задействованы при сложившейся сложной ситуации, что указывает на сплочение – объединение лиц в коллектив.

私どもはみなさまのおこしをたのしみにしておりました。Вата(ку)сидомо-ва минасама-но окоси-о таносими-ни ситэимасита «Мы с нетерпением ждали вашего приезда».

В данном примере суффикс множественности *ども* *домо* используется не в первичном значении обычно множественности, а используется для обозначения ассоциативной или репрезентативной множественности, поскольку под словом «мы» подразумевается «наша компания». Суффикс *ども* *домо* преимущественно используется в официально-деловом стиле высказывания.

おいそがしいなか本日諸国の先生方にご出席いただきますして、この会議が開かれるようになりました。Оисогасий нака хондзицу сёкоку-но сэнсэйгата-ни госюссэки итадакимаситэ, коно кайги-га хиракарэру ёни наримасита «Благодаря тому, что преподаватели разных стран, несмотря на свою занятость, смогли присутствовать сегодня, данной заседание состоялось». Наряду с *ども* *домо* суффикс множественности *がた* *гата* является показателем вежливости, однако присоединяться может только к словам, обозначающим высших или равных по статусу относительно говорящего. Данный суффикс не может быть присоединен к местоимениям первого лица, а также не может присоединяться к «невежливым» местоимениям [Алпатов, 2008, с. 250].

さあきみたち急いで！ *Сā* кимитати исойдэ! «Ну, вы, поторопитесь!» В данном примере местоимение *きみ* *кими* «ты», имеющее низкостилистическую окраску, используется с суффиксом *たち* *тати*, что указывает на то, что при употреблении показателей множественности необходимо учитывать совместимость с категорией вежливости.

Другая группа знаков, опредмечивающих категорию количества/считаемости в японском языке, представлена префиксами. Репрезентантами могут служить префиксы со

значением множественности 諸 сё «различный», 多 та «много» (国 куни «страна» – 諸国 сёкоку «страны»), редуплицированные имена 人 хито «человек» – 人々 хитобито «люди», 島 сима «остров» – 島々 симадзима «острова» [Кутафьева, 2014, с. 167].

Категория считаемости в японском языке, презентуемая через функционально-семантические категорию нумеральности, выражается через присоединение к исчисляемым, так и неисчисляемым существительным различных счетных слов (классификаторов) с числительным, непосредственно передающим информацию о количестве. Счетные слова в свою очередь классифицируются в зависимости от категории объектов, указывая с одной стороны на определенный вид предметов, а с другой стороны на их однородность по форме, строению, виду и т. п. Данная однородность представляет собой концептуальное сходство предметов, указывая на определенные признаки и характеристики, сформированные в человеческом сознании, и позволяет получить представление о мировидении японского народа.

Так, классификатор ほん хон, предназначенный для счета цилиндрических предметов, может потреблять как в отношении карандаша, так и дерева, каната, нити, волоса и т.п. Данный классификатор используется также для менее репрезентативный предметов, к примеру, для телефонных звонков (ассоциативно связано с телефонным кабелем), фильмов, просмотров фильмов, телепередачи и др., что связано с тем, что развернутая пленка выглядела как продолговатая тонкая лента [数え単位辞典]:

平成元年（1989 年）から平成 30 年（2018 年）の間に国内で公開された映画は 23,000 本以上。Хэйсэйганнэн（1989 нэн）кара Хэйсэй 30 нэн（2018 нэн）но айда ни кокунай-дэ кōкайсарэта эйга-ва нимансандзэн хон идзё. «В период с 1989 по 2018 год в Японии было выпущено более 23 000 фильмов».

一本の電話が人生を変えた。Иппон-но дэнва-га дзинсэй-о каэта. «Один звонок изменил жизнь». В данном примере происходит сочетание числительного (一 ити «один») с определенной морфемой или словом (本 хон), а именно употребление числа с классификатором, свидетельствует о том, что происходит соединение качественных и количественных характеристик объекта в виде схемы «числительное + классификатор + существительное», а именно «一» + «本» + «電話».

В системе знаков-репрезентантов категории количества / считаемости следует выделить также подгруппы классификаторов индивидуального счета, а именно слова для подсчета количества людей 人 нин, а также 名 мэй – классификатор китайского происхождения, ひき хики подсчета мелких животных, とう tō – для крупных животных, для птиц – わ ва. Также выделяется большая подгруппа классификаторов по форме предметов и объектов. К ним относятся классификаторы ほん хон (используется для счета предметов цилиндрической формы), さつ сацу (для счета предметов плоской формы, а именно книг, тетрадей) まい май (для счета предметов тонкой плоской формы) и т.п. Помимо это существуют универсальные классификаторы и слова, указывающие на неопределенное количество.

Проведенный анализ позволяет обобщить данные в следующей таблице:

ТАБЛИЦА: Системно-структурная и концептуальная характеристика языковой репрезентации считаемости в японском языке

Группа репрезентантов категории считаемости	Первичное значение множественности	Концептуальное значение множественности	Этнокогнитивные признаки
СУФФИКСЫ			
ら ra	彼ら карэра «ОНИ»	患者ら кандзяра «пациенты»	Присоединяются только к словам, обозначающим людей, в том числе местоимениям, или животных. Указывают на объединённость в коллектив
たち тати	わたしたち ватаситати «МЫ»	わかものたち вакамонотати «молодежь»	
ども домо		私ども ватасидомо «мы», устаревшая форма	Вежливость (уничуждение себя по отношению к собеседнику); приобщение себя к коллективу (компании) (понятие свой-чужой)
方 гата	あなた方 анатагата «ВЫ»	先生方 сэнсэйгата «учителя»	Вежливость, употребляется только с местоимениями 2 лица, либо словами, сказанным о собеседнике (понятие свой-чужой)
本 хон	二本のえんぴつ нихон-но эмпицу «два карандаша»	二本の電話 нихон-но дэнва «два телефонных звонка»	Референция к объектам цилиндрической формы
枚 май	三枚の紙 санмай-но ками «три листа бумаги»	油揚げ ^а абураагэ «соевая лепешка, жареная»	Референция к объектам тонкой плоской формы
ПРЕФИКСЫ			
諸 сё	諸国 сёкоку «разные страны»	諸行 сёгё «все земные дела и явления»	Признак собирательности, обобщения со значением «различный»
多 та «МНОГО»	多角 такаку «многоугольник»	多論 тарон «плюрализм»	Признак собирательности, обобщения со значением «много»

Таким образом, мы можем утверждать, что классификаторы японского языка имеют когнитивную природу, являются проявлением языковой категоризации, отражающей процесс познания мира человеком. А также важно отметить, что классификаторы выполняют как функцию номинативную, так и грамматическую.

Список использованной литературы

1. Алпатов В.М. Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка // Российский гос. гуманитар. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. М.: Наталис, 2008. 560 с. Т.1.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2 (7), С.5-22.
3. Большой энциклопедический справочник «Языкознание». М.: 1988.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.: УРСС, 2004. Т. 1. 676 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. С.93.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Кутафьева Н.В. Историография изучения категории количества в современном японском языке (по материалам зарубежных исследований) // Вестн. Новосиб. Гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т.13, вып.4: Востоковедение. С. 166-176.
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б.Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
9. 研究社和露辞典 / 研究者. 東京, 2000.
10. 日本経済新聞, 2007.
11. 数え単位辞典 [電子リソース]. URL: <https://www.sanabo.com/kazoeekata/> (дата обращения: 23.03.2020).

Этимология идиом современного японского языка

(Савинская А.В., Дрезгунова С.Н.)

Вопрос японской фразеологии изучался в России рядом исследователей. Так, например, С.А.Быкова составила фразеологический словарь японского языка [Быкова, 2000] и написала об устойчивости фразеологических единиц [Быкова, 29, 73], Т.М.Гуревич посвятила работу этимологии японских пословиц [Гуревич, 2013] и составила учебный словарь ёдзидзюкуго (四字熟語 «четырёхкомпонентные иероглифические сочетания») [Гуревич, 2011], Н.В.Кутафьева посвятила статьи семантике идиом с компонентами 気 ки и 心 кокоро и числительным в устойчивых выражениях японского языка [Кутафьева, 13; Кутафьева, 2018].

Целью данного исследования является составление классификации идиом по их происхождению. Однако одним из первых вопросов является определения рамок термина «идиома», существующего во многих языках, но находящего в японском языке несколько эквивалентов (成句 сэйку, 慣用句 канъёку, 慣用表現 канъё хёгэн, イデオム идиому и др.). Говоря о термине «идиома» в контексте японского языкознания, можно сказать, что она обладает некоторым рядом признаков: состоит из двух и более слов; функционирует как единое слово и обладает синтаксическим и семантическим единством. Идиома также имеет выраженное метафорическое значение [Цит. по: Кутафьева, 2018, с.110-111]. Из значения компонентов идиомы не выводится ее общий смысл, уместно сказать, что слова в ее составе утратили семантическую самостоятельность. В связи с этим в настоящее время идиомы соотносят с колокациями, поскольку им характерны эти же признаки [Нургалиев, 2022, с.166]. Так же, как и слово, идиома

неделима, и любое изменение в ее составе воспринимается как новообразование. Идиомы никак не изменяются независимо от стиля речи, являются по сути цепочкой не связанных по значению лексем, а также имеют некоторые структурные сходства с пословицами в части употребления архаизмов, устаревших грамматических форм и иероглифики [Ёнэкава, 2006, с. 57].

Отталкиваясь от вышеуказанных определений, мы изучили этимологию более 100 японских идиом. Необходимо сразу оговориться, что несмотря на то, что большое количество ёдзидзюкуго являются идиомами, в данной работе было принято решение не исследовать их этимологию, так как они происходят от китайских устойчивых оборотов ченьюй (成语), являются китаизмами, а, следовательно, чаще употребляются в письменной речи. Данную работу мы хотели бы посвятить идиомам, которые японцы используют в устном общении в повседневной речи.

По истокам происхождения рассмотренные нами идиомы можно условно разделить на шесть групп.

1) Идиомы, основанные на образах и ассоциациях

Например, 借りてきた猫 каритэ кита нэко «растевшийся, смущенный». Буквально выражение переводится как «взятая взаймы кошка». Согласно Н.В.Кутафьевой, «в каждой культуре образ животного связан с национально-культурным восприятием и с набором ассоциаций, связанных с данным животным» [Япония: цивилизация, культура, язык, 2022, с.265]. В Японии во времена Эдо кошек держали с практической целью – чтобы отлавливать мышей и крыс, уничтожавших запасы пищи и разносящих болезни. Особенность выступает то, что их могли брать на время у владельцев для борьбы с грызунами. Однако кошки –

территориальные животные, в чужом доме они чаще всего терялись, и толку от них не было. Они забивались в угол и ничего не делали. Человек, теряющийся в незнакомой обстановке, в новой компании вызывал у японцев ассоциацию с озадаченной кошкой [Отона-но кокуго; Maupard, 1993]. В современном языке данное выражение часто используется вместе со связкой (の) よう (に) (но) ё (ни) «как, будто, словно».

焼き餅を焼く якимоти-о яку «ревновать». Глаголы 焼く яку «жарить» и 妬く яку «ревновать» являются омофонами. Угрюмое лицо обиженной женщины вызывает у японцев ассоциации с моти, которые распухают и растрескиваются при готовке в жаровне. Поэтому данная идиома применима именно для обозначения женской ревности [Того, 2014, с.345].

相槌を打つ айдзути-о уцу «поддакивать, вторить». В настоящее время это выражение используется японцами для описания ситуации, когда человек в паузах между репликами собеседника произносит そうだね сōданэ «верно», なるほど наруходо «действительно» и т.п. с целью поддержания разговора. Происхождение этой идиомы связано с образом молота. Изначально слово 相槌 айдзути означало «перестук, попеременные удары молотом двух кузнецов». В кузнях, когда сталь раскаляли докрасна и отбивали, полагалось, чтобы на перерыв между ударами молота мастера-кузнеца приходились удары молотов учеников, что создавало чередование, переключку [Того, 2014, с.7].

2) Идиомы, базирующиеся на метафоризировавшихся сочетаниях, в которых фигурируют элементы быта и культуры

Например, 鯖を読む саба-о ёму «обсчитывать». Этимология идиомы связана с бытовыми реалиями. Слово 鯖 саба означает «макрель» (японская скумбрия), которая в огромных количествах водится в водах у Японского архипе-

лага. Поскольку ее промысел незатруднителен, количество вылавливаемой рыбы очень большое, а способов приготовления существует множество, она исторически была доступна всем слоям населения. Однако макрель содержит много жира и скоро портится, из-за чего ее требовалось быстро и качественно обрабатывать прямо в порту или на рыбном рынке. Слово 読む ёму в данном контексте имеет не распространенное значение «читать», а более редкое – «подсчитывать / считать». В спешке подсчет, производимый перед обработкой рыбы, был неточным. Рыбаки могли легко зависить объем своего улова, проверить это не представлялось возможным, поэтому изначальное выражение いさば読み исаба ёми букв. «подсчет рыбы на засол / для сушки» в последствии получило значение «обсчет» и приобрело современный вид: 鯖を読む саба-о ёму [Того, 2014, с.135].

かま とと каматото «притворяться наивным». かま – это сокращение от 蒲鉾 камабоко «блюдо из рыбного фарша сурими в форме полуцилиндра (готовится на пару)», а とと тотто – слово, которое использовали женщины в Киото и Осака для обозначения рыбы (от おとと отото «рыба»). Считается, что выражение появилось в конце эпохи Эдо и произошло от фразы, которую можно было услышать от женщин: 蒲鉾って、あれおととからできているの? Камабоко-ттэ, арэ отото-кара дэкийтиру-но? «Камабоко – это из рыбы?» Таким образом, эта идиома – остаточный след старомодных представлений о том, что девушки из хороших семей должны стараться быть скромными, почтительными и быть плохо знакомыми с бытовыми вещами, в особенности касающимися кухни и готовки. В современном языке идиома означает не только «делать вид, что не знаешь или не понимаешь чего-то, когда на самом деле знаешь», но и «притворяться невинной, делать вид, что не понимаешь ничего в сексуальных отношениях». Также

употребляется в отношении человека, к которому применимо это описание [Того, 2014, с. 72-73].

朝飯前 асамэси маэ «раз плюнуть, запросто». Данную идиому можно разделить на две части: 朝飯 асамэси «завтрак» и 前 маэ «до, перед», т.е., буквальный перевод выражения – «перед завтраком». Есть теория, что происхождение этого выражения связано с бытом японцев. В частности, несмотря на развитую культуру питания, обыкновенные люди вплоть до эпохи Эдо принимали пищу дважды в день. Предполагается, что работа, выполняемая до первого приема пищи, не должна была быть трудной и требовать серьезных затрат сил. Отсюда и значение: «то, что выполняется до первого приема пищи» – «легкое дело» [Оттона-но кокуго; Maynard, 1993].

3) Идиомы, некогда имевшие религиозный смысл, а позже распространившиеся в повседневной речи

Например, 足を洗う аси-о арау «покончить с чем-либо, умыть руки». Идиома состоит из существительного и глагола, сочетание которых буквально переводится как «мыть ноги». Данное словосочетание довольно часто употребляется в прямом значении. Происхождение переносного значения этого выражения связано с религией. Считается, что буддистские монахи, возвращаясь в храм, омывали ноги, чтобы очиститься от мирских тревог и полностью посвятить себя учению. Постепенно выражение приобрело идиоматичный характер и следующие значения: «начинать заново, с чистого листа», «умыть руки» и др. [Оттона-но кокуго].

水を向ける мидзу-о мукэру «подогревать интерес, заманивать». Существовала мистическая практика среди шаманок мико, во время которой они впускали в своё тело духов икирё (生霊 «дух живого человека, питающий злобу») или сирё (死霊 «дух умершего человека, питаю-

щий злобу») и позволяли им говорить через свои уста и передавать свои послания. Этот ритуал назывался Кутиёсэ (口寄せ), ему обязательно предшествовал другой, во время которого, чтобы приманить духов, им подносили воду. Отсюда и пошло выражение 水を向ける мидзу-о мукэру «направлять / подносить воду», которое постепенно приобрело идиоматическое значение [Того, 2014, с.318-319].

コケにする кокэ-ни суру «дурачить, водить за нос». Из-за написания слова コケ кокэ катаканой может создаться впечатление, что оно – гайрайго, однако оно пришло из религиозной буддистской лексики: 虚仮 кокэ «глупость, чушь», «болван». Данное слово является антонимом слова 真実 синдзицу «истина, правда» и имеет следующие значения: «пустота, нереальность всего сущего» и «неправдивость, ложность слов и дел». С эпохи Эдо оно широко распространилось в значении «нечто, лишенное содержания / глупость» или «глупый человек / болван» [Того, 2014, с.123].

4) Идиомы, чье происхождение связано с литературой, поверьями, анекдотами

Например, 切羽詰まる сэппа цумару «оказаться в безвыходном положении». Для разъяснения этимологии данного выражения следует сначала установить значение слова 切羽 сэппа. Сэппа – деталь меча, примыкающая к цубе (鑢 цуба – эллиптическая пластина из твердого металла, часто украшенная резьбой, аналогична гарде у европейских клинков) с обеих сторон (схема строения японского меча представлена на Рис. 1).

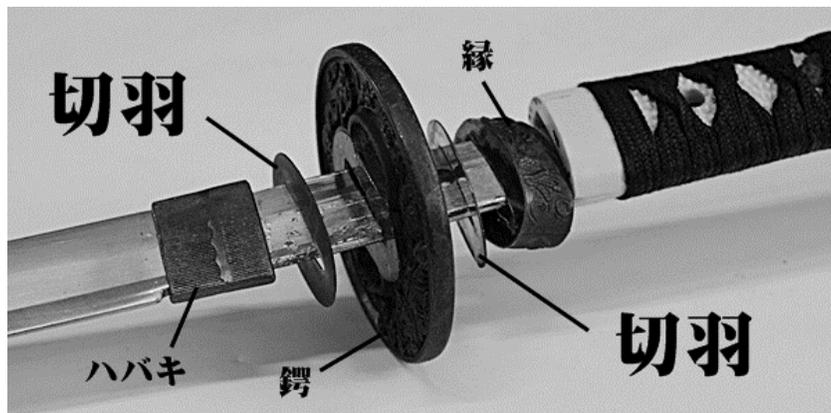

Рис. 1. Элементы японского меча¹

Среди лингвистов распространена следующая теория происхождения идиомы: буквальный перевод «сэппа застряла» описывает ситуацию, когда сэппа мешает вытащить меч из ножен, и становится невозможным постоять за себя. Иными словами, создается безвыходное положение [Того, 2014, с.175]. Однако, люди, которые имеют дело с холодным оружием, склоняются к точке зрения, что в данном случае речь должна была бы идти о другой детали меча – хабаки (はばき) [Socweb]. Это муфта из мягкого металла, защищающая клинок от истончения из-за соприкосновения с цубой. Именно ее повреждение может заклинить клинок в ножнах. Существует предположение, что данное выражение впервые появилось в одной из пьес дзёрури (浄瑠璃, вид представлений театра марионеток в Японии в XVII–XVIII вв.), авторство которой приписывают Тикамацу Мондзаэмону, который плохо разбирался в оружии [Того, 2014, с. 175].

¹ URL: <https://aikentougei.net/kotobayurainihontou2/> (дата обращения 19.05.2024).

海千山千 умисэн ямасэн «стреляный воробей». Идиома базируется на расхожем поверье, передававшемся в народе в эпоху Эдо, согласно которому змея, которая прожила в океане тысячу лет, а затем ещё тысячу лет в горной глуши, превращается в дракона и возносится на небо. Раньше это выражение чаще использовалось в полном варианте 海に千年、山に千年 уми-ни сэннэн, яма-ни сэннэн, но в настоящее время обычным стал сокращённый вариант, и даже появился еще более короткий способ употребления: 彼らは海千だから注意しなければ・・・ Карэра эва умисэн да кара тюи синакэрэба... «Они те ещё пройдохи, поэтому нужно быть осторожнее...» [Того, 2014, с. 34–35].

足元を見る асимото-о миру «воспользоваться чьим-то положением, чьей-то слабостью, наживаться». Буквальный перевод словосочетания звучит как «смотреть на ступни», что по смыслу никак не связано с переносным значением. Данное выражение связано с анекдотом времен Эдо: носильщики паланкина обращали внимание на состояние ног путешественников, которые к ним обращались: чем хуже оно было, тем большим было пройденное путником расстояние, а, следовательно, и его усталость, поэтому с него можно было требовать за услуги большую сумму, так как была высока вероятность, что он все равно согласится. Носильщики таким образом наживались на утомленных дорогой людях [Отонано кокуго].

5) Идиомы, пришедшие из Китая

Например, 馬の骨 ума-но хонэ «человек сомнительного происхождения». Словосочетание буквально может быть переведено как «кость лошади», что не дает представления о его идиоматическом значении. Предполагается, что в данном сочетании 骨 хонэ означает не «кость», а «характер». В древности из китайского языка пришло выражение 一に鶏肋、二に馬骨 Ити-ни кэйроку, ни-ни

умахонэ, означавшее «Во-первых, ребро курицы, во-вторых, кость лошади». Его значение со временем изменялось, как и форма. Изначально его употребляли, говоря о чем-то абсолютно непригодном, бесполезном, затем так стали описывать несостоявшихся взрослых, иждивенцев. В итоге идиома приняла вид 馬の骨 ума-но хонэ и стала использоваться для обозначения человека сомнительного происхождения [Отонано кокуго; Maupard, 1993].

肩を持つ ката-о моцу «быть на чьей-либо стороне, быть опорой». Происхождение этой идиомы произошло из рассказов о Люй-хоу, которая была женой Лю-бана, первого императора династии Хань. После смерти мужа она плела политические интриги, устраняя всех, кто мог ей помешать, распоряжалась страной, назначая и снимая малолетних императоров, максимально усилила влияние в правительстве своего рода Люй в ущерб императорскому роду Лю. Существует версия, что те, кто поддерживал Люй, оголяли правое плечо, левое же оголяли вассалы Лю. Однако в один момент большая часть армии перешла на сторону рода Лю, оголив советующее плечо. Таким образом, в данной идиоме глагол 持つ моцу «держат» имеет смысл «взять на себя ответственность» [Кодзи котовадза дзитэн].

面の皮が厚い цура-но кава-га ацуй «наглый, беспардонный, грубый». Буквально данная идиома переводится как «толстокожий лицом». Она имеет иноязычное происхождение. Данное выражение пришло из Китая, где обозначало «красноречие, умение обороняться одним только языком», однако в Японии получило негативный подтекст и стало означать человека острого на язык, а со временем и наглого, бесстыдного [Отонано кокуго; Maupard, 1993].

6) Идиомы, происхождение которых связано с европейскими языками

Например, うんともすんとも言わない ун-то мо сун-то мо иванай «не давать конкретного ответа». Имеется следующая теория происхождения данной идиомы, согласно которой она берет истоки из названия популярной в эпоху Эдо завезенной западными торговцами в Японию карточной игры 「ウンスンカルタ」 унсун-карута. В португальском языке ウン означало единицу, а スン – максимальный балл. В таком случае буквальный перевод рассматриваемой идиомы звучит примерно так: «Не сказать ни “все”, ни “ничего”» [Того, 2014, с. 43].

目から鱗が落ちる мэ-кара урока га отиру «с глаз упала пелена». Данная идиома имеет непосредственное отношение к христианству. В Деяниях апостолов 9, стих 18 написано «Тотчас словно некая чешуя упала с глаз его, и Савл прозрел. О встал, принял крещение» [Того, 2014, с.335].

胡散臭い усан кусай «подозрительный». Данная идиома состоит из двух основных компонентов: 胡散 усан «подозрительный» и 臭い кусай «(дурно) пахнущий».носителем идиоматического значения выражения является первый компонент. Слово 胡散 усан состоит из следующих иероглифов: 胡 ко / го «причина, обстоятельство, свойство, умысленный, происшествие, дело, варварский, иностранный»; и 散 сан «разбрасывать(ся), рассеивать(ся), свободный, случайный». Иероглиф 胡 ко / го встречается в словах 胡弓 кокю «кокю» (струнный музыкальный инструмент) и 胡麻 гома «кунжут», однако его историческое чтение тоин (唐音), чтение времен от конца эпохи Хэйан до периода Эдо, пришедшее из Китая династий Сун, Юань, Мин и Цин, – う у. В японо-голландском словаре эпохи Эдо встречается заимствованное слово vsanna ウサンナ усанна,

означающее «подозрительный, сомнительный». Для его записи были искусственно подобраны по фонетическому принципу (вывод об этом можно сделать, проследив отсутствие семантических связей между значениями иероглифов и смыслом слова) иероглифы 胡 у и 散 сан. Данное явление называется атэдзи (当字). Слово 臭い кусай, став частью составного прилагательного, приобрело значение так называемой «ауры» (буквально, «запах»), и может использоваться для описания атмосферы в отрицательном значении. Как, например, в выражениях 陰気臭い инки кусай «мрачноватый» и 面倒臭い мэндō кусай «раздражающий, надоедливый, затрудняющий, беспокойный» [Того, 2014, с.31].

Таким образом, изучение этимологии японских идиом представляется нам не только интересным, но и нужным занятием, поскольку языковые знания могут иметь форму культурной памяти народа о его прошлом» [Авербух, 2018, с.16], и, следовательно, его можно использовать в дидактических целях на этапах как «презентации», так и «понимания» изучаемого материала на занятиях по японскому языку [Сергеева, 2019, с.146]. Для понимания японских идиом необходим высокий уровень знаний о японской культуре, в частности истории, литературе, быте, манерах и менталитете, поскольку это помогает понимать образы и метафоры, заложенные в основу фразеологизмов. Исследование семантики и этимологии идиом позволяет дать представление о языковой картине мира японцев и проследить развитие японского языка.

Список использованной литературы и источников

Источники

1. Кодзи котовадза дзитэн (этимологический словарь пословиц и поговорок): сайт. 2011. URL: <http://kotowaza-allguide.com/> (дата обращения: 10.05.2024).
2. Отона-но кокуго (Родной язык для взрослых): сайт. URL: <https://usable-idioms.com/> (дата обращения: 04.05.2024).
3. Того Ё. Сирэба доя као. Ёку вакаранай нихонго (Какое бы лицо у Вас было, если бы Вы знали? Японский язык, который мы не знаем хорошо). Токио: Дай ниппон инсацу кабусикигайся, 2014. 367 с.
4. Maynard, M.L. 101 Japanese Idioms / M.L. Maynard, S.K. Maynard. Chicago: Passport books, 1993. 218 p.

Литература

5. Авербух К.Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К.Я. Авербух, Л.Г. Попова, Л.М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования: монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 15-22. EDN YRXMWD.
6. Быкова С.А. Об устойчивости как основном критерии при классификации фразеологии японского языка // Вопросы японской филологии. Москва: МГУ, 1973. №2. С.5-17.
7. Быкова С.А. Японо-русский фразеологический словарь. Москва: Муравей-Гайд, 2000. 272 с.
8. Гуревич Т.М. Без пословицы речь не молвится // Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков японской группы 1968 г. выпуска (ОСИПЛ, филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова). Москва: Моногатори, 2013. 336 с.

9. Гуревич Т.М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. Ёдзидзюкуго ва-ро дзисю дзитэн. Москва: Моногатари, 2011. 144 с.
10. Ёнэкава А. Нихонго канъёку дзитэн (Словарь фразеологизмов японского языка) / А.Ёнэкава, И.Отани. Токио: Токийское издательство, 2006. 614 с.
11. Кутафьева Н. В. Семантика идиом с компонентами 気 ки и 心 кокуро и соматическими компонентами в современном японском языке // Вестник НГУ. Серия: история, филология, 2018. №10. С.109-121.
12. Кутафьева Н.В. Числительные в устойчивых выражениях японского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2013. №1. С.18-27.
13. Нурғалиев И.Р. Понятие «коллокация» в русском, английском и японском языках // Научный старт-2022: Сборник статей магистрантов и аспирантов / отв. ред. Л.Г.Викулова. Москва: Языки Народов Мира, 2022. С.164-169. EDN ОНОВКУ.
14. Сергеева А.И. Модель PCPP как основа для построения плана занятия по японскому языку в рамках коммуникативного подхода (по материалам стажировки в Международном центре японского языка, г. Сайтама) // Японский в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Москва: Ключ-С, 2019. Вып.18. С.143-154.
15. Япония: цивилизация, культура, язык / Е.М.Османов, А.В.Филиппов, А.И.Габитова [и др.]; отв. ред.: А.В.Филиппов, Е.М.Османов. Санкт-Петербург: Art-xpress, 2022. 693 с. EDN WAJLUU.
16. Socweb: сайт. URL: <http://socweb.blog80.fc2.com/blog-entry-301.html> / (дата обращения 19.05.2024).

Этимологический разбор слов канго в японском языке
(Сергеева А.И.)

Как известно лексический состав японского языка состоит из трех основных пластов: слова ваго, канго и гайрайго. Ваго 和語 «японские слова» – это слова исконно японского происхождения, использовавшиеся в обиходе японцев до начала влияния китайской материковой культуры. Канго 漢語 «ханьские / китайские слова» – это слова китайского происхождения, вошедшие в японский язык вместе с заимствованием китайской письменности (т.е. китайских иероглифов кандзи 漢字 «ханьских / китайских знаков») и культуры. Гайрайго 外来語 «зарубежные слова» – это слова иностранного происхождения, заимствованные в японский язык, как правило европейского происхождения. Примечательно, что слова канго изначально также являются заимствованиями, но выделяются как отдельная категория, что говорит об их особом статусе в лексическом составе японского языка, несравнимом с обычными заимствованиями.

Дело в том, что слова канго были заимствованы в японский язык как часть китайской письменной культуры. До появления на японском архипелаге китайской иероглифики у японцев не было своей письменности. Современная японская письменность представляет собой сложную систему, созданную путем адаптации китайских иероглифов под нужды японского языка, совершенно отличного от китайского по своему строению и звучанию. Можно сказать, что китайские слова естественным образом вошли в японский обиход являясь частью письменных текстов, которые получили широкое распространение на территории Японии, как источник научных знаний в разных

областях, а также средство просвещения. Как пишет В.М.Алпатов об этом периоде: «Вместе с иероглифами в язык вошли и их чтения, подвергшиеся фонетическим преобразованиям. Образовался, а затем значительно развился слой китайской по происхождению лексики, именуемый kango» [Алпатов 2008, с.16]. Там же добавляется, что китайские тексты или камбун 漢文 «ханьский / китайский текст» (т.е. письменный текст, записанный японцами на китайском языке) в течение всего периода своего существования, с момента появления китайской письменности на японских островах, ее активного распространения в VI-VII вв. и до конца XIX в., т.е. более 1000 лет, «был составной частью японской культуры, а не внешним явлением». Основные китайские религиозно-философские тексты того периода не переводили на японский язык или переводили только спустя несколько столетий их обращения в японской культуре [Федянина, Болотская 2023 с.64]. Все официальные документы, в том числе исторически хроники и записи генеалогических материалов [Япония: цивилизация, культура, язык 2022, с.49], начиная со второй половины первого тысячелетия записывались на камбуне. Другими словами, на протяжении более 10 веков слова китайского происхождения канго, источником которых являются китайские тексты, были частью японской культуры и не воспринимались как нечто внешнее. Отсюда невозможность отнести их к слою лексики гайрайго, а также восприятие их японцами как части собственной культуры. У Н.И.Конрада можно найти следующее описание данного процесса: «идет упадок чисто японского языка: китаизмы внедряются в него все глубже и глубже; значительно меняется самый строй речи, меняется и лексика; постепенно происходит слияние, взаимное приспособление двух языковых стихий, китайской и японской, друг к другу. В результате

мы получаем так называемый канва–тёва–тай, т.е. китайский и японский язык в их гармоническом сочетании» [Конрад 1974, с.237].

Если рассматривать лексический слой канго с дидактической точки зрения, можно выделить характерный набор трудностей, отмечаемый в процессе обучения японскому языку. За счет китайских корней как словообразовательных элементов, слова канго могут быть более понятны в письменной речи, т.к. существует визуальная опора и подсказка в виде иероглифических знаков, которыми записываются все слова, которые относятся к данному слою лексики японского языка. Одновременно с этим для слов канго характерна сложность их восприятия на слух, что обусловлено изначально чужеродностью их звучания в рамках японского языка. Несмотря на то, что произношение заимствованных китайских слов было адаптировано под нормы японского произношения и теперь такое прочтение канго и выделяемые на их фоне чтения иероглифов корректнее называть даже не китайскими, а синояпонскими, звучание изначально фонетически бедного китайского языка после обозначенной адаптации порождает большое количество случаев омонимии в японском языке в рамках данного лексического слоя [Мизгулина 2021, с.47]. Другими словами, существует большое количество абсолютно идентично либо схоже звучащих слов канго, что значительно усложняет восприятие японской речи на слух, особенно в случае содержания в ней большой доли китаизмов, что характерно для официально-делового и научного стиля речи по указанным выше исторически сложившимся причинам.

Помимо этого, для слов канго характерна также сложность понимания смысла данных слов в рамках японского

языка и логики их построения. Если сравнить слова канго со словами ваго, можно обнаружить, что среди лексики слоя ваго немало однокоренных слов с характерными элементами морфологии, которые позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи, т.е. глаголу, существительному, прилагательному и т.д. Например, さわぐ савагу «шуметь, поднимать шум», さわぎ саваги «шум, суматоха», さわがしい савагасии «шумный, беспокойный». С этой точки зрения, т.е. за счет наличия флексии в словообразовании, лексику ваго можно назвать более приближенной к функционированию лексики в индоевропейских языках, к которому также относится русский язык. Вследствие этого, как показывает эмпирический опыт автора данной статьи, для изучающих японский язык слова ваго в каких-то моментах могут оказаться более простыми для понимания и запоминания, т.к. в них отражаются привычные русскому человеку закономерности в работе корней, окончаний и других морфологических особенностей. По сравнению с этим, корни китайского происхождения не обладают подобными характеристиками вследствие изначально изолированного строя китайского языка, из которого они были заимствованы. Как результат, слова канго, являющиеся неотъемлемой частью и составляющие больше половины словарного состава японского языка, представляют собой значительную трудность для восприятия и запоминания их смысла и звучания, что наглядно можно наблюдать в процессе изучения японского языка русскоязычными обучающимся.

Целью данной работы является попытка представить алгоритм действий, с помощью которых можно проследить этимологию слов канго в японском языке.

Для рассмотрения исконно китайских слов представляется целесообразным узнать значения каждого отдельного корня-иероглифа, из которых состоит иероглифическое сочетание канго и определить связь между ними.

Опираясь на данный алгоритм анализа рассмотрим китайское слово 料理 рёри «блюдо, кухня», которое входит в состав повседневной лексики и фигурирует уже на самом начальном этапе обучения японскому языку. Согласно китайскому словарю БКРС значение слова 料理 в китайском языке в переводе на русский язык: «1) управлять, заведовать делами (хозяйством); 2) хлопотать, заботиться (о ком-л.); 3) готовить пищу, стряпать; пища, еда, кушанье, стол» [大 БКРС]. Согласно японско-русскому словарю издательства Кэнкюся, значение слова 料理 в переводе на русский язык можно определить как: «приготовление пищи, кулинария; кухня; блюда; удачная обработка» [Японско-русский словарь]. Таким образом, мы видим, что в японском языке значение слова в большей степени ушло в контекст приготовления пищи.

Нередко обучающиеся на начальном и среднем этапе обучения могут путать в употреблении японские слова 料理 рёри (см. перевод выше) и 食べ物 табэмоно «еда, пища». Действительно, если смотреть на значения этих слов сквозь призму русскоязычного мышления, можно обнаружить пересечение семантических полей в контексте «еда, съестное» и, как следствие, неуверенность в различии использования данных двух слов в речи на японском языке. Гипотеза исследования состоит в том, что знание изначальной этимологии китайского слова 料理 рёри и, как следствие, более глубокое понимание процесса заимствования и адаптации значения данного слова в японском языке может помочь обучающимся лучше разделять семан-

тические поля указанных выше слов и за счет этого точнее понимать смысл японских высказываний, содержащих данные слова, а также грамотнее использовать их в своей собственной речи.

Для проверки приведенной гипотезы рассмотрим этимологию слова 料理 *rēri* в рамках китайского языка. Согласно интернет-порталу, посвященному рассмотрению этимологии китайских иероглифов Chinese Etymology, иероглиф 料 *rē* носит изначальное значение «ингредиенты, как в еде» (здесь и далее перевод автора статьи) [Chinese Etymology], а его современное значение – «материалы, ингредиенты; обдумывать, рассчитывать» [Chinese Etymology, 大 БКРС]. Согласно другой электронной базе данных Zi.tools, в рамках которой также собрано большое количество информации по этимологии китайских иероглифов, на основе различных китайских этимологических словарей, китайских письменных источников разных периодов и научных публикаций, иероглиф 料 *rē* является идеографическим знаком по способу создания, т.е. состоит из двух пиктографических элементов, и был создан для передачи значения «measure», т.е. «измерять, отмерять» [Zi.tools]. Левая часть иероглифа представляет собой пиктограмму (изображение) риса (рисового колоса с зернами), а правая часть – пиктограмму черпака / ложки с длинной ручкой (см. Рис. 1 и Рис. 2).

Рис. 1. Изображение иероглифа 料 в разные периоды¹

Рис. 2. Иер. 料 в эпоху Чжоу²

Таким образом, можно проследить способ создания иероглифа 料 *rē* для передачи значения «измерять, отмерять» путем совмещения значений «рис, зерна риса», как «ингредиент, ингредиенты» для приготовления пищи и «черпак / ложка с ручкой» – инструмента, с помощью которого можно было отмерить нужное количество риса или ингредиентов для приготовления блюда.

Рассмотрим второй иероглиф в иероглифическом сочетании 料理 *rēri* – 理 *ri*. Согласно Chinese Etymology, иероглиф 理 *ri* носит изначальное значение «кусочек /

¹ URL: <https://zi.tools/zi/%E6%96%99/> (дата обращения 14.06.2024).

² URL: <https://hanziyuan.net/#/%E6%96%99/> (дата обращения 14.06.2024).

осколок дерева или нефрита» [Chinese Etymology], а его современное значение – «рациональность, логика; управление» [Chinese Etymology] или «приводить в порядок, чинить, налаживать, шлифовать; правильность, принцип, резон, разум, природа (вещей), естественные науки» [大 БКРС]. Несмотря на широкое семантическое поле данного иероглифа, что обусловлено абстрактностью изначально обозначаемого явления и многозначностью отдельных слов в древнекитайском языке, можно проследить некий единый смысловой вектор, от которого были образованы дополнительные значения на протяжении периода существования иероглифа и записываемого им китайского слова, составляющего не менее 2000 лет.

Рассмотрим способ создания данного иероглифа. Согласно базе данных Zi.tools, иероглиф 理 ri является фоноидеографическим знаком, т.е. включает в себя пиктографический элемент, указывающий на значение иероглифа, так называемый детерминатив или семантик, и фонетический элемент, указывающий на звучание иероглифа, так называемый фонетик [Zi.tools]. При этом первым значением иероглифа указано 治玉 «обработка ювелирного изделия», а вторым – 治理 ; 料理 «управление; искусство кулинарии». Левая часть иероглифа представляет собой пиктограмму нефрита – полудрагоценного камня, который был широко распространен в Китае с древнейших времен и ценился и почитался как драгоценный, указывающий на высокий статус своего обладателя и обладающий различными свойствами вплоть до мистического характера. Правая часть иероглифа является фонетиком, указывающим на звучание иероглифа [li], в японском языке [ri].

Исходя из вышеуказанных сведений, можно проследить изначальную связь иероглифа 理 ri с обработкой полу-

драгоценного камня нефрита, которая требует соблюдения определенной техники и принципов, так как нефрит является не самым простым для обработки и придания определенной формы камнем. Можно предположить, что от этого изначального семантического ядра произошли все дополнительные значения данного китайского слова и иероглифа, связанные с управлением, регулированием, починкой, а также использованием определенных принципов, законов, норм и идей.

Данное понимание хотелось бы дополнить значением рассматриваемого иероглифа в рамках других слов канго. Такие слова как 地理 тири «география», 物理 буцури «физика», 心理 синри «психология», 論理 ронри «логика», 推理 суйри «логическое раскрытие тайны / правды» и т.д. также содержат в себе на втором месте иероглиф 理 ри, и можно отметить, что все они указывают на определенные принципы, законы, логику функционирования объекта внешнего или внутреннего мира человека и зачастую являются названиями научных областей.

На основе вышеприведенного этимологического разбора представляется возможным определить значение слова 料理 рёри как «принципы измерения необходимого количества ингредиентов для приготовления пищи» или «наука приготовления пищи». В обоих случаях речь идет о правилах приготовления некоего блюда, которое подразумевает смешение ингредиентов, вероятно, в правильных пропорциях. Основываясь на данном понимании, очень легко проследить логику функционирования данного слова в японском языке в значении «кухня, кулинария» как принципы приготовления пищи, в том числе в конкретной стране, и «блюдо», как продукт кулинарии. Например, 日本料理 нихонрёри «японская кухня» или «блюдо японской

кухни», 中華料理 тюкарёри «китайская кухня» или «блюдо китайской кухни», イタリア料理 итариарёри «итальянская кухня» или «блюдо итальянской кухни» и т.д.

Сравним разобранное таким образом слово 料理 рёри с японским словом 食べ物 табэмоно «еда, пища», с которым, как указывалось выше у обучающихся часто возникают трудности в разделении значений. Слово 食べ物 табэмоно «еда, пища» относится к лексическому слою ваго, т.е. является исконно японским словом, состоящим из двух японских корней. Первый корень происходит от глагола 食べる табэру «есть», второй корень – от существительного 物 моно «вещь», что в совокупности можно определить как «вещь, которую можно есть», «съедобная вещь» или «съестное». Т.е. словом 食べ物 табэмоно в японском языке можно обозначить любую вещь, пригодную для употребления в пищу, что явным образом отличается от значения китайского слова 料理 рёри, которое передает значение блюда, состоящего из нескольких ингредиентов, и создание которого подразумевает определённый процесс готовки. Другими словами канго 料理 рёри в значении пищи обязательно указывает на объект, являющийся продуктом человеческого труда, т.е. продуктом кулинарии, тогда как ваго 食べ物 табэмоно указывает только на объект реальности, который является съедобным. В дополнение к разнице в семантических полях разбираемых слов можно также наблюдать следующую разницу между словами, относящимися к двум разным лексическим слоям японского языка – ваго и канго. Можно заметить, что у исконно японского слова значение больше приближено к описанию объекта природы, и в какой-то степени его можно назвать более односложным и примитивным, тогда как у китайского слова канго значение указывает на объект

реальности, который является продуктом человеческой деятельности, и являет собой более сложное и в большей степени абстрактное понятие, требующее более комплексного мышления. На данном примере наглядно наблюдаемо явление, когда культурная память языковой единицы способна помочь заглянуть в прошлое и проследить степень развития культуры народа, говорящего на том или ином языке [Авербух, 2018, с.16]

На этом этимологический разбор китайского слова 料理 рёри, включая рассмотрение его методического потенциала можно считать законченным. В качестве вывода подытожим, что исследование происхождения слов канго, функционирующих в современном японском языке, но восходящих к китайскому языку, требует изучения изначальных значений, а также способов создания китайских иероглифов, составляющих анализируемое слово. Представляется возможным отметить, что этимологический разбор позволяет не только проследить лексические изменения в языке или происхождение отдельных слов, но и изучить элементы быта, культуры, религии страны исследуемого языка [Савинская 2023, с.132].

В дополнение приведем небольшую статистику, собранную по результатам проведения элективного курса, посвященному разбору этимологии китайских иероглифов и слов канго в японском языке на кафедре японского языка ИИЯ МГПУ в осеннем семестре 2023 г. Из 15 обучающихся, учувствовавших в опросе, 12 человек отметило, что этимологический разбор слов канго помог лучше понять смысл данного конкретного слова в отличие от других слов, в т.ч. других канго; 11 человек отметило, что анализ помог лучше понять, почему в состав словосочетания входят именно такие иероглифы; 9 человек отметило, что разбор помог

лучше запомнить само слово японского языка, его звучание, т.е. рассматриваемая лексическая единица лучше «зафиксировалось» в памяти.

В заключение хотим дополнить, что исследование этимологии канго как слов исконно китайского происхождения, может отличаться по способу анализа от созданных в Японии слов васэй канго и требовать разный набор инструментов в силу отличий в способах создания. Рассмотрение алгоритма анализа слов японского происхождения васэй канго и их отличия от лексики канго видится нам как задача для будущих исследований.

Список использованной литературы и источников

Источники

1. Chinese Etymology (этимологический словарь китайских иероглифов): сайт. URL: <http://hanziyuan.com/> (дата обращения: 14.06.2024).
2. 大 БКРС (открытый редактируемый большой китайско-русско-китайский словарь): сайт. URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения: 14.06.2024).
3. Японско-русский словарь / Под ред. Т.Фудзинума. Япония: Кэнкюся, 2011. 1260 с.

Литература

4. Авербух К.Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К.Я.Авербух, Л.Г.Попова, Л.М.Шатилова // Инновационное развитие науки и образования: монография / Под общ. ред. Г.Ю.Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С.15-22. EDN YRXMWD.
5. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.

6. Конрад Н.И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М.: Наука, 1974. 568 с.
7. Мизгулина М.Н. Методика обучения аудированию текстов на японском языке: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Мизгулина Мария Натановна. Москва, 2021. 227 с. EDN JUIPTR.
8. Савинская А.В. Дидактический потенциал использования идиом в процессе обучения японскому языку в вузе // Актуальные вопросы японоведения: язык, культура, лингводидактика: сборник научных статей. Москва: Ключ-С, 2023. С.127–136. EDN YGNBTS. DOI 10.56700/Kluch.2023.18.87.014.
9. Федянина В.А. Буддийская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзиэна) / В.А.Федянина, К. В. Болотская // Философский журнал. 2023. Т.16, №4. С.55-69. DOI 10.21146/2072-0726-2023-16-4-55-69. EDN MDFEXG.
10. Япония: цивилизация, культура, язык / Е.М.Османов, А.В.Филиппов, А. И. Габитова [и др.]; отв. ред. А.В.Филиппов, Е.М.Османов. Санкт-Петербург: Art-xpress, 2022. 693 с. EDN WAJLUU.

**Прагматические и семантические изменения *kimī*.
История и современное употребление**

(Карачаров Г.В.)

Значение того или иного слова в языке со временем может меняться. Это явление называется семантическим сдвигом или семантическим изменением (англ. *semantic shift, semantics change*). Многие исследователи связывают его с изменениями прагматики – интерпретации высказывания и речевого поведения говорящим в соответствии с отношениями между участниками ситуации и объектом речи. Упомянутые процессы изменений прагматического компонента и значения слова зачастую обуславливаются экстралингвистическими процессами¹.

Одним из наиболее репрезентативных средств выражения прагматики в языке является личный дейксис (указание), в частности личные местоимения. Японский язык, который обладает широким спектром способов выражения прагматики (в том числе различными местоимениями), на протяжении своей истории претерпевал значительные прагматические изменения на фоне экстралингвистических факторов, что также привело к семантическим сдвигам. Местоимение *kimī* きみ / 君 представляет наглядный пример ряда семантических и прагматических сдвигов в диахронии, которые привели к неоднозначному употреблению слова в современном языке.

Цель настоящего исследования состоит в анализе актуальных употреблений местоимения *kimī* и его интерпретации носителями, а также сопоставлении полученных данных

---

¹Fitzmaurice S.M. *Semantic and pragmatic change* // *The Cambridge Handbook of English Historical Linguistics* (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics). Cambridge University Press. 2016. P. 261.

с предписаниями в области употребления и значения соответствующего местоимения. Объектом исследования выступили изменения в семантике и прагматике слова *kimī*, а также интерпретации употреблений информантами; предметом – данные, полученные от информантов и теоретические предписания. Методология исследования строится на сравнительном анализе теоретических данных (правил употребления местоимения и истории его изменений) с данными, полученными в ходе социолингвистического опроса с использованием методик анкетирования и выборочного интервьюирования носителей языка (8 информантов), в разной степени владеющих языком и знанием в области лингвистики. Новизна исследования заключается в применении сравнительного анализа в отношении прагматических изменений местоимения *kimī* в японском языке с последующим фиксированием разницы в употреблении на основе актуальных данных, полученных в ходе работы с информантами. Кроме того, помимо недостаточного объёма информации об актуальном употреблении местоимения можно констатировать нехватку материалов на русском языке о семантическом и прагматическом сдвигах дейктической лексики японского языка в целом.

В современной лингвистике распространён подход, в соответствии с которым семантические изменения рассматриваются в контексте прагматики, что подтверждается дескриптивными данными. В широком смысле семантические изменения могут рассматриваться как психологические механизмы, мотивированные коммуникативными потребностями пользователей языка. Ключевой пресуппозицией в данном вопросе будет то, что прагматические изменения (сдвиги в употреблении слова в контексте высказывания) являются основным фактором семантических изменений (изменений в закодированном значении слова независимо

от контекста высказывания). Другими словами, сначала учитывается роль намерений говорящего – оценка речевой ситуации, экспрессивность и пр., которая впоследствии будет усвоена членами речевого сообщества и приведёт к системным изменениям значения слова. Таким образом, конвенциональные изменения в контекстном употреблении приводят к конвенциональному изменению значения вне контекста².

Изменения значения и прагматики в языке не возникают произвольно. Систематические изменения языка зачастую являются следствием внеязыковых или экстралингвистических процессов и явлений. В случае с японским языком это социальные изменения на протяжении истории (изменения положения в обществе и иерархии определённых социальных групп), естественное влияние иностранных языков и языковая политика – целенаправленное, искусственное изменение системы языка. Эксплицитно все эти процессы можно наблюдать в диахронии³.

Отдельно стоит осветить изменения, которые начались со второй половины XIX века, когда помимо активного влияния иностранных языков предпринимались попытки искусственного изменения японского языка. Языковая политика со стороны государства была нацелена на образование единого литературного языка⁴. Этот процесс был неизбежно сопряжён с унификацией и стандартиза-

---

² Fitzmaurice S.M. Semantic and pragmatic change // The Cambridge Handbook of English Historical Linguistics (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics). Cambridge University Press. 2016. P. 260.

³ Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 132.

⁴ Ramsey S. R. The Japanese Language and the Making of Tradition // Japanese Language and Literature. 2004. Vol. 38, No. 1. P. 93. URL: <https://doi.org/10.2307/4141273> (дата обращения: 23.01.2024).

цией форм вежливости, что привело к исчезновению или изменению значения многих личных местоимений⁵. В итоге, можно сказать, что внеязыковые факторы в виде изменения отношений между людьми в рамках категории «свой–чужой» и иерархии «высший–равный–низший», влияния иностранных языков и языковой политики отразились на прагматике личного дейксиса, в частности на употреблении личных местоимений.

В современном японском языке по-прежнему наблюдается большая вариативность способов указания на лица, что связано с широким спектром прагматики, которую они выражают. Кроме того, местоимения в японском языке представляют открытый класс лексем, что можно наблюдать в диахронии⁶. Исторические исследования японского языка показывают, что одним из местоимений, которые претерпели значительные прагматические и семантические изменения, является местоимение второго лица *kimī*. Изначально, во времена первых письменных источников Японии, которые записывались исключительно с помощью китайских иероглифов, это слово употреблялось в качестве имени существительного со значениями ‘правитель’, ‘государь’ вслед за употреблением в китайском языке, в котором слово *jūn*, записывающееся тем же иероглифом 君, обладало тем же значением соответственно⁷. Однако доподлинно неизвестно, является ли японское слово *kimī* заимствованием из китайского, или оно было в языке ещё

---

⁵Wetzel P. J. *Front Matter. Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present*. University of Hawai'i Press, 2004. P. 46.

⁶Под классами лексем подразумеваются части речи.

⁷Schuessler, Axel. *ABC etymological dictionary of old Chinese*. University of Hawai'i Press, 2007. P. 328.

до проникновения материковой письменности⁸. Затем местоимение стало употребляться для указания на второе лицо по отношению к вышестоящему в иерархии, уважаемому собеседнику, в частности правителю, тому, кому подчиняется говорящий. Кроме того, если говорить о грамматической семантике, начиная с этого времени, фиксировали употребления кими как в качестве местоимения второго лица, так и в качестве третьего лица. Другая важная прагматическая характеристика для современного японского языка – пол (гендер) участников речевого акта; на том же историческом этапе невозможно сказать, могли ли говорящий и слушающий быть обоих полов, или только мужского.

Вместе с этим по-прежнему затруднительно точно определить, какие социальные изменения привели к прагматическим сдвигам местоимения на раннем этапе. Письменные источники показывают, что в период Эдо (1603-1868) произошёл качественный переход в использовании *кими* к употреблению по отношению к равному, но с интонацией уважения. Со временем семантика указания на господина и правителя была утрачена на фоне употреблений слова в качестве указания на второе лицо. Сам по себе переход лексемы из одного класса в другой представляет из себя радикальное изменение с точки зрения истории языка⁹. К периоду Мэйдзи (1869-1912) закрепилось употребление *кими* исключительно в качестве указания на

---

⁸ れいのるず秋葉 かつえ, 日本語二人称「君」の歴史言語学的研究, ことば, 2021, 42 巻. P. 57. [Акиба-Рэйнольдс Кацуэ. Историческое исследование японского местоимения второго лица «кими» // Слова: научный журнал №38. 2021. С.57.] URL: https://doi.org/10.20741/kotoba.42.o_54 (дата обращения: 22.01.2024).

⁹ Там же. С. 66.

второе лицо в разговоре между мужчинами, отношения которых можно назвать дружескими или близкими. В современном языке местоимение сохраняет подобную прагматическую характеристику лишь в качестве одного из возможных употреблений¹⁰. Помимо этого, социолингвистические исследования и словари указывают на использование слова по отношению к членам семьи, (в большинстве случаев мужчинами старше 40 лет), а также между людьми противоположного пола, выражающее близкие отношения. Кроме того, в некоторых ситуациях *kimī* может иметь насмешливую коннотацию¹¹. Таким образом, все прагматические и семантические изменения, которым подверглось слово *kimī*, привело к тому, что сегодня его употребление весьма неоднозначно, что также вызывает сложности в его интерпретации. Тем не менее, в русскоязычной учебной и справочной литературе *kimī*, как правило, определяется как нейтральное местоимение «ты» без дополнительных пояснений¹².

Далее, в практической части работы, приводятся данные, полученные от информантов в лице носителей японского языка в формате интервью и анкетирования, проводимых в апреле-мае 2024 года. Вопросы были

---

¹⁰ 新村出. 広辞苑. あ-そ / 新村出編. 第7版, 机上版, 東京, 岩波書店, 2018. P. 732. [Синмура Идзуру. Кодзиэн. а-со, 7-е издание, Иванами сётэн, Токио. 2018. С. 732].

¹¹ 小林 美恵子. 「日常生活」の呼称. ことば : 研究誌, 巻号 37 号. 2016. P. 22. [Кобаяси Мияко. Называние «Повседневной жизни» // Слова: научный журнал. №37. 2016. С. 22.]. URL: <https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R000000004-I027817435> (дата обращения: 31.04.2024).

¹² Большой японско-русский словарь. Ред. Н. И. Конрад. Т. 1,2. М., 1970. С. 415; 佐藤勇. 講談社和露辞典. 増補新装版. 東京, 講談社, 1992. P 234. [Сато Исаму. Коданся Японско-русский словарь, Токио. 1992. С 234.].

нацелены на выявление особенностей употребления *kimí*: возможных контекстов, отношений между участниками речевого акта, коннотации слова.

В соответствии с ответами информантов, сегодня *kimí* обладает следующими прагматическими характеристиками:

- Употребляется вышестоящими по отношению к нижестоящим, реже между равными;
- Практически не используется женщинами, чаще – мужчинами;
- Как правило, используется людьми старшего поколения;
- Если *kimí* используется в формальных отношениях, то чаще на работе, чем на учёбе;
- В неформальных ситуациях может иметь негативную, пренебрежительную коннотацию вне зависимости от того, знакомы ли участники коммуникации;
- В большинстве случаев создаёт грубое впечатление (некоторые из информантов описали употребление *kimí* как высокомерное, надменное);
- Помимо употреблений с негативной окраской может использоваться с одобрительной, располагающей к говорящему коннотацией, выражающей близкие отношения между участниками коммуникации. В частности, такие употребления могут встречаться в поэзии или музыкальных произведениях;
- Может использоваться по отношению к членам семьи. Например, в качестве неформального обращения мужа к жене, а также в качестве шутки или насмешки;
- Сегодня местоимение *kimí* употребляется редко.

Таким образом, на основе актуальных данных, полученных в ходе работы с информантами, а также японоязычных социолингвистических исследований и словарей, можно сделать следующие выводы:

1. Местоимение *kimī* обладает неоднозначным характером прагматического компонента, который в зависимости от контекста может принимать различные значения, вплоть до противоположных;
2. Актуальные случаи употребления *kimī* можно разделить на дерогативные (негативную коннотацию) и амелиоративные (выражающие близость между участниками коммуникации);
3. В качестве ключевых прагматических характеристик речевой ситуации, определяющих употребление и интерпретацию местоимения, можно выделить: обстановку (формальная / неформальная), степень близости, социальный статус, личные отношения между участниками коммуникации, их возраст и пол.

В итоге рассмотрение изменений прагматики и семантики местоимений в диахронии позволяет увидеть внутренние, системные изменения в японском языке на фоне экстралингвистических факторов. Кроме того, в связи с полученными данными можно говорить о нехватке актуальной информации об употреблении личных местоимений, в частности слова *kimī*, и необходимости появления новых работ на эту тему.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Большой японско-русский словарь. Ред. Н.И.Конрад. Т. 1,2. М., 1970. 1728 с.

3. Fitzmaurice S.M. Semantic and pragmatic change // The Cambridge Handbook of English Historical Linguistics (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics). Cambridge University Press. 2016. P. 256-270.
4. Ramsey S.R. The Japanese Language and the Making of Tradition // Japanese Language and Literature. 2004. Vol. 38, No. 1. P. 81–110. URL: <https://doi.org/10.2307/4141273> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Schuessler, A. ABC etymological dictionary of old Chinese. University of Hawai'i Press, 2007. 656 p.
6. Wetzel P. J. Front Matter. Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present. University of Hawai'i Press, 2004. 216 p.
7. れいのるず秋葉 かつえ, 日本語二人称「君」の歴史言語学的研究, ことば, 2021, 42 巻. p. 54-71. [Акиба-Рэйнольдс Кацуэ. Историческое исследование японского местоимения второго лица «кими» // Слова: научный журнал. №38. 2021. С. 124–143.] URL: https://doi.org/10.20741/kotoba.42.o_54 (дата обращения: 22.01.2024).
8. 小林 美恵子. 「日常生活」の呼称. ことば: 研究誌, 巻号 37 号. 2016. p.14-32. [Кобаяси Мияко. Наименования «Повседневной жизни» // Слова: научный журнал. №37. 2016. С.14–32.]. URL: <https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R000000004-l027817435> (дата обращения: 31.04.2024).
9. 佐藤勇. 講談社和露辞典. 増補新装版. 東京, 講談社, 1992. 1186 p. [Сато Исаму. Коданся Японско-русский словарь, Токио. 1992. 1186 с.].
10. 新村出. 広辞苑. あ-そ / 新村出編. 第 7 版, 机上版, 東京, 岩波書店, 2018. 1734 p. [Симмура Идзуру. Кодзиэн. а – so, 7-е издание, Иванами сётэн, Токио. 2018. 1734 с.].

Категория лексики дзокуго в японском языке

(Быкова С.А.)

Категория слов и словосочетаний, относящихся к классу лексики дзокуго, в отличие от неологизмов или единиц молодёжного языка пока не получила достаточно глубокого освещения ни в отечественном, ни в японском языкознании. Как справедливо указывает автор «Большого словаря японского сленга» («Нихонго дзокуго дайджитэн») Ёнэкава Акихико, до недавнего времени в японском языкознании и в японском обществе наблюдалось пренебрежительное отношение к лексике категории дзокуго прежде всего исходя из значения морфемы дзоку 俗 «вульгарный, грубый», то есть определявшейся с точки зрения стилевой отнесённости как сниженная лексика¹. Можно предположить, что это отчасти повлияло на отсутствие работ по проблематике дзокуго в Японии за исключением исследований Ёнэкава Акихико. Однако в этом случае следует обратить внимание на историю использования термина дзокуго в японской лингвистике и изменение его семантики в течение длительного периода времени с XIX в. до наших дней. Так, в словаре «Дзокуго дзитэн», вышедшем в 1909 г., дзокуго определялись как «слова общего употребления»². Представление о дзокуго как эквиваленте 口語 *kōgo*, общеупотребительного разговорного языка, в противоположность письменному языку стало формироваться в послемэйдзийский период и сохранялось в японском обществе и языкозна-

---

¹ Ёнэкава Акихико. Нихон дзокуго дайджитэн (Большой словарь японского сленга). Токио: Токёдо сьуппан, 2003. С.686.

² Там же. С. 686.

нии довольно долго³. Подтверждением такого толкования термина *дзокуго* могут служить не только труды выдающихся японских лингвистов второй половины XIX в. Цубоути Сёё, Миякэ Ёнэкичи, Мацусита Дайсабуро, но и работы более позднего периода. Это прежде всего «Размышления о *дзокуго*» (1943 г., «*Дзокуго но кōсацу*») Асано Син, «Разговорный язык – прогулка по истокам слова» (1961 г., «*Дзокуго – гогэн сампо*») Судзуки Тодзо и ряд работ других авторов, в которых термин *дзокуго* использовался в значении общеупотребительного разговорного языка. С течением времени это представление менялось, в современную эпоху значение термина трактуется иначе, что отражает и перевод слова *дзокуго* на русский язык: 1) просторечие, вульгаризм; 2) уст. разговорный язык.

Ёнэкава Акихико определяет *дзокуго* как «слова и выражения, которые не употребляются в официальной обстановке, форма которых, значение, способы словоизменения воспринимаются как грубые, непристойные, слишком резкие, употребляемые и в детской речи, простоватые, но общепонятные, презрительные, выражающие преувеличение, легковесные, шуточные, употребляемые неправильно»⁴.

При этом он указывает, что такое же впечатление на окружающих производят и те, кто эти слова употребляют. Аналогичное определение *дзокуго* приводится и в «Энциклопедии японской лингвистики»: «*дзокуго* – слова и выра-

³ Нихонгогаку дайджитэн (Энциклопедия японской лингвистики). Тōкёдō сьуппан, 2018. С.584.

⁴ Ёнэкава Акихико. Нихон дзокуго дайджитэн. С.687; Ёнэкава Акихико. Сюданго но кэнкю, дзёкан (Исследование групповых жаргонов, том I) Токио: Тōкёдō сьуппан, 2009. С.31-34.

жения разговорного языка, которые не могут быть использованы в официальной обстановке»⁵.

Лексика *дзокуго* неоднородна и включает в себя различные категории: единицы молодёжного языка, сленговые выражения, употребляющиеся в обществе в различных социальных группах и слоях: язык молодёжи 若者ことば *вакамонокотоба*, профессиональные жаргонизмы 職業語 *сёкугёго*, групповые жаргоны 集團語 *сёданго*, модные слова 流行語 *рюкёго*, аргó 隠語 *инго*, диалектальная лексика, употребляющаяся повсеместно в качестве *дзокуго*, и т. д. В результате одни и те же единицы *дзокуго* фиксируются не только в словарях просторечных единиц как таковых, но и в специализированных словарях в соответствии с указанными категориями лексики. В качестве единиц разговорного языка эти лексические единицы характеризуются особенностями, отличающими их от общеупотребительных слов общего языка, которые могут быть обобщены. Прежде всего, как следует из определения, приведённого выше, они являются единицами разговорного языка и не могут быть употреблены в письменном варианте японского языка. *Дзокуго* не могут употребляться в официальной обстановке и употребляются только в процессе коммуникации в неформальной обстановке. Как правило для *дзокуго* находятся синонимы общего языка *кёцүго*. Например, *биккури-суру* «пугаться, удивляться» – общеупотребительный глагол, для которого на материале *дзокуго* одним из синонимов может служить глагол *буттамагэру*. Семантика словосочетаний, относящихся к *дзокуго* и состоящих из компонентов общего языка, отличается от семантики словосочетаний с тем же лексическим

---

⁵ Нихонгогаку дайджитэн. С.584.

составом в общем языке: 心臓が弱い *синдзō га ёвай* «нерешительный, застенчивый» (ср. «больное (слабое) сердце» в общем языке *кёцүго*; в дальнейшем будет использоваться термин «общий язык»). В этом отношении некоторые единицы *дзокуго* сходны с фразеологическими единицами, или устойчивыми словосочетаниями, обладающими значением, отличающимся от омонимичных свободных словосочетаний с тем же составом. При употреблении *дзокуго* нередко нарушаются грамматические нормы японского языка и нормы сочетаемости. Так, слово 全然 *дзэндзэн* «совсем» в соответствии с нормами японского языка сочетается с глаголом или прилагательным в отрицательной форме. Однако в современном японском языке *дзэндзэн* в качестве *дзокуго* нередко употребляется с глаголами и прилагательными в утвердительной форме. Считается, что эта тенденция характерна для молодёжного языка, но автор однажды зафиксировала употребление *дзэндзэн* в сочетании с ёй «хороший» в речи преподавательницы японского университета среднего возраста, для которой японский язык родной, на международной конференции. Организаторы конференции, обеспокоенные качеством звука, спросили, хорошо ли слышно. Был дан ответ: *Дзэндзэн ёй дэс* «очень хорошо», хотя по нормам японского языка в конце этого короткого предложения недопустима утвердительная форма. Возможно, развивается процесс закрепления ненормативного употребления в качестве нормы. Далее, неоспорим факт употребления в немалом количестве *дзокуго* лексических единиц, которые действительно грубоваты и даже воспринимаются носителями языка как неприличные. Вместе с тем многие из выражений *дзокуго* в сущности трудно трактовать как грубоватые или относящиеся к сниженной лексике, но воспринимаются в обществе именно как *дзокуго* лишь по той причине,

что употребляются в определённой социальной группе, которая пользуется не слишком хорошей репутацией, например, якудза. Все лексические единицы молодёжного языка, любой профессиональный сленг, аргю, уничижительные выражения оцениваются как *дзокуго*. В отличие от этих подсистем современного языка далеко не все модные слова *рюкюго* следует рассматривать как *дзокуго*. И, наконец, самое главное – *дзокуго* никогда не употребляются в официальной обстановке, сфера их употребления – неформальная ситуация общения. При употреблении в речи ряд слов общего языка нередко превращается в *дзокуго* под влиянием фактора усиления эмоциональности выражения. В этом случае эмоциональность высказыванию придаёт форма слова, отличная от нормативной, одновременно превращая его в *дзокуго*. В качестве примера можно привести слово *сугой*, одно из значений которого в общем языке «поразительный; огромный, большой». Употреблённое в этой форме слово не воспринимается как *дзокуго*. Усиление выразительности высказывания говорящим путём изменения формы слова на распространённые в современном языке *сугой*, *сунгой* или *суггой* не только делает высказывание эмоционально окрашенным, но и превращает слово *сугой* в этих формах в *дзокуго*. То же можно сказать о формах *яппари*, *яппаси*, *яппа* в сравнении со словом общего языка *яхари* «также, тоже, всё же» или *хадзуй* «стыдно» от слова 恥ずかしい *хадзукасий* с тем же значением общего языка. Следует также обратить внимание на то, что наряду с лексикой *дзокуго*, которая используется лишь в определённой социальной группе, существуют единицы *дзокуго*, которые употребляются в речи практически всех жителей страны независимо от возраста, социального статуса, занятия и т. д.

Как и в других языковых системах, употребление лексики *дзокуго* аналогично единицам молодёжного языка позволяет передать чувства близости и неформального отношения к собеседнику, сократить некую психологическую дистанцию между собеседниками, более открыто и эмоционально передать ту или иную информацию или выразить свою оценку происходящего. В ряде случаев употребление *дзокуго* выполняет некую развлекательную функцию, поскольку сами по себе слова или выражения этой категории воспринимаются как шутливое высказывание, радующее собеседника и в то же время демонстрирующее дружеские отношения участников акта коммуникации. Разумеется, это происходит далеко не во всех случаях, поскольку, как указывалось выше, категория лексики *дзокуго* весьма разнородна и включает в т. ч. и бранную лексику, употребление которой вряд ли порадует собеседника. При этом многие единицы употребляются, как указывалось выше, только в определённой группе, что усиливает у членов этой группы чувство единения и осознание того, что говорящий является членом этого коллектива.

Количество *дзокуго* в японском языке велико, но, разумеется, точную цифру не может указать ни один словарь, так как ежегодно фиксируются неологизмы в различных областях, в т. ч. и в молодёжном языке, социальных жаргонах и других подсистемах японского языка. Одни из них закрепляются в языке, другие с течением времени выходят из употребления. *Дзокуго* не составляют исключения. Фиксируясь в языке как неологизмы или модные слова, они могут остаться в общем языке и продолжать употребляться и далее, но нередко функционирование этих единиц эфемерно и быстро заканчивается. В то же время существуют лексические единицы, которые начали употребляться в качестве *дзокуго* ещё в начале

прошлого века и даже более ранние эпохи, но продолжают функционировать в современном японском обществе. В словаре Ёнэкава Акихико⁶ приведено более 6300 единиц этой категории, а количество примеров их употребления превышает 12000. Подавляющее большинство этих единиц – слова японского происхождения *ваго*. Заимствования из европейских языков и образования на их основе *和性英語* *васэй эйго* букв. «японские слова английского происхождения» менее распространены, хотя их количество также велико. Канго также фиксируются либо как единицы, построенные по модели корнесложных слов, либо как лексические единицы, в которых один компонент – китайский корень, а другой – японская основа: *軍資金* *гунсикин* букв. «военный капитал» – деньги, необходимые для развлечения; *軽音* *кэйон* «лёгкая музыка» (сокр. форма от *軽音楽* *кэйонгаку* «лёгкая музыка»); *芸細* *гэйкома* (кит. морфема *гэй* + сокращённая форма японского прилагательного *комакай* «подробный, детальный») – человек, хорошо разбирающийся в искусстве.

Среди *дзокуго* японского происхождения обнаруживаются довольно «древние» единицы. Так, слово *оккасан* «мамочка», имеющее уменьшительно-ласкательное значение и употребляющееся не только по отношению к своей маме, но и в случае обращения к вызывающей симпатии говорящего матери другого человека, например, доброжелательной маме друга, представляет собой изменённую форму слова *о-какасама* с тем же значением, которое употреблялось в среде горожан ещё во второй половине эпохи Эдо, а в эпоху Мэйдзи было самым распростра-

---

⁶ Примеры *дзокуго* и датировка их появления в японском языке приводятся на основе словаря: Ёнэкава Акихико «Нихон *дзокуго дайджитэн*».

нённым обращением к матери. Слово *доя* «ночлежка» (синоним общеяпонского 木賃宿 *китинъядо*) впервые зафиксировано в конце XIX века и состоит из распространённого при образованиях многих *дзокуго* префикса *до* и японской основы *ядо*. Впоследствии в процессе деривации появилось слово *どや街* *доягай* «квартал ночлежек для рабочего люда», где *гай* – китайская морфема со значением «квартал, улица».

Многие слова общего языка в качестве *дзокуго* употребляются в значении, отличном от общепринятого: *上がる* *агару* «подниматься» в качестве *дзокуго* означает «заканчивать (работу, упражнения и т. д.)». Слово *赤門* *акамон* букв. «красные ворота» является неформальным прозвищем университета Тодай (Токийского университета), поскольку в нём есть красные ворота. Выпускников Тодай соответственно именуют *赤門出* *акамондэ* «вышедший из красных ворот». Слова *акамон* и *акамондэ* впервые зафиксированы в японском языке в начале 1900-х гг. Слово *豚* *бута* «свинья» стало использоваться для характеристики очень полного человека примерно со второго десятилетия XX века, то есть примерно в то же время, что и *акамон*; *明後日* *асаттэ* «послезавтра» употребляется в значении «не иметь представления о том, что делать дальше» примерно с 70-х гг. прошлого столетия. По-видимому, возможность лаконично выражать свои чувства или давать характеристику предметам окружающей действительности является неким стимулом к их употреблению, что можно наблюдать при анализе стилевой характеристики *дзокуго*. Эти единицы, как указывалось выше, относят к категории сниженной лексики. Однако, знакомясь с материалом словаря «Нихон *дзокуго* дайджитэн», нетрудно заметить, что большинство *дзокуго* действительно являются не более

чем словами, употребляемыми повседневно в разговорной речи в неформальной обстановке, и лишены вульгарности. Даже среди приведённых выше лексических единиц только слово *бута* грубовато в качестве *дзокуго* и употребляется, чтобы выразить пренебрежительное отношение к собеседнику или в речи о третьем, отсутствующем, лице. Анализируя *дзокуго* с точки зрения выражения говорящим отношения к другому человеку, в т. ч. и пренебрежительного, следует учитывать, что в современной Японии довольно широко распространены эвфемизмы в соответствии с требованиями общественной морали. Общеизвестно, что не принято говорить о слепом человеке *мэкура*, в этом случае употребляется эвфемизм 目の見えない人 *мэ но миэнай хито* (букв. «человек, у которого не видят глаза»). Но слово *мэкура* в словаре *дзокуго* отсутствует, а единица *цумбо* «глухой» представлена, хотя иностранцу наверняка непонятен подобный языковой алогизм. Аналогичный вопрос возникает и в связи с употреблением *дзя най дэс ка* «разве не (так)?» не в качестве заключительной части предложения, а как самостоятельного предложения – эквивалента *дō дэмо ий* «все равно». В этом случае очевидно, что данное употребление ненормативно с точки зрения грамматики, но неясно, в чём же заключается пресловутые грубоватость и вульгарность. Несомненно, представления о том, что допустимо или недопустимо по отношению к другим, различаются у представителей разных народов в зависимости от национальных культурных традиций, правил этикета и пр. Но всё же, как представляется, употребление слов общего языка в значении или значениях, отличных от привычных, прежде всего обусловлено темпом современной жизни, экономией произносительных усилий и времени произнесения. Этот фактор действует не только в тех случаях, когда происходит изменение

семантики аналогично вышеприведённым примерам, но и в тех случаях, когда семантика слова или словосочетания абсолютно прозрачна. Электричку, идущую со всеми остановками, нередко именуют 普通 ふう *фуцү* «обычно, обычный». Думается, основным фактором такого употребления стала краткость и простота произнесения этого слова в сравнении с многосложным официальным наименованием подобных поездов 各駅停車 *какуэки тэйся* «со всеми остановками». Другой пример – глагол お茶する *о-тя-суру* букв. «делать чай» – пойти в кафе (喫茶店 *киссатэн*) с целью выпить кофе, чай и другие неалкогольные напитки. Дети вместо *гаккō* «школа» говорят *гакко*, то есть долгий гласный звук заменяется кратким. Это, несомненно, неправильно с точки зрения нормативного языка, но ребёнку, видимо, попросту удобнее произносить слово в усечённой форме.

Наряду с единицами, представляющими собой слова или словосочетания японского происхождения, многие *дзокуго* представляют собой заимствования из европейских языков и т. наз. 和性英語 *васэй эйго* «японские слова английского происхождения». При этом наряду с заимствованиями из английского языка и единицами, образованными на их основе, фиксируются также слова, заимствованные из других языков: サボ *сабо* «саботаж» (от франц. *sabotage*), アウフ *ауфу* «до свидания» (от нем. *Auf Wiedersehen*) и др. Тем не менее для большинства *дзокуго* языком заимствования, как и в общем языке, стал английский, в частности его американский вариант: ジャズ *дзядзу* «джаз» – громогласный и много говорящий человек, то есть «человек-джаз»; ストライクゾーン *суторайку дзōн* (от англ. *strike zone*) «мой любимый тип (молодого человека)» и т. д. Немало единиц *дзокуго* представляют собой японские лексемы, образованные на основе заимствований:

パセリクン *пасэри-кун* (*пасэри* – англ. петрушка) – «молодой человек, который неинтересен девушкам» (ассоциация с петрушкой, которая остаётся несъеденной на тарелке после окончания обеда), *масиган току* «говорить без умолку (словно машина); англ. machine+talk», *маёра* «есть всё, приправляя майонезом», где *маё* – сокращённая форма слова *маёнэдзу* «майонез», а *ра* – суффикс множественного числа; *ванити* (сокр. форма 和製ニ一チエ *васэй ни-тиэ* букв. «доморощенный Ницше; Ницше японского происхождения» – «человек, всё отрицающий и считающий себя самым умным»; *асадзян* «прыжки по утрам» (*аса*-утро, *дзян* – от англ. jump). Ряд единиц, восходящих к заимствованиям из английского языка, создан с использованием относительно нового способа словообразования – по первым буквам английской аббревиатуры: エツサツサ *эссасса* «клуб английского языка» (от ESS – аббревиатуры English Spoken Society).

Выше приводились слова *дзокуго* общеяпонского употребления, но наряду с ними существуют и такие слова, которые распространены лишь в определённых социальных группах, в частности в среде якудза: *катикоми* «драка» (сложное отглагольное существительное; *кати* – соединительная форма глагола *кацу* «побеждать», *коми* – соединительная форма глагола *кому* «заталкивать»).

Ряд *дзокуго* заимствованы из территориальных диалектов, при этом наиболее распространены заимствования из кансайского диалекта: *дэкай* «большой»; *окэ сибаку* «посещать студию караокэ», где *окэ* – усечённая форма караокэ, а *сибаку* – осакский эквивалент глагола *суру* «делать».

Как видно из краткого описания категории единиц *дзокуго*, эта категория неоднородна и включает единицы

различной этимологии, образованные по различным словообразовательным моделям и требующие специального анализа.

Список использованной литературы

1. Ёнэкава Акихико. Нихон дзокуго дайджитэн (Большой словарь японского сленга). Токио: Тōкёдо сьуппан, 2003. 697 с.
2. Ёнэкава Акихико. Сюданго дзитэн (Словарь групповых жаргонов). Токио: Тōкёдо сьуппан, 2000. 853 с.
3. Ёнэкава Акихико. Сюданго но кэнкю. Дзёкан (Исследование групповых жаргонов, том I). Токио: Тōкёдо сьуппан, 2009. 672 с.
4. Кимура Ёсиюки, Коидэ Микако. Инго дайджитэн (Большой словарь аргю). Токио: Кōсэйся, 2000. 1488 с.
5. Нихонгогаку дайджитэн (Энциклопедия японской лингвистики). Токио: Тōкёдо сьуппан, 2018. 1287 с.

**Семантика и синтаксис японского предложения:
проблема количества участников**

(Стрижак У.П.)

Исследование агентивности как совокупности семантических характеристик языковой единицы, отражающих процесс воздействия, приводящего к изменению состояния, требует рассмотрения понятия количества участников события или ситуации с точки зрения их семантической и синтаксической реализации. Наличие второго участника в высказывании, согласно модели транзитивности П.Хоппера и С.Томпсон, повышает общую переходность описываемой ситуации¹. Процесс воздействия подразумевает наличие как минимум одного объекта, а увеличение количества субъектов зачастую приводит к дальнейшему возрастанию числа партиципантов в актантной структуре высказывания – как следствие, увеличивается степень агентивности всего предложения.

В японском языкознании неоднократно подчеркивается, что в целом японский язык демонстрирует тенденцию к преимущественному использованию непереходных конструкций²: в них подчеркивается, что в смысловом фокусе японского предложения предпочтительно нахождение не деятеля, а сложившейся ситуации или результата осуществленного действия; это во многих случаях обеспечивается именно наличием непереходного предиката. В японском лингвистическом поле встречается термин «непереходное

---

¹ Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. № 2. P.251-299.

² Икэгами Ё. «Суру» то «нару» но гэнгогаку [Лингвистика: языки «делать» и «становиться»]. Токио: Тайсюкан, 2011 (1981). 304 с.; Тояма С. Эйго но хассо, нихонго но хассо [Мыслепорождение в английском и японском языках]. Токио: NHK books, 1992. 190 с. С.36, 72.

мышление», который применяется к описанию запрета на неодушевленный субъект, роли пассива как способа сместить акцент с действия на результат и т.д.³ А.Кондо в работе по когнитивному восприятию японской грамматики приводит примеры обязательного «обнуления» себя и других участников ситуации в целях снижения акциональной, «деятельной» составляющей высказываний за счет употребления стативных предикатов, и др.⁴ Таким образом, в японоязычной лингвистической литературе акцентируется необходимость подчеркивания не действия, а состояния, описываемого стативными предикатами; такие описания зачастую не подразумевают наличие других участников, в отношении которых совершается действие или объектом воздействия которого они являются.

В данной работе мы проверим это теоретическое положение с точки зрения такого критерия, как количество участников (или партиципантов) высказывания. В определении партиципанта в данной работе мы следуем за Я.Г.Тестельцом, который исходит из базового обозначения партиципанта как актанта, обладающего признаком неустранимости из ситуации, но подчеркивает при этом, что полноценным партиципантом можно считать такой актанта, который, во-первых, обладает коммуникативным весом, а во-вторых, вступает в непосредственные грамматические отношения со своим предикатом⁵. В ходе исследования мы, соответственно, будем выделять обладающие

---

³ Киндаити Х. Нихонго но токусицу [Особенности японского языка]. Токио: NHK books, 2007. С.203-204.

⁴ Кондо А. «Нихонгорасиса» но бумпō [«Японская» грамматика японского языка]. Токио: Кэнкюся, 2018. С.46-49.

⁵ Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис: учебник. М.: РГГУ, 2001. С.166-172.

семантической значимостью и занимающие центральные синтаксические позиции актанты в качестве полноценных партиципантов, а остальных участников относить к семантической и синтаксической периферии. Материалом данного исследования послужат параллельные русско-японские и японско-русские художественные тексты; опора именно на такие языковые данные лучшим образом высветит особенности механизмов репрезентации фрагментов окружающей действительности, которые составляют основу когнитивной структуры говорящего: «... при сопоставлении параллельных текстов, на стыке нескольких языков отчётливо проявляется грамматическая нетождественность, истоки которой могут во многом прояснить природу переводящего языка – в этом видится эпистемологическая ценность перевода как процесса освоения опыта и мысли»⁶. В результате такого исследования может быть выявлено, за счет чего в японском высказывании варьируется данный показатель – количество участников высказывания, и как это влияет на смысловую структуру предложения. Иными словами, результаты такого анализа могут показать, какими морфосинтаксическими средствами обеспечивается функционирование партиципантов в японском высказывании, а также продемонстрировать на материале русского и японского языков, какие существуют языковые способы отображения онтологической сущности противопоставления «состояние — действие».

---

⁶ Стрижак У.П. Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. №1. С.97. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109.

Рассмотрим первый случай расхождения в количестве участников синтаксической структуры японского и русского предложений, когда исходный непереходный предикат в японском языке имеет только одну открытую позицию для центрального аргумента – субъекта, а при передаче на русский язык в предложении возникает второй главный участник – объект (под «главными» или первичными мы будем понимать три актанта, объединяемые общим японским термином ганио, состоящим из наименований трех соответствующих падежных показателей; актанты, оформленные с помощью падежного показателя ни, мы, вслед за В.М.Алпатовым⁷, будем определять как промежуточные, находящиеся на стыке первичных и вторичных): (1) 城中で餅が出て дзэ̄тё̄ дэ̄ моти га дэ̄тэ̄ → ‘в замке подали рисовые лепешки’⁸. В данном примере в русском варианте появляется валентность на объект (подавать что?), отсутствующая изначально в японском языке в силу непереходности глагола дэ̄ру выходить; как следствие, в пропозициональной структуре русского предложения появляется еще один участник, «подающий» лепешки, хотя в поверхностной структуре данная валентность не реализована. То же в примере (2): 来いという手紙がきた кои то иу тэ̄гами га кита → ‘получив пригласительное письмо’⁹ – в исходном предложении ‘письмо’ занимает субъектную позицию в структуре глагола дэ̄ру, а при передаче на русский язык переходный предикат получать открывает позицию объекта, на которую и перемещается письмо, освобождая

⁷ Алпатов В.М. Падежное варьирование в японском языке // Rhema. Рема. 2014. №1. С.15-16.

⁸ Фудзисава С. «Тигриное око» — орудие тайных убийц, 1977. (в пер. Л. Ермаковой, 2004 г.).

⁹ Там же.

центральную синтаксическую позицию для одушевленного субъекта: я получил.

Подобные смещения при переводе в обратном направлении – с русского языка на японский, если рассматривать их, например, в контексте изучения японского восприятия образов персонажей художественного произведения, дают интересный материал для последующего литературоведческого анализа как исходных, так и переводных текстов. Так, при передаче образа Разумихина в японских переводах произведения Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» наблюдается похожая трансформация: (3) Никакие неудачи его не смущали → *どんな失敗をしても、<...> 気落ちしない* донна сиппай о ситэ мо, <...> киоти синай досл. ‘сколько бы неудач не совершил, не расстраивался’¹⁰ или *どんな失策をしてもびくともしない* донна сиссаку о ситэ мо, бику то мо синай досл. ‘какие бы ошибки не совершил, оставался непоколебим’¹¹. Видно, что в японском переводе фокус внимания перемещается на человека, акцентируя его способности, качества характера, текущее состояние, а ‘неудачи’ смещаются на синтаксическую периферию, выпадая из числа основных партиципатов. То же можно наблюдать в отношении других художественных образов: исходный партиципant-субъект ‘уверенность’, которая ‘мучает’ Раскольникова, исчезает, растворяясь в предикате, и Раскольников остается единственным главным участником описываемого события: (4) Уверенность <...> начинала нестерпимо его мучить → *～と確信すると、たまらないほど苦しくなってきた...* то какунин суру то, тамаранай ходо курусисуку наттэ кита → ‘убедившись, пришел в невыносимо

---

¹⁰ В пер. Эгава Т., 1967 г.

¹¹ В пер. Ёнэкава М., 1935 г.

мучительное состояние'¹² или ~と思いこむと、いても立ってもいられないような気持になってきた... то омоикому то, итэ мо таттэ мо ирарэнай ёна кимоти ни наттэ кита 'убедившись, пришел в <...> невыносимо нетерпеливое состояние'¹³. Еще один пример из другого произведения: образ Анны Карениной также претерпевает многочисленные изменения в японском представлении с точки зрения количества участников вокруг нее; например, в сцене на балу. В исходном варианте у Л.Н.Толстого Анну окружает множество людей, любующихся ею, но в одном из японских переводов Анна остается единственным участником данной сцены, а любование и восхищение как толпы, так и Вронского передается с помощью предиката в страдательном залоге, акцентирующем ее состояние, а не процесс обмена чувств между персонажами: (5) не любование толпы опьянило ее, а восхищение одного → 一人の人から讚美されている хитори но хито кара самби сарэтэ иру досл. 'она была опьянена,> будучи обожаемой <не толпой, а> одним человеком'¹⁴. Видно, что такое распределение актанных ролей в японском предложении отчетливо фокусирует внимание японских читателей на главной героине как центре притяжения чувств Вронского, а его ощущения, в свою очередь, исчезают из числа партиципантов, переходя в глагольный предикат аналогично тому, как это было описано выше в примере (4). Более того, актанта 'Вронский' маркирован показателем исходного падежа кара, что еще больше уводит его на синтаксическую периферию, с точки

---

¹² Там же.

¹³ В пер. Кудо С., 1961 г.

¹⁴ В пер. Кимура Х., 1961 г.

зрения грамматической семантики приравнивая его к не более чем ‘источнику’ чувств.

Частным случаем такого способа переключения фокуса внимания «происходящее действие → результирующее состояние» является мена глагольного предиката на адъективный, который также исключает объектную позицию в своей актантажной структуре. Рассмотрим несколько таких примеров.

(6) Щурился прокуратор не от того, что солнце жгло ему глаза, нет!¹⁵

太陽がまぶしかったからではなかった тайё га мабусикатта кара дэ ва накатта¹⁶ досл. ‘не от того, что солнце было ослепительным’

太陽がまぶしかったせいではけっしてなかった тайё га мабусикатта сэй дэ ва кэсситэ накатта¹⁷ досл. ‘совсем не от того, что солнце было ослепительным’

В данном случае предикат ‘ослепительный’ исключает наличие не только объектной позиции для партиципанта ‘глаза’, но и лишает исходное предложение адресата: ‘ослепительный кому?’ – в результате из трех участников в переводе на японский язык остается только один. Похожая ситуация в следующем примере (7) с той разницей, что объектная позиция изначально не заполнена, но она факультативна, поэтому пропозиционально структура идентична примеру (6) – (щекотать кого? что?):

(7) Да и совесть бы щекотала¹⁸.

¹⁵ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита.

¹⁶ В пер. Наката Т., 2006 г.

¹⁷ В пер. Мидзуно Т., 2008 г.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание.

それに、良心の方からいったって、<...>くすぐったいわけだからな сорэ ни рёсин но хō кара иттаттэ, <...> кусугаттай¹⁹ или おまけに良心がこそばゆい о макэ ни рёсин га кособаюи²⁰ → ‘совесть какая? зудящая, щекочущая’.

В обоих вариантах в результате замены предиката на адъективный факультативная объектная валентность исчезает, лишая предложение потенциального участника. А в следующем примере (8) исчезают сразу оба главных участника:

(8) Ваша любовь трогает меня, <но я не могу отвечать взаимностью>

お気持ちはありがたいと思う о кимоти ва аригатай то омоу²¹ или お気持ちは本当に嬉しい о кимоти ва хонтō ни урэсий²² → ‘ваши чувства мне приятны’.

Далее рассмотрим еще один случай расхождения в количестве участников синтаксической структуры японского и русского предложений, когда партиципant исходного высказывания, занимающий объектную позицию, перемещается в состав атрибутивной синтагмы, тем самым лишаясь статуса полноценного партиципанта: похлопать его по руке → похлопать его руку. Такая структура посессивной конструкции типична для японского языка, в котором существует запрет на дативное оформление внешнего посессора (подробнее об этом в работе У.П.Стрижак об агентивной

¹⁹ В пер. Ёнэкава М., 1935 г.

²⁰ В пер. Китагаки Н., 1967 г.

²¹ В пер. Дзиндзай К., 1957 г.

²² В пер. Нумано М., 2012 г.

нагрузке вторичных актантов в японском предложении²³). С точки зрения количества участников такие предложения примечательны тем, что исходный адресат: кому пожать руку, кого погладить по голове? – перемещается на определительную позицию: чью руку, чью голову – лишаясь тем самым статуса полноценного партиципанта. Рассмотрим несколько таких примеров.

(9) あらゆる時間は、<...> 僕の背中を押し араюру дзикан ва <...> боку но сэнака о оси → время <...> ‘толкало меня в спину <и куда-то перемещало’²⁴

(10) иkanie за столом отбивает у других аппетит²⁵ → しやくくりをするなんて、他人の食欲を減退させる сяккури о суру нантэ, танин но сёкуёку о гэнтай сасэру ‘икаешь и отбиваешь аппетит других людей’

В японском представлении – как в оригинале (9), так и в переводе (10) – адресаты ‘я’ и ‘другие люди’ оформлены родительным падежом, что исключает их из числа участников описываемого события.

***

Следует отметить, что в ходе исследования были обнаружены и обратные случаи распределения актантных ролей, когда в японском варианте количество участников увеличивается по сравнению с русским текстом. Прежде всего, это обусловлено появлением третьего участника в конструкциях побудительного залога: 人に口座を作らせる

---

²³ Стрижак У.П. Агентивный потенциал вторичных актантов в японском предложении (опыт корпусного исследования) // Вестник Моск. ун-та. Сер.13. Востоковедение. 2024. Т.68, №1. С.117-134. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-1-9.

²⁴ Накамура Ф. Карманник, 2009 г. (в пер. Е.Рябовой, 2020 г.).

²⁵ Булгаков М.А. Собачье сердце (в пер. Т.Мидзуно, 2011 г.).

хито ни кōдза о цукурасэру ‘заставить человека открыть счет’. Но помимо таких классических случаев возникновения третьего участника, в параллельных текстах было обнаружено значительное количество японских предложений, как оригинальных, так и переводных, в которых описание объекта при воздействии на него детализируется, а именно: вычленяется некоторый дополнительный фрагмент этого объекта (часть тела, элемент одежды, ощущение), который оформляется как прямой объект:

- (11) 素早く店内を移動してレジカウンターの中に身体をすべりこませ、客を待たせないように субаяку тэннай о идō ситэ рэдзи каунтā но нака ни синтай о субэрикомасэ, кяку о матасэнай ёни²⁶ → чтобы не заставлять клиента ждать, я мигом перепархиваю через зал, проскальзываю за прилавок;
- (12) びっくりするほど身体を震わせて振り向き、私だと解ると顔をしかめた биккури суру ходо синтай о фурувасэтэ фуримуки, ватаси да то вакару то као о сикамэта²⁷ → ‘вздрагнув от неожиданности так, что я сама испугалась, он развернулся, узнал меня – и тут же скривился’

В примере (11) японское описание содержит высоко-агентивную каузативную конструкцию, описывающую, как героиня произведения ‘скользящим движением просовывает свое тело’ за прилавок – таким образом, в предложении заполнена объектная позиция глагола в побудительном залоге: просовывать что? Для русского языка такая конструкция явно избыточна, поэтому в переводе ‘тело’ как участник события исчезает, и остается лишь один участник,

²⁶ Мурата С. Человек-комбини. 2016 г. (в пер. Д. Коваленина, 2020 г.)

²⁷ Там же.

который просто ‘проскальзывает’. В примере (12) таких исчезающих в переводе соматических объектов сразу два: ‘вздрагнув’ в оригинале звучит как ‘встряхнув свое тело’, а ‘скривился’ – как ‘нахмурил лицо’. Соответственно, из трех участников в русском переводе остается только один, что говорит о высокой агентивности соматических единиц японского языка. Например, в произведении Б.Ёсимото «Кухня» более половины конструкций в побудительном залоге составляют выражения, включающие соматизмы на объектной позиции типа 頭をしゃんとさせる атама о сян то сасэру как ‘призадуматься’. Соответственно, при переводе русских текстов на японский язык количество участников в таких конструкциях не уменьшается, а увеличивается:

- (13) Эта мысль оскорбляла его²⁸ → 考えはひどく彼の心を傷つけた кангаэ ва хидоку карэ но кокоро о кидзуцукэта досл. ‘ранила его душу / сердце’
- (14) Странное чувство остановило меня²⁹ → あるふしぎな感情が、わたしの足を引き止めた ару фусиги на кандзё га ватаси но аси о хикитомэта досл. ‘остановило мои ноги’

Видно, что в японских переводах в (13) и (14) число участников в каждом предложении удваивается за счет дробления каузируемого объекта на составляющие: ‘его → его сердце’, ‘меня → мои ноги’. С увеличением числа партиципантов возрастает и объем отношений между ними, как следствие – усиливается агентивная составляющая высказывания. Таким образом, можно констатировать, что описание соматических отношений в японском языке агентивно нагружено.

²⁸ Толстой Л.Н. Анна Каренина (в пер. Кимура Х., 1961 г.)

²⁹ Тургенев И.С. Первая любовь (в пер. Ёнэкава М., 1933 г.)

В целом данное исследование показало, что в контексте противопоставления «состояние-действие» подтверждается прескриптивно указанная низкоагентивность японского языка. Исключение составляет описание отношений и действий, связанных с задействованием соматических элементов – корпусное исследование параллельных текстов показало высокую агентивность таких конструкций. Дальнейшее изучение проблемы количества участников в японском высказывании будет продолжать вносить вклад в семантико-синтаксическое описание японского языка.

ГЛАВА 3. ОТ «ЗАПИСОК» ДО «ВЕБ-НОВЕЛЛ»: ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Образ рыбы в современной японской психологической прозе

(Хронопуло Л.Ю.)

Среди рыб в традиционной японской культуре наиболее известна символика карпов кои, олицетворяющих силу и выносливость, настойчивость и решимость, – то есть мужское начало. Второе представление о рыбах в японской мифологии связано с символикой изобилия и плодородия: будучи способной метать икру, рыба может олицетворять плодovitость и сексуальность (то есть женское начало), но наряду с этим – также холодность и равнодушие. Кроме того, рыба может служить аллегорией удачи, счастливого случая, успешного «улова», что отражает, например, японская поговорка: *Янаги-но сита-ни ицумо додзэ ва инай* – «Не всегда под ивой повезёт выловить гольца»¹. Проследим, как эти и некоторые другие представления о рыбах отразились в психологической прозе современных японских писателей, авторов разных жанров.

Теме гордости и независимости, достойной самурая, но приводящей героя к гибели, посвящён детективный рассказ Акагава Дзиро (р. 1948) «Мужчина с сильной волей»². Молодая кокетливая жена пожилого профессора едет вместе с ассистентом мужа в уединённый домик в горах, куда муж удалился на два месяца писать книгу. Ассистент

---

¹ Galef David. Japanese Proverbs. Wit and Wisdom. Singapore, 2012. P. 88.

² Акагава Дзиро. Иси-но цуёй отоко. (Мужчина с сильной волей) // в сб.: Одору отоко. (Танцующий мужчина). Токио, 1986. С.129-132.

недолюбливает женщину, зная слухи о её романах с молодыми сотрудниками мужа. Профессора они находят умершим голодной смертью; вызванная полиция недоумевает, как мог мужчина умереть рядом с полным холодильником и кладовкой, забитой различной снедью. Преступление раскрывает лишь ассистент: в доме нет рыбных продуктов, а профессор не ел ничего, кроме рыбы. Холодильные камеры заполняла жена; профессор, приехав в дом, удалённый на сотни километров от любого жилого пункта, понял, что её целью было избавиться от него. Он не стал ни «унижаться», пытаясь доехать до жилого пункта по занесённым снегом горам, ни пробовать съесть аллергенный для него, то есть не рыбный продукт, предпочтя голодную смерть. Жена хорошо знала принципиальность и крайнее упрямство мужа, знала, что гордость не позволит ему ни звонить и просить подвезти рыбных продуктов, ни пытаться выбраться из занесённого снегом домика, ни перейти на не рыбное меню, вследствие чего её расчёты оправдались. Здесь образ рыбы имеет метафорическое значение: с одной стороны, подчёркивается «рыбья» холодность профессорской жены, её расчётливость и жестокость, и одновременно с этим – сексуальная притягательность, изменчивая натура и кокетство. С другой же стороны, даётся отсылка к образу из японского фразеологизма *манаита-но кои* – «(словно) карп на разделочной доске»³: поняв, что жена его не любит и всё подстроила, так как лучше других знала о его продуктовой аллергии и особенностях диеты, принципиальный профессор из гордости не пожелал бороться за жизнь и принял свою гибельную участь, предreshённую неверной супругой, подобно карпу на разделочной доске.

---

³ Galef David. Japanese Proverbs. Wit and Wisdom. Singapore, 2012. P. 151.

Образ рыбы, символизирующий женскую холодность и коварство, можно встретить также в остросюжетном полицейском детективе Кусака Кэйсукэ (1940-2006) «Жестокий ангел»⁴. Название двусмысленно: с одной стороны, оно отсылает к образу рыб-скаляриев, которых также принято называть термином *эндзэру фиссю* (от англ. Angelfish) или *тэннин исидай* – то есть «рыба-ангел», именно поведение этих рыб помогает раскрыть убийцу; с другой стороны – название отсылает к жене убитого, которая кажется невиновной, но чья ангельская внешность и доброта оказываются обманчивы. Следователю удаётся выяснить, что если запустить к скаляриям в аквариум других рыбок, – голубых неонов, – кажущиеся безобидными и спокойными красавицы-скалярии уничтожат их, защищая свою территорию, на которой кормятся; поминутно распутывая сложный клубок событий в день убийства, детектив узнаёт у продавца зоомагазина, что жена убитого в тот день покупала этих хищных рыб, с которыми направилась к мужу в кабинет. В результате голубые неоны были уничтожены «ангелами», как и муж – своей «ангелоподобной», а на самом деле корыстолюбивой хищницей-женой, которую никто бы не заподозрил.

В рассказе-психологическом хорроре Атода Такаси (р. 1935) «Женщина – Рыбы по гороскопу»⁵ речь также идёт о губительном образе женщины, рядом с которой психика мужа не выдерживает давления: бесплодный мужчина начинает постепенно сходить с ума, слушая постоянные заверения молодой жены, что у них всё равно родится ребёнок, «лупоглазенький, словно рыбка, мальчик». Женщина

---

⁴ Кусака Кэйсукэ. Дзанкокуна тэнси. (Жестокий ангел) // в сб.: Мисутэри дайдзэнсё. (Большое собрание остросюжетной прозы). Токио, 1986. С.121-156.

⁵ Атода Такаси. Уодза-но онна. (Женщина – Рыбы по гороскопу) // в сб.: Кимёна хирусагари. (Странный день). Токио, 1996. С.69-77.

воображает себя рыбой, восторгается тем, что по гороскопу она – Рыбы, а значит, внутри у неё «икринки», в которых ожидают появления на свет маленькие рыбки; в воображении мужчины, психика которого уже надломлена после гибели первой супруги в автокатастрофе, всё чаще рисуется отвратительное скользкое существо, которое станет его сыном, и мужчина теряет рассудок. Здесь рыбы также аллегорически представляют зацикленность женщины на своей сексуальности и плодовитости, что соседствует с разрушительным воздействием навязчивых идей и странных фантазий жены на мужа, который ощущает свою абсолютную беспомощность; в результате оба супруга сходят с ума.

В 2009 году Атода Такаси опубликовал два коротких психологических триллера: «Женщина, которая держит золотых рыбок»⁶, и «Мужчина, который держит золотых рыбок»⁷. В первом из них представлено отчаяние женщины, которую дважды предали любимые мужчины. Героиня понимает, что средств вырастить ребёнка в одиночку у неё не хватит, и с глубоким чувством вины вынуждена избавиться от обеих беременностей. Но после каждого аборта несостоявшаяся мать покупает себе золотую рыбку: первую называет именем, выбранным для неродившегося сына, вторую – именем для дочки. О питомцах она заботится, как о собственных детях. Когда же третий мужчина тоже бросает её, женщина впадает в безумие от горя и, отравив предателя, запускает к «деткам» в аквариум более крупную рыбку, представив её «сыну» и «дочери» как их

---

⁶ Ато́да Такаси. Кингё-о кау онна. (Женщина, которая держит золотых рыбок) // в сб.: Сайго-но мэссэ́дзи. (Последнее послание). Токио, 2009. С.98-102.

⁷ Ато́да Такаси. Кингё-о кау отоко. (Мужчина, который держит золотых рыбок) // Там же. С.196-208.

«папу», который теперь наконец-то у них будет. Это уже второе произведение автора, где образ рыбы соседствует с потерей рассудка главным персонажем – но на сей раз женским. Образ женщины вновь представлен губительным как для самой героини, так и для мужчины; аналогично рассказу «Женщина – Рыбы по гороскопу» рыбки предстают символом плодовитости, сексуальности главной героини, причём в обоих рассказах эта «плодовитость» оказывается безрезультатной, не востребовавшей. Также в образе рыб можно усмотреть олицетворение холодности, равнодушия: подобно рассмотренным выше произведениям Акагава Дзиро и Кусака Кэйсукэ, героиня Атода Такаси в какой-то момент становится «по-рыбы холодна» и хладнокровно убивает своего мужчину.

В рассказе Атода Такаси «Мужчина, который держит золотых рыбок» серийный убийца повествует о своей жизни. Маньяк вспоминает, что с детства мечтал о домашнем питомце, но их бедная неполная семья могла позволить только содержание золотых рыбок в старом аквариуме. Рыбки в данном психологическом триллере опять-таки символизируют женскую сексуальность: меняя воду в аквариуме, пятнадцатилетний подросток опускал туда руки, и скользящие между его пальцами гладкие тельца рыбок дарили ему невыразимое блаженство. В нём зародилось жадное желание ласки, неотступно начала преследовать мечта о женских объятиях, что, по его мнению, и привело его к серии убийств в результате вспышек ярости в адрес отказывавших ему женщин. Убийца считает, что, если бы золотые рыбки не пробудили в нём сексуальное желание, он не стал бы маньяком.

Женская привлекательность прочно связалась в его сознании с образом рыбы; когда юношей он случайно наткнулся в лесу на труп неизвестной и, по-видимому,

только что погибшей женщины, он тотчас воспользовался шансом впервые разглядеть женское тело, и ему сразу подумалось, что женщина похожа на рыбу: такая же мягкая и гладкая. Подобным образом – проводя параллели с рыбой – тело красивой чемпионки по плаванию Кохацу описывает и писательница Окамото Каноко (1889-1939) в рассказе «Странный мир»: «Внутренняя поверхность руки, до самого бока, неожиданно оказалась мягкого белого цвета. Рука напоминала спину и брюхо рыбы»⁸. У начинающего маньяка как раз был с собой нож для чистки гольца; с его помощью он срезал небольшой лоскуток кожи женщины и дома, запустив в аквариум, убедился, что эта частица тела по волшебству превратилась в крупную и красивую золотую рыбу. С тех пор извращенец стал одержим открывшимся ему «неведомым чудом» и начал убивать женщин, стремясь пополнить свою коллекцию: срезанные части каждой жертвы неизменно превращались в рыб. За пять лет он убил семерых и держал в аквариуме восемьдесят четыре золотых рыбки. В данном рассказе рыба вновь символизирует и безумие героя, как в двух предыдущих рассказах Атода Такаси, и женскую сексуальность: жертвами маньяка становятся только те, кто носят юбки, так как части тела лишь у «женственных», по его мнению, женщин способны превращаться в удивительно красивых рыб. Но однажды его заманивает к себе красавица-проститутка, которая тоже оказывается серийной убийцей: она открыла, что части тела некоторых мужчин после смерти способны превращаться в золотых рыбок, и с тех пор фанатично продолжает своё «исследование», а маньяк становится очередной её жертвой.

---

⁸ Бреславец Т.И. «Странный мир» японской писательницы Окамото Каноко // в сб.: Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы VIII Международной научной конференции. Том 2. 2018. С.148.

В бытописательском философском рассказе Атода Такаси «Продавец золотых рыбок»⁹ у молодой пары погибает одна рыбка в аквариуме; узнав, что вторая может зачахнуть с тоски, потому что продолжительность жизни большинства существ статистически выше в паре, девушка покупает новую рыбку у бродячего продавца золотых рыбок. Тот выглядит подавленным и рассказывает, что недавно похоронил супругу, с которой прожил всю жизнь. Вскоре старик исчезает с улиц города, его больше никто никогда не видел, – подразумевается, что его не стало, он ушёл вслед за любимой женой. В этом атмосферном произведении представлен образ рыб как будущего, судьбы, надежды. При этом продавец и покупательница тоже могут быть рассмотрены в качестве метафорических образов: старик помогает девушке спасти приболевшую с тоски любимицу и философски рассуждает о жизни людей в паре и в одиночестве, пока Нобуко вдумчиво подбирает новую рыбку – такую, чтобы внешне она походила на погибшую. Это восходит к легенде о продавце золотых рыбок как о божестве, направляющем судьбы людей, – образ, встречающийся в том числе у классика японской литературы Нацумэ Сосэки, аллюзию на «Восьмую ночь» которого можно усмотреть в данном рассказе.

Золотые рыбки и их продавец встречаются в восьмой новелле цикла Нацумэ Сосэки (1867-1916) «Десять ночей грёз». Данный экспериментальный цикл состоит из десяти коротких новелл. Сон является новаторской техникой в творчестве Нацумэ; писатель использует образы не только японского фольклора, но и мировой литературы. Мир фантазий, представленный в снах главного героя цикла

---

⁹ Атода Такаси. Кингё-ури. (Продавец золотых рыбок) // в сб.: Табэра-рэта отоко (Съеденный мужчина). Токио, 2008. С.10-14.

«Десять ночей грёз», выстроен при помощи определённых иносказательных образов, среди которых в восьмом сне встречаются и рыбы – как знак человеческой судьбы, участи, надежды.

Содержание новеллы «Восьмая ночь»¹⁰ таково: главный герой видит во сне продавца, который торгует разноцветными рыбками; в данном образе угадывается бог, предстающий как раздатчик разных судеб, и на красоту и многоцветье судьбы способен повлиять сам человек – в зависимости от того, чем он готов заплатить. Вокруг продавца рыбок суета, все отталкивают друг друга и суют ему деньги, выбирая рыбок. Сам же продавец остаётся совершенно невозмутимым и только предоставляет людям выбранную рыбку (аллегория: как бог – выбранную долю), никак не участвуя в их выборе, не советуя, не помогая и не подсказывая.

На материале произведений популярных современных писателей можно сделать вывод, что в японской психологической прозе образ рыбы чаще всего связан с женским началом: он либо воплощает женскую сексуальность и материнство (возможно, мнимое, несостоявшееся по тем или иным причинам); либо женскую холодность и равнодушие, способные обернуться опасностью для партнёра (в четырёх работах женщина убивает мужчину). Вместе с тем можно усмотреть и тенденцию к философской трактовке образа рыбы как человеческой судьбы; и тогда золотые рыбки соседствуют с образом продавца, олицетворяющего собой какие-то высшие силы: возможно, бога или случай.

---

¹⁰ Нацумэ Сōэки. Дайхатия. (Восьмая ночь) // в сб.: Юмэдзю (Десять ночей грёз). Токио, 2016. С.53-56.

**Особенности бинарной оппозиции ути / сото
на примере рассказа Нагаи Кафу «Первое января»**

(Санина К.Г.)

1 мая 2024 г. президент США Дж. Байден в своей предвыборной речи заявил, что Япония ведет ксенофобскую политику относительно миграции, что играет негативную роль в экономическом развитии островного государства¹. Существование ксенофобии в Японии сложно отрицать – один факт отсутствия в японском законодательстве статьи, запрещающей расовую дискриминацию, говорит сам за себя². Одной из основных концепций, которая лежит в основе восприятия японцами себя, своей страны, окружающего мира и его представителей, является дихотомия *ути/сото*³ – именно на ней зиждутся в том числе и ксенофобские взгляды определенной части японского общества. Изучение данной концептуальной диады позволяет в целом лучше понять ключевые аспекты мировосприятия японцев, что несомненно является актуальной задачей, особенно учитывая экстремально обострившиеся противоречия в сфере международных отношений.

Сборник рассказов японского писателя Нагаи Кафу (1879-1959) «Повесть об Америке» (Америка моногатари, 1908) дает представление о разных интерпретациях дихотомии

---

¹ Hunnicutt, T. Biden Blames China, Japan and India's Economic Woes on 'Xenophobia'. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-blames-china-japan-indias-economic-woes-xenophobia-2024-05-02/> (дата обращения: 18.05.2024).

² Нагорнова, А.Ю., Нагорнова С.Ю. Основные формы дискриминации иностранцев в Японии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. №3. С.8.

³ Санина, К.Г. Дихотомия ути / сото и инверсия гендерных ролей в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т.2. №1. С.45.

ути / сото в художественной литературе. Например, в рассказе «Первое января» (Итигацу цуитати) Кафу использует прямое противопоставление *ути* и *сото*. По мнению Р.Хатчинсон, это самая распространенная интерпретация данной оппозиции в сборнике «Повесть об Америке» – контраст между рестриктивным конфуцианским обществом в Японии и обителью свободы личности и демократии в США⁴. М. Акияма выражает некоторое несогласие с этой точкой зрения, утверждая, что эстетизм Кафу вступал в противоречие с американским пуританизмом, поэтому «его понимание американской демократии можно описать как поверхностное, эмоциональное и эгоцентричное»⁵. Однако недостаточно глубокое понимание сути явления или сугубо эмоциональный подход к нему не остановили Кафу в его стремлении изобразить США как страну свободы, противопоставив её систему ценностей строго регламентированным правилам японского конфуцианства. Ни в коем случае нельзя утверждать, что Кафу воспринимал США «сквозь розовые очки», о чём свидетельствуют шок и возмущение, выраженные в его дневниковых записях из «Записок вернувшегося из путешествия на Запад» (Сайю-ниссиссё) от 12 и 16 апреля 1906 г.⁶ и более позднем эссе «Воспоминания об Америке»⁷ (Америка но омоидэ, 1945), по поводу запрета оперы Р.Штрауса «Саломея» в «Метрополитен-опера» в 1907 г. и того, как скандально, буквально

---

⁴ Hutchinson, R. Who holds the whip? Power and Critique in Nagai Kafu's *Tales of America*// *Representing the Other in Modern Japanese literature. A critical approach*. New York, Routledge, 2006. P.59.

⁵ Akiyama, M. The American Image in Kafu Nagai and Henry James // *Comparative Literature Studies*. 1981. №18. P.97.

⁶ Кафу дзэнсё 荷風全集 (Полное собрание сочинений Нагаи Кафу). Т.19. Токио: Иванами сётэн, 1992. С.5-54.

⁷ Кафу дзэнсё 荷風全集 (Полное собрание сочинений Нагаи Кафу). Т.17. Токио: Иванами сётэн, 1992. С.205.

клеветнически подавался визит М.Горького в США в 1906 г. в американской прессе.

Тем не менее, концепт «свободы», являющийся определяющим для западного общества по сей день, представлялся Кафу настолько важным инструментом для построения картины резкого контраста с жесткими рестриктивными нормами, в соответствии с которыми существовало в начале XX в. японское общество, что писатель его утрирует и идеализирует для усиления эффекта от критического описания «несвободы» японского социума. «Первое января» – не единственный рассказ, в котором использован прием прямого противопоставления американской «свободы» и японской «несвободы». Например, очень ярко эта оппозиция проявилась в рассказе «Два дня в Чикаго» (Сикаго но фуцука), где Кафу делает акцент на том, насколько по-разному воспринимаются права и свободы женщин в США и Японии⁸. Особенно ярко этот контраст представляется в сцене, где молодая пара американцев Джеймс и Стелла исполняют «Грэзы» Р.Шумана: «Когда влюбленная пара закончила играть, Стелла, не выпуская из рук скрипку, наклонилась к Джеймсу и дважды пылко его поцеловала. Будто не в силах совладать с вихрем чувств, бушевавших в её душе, Стелла крепко прижалась к груди Джеймса. Потом она внезапно отпрянула от него, подняла скрипку и заиграла обожаемую американцами веселую мелодию «Дикси»⁹.

Безусловно, подобное страстное проявление чувств со стороны девушки на публике было абсолютно неприемлемо

---

⁸ Sanina, K. A Gender Factor of the Uchi / Soto Concept in Nagai Kafu's "Tales of America" // Science, Technology, Life – 2014: Proceedings of the International Scientific Conference. Czech Republic, Karlovy Vary, 27-28 December 2014. Karlovy Vary. 2015. P.714.

⁹ Нагаи Кафу 永井荷風. Амэрика моногатари アメリカ物語 (Повесть об Америке). Токио: Иванами сётэн, 2000. С.211.

для японского общества. Однако, весьма сомнительно, что оно считалось подобающим и в США в начале XX в. – молодые обрученные пары естественно могли проявлять подобные пылкие знаки привязанности наедине, но не перед своими семьями и гостями¹⁰. Кафу сознательно гиперболизирует выражение чувств со стороны Стеллы, чтобы изобразить более яркий контраст между «свободной» западной и условной «несвободной» японской девушками: «Зависть к человеку, рожденному в свободной стране, сжимала мое сердце. Кем посчитали бы Стеллу японские знатоки трудов Конфуция? Невежественным созданием? Сладострастным животным? Но в свободных странах не существует тягостных учений, противоречащих главному – Евангелию любви»¹¹.

Реакция рассказчика-японца на статую Свободы в рассказе «Летнее море» (Нацу но уми) также отражает идеализированное видение американской «свободы»: «До сих пор мне не приходилось видеть подобного монумента. При взгляде на нее хотелось, не помня себя, не думая ни о чем, броситься к ее ногам. Наверное, пробуждение подобных чувств было главной задачей при сооружении памятника, и его положение, скорее всего, было выбрано с расчетом на это. Несмотря на то, что это произведение искусства превратилось в деталь ландшафта и, возможно, зачастую не производит особого впечатления на людей, я испытал поистине глубокие чувства при взгляде на статую Свободы.

Люди, прибывавшие сюда на утлых суденышках, поклоняются этой статуе, обращенной лицом к цитадели демократии на берегах Атлантического океана, и каждого

---

¹⁰ Sanina, K. Ibid. P. 714.

¹¹ Нагаи Кафу. Америка моногатари. С.210.

она трогает до глубины души. Эта статуя – символ Нового Света, проводник новых идей и в то же время, она не только железная стена, крепость на пути врагов, но и покровительница сильного патриотического духа американцев. Я слышал, что статуя Свободы была подарена Америке Францией, но размышляя о мастерстве скульптора, создавшего этот памятник, иногда я ловлю себя на мысли, что эта статуя сродни богам»¹². М.Акияма отмечает, что подобное восприятие США как земли «абсолютной свободы» отражает попытки Кафу опосредованно через свое художественное творчество «бунтовать» против полуфеодального, аристократического, патриархального уклада его собственной семьи¹³. Какими бы ни были мотивы писателя, в вышеупомянутых рассказах присутствует явное противопоставление японского *ути* американскому *сото* с очевидной утрированной идеализацией последнего для интенсификации контраста между «несвободой» *ути* и «свободой» *сото*.

В рассказе «Первое января» сюжет разворачивается вокруг празднования Нового года японскими служащими американского филиала одного японского банка. Банкет проходит с традиционными японскими новогодними угощениями типа супа *дзони*, японцы могут позволить себе наконец не сдерживать себя в соответствии с правилами западного этикета – они шумно наслаждаются блюдами японской кухни и передают друг другу рюмки с *саке* как это принято в Японии¹⁴. Этот момент достаточно символичен в контексте противопоставления *ути* и *сото*, так как Л.В.Никитина отмечает «четкое понимание роли «своего» и «чужого» в таком важном для японцев с бытовой и обрядово-

---

¹² Там же. С. 221-222.

¹³ Akiyama, M. Ibid. P.96.

¹⁴ Нагаи Кафу. Указ. соч. С. 174.

ритуальной точек зрения явления, как пища», а также полагает, что «система питания в Японии чрезвычайно самобытная, устойчивая, ревностно сохраняющая свои традиционные элементы»¹⁵.

Гости обращают внимание на отсутствие одного из сотрудников филиала банка – Канэда, который не жалуется подобными мероприятиями своим вниманием, поскольку считает, по словам одного из гостей, что «нет ничего более противного, чем рис и сакэ»¹⁶. Канэда прожил в США более шести лет и не собирается возвращаться на родину. Кафу делает явный акцент на противопоставлении Канэда его соотечественникам-сослуживцам и Японии в целом, несколько раз употребляя слова «рис» (четыре раза) и «сакэ» (три раза) в контексте отторжения Канэда этих столпов гастрономической культуры родной страны. Более того, писатель использует не только слова *комэ* или *гохан* для обозначения риса, а берет для этой цели также слово *нихоммэси* (дословно – «японская еда»), включающее в себя название Японии, чтобы еще больше подчеркнуть глубину разрыва Канэда со своей страной. Тот же прием писатель использует и в отношении сакэ – используется не только само это слово, а его синоним *нихонсю* (дословно – «японский алкоголь»)¹⁷.

В конце концов один из гостей заступает за Канэда и роль рассказчика переходит к нему. Он начинает рассказ о разговоре с Канэда в одном французском ресторане, а затем повествование ведется уже от лица самого Канэда – предыдущий рассказчик выступает здесь в качестве слуша-

---

¹⁵ Никитина Л.В. Культура питания современной Японии: единение традиций и инноваций // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №3. С.145.

¹⁶ Нагаи Кафу. Указ. соч. С.175.

¹⁷ Там же. С.175-176.

теля и собеседника. Такая сложная структура нарратива со сменой нескольких рассказчиков характерна для многих рассказов в сборнике «Повесть об Америке»¹⁸. К.Ито называет подобную структуру нарратива «неуклюжей и неестественной», подчеркивая, что Кафу словно ищет с ее помощью свой авторский голос, в финальных рассказах «Повести об Америке» обращаясь окончательно к форме повествования от первого лица, когда за рассказчиком отчетливо вырисовывается фигура самого писателя¹⁹. Однако в рассказе «Первое января» сложная структура нарратива служит определенным целям, которые становятся очевидными в финале повествования.

Канэда говорит о причинах, по которым не испытывает любви к японской традиционной кухне – она напоминает ему о покойной матери, вынужденной на протяжении всей супружеской жизни терпеть упреки от ее мужа, отца Канэда, по поводу фактически всего, что она делала. Канэда красноречиво описывает своего отца: «Мой отец сейчас в отставке, но раньше был судьей в суде высшей инстанции. До реставрации Мэйдзи он получил образование старого образца, с молоком матери впитав страсть к изяществу и утонченности старого Киото. Он был ценителем искусств, прекрасно разбиравшимся во всем, начиная от антикварных образчиков каллиграфии, до мечей и образцов искусства бонсай, и наш дом из-за них напоминал то ли убежище садовника, то ли лавку старьевщика»²⁰. Таким образом, отец Канэда фигура доминантная не только в рамках семьи, но и в рамках социальной иерархии, что делает его не просто домашним тираном, а фигурой, воплощающей опрессию общества и власти по отношению к японской женщине, а

---

¹⁸ Санина К.Г. Указ. соч. С.47-48.

¹⁹ Ito, K. *Visions of Desire: Tanizaki's Fictional Worlds*. Stanford. 1991. P.36.

²⁰ Нагаи Кафу. Указ. соч. С.177.

его тонкое знание и глубокий интерес к традиционным искусствам делают его безжалостность к собственной жене еще более вопиющей. Вот как Канэда описывает динамику отношений внутри его семьи: «Так что первыми словами, которые я услышал после рождения, была брань отца в адрес моей матери, и первое, что я увидел, была моя мать, постоянно погруженная в дела и заботы, не имевшая ни одной свободной минуты. Невинное детское сердце сжималось от страха при виде отца и изнывало от жалости при виде матери»²¹.

Однако по мере взросления Канэда начинает знакомиться с западными идеями, которые полностью противоречат строгим нормам конфуцианства и самурайского кодекса бусидо – вновь *ути* вступает в прямой конфликт с *сото*: «Живя в таких условиях и составив для себя подобную картину внутрисемейных отношений, я поступил в среднюю школу. Там я прочел книги на английском языке о жизни идеальных семей и невинных детей. Я читал журналы, в которых так часто говорилось о любви и семье, и этот гармоничный образ западной семьи поразил мое воображение. В то же время отец убеждал меня, что основой человеческого благополучия являются учение Конфуция и кодекс бусидо, но в душе моей уже утвердился дух неповиновения отцу, и учение Конфуция, и кодекс бусидо, о которых он говорил, казались мне врагами человеческого счастья»²². Канэда мечтает о своем собственном доме, куда он перевезет свою мать, но его мать умирает незадолго до того, как он заканчивает школу.

Муж холодной, снежной зимней ночью заставил ее занести в дом со двора саженец сосны *бонсай*, и она пошла

---

²¹ Там же. С.178.

²² Там же. С.179.

выполнять его приказание в одной ночной сорочке, после чего заболела и вскоре скончалась. Мать Канэда словно становится жертвой жестокости супруга и опосредованно японских традиций, которые символизирует *бонсай*, поощряющих подобное отношение к женщине. Именно по этой причине один вид японских традиционных блюд и саженцев деревьев внушает Канэда отвращение – они напоминают ему о мучительной жизни и скоропостижной смерти его матери.

Прибыв в США, Канэда собственными глазами увидел, что женщина, пусть даже это поверхностное впечатление, может быть равна в правах мужчине, что отношения в семье могут строиться на взаимном уважении, а в обществе женщина может вести себя достаточно свободно. В то время как многие его соотечественники считают раскрепощенность американок недостатком, Канэда считает это их качество замечательным: «Некоторые японцы критикуют за это американские семьи и, возможно, это лишь поверхностное, формальное проявление семейных отношений, но когда муж отрезает за обедом первый кусок мяса и кладет его в тарелку жене, а она в ответ заваривает ему чай и дает сладости – подобные сцены наполняют мое сердце радостью, и я не хочу узнавать, что там происходит за фасадом этих отношений, чтобы не разрушить это ощущение.

Когда я вижу девушек, выбравшихся весной на загородный пикник, готовящих огромные сэндвичи и очищающих от кожуры яблоки, или женщин, зашедших в ресторан по пути домой из оперы, пьющих в сопровождении мужей шампанское, я испытываю радость. Они наслаждаются жизнью, развлекаются, они счастливы. Для меня, не виде-

шего до этого счастливых жен и матерей, их лица не являются поводом для критики»²³.

В конце рассказа сложная структура нарратива сворачивается, как бы возвращая нас из французского ресторана, где Канэда рассказывал историю своей жизни второму рассказчику, гостю на новогоднем приеме американского филиала японского банка, на этот самый прием, где второму рассказчику внимали все остальные гости, а последний абзац написан от лица первого рассказчика – он, сторонний наблюдатель, как бы подводит итог всем описываемым в рассказе событиям: «Человек закончил свой рассказ и снова взял палочки, чтобы доесть суп дзони. Гости сидели какое-то время молча, и вдруг в тишине все услышали, как глубоко вздохнула жена хозяина дома»²⁴. Рассказ о судьбе матери Канэда, судя по воцарившейся после него тишине, произвел впечатление на всех гостей приема, но в особенности на женщину, издавшую глубокий вздох, – жена японца, приехавшая за ним в Америку, она как никто другой понимает трагичность судьбы другой японской женщины. Единственная женщина на этом новогоднем приеме, несмотря на то что она находится в «стране свободы», она по-прежнему вынуждена исполнять свой долг согласно конфуцианским канонам – прислуживать своему мужу и его гостям.

Все участники приема как бы воссоздают японское общество в миниатюре, где доминируют интересы мужчин, а женщины находятся в подчиненном положении. Именно поэтому Канэда не хочет участвовать в подобных мероприятиях – ему неприятны не только рис и сакэ, но и все присутствующие, олицетворяющие ту систему социаль-

---

²³ Там же. С.180-181.

²⁴ Там же. С.181.

но-культурных ценностей, что привела к безвременной кончине его мать.

Таким образом, в рассказе «Первое января» изображается яркий контраст между конфуцианской моралью (*ути*) и более свободной в этом контексте Америкой (*сото*). Кафу критикует нравы современной ему Японии, воплощая оппозицию систем ценностей, характерных для его родной страны и США. Самая простая, на первый взгляд, бинарная структура дает писателю возможность создать впечатляющую по своей глубине картину пропасти, разделяющей положение женщин в Японии и США, что делает критическую направленность произведения более острой и эффективной. Подобное противопоставление можно рассматривать через призму теоретических изысканий С.Чень, в качестве проявления «антивластного окцидентализма» («anti-official Occidentalism»), который ученый трактует как дискурс, использующий «западного иного» (т.е. в данном случае – *сото*) как метафору для политического освобождения от идеологического угнетения в тоталитарном обществе (в данном случае – *ути*)²⁵. В то же время, очевидно, что Кафу не испытывает особых иллюзий относительно безграничности и непогрешимости американской «свободы», о чем говорит упоминание героем рассказа возможности поверхностности и формальности проявления взаимного уважения в американских семьях.

---

²⁵ Chen, X. Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China. New York. 1995. P.7-8.

**Нравственный потенциал красоты
в литературе средневековой Японии:
Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» (986-1000)**

(Карцева М.А.)

«Мир спасёт красота»
(Ф.М.Достоевский)

Красота – одна из основных категорий духовной культуры, которая, пребывая в первобытном синкретизме форм, являлась первоисточником религии (верований) и искусства. С древних времен этика и эстетика шли рука об руку, зародившись из ритуала. Безусловно, созерцание красоты является духовным опытом, раскрывающим нравственный потенциал личности. «Записки у изголовья» – прежде всего книга о красоте, каталог прекрасного в художественном мире средневекового автора. «Сэй-Сёнагон дифференцирует разные типы красоты и говорит в своей книге о красоте возвышенной, вызывающей священный трепет, о красоте утонченно-изящной, о печальной красоте, о необычной, оригинальной красоте...» [Сэй-Сёнагон 2023: 23].

Жанр дневниковой прозы был ориентирован на эстетическую и эмоциональную насыщенность, восприятие и эстетическая переработка реальности легли в основу художественного метода, события и предметы описываются не как самостоятельный факт действительности, они представлены в преломлении авторского взгляда, это определяет субъективное начало данного жанра. Жанр дневника (никки) ставит автора и его мироощущение в центр повествования, при этом описание событий отходит на второй план, являясь фоном для чувств и переживаний. В своих работах Л.М.Ермакова [Ермакова 1991: 212-223] исследует концепцию подобного видения, по ее мнению, взгляд (иероглифами, входящий в состав названия ритуала хана-

ми) в культуре Японии обладал мистическими свойствами, отчасти поэтому с концепцией видения связана традиция Ханами – любование цветением, ранней сливы и сакуры (иногда персика). Процесс созерцания цветов был направлен на усмирение духов природы (так как всё должно находиться в гармонии и равновесии).

«Неужели хоть один человек скажет, что цветы вишни ему примелькались...» [Сэй-Сёнагон 2023: 69]. «В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях... До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе» [Сэй-Сёнагон 2023: 29].

Исследуя в хэйанской прозе примат «я-повествования», когда объект или явление находится в прямой зависимости от авторского взгляда, А.Н.Мещеряков выделяет стремление к «минимизации» [Мещеряков 1992: 7-14].

Согласно данному эстетическому канону Сэй-Сёнагон пишет: *«Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины. Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги. Немногословие прекрасно»* [Сэй-Сёнагон 2023: 30]; *«Обитель райского блаженства. След от корабля. Отношения между мужчиной и женщиной»* [Сэй-Сёнагон 2023: 207].

При этом рассматривая дневниковую прозу средневековой Японии, необходимо отметить – вопреки тому, что жанр считался женским, первый подобный дневник был создан мужчиной. «Дневник путешествия из Тоса» написан поэтом и чиновником Ки-но Цураюки на хирагане. Как отмечает Н.А.Бонадык, мужчины в хэйанскую эпоху писали свои дневники на китайском языке, при этом они имели нелирический характер, в них отражались значимые

исторические события или размышления о государственных делах [Бонадык]. Чтобы выразить свои переживания, связанные с утратой любимой дочери, Ки-но Цураюки пишет дневник от женского лица хираганой. «Вот и я, женщина, решила попытаться написать то, что называется дневником – их, говорят, мужчины тоже ведут» – так начинается «Дневник путешествия из Тоса». Повествование о путешествии перемежается стихотворными текстами, которые произносят герои произведения.

Пусть вновь нахлынут
Набегающие волны, –
Быть может, ракушек забвенья
Той, кого люблю,
Я наберу, сойдя на берег» [Горегляд].

***

«Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон относятся к жанру дзуйхицу, по своей форме близки к произведениям китайских писателей: «Изречениям» (Цзацзуань) Ли Шан-иня (династия Тан) и «Жунчжай Суйби» Хун Мая (династия Сун), также «Записки» напоминают корейские пхэсол – средневековые сборники смешанного содержания. Дзуйхицу (с яп. вслед за кистью) характеризуется художественной свободой и отсутствием фабульных рамок, на сегодняшний день подобрать полный аналог в мировой литературе трудно, однако мы согласны с В.Н.Марковой [Сэй-Сёнагон 2023: 21], которая утверждает, что дзуйхицу наиболее близок к записным книжкам и дневникам современного писателя (см. «Из дневников» Анны Ахматовой). Поэтому материалом для творчества послужила, прежде всего, биография автора.

Сэй-Сёнагон воспитывалась в определённых эстетических канонах, ее отец и прадед были выдающимися

поэтами, благодаря чему будущая писательница с ранних лет изучала поэтическое искусство, китайский язык и классических китайских авторов. Буддизм оказал немалое влияние на творчество, религиозная философия стала неотъемлемой частью ее интеллектуальной и духовной жизни. Впрочем, здесь необходимо отметить синкретичность верований хэйанских аристократов: Будда, боги Синто и Индуизма могли почитаться одновременно.

Предположительно в 981 году Сэй-Сёнагон выходит замуж за чиновника невысокого ранга. А в 993 поступает на придворную службу, в свиту семнадцатилетней императрицы Садако, которую в «Записках» изображает утонченной царственной особой, олицетворяющей красоту поэтического слова. Императрица на страницах «Записок» становится символом быстротечной жизни и обреченной молодости. «Помню, наутро после бури я видела одну даму... Дама казалась настоящей красавицей... С глубокой грустью глядя на картину опустошения, она произнесла один стих из старой песни: О, этот горный ветер! Да, она умела глубоко чувствовать!» [Сэй-Сёнагон 2023: 228–229].

В традиции эстетики моно-но аварэ Сэй-Сёнагон стремится сохранить и передать хрупкое очарование прекрасного мгновения окружающей жизни:

«Мне нравится, если дом, где женщина живет в одиночестве, имеет ветхий, заброшенный вид. Пусть обвалится ограда. Пусть водяные травы заглушат пруд, сад зарастет полынью, а сквозь песок на дорожках бьются зеленые стебли... Сколько в этом печали и сколько красоты!» [Сэй-Сёнагон 2023: 209].

Природа словно откликается на трагическое угасание Садако, ее участь горька, как полынь, мы видим красоту изменчивости и непостоянства (мудзё-но би).

***

Вместе с тем, чтобы по праву считаться аристократом Хэйана, недостаточно было иметь знатное происхождение, благородный человек должен научиться видеть гармонию мира и ощущать истинную природу вещей. Поэтому в записках представлены даны нравоучительного характера, которые описывают портреты людей и сцены из жизни общества того времени, дают точные психологические характеристики.

Например, Сэй-Сёнагон в дане «Масахиро – общая мишень для насмешек» изображает ситуацию хэйанского аристократического общества. Человек старается казаться тем, кем не является, он – не аристократ «по духу», не ощущает моно-но аварэ, а значит не видит истинную природу вещей.

С самого начала повествования автор обнажает несоответствие внешнего, казалось бы, правильного вида и внутреннего содержания: «В доме Масахиро все заведено наилучшим порядком: искусные руки наряжают его, и он всегда одет щеголевато, лучше других; шелка одежд подобраны со вкусом. Но люди только посмеиваются: "Эх, если бы в этот наряд облачить кого-нибудь другого!"» [Сэй-Сёнагон 2023: 150].

Необходимо отметить, что смех вызывает контраст, возникающий при сочетании бытовой ситуации и неуместной реакции на нее. Человек, считающий себя аристократом, в представленном дане, пытается подчеркнуть свое положение, «щеголяя» вычурной речью. В представлении людей подобного (невежественного) типа мы видим подмену понятий, высокопарное и вычурное они представляют как изящное и утонченное: «... он приблизился вплотную к занавесу, разделявшему нас, но вместо обычных слов как,

например: «Придвиньтесь ближе!» – вдруг заявил: – Придвиньте сюда все ваше существо целиком. И насмешил всех дам» [Сэй-Сёнагон 2023: 151]. Сэй-Сёнагон типизирует образ вельможи (придворного чиновника), высмеивая такие человеческие пороки, как глупость, высокомерие, тщеславие задолго до Мольера и прозы русского критического реализма (см. типизацию образов чиновников у Гоголя).

***

Эстетика «Записок» способствует обостренному вниманию автора к деталям. Сей-Сёнагон ведет на страницах своей книги своеобразный каталог ситуаций и явлений своего времени. Подобный художественный прием характерен по отношению к отдельным предметам и природным объектам, что также связано с эстетическими принципами моно-но аварэ, когда каждая вещь обладает душой и имеет неповторимое очарование: «Наступил рассвет двадцать седьмого дня девятой луны. Ты еще ведешь тихий разговор, и вдруг из-за гребня гор выплывает месяц, тонкий и бледный... Не поймешь, то ли есть он, то ли нет его. Сколько в этом печальной красоты! Как волнует сердце лунный свет, когда он скупое точится сквозь щели в кровле ветхой хижины!» [Сэй-Сёнагон 2023: 156]; «У изголовья женщины, замечает он, брошен широко раскрытый веер, бумага отликает пурпуром, планки из дерева магнолии. На полу возле занавеса рассыпаны в беспорядке сложенные в несколько раз листки бумаги Митиноку, светло-голубые или розовые» [Сэй-Сёнагон 2023: 65].

***

«Записки» открывает дан «Весною – рассвет», его мы можем считать программным. В.Н.Маркова утверждает, что именно здесь сконцентрирована философия красоты

эпохи Хэйан. Перед нами разворачивается годовой цикл, чередой проходят времена года. С древнейших времен культура Японии, как и литература, была неразрывно связана с картинами пейзажа, которые отражают состояние человеческих переживаний. Здесь реализуется представление о том, что человек не противопоставлен окружающему миру (пространству, в котором каждый объект живой и неживой природы наделен душой-ками), а является его частью.

«Осенью – сумерки. Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, – какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...» [Сэй-Сёнагон 2023: 26].

В приведенном отрывке каждый образ неслучаен, автор включает в свой пейзаж пролетающих птиц, пересчитывает их, что отражает в тексте специфическую символику. Например, образ ворона восходит к мифу о Ятагарасу – божественном проводнике императора Дзимму. Его появление считалось выражением воли небес. Также ворон – одна из репрезентаций солярного символа, который соединяет три мира: небо (богов), землю (людей) и природу (духов природы и вещей). В свою очередь, гусь в искусстве Японии представлялся осенней, лунной птицей, на наш взгляд, данная ассоциация стала причиной появления образа гуся именно в части дана «Осенью – сумерки...». Более того, дикие гуси символизировали чистые помыслы и высокие моральные качества. Улетающие птицы задают тон печали, намекают на скорую

разлуку, заставляют задуматься о мимолетности жизни и очаровании мгновения.

Цикада в дане – традиционный образ культуры Японии (и стран Востока), который символизирует эфемерность существования. В классической поэзии Востока можно встретить следующие строки:

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад. [Басё 1985: 103].

Не менее важна и символика чисел: «... вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам...». Число три (сан) в Японии созвучно иероглифу «рождение», а число четыре (си) – иероглифу «смерть», двойка (ни) заключает в себе противоположные понятия, такой дуализм восходит к китайскому «инь и ян», выражая двойственную природу вещей и состояний. Это также может отражать тождество моментов возникновения и разрушения (рождения и смерти). Общее число составляет 9 (3+4+2), которое ассоциируется со словом «мучение». Если в контексте первого дана мы будем интерпретировать девятку как «страдание», тогда мы выходим на философию буддизма и на четыре аспекта истины страдания. Первый аспект – непостоянство (анитья): «конец рождения – смерть... конец встречи – расставание» [Урбанаева 2016: 200].

Таким образом, первый дан «Весною – рассвет» представляет онтологическую концепцию, центром которой является понятие непостоянства: как времена года сменяют друг друга, так проходят и четыре периода человеческого бытия, мир пребывает в бесконечном круговороте возникновения и разрушения. Именно осознание непостоянства рождает печаль автора (является источником моно-но

аварэ), связывает тему быстротечной красоты с темой вечности и времени.

Подобные философские взгляды автора глубоко укоренены в символах окружающего мира и прежде всего в картинах пейзажа. Природа в «Записках» Сэй-Сёнагон представлена эстетикой югэн: глубокие чувства невыразимы, их контуры, размытые и неясные, они похожи на традиционную восточную живопись, где пространство полотна бывает почти свободным.

Чувства и состояние интуитивного постижения мира передаются через «образы заката, утренних и вечерних сумерек, звездного неба и света луны, тумана... Задача автора состоит в том, чтобы вызвать ощущение дали, таинственности, неопределенности и почти нереальности» [Тарнапольская 2008: 16].

«Солнце всего прекрасней на закате. Его гаснущий свет еще озаряет алым блеском зубцы гор, а по небу тянутся облака, чуть подцвеченные желтым сиянием. Какая грустная красота!» [Сэй-Сёнагон 2023: 256].

***

Необходимо выделить психологизм «Записок у изголовья», с которым представлены отношения между людьми. Прежде всего, это находит отражение в эстетике общения. Следует отметить, что в средневековой Японии между мужчиной и женщиной стояло множество преград. В среде аристократов не было принято свободное обращение между молодыми людьми, сообщить о своих чувствах можно было только с помощью писем. Увидеть возлюбленную было очень трудно, девушка во время визита мужчины находилась за переносным экраном: «Он приблизился вплотную к занавесу, разделявшему нас...» [Сэй-Сёнагон 2023: 151]. Поэтому в средневековой Японии возник

обычай «каймами» («взгляд сквозь щели изгороди»), за подобным «подглядыванием» из-за ширмы закрепилась метафора «украсть любовь» (т.е. увидеть возлюбленную, преодолев общественный запрет).

У Сэй-Сёнагон мы находим следующие строки:

«Вот мужчина в темно-лиловых шароварах и ярком кафтане, надетом поверх многоцветных одежд, приподнимает штору и по пояс перегибается в комнату через нижнюю створку ситомы. Очень забавно поглядеть на него со двора. Он пишет письмо, придвинув к себе изящную тушечницу, или, попросив у дамы ручное зеркало, поправляет волосы. Право, он великолепен!

В покоях висит занавес, но между его верхним краем и нижним краем шторы остается узкая щель. Мужчина, стоя снаружи, ведет разговор с дамой, сидящей внутри комнаты. Лица у них оказываются на одном уровне» [Сэй-Сёнагон 2023: 92].

Сэй-Сёнагон создаёт своеобразный психологический портрет отношений, не описывая чувства героев прямо, она обращается к объектам материального мира: зеркало, шторы, тушечница – предметы оказываются выражением невысказанного. Здесь мы, несомненно, видим эстетику недосказанного (югэн): красота, тронутая дымкой неясного, не стремится на поверхность, она заключена в сущности вещи или явления.

Вместе с тем Сэй-Сёнагон может представить картину волнительного ожидания, которое передает многообразие человеческих чувств: «Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра» [Сэй-Сёнагон 2023: 55].

В целом, в поэтике автора мы видим отражение различных образов гармонии. Огромную роль, например,

играет символика цветов, которая несет на себе отпечаток буддийской философии. Цветок – яркая, мимолетная вспышка в пространстве и времени, символ быстротечности и изменчивости бытия, поэтому созерцание становится неотъемлемой частью жизни японцев. Цветы также имели сакральное значение в качестве подношения богам: «Каким прекрасным выглядит дерево сакаки во время священных храмовых мистерий! В мире великое множество деревьев, но лишь одному сакаки дозволено с начала времен представлять перед лицом богов!» [Сэй-Сёнагон 2023: 70].

Почитание красоты окружающего мира несомненно связано с синтоистской традицией, которая тесно переплетается с дзен-буддизмом. Здесь возникает термин субха, который вбирает в себя понятия красоты и чистоты. Следует отметить, что этическое и эстетическое в буддизме находятся в неразрывном единстве, поскольку красота является выражением истины, высшего духа и чистого сознания. Под влиянием принципа анити искусство приобретает оттенок недосказанности, красота становится промелькнувшим откровением: «Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почка на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья – и конец очарованию» [Сэй-Сёнагон 2023: 29].

Красота очищает душу того, кто ее созидает, требует от человека стремления к высшему идеалу (и к божественному идеалу в религиозной трактовке), отражается в сердце гранями вечных смыслов и истин. Поэтому именно красота, нравственно облагораживая человеческое несовершенство, способна «спасти» мир, претворяя космос из хаоса.

Список литературы

1. Басё. Стихи. Перевод с японского В.Марковой. М.: «Художественная литература». 1985. 227 с.
2. Бонадык Н.А. Лекция «Женщина в истории японской литературы» [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8UAMT74t77U> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Горегляд В.Н. Ки-но Цураюки. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. (Серия «Писатели и ученые Востока»), с.114-132, 136-139.
4. Ермакова Л.М. Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка. М.: Наука, 1991. С.212-223.
5. Мещеряков А.Н. Взгляд и нечто. Близорукость и дальность японской культуры // Ориентация поиск. М.: Наука, 1992. С.7-14.
6. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья: [сборник]. Перевод с японского В.Марковой. Москва: Издательство АСТ, 2023. 352 с.
7. Тарнапольская Г.М. Эстетика Японии: Учебное пособие. Томск: СибГМУ, 2008. 32 с.
8. Урбанаева И.С. Буддийская философия и практика: «постеленный» и / или «мгновенный путь» просветления. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 420 с.

К вопросу о наименовании японских веб-новелл

(Нургалиев И.Р.)

Влияние современной японской культуры, транслируемой как на территории Японии, так и за границей нельзя переоценить. К современной японской культуре можно отнести такие феномены, как аниме, комиксы манга, ранобэ и многое другое. Они представляют собой один из наиболее потребляемых во всем мире видов контента, имеют свои отличительные особенности, такие как специфическая графика, система жанров, глубокая связь с историей [Лебединова, 2020, с.136]. Ежегодно в Японии производятся сотни различных аниме, манга и ранобэ, но процесс воплощения существующего сюжета в форме аниме или манга претерпел значительные изменения. Если раньше многие работы представляли из себя оригинальное произведение, то в настоящее время все больше можно увидеть аниме, которые основываются на нарисованных до этого комиксах манга, а они, в свою очередь, являются иллюстрированной версией уже написанных ранобэ. Соответственно, большая часть существующего контента реализуется в следующей последовательности: ранобэ — манга — аниме.

Тем не менее, говорить о ранобэ как о сюжетном первоисточнике также сложно, поскольку часто публикации полноценной серии книг в формате ранобэ предшествует публикация той же истории в виде веб-новеллы на таком ресурсе, как *小説家になろう* *Сёсэцука-ни нарō* (перев. «Давайте станем писателями»). Данный веб-сайт был создан в 2004 г. Юсуке Умэдзаки [3]. Он является онлайн издательством, позволяющим любому человеку, у которого есть доступ в интернет, зарегистрироваться и опубликовать свой роман, историю, сказку и т.д. Изначально этот ресурс

предназначался для мобильных романов, которые можно было читать с телефона в дороге. Одним из самых популярных видов публикации историй стал формат веб-новеллы. Веб-новелла – это тип онлайн публикаций, когда произведение публикуется на сайте небольшими порциями (главами / частями) по мере написания. Язык веб-новелл чаще простой, поскольку главной аудиторией публикуемых историй считаются подростки и молодые люди. Регистрация и публикация под своим именем или псевдонимом каких-либо историй полностью бесплатная, более того, автор может получить активную обратную связь от своих читателей в виде оценок, комментариев и многого другого, что способствует и профессиональному росту автора, и популяризации его работы.

Таким образом, цепочку можно продлить, добавив еще одно звено: веб-новелла — ранобэ — манга — аниме. Х.Итиянаги называет ранобэ «сложным культурным феноменом», и считается, что данный формат публикации появился в 1970-е годы на базе издательства «Акимото Бунко», где публиковались работы, чьей основной аудиторией являлись подростки и молодые люди [Т.Яманака, 2021, с.3]. Ранобэ в настоящее время часто представляют собой практически тот же текст веб-новеллы, но его более литературный, подробный вариант. При этом в ранобэ имеются страницы с иллюстрациями, позволяющими автору точнее передать образ героев его произведения. Эти изображения становятся основой для создания комиксов манга и выступают визуальным ориентиром для анимации. Таким образом, можно заключить, что эта производственная цепь является полноценным, слаженно работающим механизмом, который обеспечивает наличие контента для привлечения внимания аудитории как внутри страны, так и за её пределами.

Начиная с 2004 г. по настоящее время на Сёсэцука было опубликовано огромное число историй самых разных направлений, но одними из самых популярных стали произведения жанра, который в интернете получил отдельное названия – *なろう系* *Narō kэй*, что сложно перевести напрямую в русский язык. Как можно заметить, это игра слов, созвучная с названием самого сайта. Считается, что это один из жанров историй, характерный для японских лайт-новелл, комиксов манга и аниме. В него входят истории про *異世界転生* *Исэкай тэнсэй* «Перемещение в иной мир», когда главный герой попадает из реального мира, как правило, в мир меча и магии или какой-то игровой мир. Рост популярности этого типажа историй фиксируется и в лексике самого сайта. Например, исследователи выяснили, что в сравнении с 2010 г., когда слово *世界 сэкай* «мир», занимало 3 место по частотности с 736 примерами, то в 2019 г. это значение составило 5380, и уже теперь слово находится на первой позиции [Sakai, 2020, с.482]. Похожий процесс отслеживается и с префиксом *異*, который означает «иной, другой»; в 2010 г. он не входил даже в первые 10 слов, но в 2019 он занял 4 место с 2403 употреблениями.

Многочисленность работ на платформе привела к тому, что читатель видит обилие произведений для прочтения и не знает, какое именно ему стоит выбрать. Пользователи сайта иногда даже не уделяют внимания аннотации или синопсису работы, а обращают внимание только на название в общем потоке произведений. Соответственно, авторы были вынуждены приспособляться и постепенно удлинять названия, добавляя в них ключевые тропы: тип главного героя (в частности, в жанре *нарō кэй* это «герой», «школьник», «попаданец» и др.), завязку, например, *исэкай* (перев. «иной мир» – истории о перемещении героя в альтернативный мир), главную проблему или цель всей исто-

рии. В итоге это привело к тому, что большую часть сюжета и основные характеристики героев понятны из одного только названия, что значительно облегчает для читателя выбор произведения. Однако это же можно назвать одним из главных минусов жанра *нарō кэй*, потому что действительно стоящих, глубоких и интересных работ становится всё меньше. Читателю сложно вычлени́ть их среди потока менее качественных, однотипных и плохо написанных работ.

В рамках данного исследования мы не только поставили задачу ознакомиться и проанализировать самые популярные работы, но и выяснить, насколько изменилась средняя длина названия для популярной работы на сайт *Сёсэцука*. Если говорить о методологии, то нами были отобраны 25 самых популярных по рейтингу произведений за каждый год начиная с 2010 и заканчивая 2023 г. Наша гипотеза заключалась в том, что самые популярные работы должны воплощать в себе основные тематические тренды и варианты наименований, свойственных формату и платформе. Соответственно, авторы новых публикаций, руководствуясь тенденциями в назывании работ, вынуждены подстраиваться под них, чтобы иметь возможность конкурировать с новеллами предыдущих лет. Затем нами было подсчитано число знаков для каждого названия популярной публикации для определенного года и выведена средняя длина названия, основанная выборке из 25 работ на этот год. Последним этапом анализа выступило сравнение средних показателей на протяжении 13 лет.

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ср.	10.88	10.48	14.76	15.33	17.41	18.24	18.16
Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Ср.	22.6	26.76	30.12	41.68	36.48	34.12	35,76

Таблица №1. Средние значения длины названий японских веб-новелл в период 2010-2023 гг.

В таблице №1 представлены собранные данные по средней длине названий наиболее популярных японских веб-новелл по годам. Если визуализировать эти значения в виде диаграммы, то можно наблюдать устойчивую тенденцию к удлинению названий популярных работ до 2020 г. включительно, после которого наблюдается спад в среднем числе символов (см. диаграмма №1).

Диаграмма №1. Средняя длинная названия японских веб-новелл в период 2010-2023 гг.

Как видно из диаграммы начиная с 2010 г. средняя длина названия увеличилась в 3,83 раза с 10,88 знаков до 41,68 знаков. При этом, согласно данным за все года, самое короткое название из 2 знаков принадлежит работе «Заря 払暁» автора под псевдонимом Инудзима Мокока 戌島百花, которая была написана в 2010 г. Самое протяженное название представлено работой автора под псевдонимом Дома-дома どまどま, насчитывающей 98 символов: おい、外れスキルだと思われていた《チートコード操作》が化け物すぎるんだが。～実家を追放され、世間からも無能と蔑まれていたが、幼馴染の皇女からめちゃく

ちや溺愛されるうえにスローライフが楽しすぎる～ («Эй, навык “Управление чит-кодами”, который показался мне бесполезным, оказался чудовищно сильным. ~Выгнали из родного дома, и общество меня презирает, считая меня неумелым, но в меня по уши влюбилась принцесса, с которой мы дружили в детстве, и теперь мы припеваючи живем спокойной жизнью~»). Однако стоит отметить, что конкретно данное произведение, когда было издано в качестве ранобэ, сохранило только первое предложение до точки в качестве официального названия серии книг, поэтому можно утверждать, что не всегда полное название сохраняется в последующих этапах издательской вертикали в Японии.

С точки зрения структуры наименования, особенно в наиболее длинных названиях, для них характерно использование ~ в качестве скобок для расшифровки сути произведения, обозначения реплик главных героев с целью привлечения внимания. Например, **オリヴィア嬢は愛されると死ぬ～旦那様、ちょっとこっちは見すぎですわ～** («Если госпожу Оливию полюбят, то она умрет. “Господин, не слишком ли вы пристально вы смотрите на меня?”») или **無職の英雄 ～別にスキルなんか要らなかったんだが～** («Безработный герой. “Мне этот навык не особо то и нужен был”»). Кроме того, прослеживается тенденция к наименованию через описание в третьем лице, то есть всегда упоминается статус главного героя (герой, злодей и т.д.) и описание произошедшего с ним. Такой подход позволяет читателю сразу понять, а подходит ли ему это произведение по жанру. Соответственно, чем подробнее описывается суть новеллы в названии, тем длиннее оно получается.

Если анализировать лексический состав отобранных названий веб-новелл, то простой корпусный анализ позво-

ляет выделить наиболее частотные из встречающихся лексических единиц. Закономерно с популярностью жанра, самым частотным словом является сэкай «мир», следом префикс 異 и «другой», что дает в сочетании 異世界 исэкай «иной мир», подтверждая результаты исследования Сакаи. Помимо того, присутствует тематика, связанная с перерождением 転生, необходимостью быть или стать самым сильным 最強; популярны истории о «знатных, аристократических девушках» 令嬢. Интересно, что на 7 месте по частотности – личное местоимение 1 лица 俺, которое употребляют мужчины. Это дает основания для того, чтобы считать, что протагонистами многих произведений являются именно мужчины. Судя по частотности популярны сюжеты, связанные с магией, подземельями, героями и игровыми элементами (навыки и др.). Как утверждает О.Г.Чупрына: «В прецедентных явлениях наиболее наглядно проявляется аккумулярующая функция языка, поскольку они вмещают в себя знания о многоаспектных явлениях и ситуациях, кодируют информацию о них и, становясь культурными знаками, передают её во времени и пространстве» [Чупрына О.Г., 2014, с.71]. Данные наиболее частотные понятия становятся своего рода «прецедентными тропами», за которые читатель цепляется, чтобы найти наиболее подходящее произведение, поскольку здесь заключена специфика того или иного вида историй. Это подтверждается исследованием А.Д.Мозгуновой, которая пишет, что «Можно отметить, что японская культура, поэзия и литература в частности, имеют богатый и долгий опыт обращения к прецедентным феноменам, включая их в повествование с тем, чтобы, с одной стороны, насытить его вторыми планами, расширить рамки произведения, а с другой – создать общую канву, единую цепь, перекликаясь в новых витках повествования со значимыми событиями и деятелями прошлого» [Мозгунова А.Д., 2022, с.116].

1	世界	85
2	異	62
3	転生	45
4	最強	41
5	令嬢	28
6	者	24
7	俺	23
8	ダンジョン	22
9	勇者	21
10	スキル	19
11	魔王	18
12	魔法	17
13	ライフ	15
14	悪役	13
15	追放	12
16	生活	12
17	婚約	12
18	聖女	11
19	無双	11
20	貴族	9
21	スロー	9
22	ゲーム	8
23	転移	7
24	自由	7
25	冒険	7

Таблица № 2. Частотность слов в названиях веб-новелл

Кроме того, длинные названия работ провоцируют сообщество читателей создавать сокращенные варианты названий произведений. Известны примеры сокращений 転スラ Тэн сура (от названия произведения 転生したらスライムだった件 Тэнсэй-ситара сурайму датта кэн «О моем перерождении в слизь»); или Re:Zero (полная версия – Re: ゼロから始める異世界生活 Re: дзэро-кара хадзимару исэкай сэйкацу «Re: Zero — Жизнь с нуля в другом мире»). Даже два таких сокращения свидетельствуют, что есть способы сократить название (по первым иероглифам и знакам слов или по самому началу названия). Понимание "тропов", устоявшихся сюжетов и их наименований играет важную роль в грамотном переводе веб-новелл и названий.

Что касается жанрового разнообразия, то в 2010 г. были представлены разные работы (высокое фэнтези, низкое фэнтези, без жанра, «иной мир» с романтическим сюжетом, научная фантастика и др.), и спустя 10 лет абсолютно доминирует высокое фэнтези, включая вариацию жанра исэкай, что подтверждается и данными японских исследователей [Таго, 2018, с.3]. Таким образом, читателей интересуют работы не в каком-то конкретном жанре, а именно «архетип» сюжета и построения мира. Это не означает, что известное всем деление на жанры (детектив, роман и т.д.) не имеет места в этих историях. Поскольку веб-новеллы известны своей продолжительностью, часто в рамках одного глобального сюжета авторы сочетают элементы разных жанров.

Диаграмма № 2. Распределение жанров работ по годам.

В заключении хотелось бы отметить, что японские веб-новеллы становятся всё популярнее среди иностранных читателей, включая и россиян. Поэтому для гармоничного развития переводческой индустрии японских веб-новелл, ранобэ и комиксов манга необходимо уделять много внимания названиям произведений, чтобы постараться сохранить изначальный посыл и смысл, не пренебрегая вариантами, устоявшимися в кругах фанатов.

Список источников и литературы:

1. 小説家になろう セーすくわ-に ならお («Давайте станем писателями»): [Электронный ресурс]. URL: <https://syosetu.com>. (Дата обращения: 10.06.2024).
2. Лебединова А.С. Критерии отбора аниме и манга для занятий по японскому языку в языковом вузе // Педагогический дискурс: качество речи учителя: Материалы II Всероссийской конференции, Москва, 27-29 мая 2020 года / Под редакцией Л.Г.Викуловой. Москва: «Языки Народов Мира», 2020. С.136-140.

3. Мозгунова А.Д. Японская реклама сквозь призму прецедентных феноменов: идеи и образы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. №2 (32). С.112-135.
4. Чупрына О.Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. №3 (15). С.71-79.
5. Sakai Y., Ito E. オンライン小説の流行語抽出 («Извлечение популярных слов из онлайн-новелл») // The 82nd National Convention of IPSJ. Vol.2020. Issue 1 (2020). P.481-482.
6. Taro J., Analysis of diversity trend of online novel by clustering // Hinokuni – Land of Fire Information Processing Symposium. Vol. 2018 (2018). P.1-7.
7. Yamanaka T., Sonorama-Bunko as a Origin of Light Novel Created by Asahi Sonorama // Journal of the Japan Society of Publishing Studies. 2021. Volume 52. P. 1-24.

**The ‘Spiritual’ Quest in Modern Japanese Literature:
Analysing Tōkoku’s Literary Innovation of “Hikyū”
through the lens of Yōmeigaku**

(Arpita Paul)

Introduction

During the period when modern Japanese literature was emerging, it is said that Kitamura Tōkoku was pioneering in various aspects. What kind of literature did he, in his critical activities, seek to create? This question requires an analysis of Tōkoku from multiple perspectives.

Tōkoku, throughout his literary career, vehemently opposed the utilitarian approach to literature. The debate between Tōkoku and Yamaji Aizan (1865~1917), also famously known as *Yamaji-Kitamura literary debate* (山路・北村文学論争, *Yamaji-Kitamura bungaku ronsō*) of 1893 is famous as both of them tried to prove their points concerning the significance of literature which is till date, an area of interest to study the roots of modern Japanese literature. This debate considered to be one of the most important literary debates of the Meiji period was fought between Tōkoku’s “Bungaku-kai” faction and Yamaji Aizan’s “Min’yūsha” faction. By examining newspapers and magazines from that time, it was revealed that the term “hard literature vs. soft literature” was first introduced by Takekoshi Sansa in “Bunwa Sūsoku” 『文話数則』 (“Literary Talk: A Few Rules”) published in *Kokumin Shin Kai* (October 23, 1892). (Tomoe, 1997)¹ It was Min’yūsha that began to use it. “Hard literature” referred to the “historical discourse” represented by Min’yūsha, while “soft literature”

---

¹永淵, 朋枝、「北村透谷「文学」の創造」、京都大学大学院文学研究科国語学国文学専攻、1997.

referred to “novels, plays, poems, and songs”, particularly sentimental novels such as those by Ozaki Kōyō. Min’yūsha capitalized on the decline of sentimental novels and the rise of “historical discourse”, asserting that “hard literature” was inherently more progressive than “soft literature”. In response, Tōkoku, alongside Mori Ōgai and Uchida Roan, staunchly opposed this dichotomy between “hard literature” and “soft literature”, advocating instead for a more holistic and inclusive understanding of literary value and significance.

The foundations of Kitamura Tōkoku’s literary value and his social position lie in his innovative fusion of Eastern and Western pantheistic and mystical ontologies. This synthesis endowed Japanese literature with a metaphysical dimension that resisted the disenchantment brought by modernity. Inspired by the Freedom and People’s Rights Movement, Tōkoku harbored a fervent desire for the modern liberation of human nature, leading him to audaciously challenge feudal ethics and customs. In his work “Meiji Bungaku Kanken”², he critiqued contemporary society, observing that “The revolution of the Meiji Restoration shattered the old customs in the political sphere,” a widely acknowledged fact. He noted that “samurai and commoners became a unified nation”, marking the essence of the revolution.

Through his contributions to *Jogaku Zasshi*³, Tōkoku delved into the intricacies of human inner life, asserting the importance of various demands and their inherent authority. This exploration provided a profound existential foundation for literature. As he articulated in the same essay, “Literature

---

² 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『明治文學管見』、146 頁、岩波書店、1912.

³ *Jogaku Zasshi* was a women's magazine published in Tokyo, Japan, during the Meiji era between July 1885 and February 1904.

is a kind of enterprise that seeks to study the relationship between human beings and the infinite". By scrutinizing the "pleasures" and "utility" of literature through "Meiji Bungaku Kanken", Tōkoku established himself as a pioneer in defining the subjectivity of modern literature.

Cultural Confusion in Meiji Society and Literature

The Meiji Restoration government's politics were marked by the inherent contradiction of promoting modernization through feudalistic power structures. This tension was compounded by the Restoration itself, which culminated in an incomplete bourgeois democratic revolution, resulting in a confused coexistence of feudal morality and unfulfilled modernism. In their pursuit of treaty revision, the government adopted an extreme policy of Westernization, superficially mimicking Western culture's external aspects. Concurrently, they advanced toward absolute monarchy with the promulgation of the Constitution of the Empire of Japan. Consequently, the government fiercely suppressed the Freedom and People's Rights Movement, which aimed for genuine modernization grounded in Western democratic principles.

Given this social reality, several key issues were crucial in shaping the direction of literary content: a) dismantling the remnants of feudal consciousness that persisted, b) establishing a modern human perspective from a national standpoint, emphasizing bottom-up modernization rather than top-down modernization, and c) liberating individuals from established ethics, extending this liberation to all aspects of human life. These perspectives, especially those addressing issues as fundamental aspects of human nature, were prominent in the works of novelists of that era. Notably, Kitamura Tōkoku tackled these issues head-on. One of his

significant contributions to modernizing Japanese literature was his lucid blending of Eastern and Western philosophy in the concept of ‘*naibuseimei*’ (inner life) that he articulated.

While rejecting a faith based on rituals and formalism, Tōkoku emphasized the unconditional union between humans and the divine. His writing career is a symbol of struggle between an impersonal nihilistic approach to life and society that draws men away from human relationships, and a more human approach which inspired generations of writers from his contemporaries and immediate successors such as Shimazaki Tōson (1872-1943) and Yosano Akiko (1878-1942) to novelists such as Tayama Katai (1872-1930), Kunikida Doppo (1871-1908), Iwano Hōmei (1873-1920) all the way to Natsume Sōseki (1867-1916) and Akutagwa Ryūnosuke (1892-1927), who though on a different plane, fought essentially the same battle. Ralph Waldo Emerson had been the guiding spirit in Tōkoku’s spiritual journey of discovering an inner life in one’s self⁴.

In the June of 1872, the visit of the *Iwakura Mission*, led by Iwakura Tomomi, to the United States and Europe marked the beginning of the influence of Ralph Waldo Emerson on the intellectual formation of modern Japan when a group of Japanese envoy listened to his lecture in Boston⁵. While Emerson’s influence extended across various aspects of modern Japanese thought, focusing especially on the literary field, the significant reception and attention given by

---

⁴ Francis Mathy, “Kitamura Tokoku. The Early Years,” *Monumenta Nipponica*, Sophia University, 1963, Vol. 18, No.1/4, pp.2. (Accessed on Jan 18, 2023)

⁵ Massachusetts Historical Society (1791), Online Archive <https://www.masshist.org/object-of-the-month/february-2014>. (Accessed on July 7, 2023)

Tokutomi Sohō (1863-1957) and Kitamura Tōkoku is worth noting. Drawing on the naturalistic views expressed in Sōhō's "Seishi Yoroku," (1893), Tōkoku referred to Sohō as the "Emerson of the East"⁶. In fact, in a series published in the 1880s and 1890s by *Min'yūsha*⁷ Jūni Bungō (Twelve Literary Masters) compiled by Tōkoku, Tokutomi Roka (1868-1927) and Yamaji Aizan (1865-1917), Emerson was included as one of the most influential foreign literary masters besides Carlyle, Macaulay, Wordsworth, Goethe, Hugo and Tolstoy⁸.

Emerson's theory of "Oversoul"

After his education at prestigious institutions like Harvard Divinity School, Emerson took up a ministry in the Unitarian Church. However, his philosophical inclinations increasingly clashed with the church's formalized rituals, leading to his departure from the ministry in 1832. Subsequently, through his lectures and writings, Emerson rose to prominence as a seminal figure in American Transcendentalism.

Emerson's first major work, "Nature," holds a crucial position as the cornerstone of his fundamental ideas. In

---

⁶ Matsumura, Tomomi, "Influence of Emerson on the formation of Kitamura Tokoku's view of the poet," Keio University, The Geibun-Kenkyu: Journal of Arts and Letters, Vol.101, No.2, pp.266. (Accessed on Jan 18, 2023)

⁷ In 1887 Tokutomi Sohō founded a publishing house, *Min'yūsha* ("Society of the People's Friends"). In 1887 this firm began a highly influential periodical, *Kokumin no tomo* ("Nation's Friend"), that was Japan's first general magazine. *Min'yūsha* in 1890 began printing *Kokumun shimbun* ("The Nation Newspaper"), which was for several decades one of the most influential papers in the country.

⁸ And, the other five people honored as Japanese literary masters were Ogyū Sorai, Chikamatsu Monzaemon, Arai Hakusei, Rai Sanyo and Takizawa Bakin.

Chapter VII of *Nature* (“Spirit”), Emerson wrote: “... therefore, that spirit, that is, the Supreme Being, does not build up nature around us, but puts it forth through us, as the life of the tree puts forth new branches and leaves through the pores of the old. As a plant upon the earth, so a man rests upon the bosom of God; he is nourished by unfailling fountains, and draws, at his need, inexhaustible power. Who can set bounds to the possibilities of man? ... man has access to the entire mind of the Creator, is himself the creator in the finite”⁹.

The concept of grasping the underlying “unity” that permeates the diversity of nature is indeed at the core of Emerson’s philosophy. He refers to this “unity” as “Universal Spirit”, “Supreme Being”, and as “Oversoul”, and as “God” in his later works. However, the fundamental meaning remains consistent in pointing to the universal idea that encompasses and governs nature at its root. It represents the essential understanding of the interconnectedness and inherent harmony that exists throughout the natural world.

In “Over-Soul” (1841), his idea seems to expand as, “Meantime within man is the soul of the whole; the wise silence; the universal beauty, to which every part and particle is equally related; the Eternal One”¹⁰. In other words, “Nature” is the concrete and diverse manifestation of “Oneness”, and the human spirit is also connected to “Oneness”. Therefore, they are fundamentally one, and humans can touch that underlying “Oneness” through “Nature”.

Indeed, one of the most significant aspects of Emerson’s philosophy lies in his understanding of the

---

⁹ Brooks Atkinson (ed.), *The Selected Writings of Ralph Waldo Emerson*, The Modern Library, New York, pp.35.

¹⁰ *Ibid*, pp.262.

relationship between “Oneness”, “Nature”, and the “Human Spirit”. Emerson expresses this “Oneness” between “Nature” and “Spirit” as “Correspondence”. While the idea of correspondence between “Nature” and “Spirit” is commonly attributed to Swedenborg’s *correspondence theory*¹¹, it is essential to recognize that Emerson’s “Nature” philosophy must be fundamentally distinguished by its epistemology, which perceives the relationship structure with “Oneness” rather than a mysterious correspondence between “Nature” and “Spirit”. In that sense, the relationship between “Oneness”, “Nature”, and “Spirit” observed here aligns remarkably accurately with the epistemological structure of Schelling’s “*Naturphilosophie*” (natural philosophy) and identity philosophy, which is rooted in German Idealism, particularly in the apprehension of the “Absolute” (das Absolute) as the origin of “Nature” and “Spirit”, ultimately comprehending them as one and the same.

Influence of Emerson’s ‘Over-Soul’ on Tōkoku’s ‘Naibuseimei’

At the focal point of Tōkoku’s theory of “Nature” and “Poet”, lies his magnum opus “*Naibu Seimeiron*” (“Theory on Inner Life”, 1893), which leads to a concrete examination of the process of forming Tōkoku’s conception of the poet. In “*Naibuseimeiron*,” Tōkoku writes 『詩人哲学者は到底人間の内部の生命を解釈ソルヴするものたるに外ならざるなり』¹² (“*Poets and philosophers are undoubtedly not apart from those who interpret and understand the internal life of human beings*”). Further he writes, 『人間の内部の生命を觀

---

¹¹ Swedenborg’s *Doctrine of Correspondence*, Chicago Western New-Church Union, 1889, Retrieved from online Library of Congress, USA.

¹² 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『内部生命論』、138頁、岩波書店、1912.

ずるは、其の百般の表顕を觀ずる所以にして、靈知靈覺と觀察との相離れざるは、之を以てなり。靈知靈覺なきの觀察が真正の觀察にあらざること、之を以てなり』¹³ (“To observe the inner life of a human being is to observe its manifold manifestations. The inseparability of spiritual knowledge, spiritual perception, and observation is based on this. Observation without spiritual knowledge or spiritual perception is not genuine observation. This is the basis of it”).

Though a major influence of Emerson’s discourse is quite visible in Tōkoku’s usage of the term *naibuseimei*, yet there is a striking difference between their ontological perception of “Oneness”. While, in case of Emerson, it refers to the structure of “nature” and “spirit”, in case of Tōkoku, it is the *naibuseimei* (inner life) of man which he sees as the ‘Absolute’ and everything else as a manifestation of it. However, both Emerson and *naibuseimei* emphasize that the fundamental oneness, nature, and the human spirit are systematized through intuition by means of language and poets.

The underlying concept that supports Emerson’s theory of the poet is the idea of “inspiration”. There isn’t just one method to reach Oneness or the Oversoul from within the text of nature. For example, philosophy seeks to grasp “truth” through speculative analysis, while science arrives at a unified “theory” through fragmented analysis. However, the poet is able to directly touch the inner secrets of nature through intuition or spiritual inspiration. In other words, those who receive inspiration, the inspired ones, become the “poets”. In

---

¹³ Ibid.

the “Divinity School Address” (1838)¹⁴, delivered by Emerson, he says, “the oracles of this truth cease never, it is guarded by one stern condition; this, namely; it is an intuition. It cannot be received at second hand”.

This inspiration could be sought in Tōkoku. “What is inspiration? It does not necessarily pertain to a religious meaning; even outside the context of organized religion, inspiration exists. Even in the absence of a specific philosophy, inspiration still exists. Ultimately, inspiration can be seen as a form of resonance or response from the human spirit, the inner life, to the cosmic spirit or divine essence, which can be understood as the spirit of the universe or God. Our perception of it is akin to sensing electrical impulses. Without such responsiveness, how can one truly be considered a pure and sacred idealist?”¹⁵

The absolute truth Tōkoku refers to is the truth that can be directly apprehended through ‘intuition’ or direct spiritual insight. According to Tōkoku, this truth cannot be accessed or understood through indirect means such as traditional doctrines or established religious institutions. In sensing ‘sensing of electric impulse’ Tōkoku explains the importance of personal experience and direct communion with the divine in the pursuit of truth and spiritual understanding. The “*naibuseimsei*” (Inner Life), refers to the deepest part of a person’s heart that connects with the “Spirit of the Universe”.

---

¹⁴ Emerson’s 1838 address to the graduating class at Harvard Divinity School called for personal religious consciousness and self-reliance. Courtesy of the Andover-Harvard Theological Library, Harvard Divinity School. Online Source <https://www.harvardsquarelibrary.org/biographies/emersons-divinity-school-address/>

¹⁵ 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『内部生命論』、138 頁、岩波書店、1912.

In this context, Tōkoku divides the understanding of the inner life into two categories. One is the “Realist”, who observe the inner life objectively through concrete phenomena, and the other is called the “Idealists” or “Thinkers”, which Tōkoku assigns the following significance to.

“In the realm of literature, those known as idealists are individuals who, in their pursuit of observing the inner life of human beings, strive to embody the pinnacle of truth in tangible form. Therefore, in the realm of literature, there are rarely things that can be called “ideas”. The instances where such things exist occur when idealists momentarily detach themselves from the realities and manifestations of life and enter into a mystical communion with something beyond. However, these moments of mystical communion are fleeting. What is the moment of mystical communion? It is inspiration? Those who experience this moment of mystical communion are called inspired poets. Ultimately, inspiration is a kind of resonance or response from the human spirit, which is the internal essence of life, to the cosmic spirit or divine entity, which is the spirit of the universe”¹⁶.

In other words, the “True Idealists” refer to the “Inspired Poets”, who, through their sensitivity or inspiration to the spirit of the universe, directly perceive the inner life of the human spirit. Thus, it is safe to say that Tōkoku’s view of the poet was fundamentally formed upon Emersonian thought. And from the “*Naibuseimeiron*” onwards, it became the foundation of Tōkoku’s own theory of poetry.

It is crucial to note that Tōkoku’s concept of “*naibuseimei*” (Inner Life), referring to the deepest part of a person’s heart that connects with the “Spirit of the Universe”,

---

¹⁶ Ibid.

predated his work “*Naibuseimeiron*”. He originally used the term “*hikyū*” for “*naibuseimei*,” which had evolved through various ideological influences. This innovation of “*hikyū*” marked Tōkoku’s progression towards writing “*Naibuseimeiron*”.

The Genesis of Tōkoku’s “*hikyū*” in “*Kakujin Shinkyu Nai-no-Hikyū*”: Through the lens of *Yōmeigaku*

Just before “*Naibuseimeiron*” Tōkoku had come up with one more extremely significant work called “*Kakujin Shinkyu Nai-no-Hikyū*” (The Secret Palace Within an Individual’s Heart, September 24, 1892) in which the readers can find the formation of the concept of *naibuseimei*. In that essay Tōkoku has referred to ‘inner life’ with a more intricate word called “*Hikyū*” (Secret Palace).

*“Within the heart, there is a palace, and within that palace, there lies another secret palace (hikyū). While the first palace may allow others to glimpse inside, the secret palace cannot be easily approached or unlocked by anyone. In the first palace, people may discuss the ways of the world, express their hopes, and reveal their lives. However, the second secret palace remains constantly shrouded in darkness, silent and inaccessible even to extraordinary poets”*¹⁷.

Tōkoku first divides the heart into two chambers in “*Kakujin Shinkyu Nai-no-Hikyū*”. The first chamber deals with the “ways of the transient world”, expressing hope and life. The second chamber, however, remains “constantly silent and profound, inaccessible even to the greatest poets of the world”. He emphasizes that the free expression of this “second secret chamber” is crucial, as it is through this that a person truly confronts beauty and truth. He concludes by

---

¹⁷ Ibid, 『各人深宮内の秘宮』、15 頁、岩波書店、1912.

stressing that “the most significant and important aspects of life” lie deep within this secret chamber. The connection between this inner world of the mind and the external world is further explored in “*Shinkimyōhen-wo-ronzu*”, (“On the Subtle Changes of the Mind”, September 15, 1892). He mentions, “*where the hidden depths lie, they can be sometimes grasped through the silent and profound insights of the mind*”, and he illustrates this with the example of Monk Mongaku’s enlightenment. The discourse of “*Shinkimyōhen-wo-ronzu*”, elucidates the interplay between the inner and outer worlds, with the inner world further dissected into its fragmented components comprising the innermost realm, “*hikyū*”.

Tōkoku’s Christianity, in fact, is fundamentally based on the scrutiny of the changes in his “*hikyū*” at the time of conversion. Upon conversion, Tōkoku engages in “self-analysis” before God, seeing the restoration of his former “sincerity to serve the people” as he faces God. Having lost his footing in both the practical and spiritual aspects of the real world, during the time of his conversion in 1888, Tōkoku is believed to have regained “life” along with the recovery of his former “sincerity” (*magokoro*, 真心) by knowing “God” as a perspective from a dimension different from the real world, allowing him to see himself. Since it is related to his own “regeneration”, Tōkoku seems to have been able to truly feel God. The assertion in Tōkoku’s Christian criticism is rooted in his *hikyū*’s nature of constantly seeking “something to devote his heart to.” Therefore, the direction of the *hikyū* is not limited to “God” but can be expressed as “the Absolute”, “Heaven”, “truth, goodness, beauty”, “the universe”, and so on. It is believed that his pursuit of the experiential realization of communion with not only God but also with these entities was his assertion. Tōkoku expressed, “*Let my*

heart drip”, following the path of self-determination. The circumstances of his conversion are related to Tōkoku’s assertion of the conversion of values, such as the idea that the experiential communion of the *hikyū* with the “external” (God) is the “practice” regarding worldly execution.

The Parallels between Laozi’s Philosophy, Yōmeigaku, and Tōkoku’s Hikyū

In Christianity, it is generally considered a mission to relinquish the “self” and surrender to ‘God’ in the relationship between ‘God’ and the ‘real world’, thus realizing the kingdom of God in the real world. In contrast, Tōkoku’s ‘*hikyū*’ seeks its own place in the relationship between ‘God’, ‘heart’, and the ‘real world’.

Tōkoku’s understanding is also based on the idealistic and subjective commonalities and differences of the Taoist philosophy, Yōmeigaku, and Zen Buddhism, as expressed in, 『基督教に於て心を重んずる事斯の如し。唯だ夫れ老莊の、心を以て太虚となし、この太虚こそ真理の形象なりと認むる如き、又は陽明派の良知良能、禅僧の心は宇宙の至粹にして心と真理と殆一躰視するが如きは、基督教の心を備へたる後に真理を迎ふるものと同一視すべからず』¹⁸ (“Christianity emphasizes heart. However, equating it with the concept in Laozi and Zhuangzi’s teachings, where the heart is considered as the Great Void which is also seen as the manifestation of truth, or with the Yangming school’s idea of innate knowledge and ability, or with the Zen monk’s view that the heart is the purest essence of the universe and that the heart and truth are almost one and the same, is not appropriate. In Christianity, the heart is prepared first, and

---

¹⁸ Ibid, 『各人深宮内の秘宮』、17 頁、岩波書店、1912.

then truth is received, which should not be regarded as identical to these other perspectives”).

Though in the context mentioned above, these philosophies are discussed in contrast to Christianity, however, it can be said that the concept of ‘hikyū’ in the title is already noted for incorporating the ideas of Yōmeigaku¹⁹.

The acceptance of Yōmeigaku as one of the foundations of Christian assimilation in Meiji Period was acknowledged and pointed out²⁰. This matter, which has been frequently discussed and highlighted even today, can be reconsidered here. Representative Christians of that time, such as Uchimura Kanzō and Uemura Masahisa, had the following understanding of Yōmeigaku.

“Wang Yangming, among the Chinese philosophers, is the person who came closest to the revered faith (Christianity) that encompasses conscience (liangzhi) and the compassionate yet stern laws of Heaven (tianli) in his great doctrine, which also shares a common origin in Asia. Unlike the conservative Zhu Xi school, which the shogunate supported for preservation purposes, the Yōmeigaku school was progressive, forward-looking, and filled with hope. Its resemblance to Christianity has long been acknowledged”²¹.

“Confucianism does not allow one to depart from the earthly realm. However, Yangming philosophy aims to lead people to reach the level of an arrow. Zen turns people into withered wood and dead ashes, but Yangming philosophy moistens them with the water of life. Confucianism lacks this

---

¹⁹ Ibid.

²⁰ Translated from 山田謙次、『北村透谷における陽明学』、近代文学試論、Issue 16、広島大学近代文学研究会、1977、1-2 頁。

²¹ Ibid.

aspiration. Zen lacks this aspiration. Aspiration is none other than Wang Yangming. Yangming philosophy is, in essence, a kind of religion. The spirit of “Be perfect, therefore, as your heavenly Father is perfect”, from the Sermon on the Mount, is somewhat glimpsed by the accomplished practitioners of the Yangming school”²².

Both scholars emphasized the religious elements of Yōmeigaku philosophy and understand it as being “progressive” and filled with “aspiration” compared to other traditional teachings. They also perceive these distinctive features of Yōmeigaku as being closest to the spirit (faith) of Christianity.

This evaluation of Yōmeigaku is also exemplified by Tōkoku’s perspective, likely stems from its emphasis on the humanistic character of “conscience (liangzhi)” as the “heavenly law (Tianli)” inherent in human beings and its practical nature based on thorough (the unity of knowledge and action theory). He writes in “*Kakujin Shinkyu Naino Hikyū*” 『陽明派の良知良能、禪僧の心は宇宙の至粹にして心と真理と殆一躰視するが如き。。。』²³ “*The innate knowledge and innate ability in Yōmeigaku, as well as the minds of Zen monks, regard the essence of the universe as the utmost purity and view the mind and truth as almost indistinguishable*”.

In “Shinchiren”, Tōkoku emphasized the positive attitude towards the world in his idealistic stance, which is deeply influenced by the “*Yamaji-Kitamura literary debate*”. However, the concept of worldly orientation observed there can be recognized even before the famous controversy took

---

²² Ibid.

²³ 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『各人深宮内の秘宮』、15 頁、岩波書店、1912.

place, and it is an exceptional idea in the process of his internal exploration of ‘hikyū’.

The following passage from “The single character of ‘silence’” (『「黙」の一字』) will serve as an evidence. It emphasizes the inner chamber of each person’s heart as the hidden palace, and illuminates the significance of ‘intuitive introspection’ as stated in “*Kakujin Shinkyu Nai-no-Hikyū*”. Moreover, this particular passage strongly hints at Yangming’s speculative thinking. 『道は虚なり。然れともその人に入るや実なり。虚を仮りて実を成すは、至人の行ある所以なり。道を談ずるは空を道ふにはあらず、道の中に行あり、虚を鑑るは實を識るの始め、實を識るは虚に進むの路なり』²⁴ (“*The Tao is void, yet when a person enters it, it becomes real. To employ voidness to bring about reality is the practice of the accomplished individuals. Discussing the Tao is not merely speculating about emptiness; within the Tao, there is action. To contemplate voidness is the beginning of understanding*”).

In Laozi’s (Lao Tsu) philosophy, emptying the mind and achieving “great emptiness” is believed to be the embodiment of truth. Similarly, in the Yōmeigaku, the concepts of “liangzhi” or 良知 (innate knowing) and “Jiangning” or 兩能 (innate ability) are regarded as closely related to the essence of the universe and the unity of mind and truth. It is strongly emphasized that positioning the influence of Yangming philosophy in Tōkoku’s work on par with the philosophies of Laozi and Zen, and categorizing it as mere simple “quietism”, is an oversimplification. While it remains largely speculative, based on Tōkoku’s evaluation of

---

²⁴ 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『「黙」の一字』、55頁、岩波書店、1912.

Emersonianism in comparison to Wang Yangming's philosophy, one can infer his general understanding of Yōmeigaku. It is interesting to note the merging of “心” (heart) which significantly refers to ‘hikyū’ with “良知” (conscience or pure knowing) in the same essay, 『心を以て基礎とし、最近の思想を奉じ自由の意志に従ひて信仰を形づくるものなりけり』 (“*To establish the heart as the foundation — this represents the approach of recent thinkers who adhere to modern thought, follow their own free will, and shape their faith accordingly*”).

It can be considered a concise expression of Yangming's intrinsic idealism, which attributes the “kokoro” — a generalized term employed by Tōkoku in his quest for ‘hikyū’ — as the source of all things. It appears highly likely, judging from the way Tōkoku adopts those poetic lines, that his idealistic standpoint closely aligns with such Yangming's speculative reasoning. Undoubtedly, this perspective assumes that Yōmeigaku served as a powerful foundation for the Western ideological demand within Tōkoku.

In fact, in case of Emerson, the idea of pure origins of human beings articulated by Emerson against the myth of the “Human Fall” inherited from both his classical and his Christian education was, in the words of Yangming's and Tōkoku's intrinsic idealism, refers to the discovering of ‘hikyū’. Emerson, who had grasped Hegel's central idea – that the ongoing process of creation was Spirit progressively revealing itself- he committed himself wholeheartedly to the principle of evolution. From this time forward, Emerson accepted Hegel's idea of “Progressive God”, that helped him understand that the process of evolution was itself a manifestation of Spirit.

In “Emerson”, written by Tōkoku, there are substantial excerpts that showcase the relationship between Eastern thought and Emerson. 『斯の如く西洋的精神の充溢国々の過去及び未来を鑑みて、彼は恐らく、我が米国の百年千年の長計は、此の積極的活動的思想に加ふるに何物かを以てせざるべからざるを思ひ得たらんか。之を以て彼は遠く之を亜細亜に尋ねたり、彼は好んで波斯の詩を読めり、彼はマホメットを読めり、彼は更に独逸の新傾向を利用して遥東の印度的寂静を味へ離、孔子を読めり、ブラマを歌えり』 (“Considering the rich history and future of Western civilization, he perhaps felt that in order to contribute something to the long-term prospects of our country, the United States, it was essential to incorporate certain elements of this proactive and dynamic thinking. With this in mind, he extensively explored the depths of Asia, willingly delving into Persian poetry, reading about Muhammad, and embracing the new tendencies emerging in Germany to experience the profound tranquility of the distant East, reading Confucius, and singing about Brahma”).

Tōkoku’s evaluation of Emerson which perceive the essence of Emerson's philosophy as the integration of Eastern and Western thoughts, can be considered as words that also describe Tōkoku’s own worldview. He writes in “Kokumin to shisou” 『思想の最極は円環なり。叨みだりに東洋の思想に執着するも愚なり、叨りに西洋思想に心酔するも癡なり』²⁵ (“The ultimate form of thought is a circle. Being excessively attached only to Eastern philosophy is foolish, and being infatuated solely with Western thought is also foolish”).

---

²⁵ 勝本清一郎、北村透谷全集、第二巻、『國民と思想』、267 頁、岩波書店、1912.

Tōkoku's ideas diverged significantly, placing him at a distant juncture, where he engaged deeply with concepts that bridged Eastern and Western philosophies, reflecting a synthesis of cultural and intellectual traditions. His literary innovation of 'hikyū' can be interpreted as the essence or the profound pursuit underlying modern literature. It embodies the deep, often elusive, truths and emotional depths that modern literary works strive to uncover and express, highlighting the intrinsic human experience and intellectual exploration that define contemporary literary endeavors.

Suggested Readings

1. The Complete Works of Ralph Waldo Emerson: Letters and Social Aims, Palala Press, 2015.
2. Edwards Ericson, Emerson on Transcendentalism: Milestones of Thought, Continuum International Publishing Group Ltd., 1986.
3. 島崎藤村、『北村透谷の短き一生』、青空文庫、2016.
4. 宮本百合子、『文学における今日の日本的なるもの』、青空文庫、1937.
5. 重松, 泰雄、『笹淵友一著「北村透谷」』、九州大学学術情報リポジトリ、1951.

Повесть Кавагаэ Сюити «Источник тепла»,
перевернувшая образ Сахалина
サハリン・イメージを覆した川越宗一の小説『熱源』

(Ясумото Такако 安元隆子)

1. 日本文学におけるサハリン (樺太) ・イメージ

1890年、アントン・チェーホフ (Anton Pavlovich Chekhov, 1860-1904) は、当時は流刑囚の島であったサハリンに惹かれ、まるで自分自身を流刑するようにかの島を訪れた。『サハリン島』(Остров Сахалин, 1895)はその旅行記である。地理、歴史、民俗学など様々な観点からサハリンについて綴っているが、印象的なのはやはり流刑囚の置かれた悲惨な状況である。川村湊はこれを「流刑地文学」と呼んでいる¹。日本文学にもロシア人流亡者の悲劇を描いた寒川光太郎の『流刑囚』²や『露囚物語』³がある。しかし、サハリンの文学は流刑の地というイメージだけでなく、日本人、ロシア人、北方少数民族が混住、共生する「複数民族の文学」でもあったことを川村湊は指摘している⁴。

その多民族社会には、北上した日本人と南下するロシア人との間に挟まれ、序列化され差別化された少数民族たちの姿があった。本来遊牧生活を送っていたオロッコやギリヤークの人々は樺太庁の政策によって定住を余儀なくされ、季節ごとの狩猟や漁撈という民族固有の生活

¹ 川村湊。昭和文学とアジア「樺太」、「樺太文学論」『昭和文学研究』25号、1992年、p.166。

² 小山書店、1940年。

³ ぶやら新書刊行会、1968年。

⁴ 注1と同じ、p.166。昭和十年代は日本近代文学中に「樺太」という植民地が登場してきた時期であり、その嚆矢は、ロシア人の血を引く姉と父違いの日本人の弟との民族間と血族間の複雑な愛憎を描いた宮内寒弥の『中央高地』(『早稲田文学』1935年8月)だと指摘している。

サイクルを壊されて定住生活を強いられた。少数先住民族の人々は衰退の道を辿り、「やがて、この地球上から滅び去っていかなければならない、運命」⁵を持った存在と見做される。彼らは譲原晶子の『朔北の闘い』⁶に描かれたように、厳しい自然と戦いながら樺太の開拓に携わる日本の下層民の姿の対極に位置していた。

このような「滅亡の民」イメージを持ったサハリン先住民に、生のエネルギーを見出し活写した小説は、多分、川越宗一『熱源』⁷が初めてではないか。それは、大国に祖国を追われ言葉を奪われた者たちが、「滅亡の民」ではなく、自らの存在の証を求めて熱い生の鼓動を蘇らせる物語である。

2. 川越宗一『熱源』の世界

本著は「本屋が選ぶ時代小説大賞 2019」及び、2020 年、第 162 回「直木三十五賞」を受賞した。サハリン、北海道、ロシア、ポーランドを舞台にしたスケールの大きい小説である。物語はおよそ次のようだ。

1875 年の樺太・千島交換条約により樺太がロシア領となる際、樺太から北海道の対雁に移住したアイヌたちは和人との摩擦を抱えながら生きていた。そこにコレラと種痘が襲い、移住した 850 人ほどの村人の約半数が亡くなった。ヤヨマネクフも妻を失い、これを機にロシア領となっているサハリンへ帰還する。記憶の中のサハリンは凍てつく島ながら人々の「熱」を感じさせる場所であった。しかし、ヤヨマネクフの帰還当時、サハリンはロシアの流刑地であった。その地に流されてきたのがブロニスワフ・ピウスツキである。ペテルブルグの大学

⁵ 若山純一『オロッコ譚』（穂高書房、1959 年）p.248.

⁶ 篁書房、1946 年。

⁷ 文芸春秋、2019 年。本文の引用はこれに拠る。

生だったリトアニア出身のポーランド人、ブロニスワフは革命運動に関わったためにサハリンで開拓労働に 15 年、その後、流刑入植者として 10 年島内の決められた地に住まなければならなかった。ブロニスワフは、極寒の地の過酷な生活の中で先住民のギリヤークと知り合い、彼等に生きる「熱」を感じる。そして、彼らの言葉や風習を学び、論文を発表、学会に認められ博物館の資料管理人となる。その展示品を収集する過程でアイヌのヤヨマネクフらと知り合う。ブロニスワフはロシア語が解らないためにロシア人に搾取されているアイヌの現状を知り、識字の重要性を考えて寄宿学校を作って子どもたちの教育に尽力する。ブロニスワフは身の回りの世話をしてくれたチュフサンマと結ばれ男の子が生まれるが、日露戦争が勃発。ロシアの敗戦により、ブロニスワフは再び帝政の打倒とポーランドの独立運動のための情熱を掻き立てられ、妻子を置いて帰国する。そして、パリで非業の死を遂げる。一方、ヤヨマネフクは山辺安之助と称し、アイヌの存在を示すために南極探検隊に犬ぞりを率いて参加する。それは生きていることの「熱」を感じさせた。

この小説の序章には、民俗学を学ぶロシア人女子学生が録音されたトンコリ⁸の音と歌声、そしてサハリンアイヌの「私たちは滅びゆく民と言われることがあります。」という声を聞く場面がある。そして、終章では、彼女が女性兵士として対独戦に参戦した後、第二次世界大戦が終わったはずのサハリンで日本軍の捕虜となるが、かつて聴いたトンコリの音がきっかけで奏者のイベカラと知り合う。ブロニスワフの録音した声が 40 年後に敵味方を超えて二人を引き合わせたのだ。戦いがまだ続く中で

⁸ アイヌに伝わる伝統的弦楽器。5本の弦が多い。

「生きている」ことを実感し、二人が熱い「生」への意欲を感じる場面で小説は終わる。

3. ポスト・コロニアリズム小説としての『熱源』

二人の主人公のうち一人、ブロニスワフ・ピウスツキの祖国リトアニアはポーランドと連携して共和国として存在したが、プロイセン、オーストリア、ロシアによって分割され共和国は滅亡し、独立の回復が悲願となった。そのための蜂起が何度もあったが強力なロシアの同化政策により成功せず、遂にポーランド語は国禁となった。失意のブロニスワフに生きる「熱」を感じさせたのが、サハリンのギリヤークたちだった。彼らは文明とは遠く離れていたが、人が生きることの原点を体現していた。しかし、彼らはロシア語が解らないために役人や入植者たちの蔑視、搾取の対象となっていた。アイヌも同じである。だからブロニスワフは彼らのためにロシア語を教えることを考えた。(川越宗一は、この彼の意志に「人民の中へ」というヴ・ナロード運動のスローガンを度々重ねて表現している。) 文明に追われ、優勝劣敗の法則により「滅亡の民」として生きることを余儀なくされたサハリンの先住民族たちが、文明国の公民として生きていける知識を得、権利を主張する力を身につけることを目指したのである。ヤヨマネクフは次のように考える⁹。

文明に潰されて滅びる。あるいは吞まれて忘れる。どちらかの時の訪れを待つしか、自分たちにはできないのか、別の道は残されていないのか。想像した将来に、凍えるような感覚を抱いた。

その時、熱が生じた。それはすぐに言葉になった。
「-違う」

⁹ 『熱源』 p.196.

道は自分で見つけるものだ。自分で選び取るものだ。自分たちを追い詰める幻想に克ち、妻を救えたかもしれない叡智を手にする。文明なる力を得る。

このように、生きることへの強い想いと生きる力を身に着けること、それがすべてを変えていくと川越はヤヨマネクフを通して説いている。この生への強い願望があれば、たとえ変貌を遂げても生きることとはつながっていくと確信する。そして、同様の想いをブロニスワフにも語らせている¹⁰。

「弱きは食われる。競争のみが生存の手段である。そのような節理こそがひとを滅ぼすのです。だから私は人として、節理と戦います。人の世界の摂理であれば、人が変えられる。人知を超えた先の節理なら、文明が我らの手をそこまで伸ばしてくれるでしょう。私は、人には終わりも滅びもないと考えます。だが終わらさねばならぬことがある」

あの島の人々に分けてもらった熱が、ブロニスワフに言葉と決意を与えている。彼ら彼女らが食われる世界、熱が途絶えてしまう世界を、自分は望まない。

今度は伯爵¹¹が考え込んだ。やがて破顔し、磊落に笑った。

「我らは節理の中で戦う。あなたは節理そのものと戦う。結構けっこう」

帝国主義はまさに「弱肉強食」の思想から生まれたと言ってよいだろう。日本にしてもロシアにしても、植民地を作り、帝国の領土を広げるために対外戦争を行った。

¹⁰ 『熱源』 p.327.

¹¹ 大隈重信を指す。明治維新、及び、明治期の外交・財政・経済に大きな影響を及ぼした政治家。

何度も所属する国が替わったサハリンとそこに住む先住民族は、まさにその犠牲者である。その節理自身を覆す意欲を示すプロニスワフの造形は植民地主義や帝国主義を批判的にみつめ、植民地化された人々やその土地に対する支配や搾取の影響を告発する、ポスト・コロニアリズムを体現した存在そのものだと考えられる。

また、もう一人の主人公ヤヨマネクフは、アイヌを滅ぼす力とは生存競争ではなく、外部の攻撃でもなく、「アイヌのままではいけないという観念だ」¹² と気付く。彼はアイヌとして誇り高く生きることを貫くために日本の南極観測船に犬ぞり担当として乗り込む。そのヤヨマネクフの心情を、川越宗一は次のように記す。

死に絶えるか "立派な日本人" なんてのに溶かされち
まう前に、島のアイヌとして生きられる故郷を作る
んだ

アイヌがアイヌとして誇りをもって行動することで、アイヌの精神の故郷が現出するはずであることをヤヨマネクフを通して語るのである。

4. 「熱源」の意味の変容

『熱源』における「熱」の意味は生きることへの情熱を掻き立てるものから、「生きて行くこと」そのものに変容を遂げている。

生きるための熱の源は、人だ。

人によって生じ、遺され、継がれていく。それが熱だ¹³。

このように「熱源」は「人が生きていくこと」に意味が転化しているのである。

---

¹² 『熱源』 p.343.

¹³ 『熱源』 p.371.

「俺たちはどんな世界でも、適応して生きていく。俺たちはアイヌですから」（中略）

「アイヌって言葉は、人って意味なんですよ」

強いも弱いも、優れるも劣るもない。生まれたから、生きていくのだ。すべてを引き受け、あるいは補い合っ^て。生まれたのだから、生きていいはずだ¹⁴。

これからも、同族たちにはさまざまな困難があるだろう。同化の圧力、異化の阻害、蔑視、憐憫、薄れる記憶。

もし祈りの言葉が忘れられても、言葉を奪われても、自分が誰かということさえ知っていれば、そこに人^{アイヌ}は生きている。それが節理であってほしいと願った。

つまり、「熱源」とはある民族特有のものではなく、また、虐げられた者たちに生まれるものでもなく、人として生まれたならばどの生命にも認められ、人に宿るエネルギーとされる。そのエネルギーは人として生まれたところに生ずるがゆえに平等である。それがたとえ迫害されたとしても、人として生まれた以上、生きる、という原点は揺るがないし、そこに優劣の差はない。このような川越宗一の主張が読み取れる。

そして、その主張は帝国主義のぶつかり合いや民族間の摩擦が生み出す戦争の否定にも汎用される。次は終章でイベカラがロシア人女性兵士のクルニコワに語る言葉。

「戦争も何もかも、生きてる人間がはじめたんだ。生きてる人間が気張らなきゃ、おわんないだ。あたしもあんたも、まだ生きている。なら、できること

¹⁴ 『熱源』 p.375.

がある」(中略)「黙って見てろ。あたしたちは滅びない。生きようと思う限り、滅びないんだ」¹⁵

このように、戦時下に於いても人が生きている限りで
きることはあるはずであり、人々が平和に共存できる希
望は存在するという思いを表明している。『熱源』におけ
る「熱」は、「情熱」や「生きるエネルギー」という意味
合いから、より根本的な、人として「生きること」に焦
点を集めて小説は終わっている。

5. 結論

このように、かつての流刑イメージや先住民の滅亡イ
メージを払拭し、「生きる情熱」や人が「生きていくこと」
を喚起させる場所としてサハリンを描いたのは、日本文
学の中ではこの川越宗一の『熱源』が初めてではないか
と考える。ポスト・コロニアリズム小説であると同時に、
新しいイメージのサハリンを描いた小説として注目に値
する。そして、今後どのようにサハリン・イメージが変
容を遂げるのかも注視していきたい。

【主要参考文献】

- アントン・チェーホフ『サハリン島』原卓郎訳、中央公論
新社、2009年。
川村湊。昭和文学とアジア 「樺太」、「樺太文学論」
『昭和文学研究』25号、1992年。
山辺安之助(著)、金田一京介(編集)『あいぬ物語』
新版、青土社、2021年。
沢田和彦『プロニスワフ・ピウスツキ伝 〈アイヌ王〉と
呼ばれたポーランド人』2019年。
須田茂『近現代アイヌ文学史論』寿郎社、2018年。

¹⁵ 『熱源』 p.422.

ГЛАВА 4. РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ В ЯПОНИИ

Язык, поэзия и религия в средневековой Японии (по произведениям буддийского монаха Дзиэн)

(Федянина В.А.)

На протяжении истории человечества в различных регионах некоторые языки становились универсальным средством общения и обеспечивали коммуникацию образованной верхушки общества: были языком межкультурного взаимодействия, языком религии, делопроизводства. Примерами служат латинский язык в Европе, классический китайский в Восточной Азии, санскрит в Индии, арабский язык на Ближнем и Среднем Востоке. Культурная и языковая ситуация в таких случаях обуславливается сосуществованием различных функциональных парадигм, частично эквивалентных, но чаще неравноправных по функциям и возможностям использования.

Подобные функциональные парадигмы существовали и в средневековой Японии. В эпоху Хэйан (IX-XII вв.) сосуществовали две культурные парадигмы, одна из которых ориентировалась на Китай, вторая – на собственную японскую традицию. Они различались «с точки зрения разграничения высокого и низкого», «эталоном высокой культуры считался Китай» [Алпатов, 17]. В IX-X вв. в Японии сложились способы записи текстов на японизированном китайском языке (*камбун*, или «китайское письмо») и на японском языке (*вабун*, или «японское письмо»). В образованной части общества двуязычие было коммуникативной нормой. Синоцентризм стал ослабевать с XI в. по мере усиления позиций японского языка как литературного. Восприятие континентальной письменной культуры и ее ассимиляция в японоязычной среде ярко отразились в функционировании раз-

ных текстовых практик (по терминологии М.В.Сковоронских).

В настоящей работе показывается осмысление создания текстов на японском языке в японской культуре начала XIII в. на материале работ Дзиэна (1155-1225), высокопоставленного монаха буддийской школы Тэндай. Источником исследования стали его историософское прозаическое сочинение «Гукансё» («Мои скромные заметки», ок. 1221) и циклы стихотворений хōраку («песни радости» [Федянина, Болотская]), написанные в первой четверти XIII в. (об особенностях датировок в японской истории и культуре см. [Филиппов, 2023]).

Японский язык в письменной культуре

Дзиэн осознавал важность родного языка и текстов на нем как «формы культурной памяти народа о его прошлом» [Авербух, 16]. Дзиэн так видит ситуацию в Японии с обеими текстовыми практиками на момент создания «Гукансё»:

Сейчас нередко пишут, пользуясь японской азбукой кана. Однако мое намерение писать японскими знаками о переменнах в мире и о надлежащем понимании этих перемен вызвано тем, что все – и монахе, и миряне, судящие о нынешнем мире, – утратили способность к пониманию (*тигэ*) и не ведут ученые занятия (*гакумон*). Ученость (*гакумон*) – будь то изучение монахами явного и тайного учений или изучение мирянами памятников китайской словесности и конфуцианского канона – имеет смысл только тогда, когда изучаемое осознано благодаря пониманию (*тигэ*). Сейчас, в период последних правлений (*мацудай*), больше никто ничего не понимает: «видит око, да зуб неймет».

Необходимые ученому сочинения сначала появились на санскрите, были записаны китайскими иероглифами;

поэтому жителю нашей страны Японии (*Нихонкоку*) нужно больше усилий и способности к пониманию (*мигэ*), даже если эти сочинения переведены и изложены японскими словами (*яматокотоба*).

Не нуждаются в смехотворном изложении на японском языке люди, которые читают и понимают тринадцать книг конфуцианского канона..., а также памятники китайской словесности «Три истории», «Истории восьми династий», поэтическую антологию «Изборник» («Вэнь сюань»), собрание стихотворений Бо Цзюй-и и «Основы управления периода Чжэнь-гуань» [Гукансэ̄, 319].

В данном отрывке речь идет не просто о способах записи: азбукой или иероглифами. Дзиэн противопоставляет японский язык, на котором он написал «Гукансэ̄», китайскому письменному языку *камбуну*. *Камбун* использовался в высоких жанрах, в основном для административных целей (указы, деловая переписка), для изложения и толкования религиозных и философских представлений буддизма, даосизма, конфуцианства. Художественная проза, относившаяся к низким жанрам, записывалась на *вабун*, постепенно превращавшимся в письменный язык *бунго* [Алпатов, 18-19]. Дзиэн нетрадиционно для сочинений такого рода пишет свое произведение на японском языке и неоднократно поясняет, почему он это делает.

Приведенная выше цитата описывает положение дел в создании письменных текстов в Японии к началу XIII в. Основные особенности этого положения, отраженные в данном отрывке: (1) наличие китайского (*камбун*) и японского (*вабун*) письма, (2) отсутствие необходимости в переводе китайских текстов, (3) снижение способности понимать китайские тексты.

1. Наличие китайского (*камбун*) и японского (*вабун*) письма

Письмо – условное название, так как относится к языку, стилю, выбору знаков для записи. Первое предложение

данного отрывка сообщает нам об том, что создание текстов на японском языке распространено. Выбор языка (или языков), стиля (или их стилей) и знаков для записи, т.е. выбор конкретной текстовой практики, зависел от того, документировал ли автор / составитель текста события, излагал факты или подчеркивал художественный аспект своего сочинения. Этот выбор языка, стиля и знаков во многом определял само содержание.

Отметим, что Дзиэн не разделяет *вабун* и смешанное письмо *вакан конкō бун(тай)*¹ и использует смешанное письмо. Дзиэн заявляет о намерении «писать японскими знаками» на японском языке, однако при этом сочетает японскую *кану* с иероглифами (незначительное количество). Смешанное письмо активно развивалось с середины периода Хэйан в связи с растущей языковой гибридизацией и появлением новых литературных жанров. Работы Дзиэна демонстрируют поиск диалога на уровне китайской и японской письменности.

2. Отсутствие необходимости в переводе китайских текстов.

Утверждая, что японцы «не нуждаются в смехотворном изложении на японском языке» памятников китайской словесности, Дзиэн подчеркивает, что образованным японцам не требовался перевод китайских текстов. В Японии в раннем средневековье сложилась традиция чтения классического китайского текста (в том числе в его японизированном варианте) с его одновременным переводом на родной язык, выполнявшимся устно или молча [Kornicki, 190].

3. Снижение способности понимать китайские тексты.

С X в. в Японии по мере распада централизованного государства по китайскому образцу вырабатывались свои

---

¹ Существует также практика выделения отдельного смешанного японско-китайского стиля, так называемого *вакан конкō бунтай* (和漢混淆文体) (помимо текстов на *вабун* и *камбун*).

формы во всех сферах жизни страны, происходила «японизации» ее культуры (яп. *кокуфубунка*). К XII в. значительно снизилась роль централизованной подготовки чиновничества, сократились личные контакты с Китаем и непосредственный контакт с письменной культурой Китая. Это снижало авторитет китайских текстов и способность их понимать. Дзиэн так описывает это явление:

И хотя все это у нас есть, все эти собрания литературных произведений, трудов различных учений и буддийских трактатов, включающие, по-видимому, полное собрание буддийских текстов, все это – как собаке пятая нога. Вместо того чтобы предаваться ученым занятиям, толкут воду в ступе. ... Поразмыслив об этом, я решил, что буду писать такими пустяшными словами². ... Именно поэтому слова написаны азбукой *кана*, обыденны и легко понятны. Однако в содержании может заключаться глубокий смысл! [Гукансё, 319-321].

Японский язык и буддийское учение

Дзиэн помещая Японию и ее исторический процесс в общебуддийский хронотоп, дополненный внеиндийскими элементами *сангоку манпо* («три страны в период последних дней буддийского Закона» [Япония: цивилизация, культура, язык, 76-77]). Утрату способности понимать китайские тексты Дзиэн объяснял состоянием общества, обусловленным общим упадком данного периода в калыпе.

Дзиэн осмыслял и объяснял ход истории, феномены культуры, функционирование языка в обществе с помощью методологии, порожденной буддизмом. В рамках буддийского миропонимания Дзиэн описывает родной, японский, язык. Ж.-Н.Роберт анализирует «Хатиман хякюсю» («Сто

---

² Имеются в виду японские слова, японский язык, в отличие от китайского.

строф божеству Хатиман»)³, цикл стихотворений в святылице Ивасимидзу Хатимангу:, написанный по отрывкам из «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса»). Ж.-Н.Роберт убедительно показывает, что поэтическое изложение Дзиэном в этом цикле отрывков из сутры – это «перенесение на лингвистический уровень теологической идеи о соотношении будд и *ками*». Если японские *ками* являются проявленным следом универсального, то японский язык – «конкретное и специфическое проявление» возможностей китайского языка [Robert 2007, 154].

В предисловии к циклу стихотворений «Сикидай хякюсю» («Сто строф о временах года»), поднесенных в святылице Исэ, Дзиэн пишет:

В начале калпы – Брахма, в конце – Шакьямуни [в Индии – В.Ф.], Конфуций – при китайском дворе, Дзингу [Аматэрасу – В. Ф.] – в нашем дворе. Языки этих трех стран различны, но разве наш окраинный язык не передает два других?! Опора всего – соответствие принципам *дори*, которые всегда ведут вашего неразумного слугу. Ваш покорный слуга, потомок получившего наказ божества [*ками*], всего лишь смиренно старается передать в этих песнях радость бытия [Сюгёкусю, 292].

Дзиэн частично затрагивает проблему выразимости истины. Проблема вербальной выразимой истины присутствует во многих философиях. Для индийской философии, столь значимой для японского буддизма, это было важнейшим вопросом. В индийской философской мысли роль «языка ... противоречива и даже парадоксальна: язык является и инструментом, и проводником, но в то же время и серьезным препятствием к сотериологическому опыту подлинной реальности. Язык обречен осциллировать на грани выразимости-невыразимости» [Лысенко 2023, 194].

---

³Также «Хоккэ хякюсю» («Сто строф о Сутре Лотоса»).

У Дзиэна японский язык и поэзия на японском языке – говоря терминами В.Г.Лысенко – и инструмент, и проводник. Японский язык и поэзия *вака* могут выразить все смыслы, передать истины. В предисловии к циклу стихотворений «Камо хякусю» («Сто строф божеству в Камо») Дзиэн описывает *вака* как способ приобщения к буддийскому учению и указывает, что *вака* позволяют постичь обе истины, мирскую и абсолютную⁴ [Сюгёкусю, 312-313].

В предисловии к «Хатиман хякусю», Дзиэн прямо указывает связь японского языка, буддизма и поэзии:

Наш Великий Бодхисатва Хатиман – смягченное сияние Шакьямуни и Амитабхи, его основа (*хонгэн*) та же, что у Дайдзингу. Японским языком передаются слова сутр, верой почитают божеств. ... По этой причине из двадцати восьми разделов восьми свитков «Сутры Лотоса» я взял сто строк и сделал их ста темами [стихотворений] [Сюгёкусю, 327].

В XIII в. в Японии в ряде буддийских и поэтических комментариев были сформулированы новые представления о поэзии, основанные на принципах китайской теории музыки и на эзотерической буддийской мысли. Одна из новых идей, получивших широкое распространение в позднесредневековый период, – понимание *вака* как *дхарани*⁵ [Kimbrough 2005, 4-11]. Представления о *вака* как о *дхарани*, звучащих для постижения истины и просветления, в полной мере присутствует в поэтическом творчестве Дзиэна [Федянина, Болотская, 59-66].

---

⁴ Важнейшее доктринальное положение школ Тянтай (Китай) и Тэндай (Япония) о «трех истинах» основывается на трактовке Нагарджуной (II в. н.э.) «двух истин» (общая для индийской философии модель познания, в которой выделяются эмпирическая и абсолютная истины).

⁵ Например, «теория дхарани» в конце XIII в. была сформулирована в «Сясэкисю» («Собрании песка и камней») монаха Мудзю [Трубникова].

Поэзия на японском языке – переложение буддийского учения на язык образов японской культуры

Дзиэн мастерски применяет традиционные приемы японской поэзии с ее семантической избыточностью для выражения глубоких смыслов, передачи сложных буддийских концепций на уровне привычных образов и эмоций. Он широко использует *макура-котоба* (устойчивый эпитет, связанный с конкретным объектом), *какэкотоба* (обыгрывание омонимии и полисемии слов), *ута-макура* (особая лексическая категория, состоящая в основном из топонимов), *энго* (ассоциативная цепочка из взаимодополняющих лексем), а также *тайгэн-домэ* (отсутствие грамматического оформления конца предложения), *хонка-дōри* (использование в новом стихотворении части стихотворения уже существующего, как правило, достаточно известного и принадлежащего другому автору [Мозгунова 2022, 116] и др. Продемонстрируем это на конкретных примерах.

В цикле «Хатиман хякусю» о «Сутре Лотоса» Дзиэн использует 102 цитаты из этой сутры на китайском языке как темы для своих 146 стихотворений (в доступной нам версии [Сюгёкусю]). По отрывку из сутры «идут вглубь гор» (кит. 入於深山) Дзиэн слагает *вака*:

№ 2408

吉野山奥のすみかを尋ねつつ仏の道はこれよりぞ知る。

Ёсино-яма-оку но сумика о тадзунэцуцу хотокэ но мити ва корэ ёри-зо сиру.

Лишь отыскивая жилище в глубине гор Ёсино, познаешь путь Будды [Сюгёкусю, 328].

Цитата «идут вглубь гор» в сутре является первой половиной смысловой единицы: «идут вглубь гор и размышляют о пути Будды». Эта единица находится в той части сутры, которая передает прямую речь Будды. Он не даёт своим ученикам прямых указаний, а оставляет им возмож-

ность сделать свои выводы. Вака Дзиэна передает это послание Будды в виде возможного вывода или указания.

В данном стихотворении используется японский топоним Ёсинояма, горы Ёсино, занимающие важное место истории поэзии вака. Они упоминаются в поэзии, начиная с «Манъёсю», VIII в., играют важную роль в японской истории, являются местом древнего поклонения божествам и расположения храма Кимпусэн-дзи. Этот прием *утамакура* (упоминание известного топонима) позволяет добиться большей аллюзии и интертекстуальности, привязывая место достижения просветления к реалиям японской культуры и исконно японских культов.

Дзиэн сознательно прикладывал значительные усилия, чтобы выразить философско-религиозные концепции на обыденном уровне языка, отобразить их в привычных и понятных вака. Примером переложения философско-религиозных концепций, переданных китайским языком, на японский язык и образы японской культуры является весь цикл хōраку «Касуга хякусю сō» («Наброски ста строф для поднесения [божеству] Касуга». Среди многих разделов, связанных с буддийской догматикой и космологией, есть раздел «Три мира» (三界). Это три пространственных мира (сферы), образующих структуру вселенной: «чувственный мир», «мир форм» и «мир не-форм» [Васубандху 2001, 180-183]. Дзиэн сложил по одному стихотворению для пояснения того, что представляют собой эти миры. Рассмотрим вака, описывающую «мир не-форм», в котором отсутствуют элементы материального мира и который является сферой медитационного созерцания.

№ 2700

おしなべて色も形も渚には寄ることも無き天の川波。

Осинабэтэ иро мо катати мо накиса ни ва ёру кото мо
наки Ама-но каванами.

Волны Небесной реки не приближаются к берегу, не имеют цвета и формы [Сюгёкусю, 365].

Дзиэн использует для образного описания мира не-форм несколько традиционных приемов японской поэзии. Ёру (приближаться), *нагиса / накиса* (берег) – ассоциативные слова энго, связанные со словом *нами* (волны). Существительное *нагиса / накиса* также обыгрывается по схожему звучанию со словом *наки* – прилагательное в определительной форме, означающее отсутствие. Это распространенный прием *какэкотоба* – обыгрывание словосочетаний, сходных по звучанию, и как, языковая игра, являющийся своего рода способом познания окружающего мира [Прокофьев, 119]. Возможна трактовка выражения «Ама-но кава» как Млечного пути. Риторический прием *тайгэн домэ* (грамматически не завершенная фраза, заканчивающаяся существительным, в данном случае «волны») призван вызвать яркий образ и оставить впечатления после прочтения / звучания *вака*.

Традиционная японская поэзия может быть прочитана как религиозная, даже не будучи явно обозначенной как таковая [Федянина, Болотская]. Цикл «Сикидай хякусю», посвященный святилищу в Исэ, насыщен любовной и пейзажной лирикой. Буддийскую направленность циклу придает общий замысел и структура цикла. В нем Дзиэна обращается к изображению человеческих страданий и радости, поскольку в буддизме путь к просветлению связан с пониманием и преодолением страданий (тягот) и переживаний.

Раздел «Дождь», сезон «Весна»

№2139

身の憂さをこまかに思ふ夕暮に袖の上まで春雨ぞふる。

Ми-но уса-о комака-ни омофу юфугурэ-ни содэ-но ухэ-мадэ харусамэ-дзо фуру.

В вечерних сумерках, когда я размышляю о своих печалях, тихий весенний дождь струится по моим рукавам [Сюгёкусю, 295].

Различные поэтические приемы этого стихотворения позволяют установить тесную связь природы и человека. «Фуру» в значениях «идти» о дожде (降る), «проходить» о годах (経る)⁶ и «трясти» рукавом (振る), ассоциация весеннего дождя «харусамэ» со слезами устанавливают два контекста: человеческие дела и природные явления. В буддизме принцип нераздельности и единства подразумевает, что все феномены взаимосвязаны и обусловлены друг другом. В поэзии Дзиэна это отражено в описании природы, в воспевании гармонии и единства всех вещей.

Заключение

Анализ прозаических и поэтических работ Дзиэна позволяет установить связь между выбором языка, стиля и знаков с японской поэзией и способами выражения религиозно-философских идей японского буддизма. В начале XIII в. японский язык и японская поэзия были средствами ретрансляции японского культурного и социального опыта, инструментом для выражения установок японской культуры, в том числе японского буддизма, для передачи и распространения буддийского учения. Литературный японский язык и поэтика у Дзиэна являются способом символического выражения и передачи смыслов и при этом понимаются как носители религиозного опыта и как объект религиозного созерцания.

---

⁶ 経る – совр. хэру; фу в классическом японском в заключительной форме и фуру в определительной; именно определительная форма требует в данном предложении согласно правилам согласования частицы дзо и заключительного сказуемого (какари мусуби).

Библиографический список

Источники

- Васубандху – Васубандху 2001 – Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т.2: Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е.П.Островская, В.И.Рудой. М: Ладомир, 2001.
- Гукансэ – Гукансэ (Мои скромные заметки) Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической литературы Японии). Токио: Иванами сэтэн, 1967. Т. 86 (на японском языке).
- Сюгёкусю – Сюгёкусю [Собрание драгоценных жемчужин]. В 2 т. / Ред. Кубота Дзюн, комм. Исикава Хадзимэ, Ямамото Хадзимэ. Токио: Мэйдзи Сёин, 2008. Т.1 (на японском языке).

Литература

- Авербух – Авербух К.Я., Попова Л.Г., Шатилова Л.М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / Инновационное развитие науки и образования. Ред. Г.Ю.Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С.15-22.
- Алпатов – Алпатов В.М. Япония: язык и культура. Москва: Языки славянской культуры, 2008.
- Лысенко – Лысенко В.Г. Проблема выразимости невыразимого: слово-звук, сознание и реальность в индийской мысли // Идеи и идеалы. 2023. Т.15, №3-1. С.179-199.
- Мозгунова – Мозгунова А.Д. Японская реклама сквозь призму прецедентных феноменов: идеи и образы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. №2 (32). С.112-135.
- Прокофьев – Прокофьев М.И. Классификация палиндромов японского языка / Актуальные вопросы японистики: язык, культура, лингводидактика: сборник научных статей. Москва: Ключ-С, 2023. С.118-126.
- Трубникова – Трубникова Н.Н. «Путь песен» и «Путь Будды»: монашеский взгляд на японскую поэзию в «Собрании песка и камней» // Ежегодник Япония. 2013. Т.42. С.297-300.

- Федянина, Болотская – Федянина В.А., Болотская К.В. Буддистская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзизэна) // Философский журнал. 2023. Т.16, №4. С.55-69.
- Филиппов – Филиппов А.В. О специфике хронологии, датировок и периодизации истории Японии // Клио. 2023. №1(193). С.65-74.
- Япония: цивилизация, культура, язык / Е.М.Османов, А.В.Филиппов, А.И.Габитова [и др.]. Санкт-Петербург: Art-xpress, 2022.
- Kimbrough – Kimbrough, R.K. “Reading the Miraculous Powers of Japanese Poetry: Spells, Truth Acts, and a Medieval Buddhist Poetics of the Supernatural”, Japanese Journal of Religious Studies, 2005, Vol.32, No.1, pp.1-33.
- Kornicki – Kornicki, Peter F. Languages, scripts, and Chinese texts in East Asia. Oxford, 2018.
- Robert – Robert, Jean-Noël. Reflections on Kokoro in Japanese Buddhist Poetry // Institute for Religion & Culture, 2007. Bulletin 31, pp.31-39. URL: <http://nirc.nanzan-u.ac.jp/nfile/1976> (дата обращения: 10.06.2024)

**Непраздничные ритуалы и обряды в средневековой
Японии по письменным источникам**

(Архинова М.Е.)

Предметом данного исследования являются обряды, реконструируемые по историческим сочинениям, летописям, законодательным сводам: «Тайхорё»¹ (703 г.), «Кодзики»² (712 г.), «Нихон сёки»³ (720 г.), и «Манъёсю»⁴ (600-759 гг.), «Нихон Рёики»⁵ (787 г.), «Сёку Нихонги»⁶ (797 г.), «Энгисики»⁷ (927 г.). А цель – сравнительный анализ различных источников для выявления сходств и различий в описании непраздничных обрядов в средневековой Японии.

Для проведения сравнительного анализа различных источников описаний непраздничных обрядов в средневековой Японии из указанных исторических сочинений следует решить следующие задачи:

---

¹Свод законов Тайхорё / Пер. с древнеяп. К.А.Попова. М.: Наука, 1985. 367 с.

²Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. и комм. Е.М.Пинус. СПб.: Шар, 1994. 151 с.

³Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т.1. 458 с.

Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т.2. 458 с.

⁴Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.1. 682 с.; Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.2. 719 с.; Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.3. 459 с.

⁵Японские легенды о чудесах (IX-XI вв.) / Пер. с яп. А.Н.Мещерякова М.: Медков С.Б., 2018. 224 с.

⁶Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, М.: Дело, 2018. 328 с.

⁷Engishiki / Пер. со старояп. F.G.Bock. Токио: Sophia University, 1970. 1139 с.

Идентификация ключевых тем и образцов обрядов: необходимо определить общие темы, ключевые ритуалы и обряды, которые описываются в каждом из источников.

Анализ характеристик обрядов: важно выявить какие конкретные действия и символы упомянуты в каждом источнике, их символическое значение, контекст и роль.

Изучение контекста и интерпретации: необходимо проанализировать исторический контекст каждого источника.

Синто – это религия теантропического типа, где божества и люди могут быть взаимосвязаны и сливаться друг с другом. В этой вере размыты границы между сверхъестественным и человеческим миром. Божества в синто не рассматриваются как создатели людей, а скорее как породившие их, что объясняет отношение к kami как к предкам.

Если говорить о периодах Нара (710-794), Хэйан (794-1185) и Камакура (1185-1333), то понятие «синто» появилось ещё в «Нихон сёки» (720 г.), но не было общеупотребимым и чётко разграниченным с влияниями других культов и религий. Поэтому то, что в данной работе называется «синто» и «синтоизм» не всегда его участниками осмыслялось таковым. В целом для религиозного менталитета японцев характерно большое внимание к этико-социальным и политическим вопросам, синкретизм, недогматичность, отсутствие жесткой границы между каноническим и апокрифическим.

Рассматривая непраздничные ритуалы и обряды, важно обозначить что именно называем «ритуал», а что – «обряд». Согласно словарю Ожегова, ритуал – это «поря-

док обрядовых действий»⁸, а обряд – это «совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-либо религиозные представления, бытовые традиции»⁹.

Обряд представляет собой набор условных, традиционных действий, лишённых прямой практической целесообразности, но символизирующих определённые социальные отношения. Суть ритуала, по мнению этнографов и культурологов, заключается в определённых действиях, цель которых заключается во влиянии на реальность и носят символический характер. Ритуалы изначально служили функции упорядочивания в беспорядочном мире, предлагая способ стабилизировать окружающую реальность.

Стоит также описать ритуалы непраздничного типа. Их можно определить как сакральные или обрядовые действия, осуществляемые в соответствии с волей отдельного индивида, лишённые привязки к общественным коллективным мероприятиям или календарным праздникам. Они способны происходить в различных местах, включая домашние помещения, храмы, у священных алтарей и в других священных местах, предназначенных для выполнения религиозных или духовных обрядов. Особенностью ритуалов непраздничного характера является их инициирование и проведение по собственной воле индивида, часто связанное с личной практикой, обращениями, просьбами и исполнением желаний, духовным ростом или поиском трансцендентного опыта. Важным аспектом является возможность личного общения со священным или духов-

---

⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2020. С.398.

⁹ Там же. С.347.

ным через выполнение ритуалов не праздничного типа, которые часто направлены на обретение поддержки или руководства в жизненных вопросах. Сюда входят свадебные обряды, церемонии посвящения детей, а также ритуалы очищения и избавления от болезней или негативной энергии.

Свадебные церемонии: в синтоистской традиции считаются особыми и важными. Они проводятся в синтоистских храмах и включают ряд обрядов, направленных на благословение будущего супружеского союза и привлечение счастья. В ходе свадебной церемонии происходит посвящение новой семьи ками и просьба о благословении на долгую и счастливую жизнь вдвоем.

Церемонии посвящения детей: другим важным обрядом синтоизма является церемония посвящения новорожденного ребенка, где совершается специальный ритуал, связанный с привлечением благополучия и здоровья малышу. Родители и близкие просят ками охранять и защищать новорожденного от всех невзгод.

Ритуалы очищения и избавления от болезней: синтоистские обряды включают в себя ритуалы очищения, которые помогают избавиться от негативной энергии и заговоров, а также способствуют исцелению от болезней.

Обряды, проводимые в частных домах или святилищах: некоторые ритуалы синтоизма могут проводиться на личных территориях или в домах верующих, а не в общественных храмах. Например, в синтоистском доме часто можно найти алтарь, называемый «камидана»¹⁰. В статье Накамаки Хиротики «The "Separate" Coexistence of

---

¹⁰ Семейный синтоистский алтарь.

Kami and Hotoke»¹¹ рассматриваются особенности отношения к умершим, богам и практики ухода за ними, а также правильность проведения обрядов через исследование камидана и буцудана¹² в японских домах. Описывается осторожность в отношении с потусторонним в доме. На камидана хранятся специальные ритуальные предметы и изображения божеств, люди посвящают им угощения, цветы и другие предметы в знак уважения и благодарности. Хозяева дома регулярно проводят церемонии по уходу за алтарем, возложению предметов и молитвам перед ним.

Особые ритуалы и обряды в кругу семьи: в домашнем синтоизме могут проводиться специальные обряды, связанные с поклонением богам, пращурам и духами предков. В этих ритуалах участвуют все члены семьи, что способствует единству и духовному согласию в семье.

Непраздничные обряды в храмах и священных местах: люди, имея стремление получить поддержку, благословение и исполнение желаний от божественных сил, проявляли и проявляют веру в возможность взаимодействия с высшими духовными сущностями через молитву и обряды в священных пространствах.

Но непраздничные ритуалы не обязательно должны иметь сугубо личный характер. Таким примером является ритуал умирения земли, который даже сегодня практикуется повсеместно в Японии. По мнению крупнейшего японского религиоведа Ямаори Тэцуо, чувство страха перед признаками невидимого бога скорее проистекает

---

¹¹ Nakamaki H. The «Separate» Coexistence of Kami and Hotoke // Japanese Journal of Religious Studies. Tokyo: Nanzan Institute for Religion and Culture, 1983. P.65-86.

¹² Буддистский семейный алтарь.

из безличных и безымянных аспектов, задействованных в данной локации. Таким образом, теология признаков демонстрирует глубокую связь с ощущением конкретного места. В работе Ямаори Тэцуо «Блуждания богов в пространстве японской культуры»¹³ были приведены такие примеры:

«Во времена эпохи Хэйан, в 7-м году эры Энряку, буддийский монах Сайтё учреждал монастырь на горе Хиэйдзан (считается, что это было в 788 г.). Он начал с того, что прежде всего испросил разрешения у божества – хозяина этой горы. Дескать, собираюсь открыть здесь новую религию, прошу любить и жаловать. Бог-хозяин горной вершины Хиэйдзан впоследствии стал почитаться в семи синтоистских «святилищах горных владык», входящих в территорию храма Хиёси-тайся»¹⁴.

В тексте «Кодзики» описываются различные обряды, включая акты очищения: «Потому-то Великий Бог Идзанаки¹⁵-но оо-ками сказал: «Я в нечистой скверне-стране побывал. Совершу очищение» – так сказав, прибыл на равнину Авакихара, к устью реки Татибана, в Химука, что в Цукуси, и там совершил очищение»¹⁶.

Очищение, по преданию, может быть проведено как людьми, так и богами, указывая на важность этого ритуала

---

¹³ Ямаори Тэцуо. Блуждания богов в пространстве японской культуры. / Предисл., пер. с яп. и примеч. Л. М. Ермаковой // Вопросы философии. 1999. №2. Сетевая версия: 12.06.2024. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Yamaori.htm>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Идзанаки / Изанаки. Такое чтение было восстановлено по исследованиям чтений иероглифов, ранее употреблялся вариант Идзанаги.

¹⁶ Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. и комм. Е.М.Пинус. СПб.: Шар, 1994. С. 49.

для избавления от скверны, способной передаваться сущностям и предметам. Современное очищение, включая омовение рук и рта в специальных местах, подобных Тэмидзюя¹⁷, тёдзюя и суйбанся. Изначально существовал обряд омовения всего тела, люди пользовались водой из источников или небольших речек, текущих по территории святилища, на сегодняшний день эта практика превратилась в более упрощенную форму по сравнению с первоначальным обрядом.

В «Тайхорё» не имеется упоминания обряда очищения, если не считать праздник «Великое очищение» в процессе которого приносятся жертвы, читаются очистительные молитвы, а жрец совершает ритуал очищения. Более подробно могло быть описано в «Бэссики»¹⁸, но они не сохранились.

В «Нихон сёки» очищение имеет такой же смысл и значение, как и в «Кодзики» и упоминается нередко: «И вот, желая очиститься от скверны, отправился он¹⁹ посмотреть [проливы] – Ворота Апа-но то и Пая-супина-то. Однако в этих Воротах течение было невероятно быстрым. Вернулся он тогда к Малым Воротам Татибана-но во-но то и совершил очищение изгнание [скверны]»²⁰.

В первом томе «Манъёсю» можно увидеть описания ритуалов очищения через омовение:

---

¹⁷ Строеие с проточной водой и черпаком для омовения.

¹⁸ Отдельно прилагаемые правила, уточняющие некоторые статьи «Тайхорё».

¹⁹ Идзанаки. Божество – мужчина из пары богов-прародителей.

²⁰ Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А. Н. Мещеряков, Л. М. Ермакова. М., 1996. Т. 1. С. 128.

626

Песня принцессы Ясиро, преподнесенная императору [Сёму]

Из-за тебя

О нас шумит молва,

И потому святое очищенье

Я в водах Асука иду принять

В заброшенное старое селенье!»²¹

Второй том также обращается к теме очищения через омовение, утверждая его важность:

2403

Жизнь, о которой я молился,

Приняв святое очищение в воде,

В долине чистых рек,

Здесь, в яшмовом Куэ,сэ,

Ведь эту жизнь я отдаю тебе!»²²

В то время как в третьем томе произведения появляются упоминания о способах очищения с использованием священных гимнов, исполняемых жрецами, а также личные молитвы:

3767

И вечером и утром я всегда

Молитвой душу очищаю вновь,

Но все равно

Болит моя душа

Из-за того, что велика любовь!»²³

---

²¹ Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.1. С.286.

²² Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.2. С.268.

²³ Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.3. С.58.

4031

Песня, сложенная, когда готовил сакэ
Ведь эту жизнь, что я молю продлить
И что жрецы священным гимном очищают,
Твердя слова молитв,
Я для кого спасаю?
О, только для тебя!²⁴

В следующем источнике – «Сёку Нихонги», из обрядов очищения, упоминается обряд Великого очищения, регламентируемый в «Тайхорё», но не описанный детально:

«11-я луна, 7-й день. Во все провинции отправлены посыльные для проведения [ритуала] Великого очищения»²⁵.

Помимо этого, прописываются буддистские ритуалы очищения:

«Начальникам в провинциях следует собственноручно брать приношения и с почтительностью постоянно совершать сезонные обряды очищения. В храмах же надлежит с тщательностью совершать очищение – монахи и монахини должны читать Сутру золотого блеска, а если таковой не окажется, то взамен ее читать перелистыванием сутру «Сайсёōкё», дабы государство в спокойствии пребывало»²⁶.

Омовение в «Сёку Нихонги» не упоминается. «Сёку Нихонги» был составлен в период проникновения буддизма в царствующий двор, что отразилось на содержании хроники. Следовательно, поскольку официальные исторические записи того времени ориентировались на буддий-

---

²⁴ Там же.

²⁵ Сёку нихонги: Продолжение "Анналов Японии" / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, М.: Дело, 2018. С.25.

²⁶ Там же. С.281.

скую тематику, практики синтоизма не нашли отражение в данном источнике

Рассматривая «Нихон Рёики», также можем увидеть, что ритуалы очищения в тексте содержатся буддистские, что неудивительно, так как составлен сборник из буддистских памятников:

«И вот устал Синсэй и, притомившись телом и душой, как-то остановился на ночлег, а «Сутрой лотоса» взял да и пренебрег. В час быка привиделся ему сон. Будто бы пришел человек и ошеломил его, сказав: «Время настало для молитвы и очищения. Поднимайся скорее и читай сутру»²⁷.

Таким образом мы можем проследить, что в более поздних источниках синтоистское очищение через омовение уходит, замещаясь буддистским очищением через сутры. Имея один смысл, способы и их смысл отличается. Синтоизм говорит о том, что тебя от скверны очистит природа– водный поток. А буддизм говорит о том, что для очищения человек должен прочитать сутру или гимн, либо же над ним должны его прочитать. Таким образом, получается, что без усилий очиститься невозможно. Также интересно отметить, что несмотря на взаимопроникновение буддизма и синтоизма, буддистское очищение, анализируя источники, не распространяется на ками.

Рассматривая брачные обряды сталкиваемся с тем, что процесс описан скудно, из подробного имеем изложение бракосочетания богов Идзанаки²⁸ и Идзанами.

---

²⁷ Японские легенды о чудесах (IX-XI вв.) / Пер. с яп. А.Н.Мещерякова М.: Медков С.Б., 2018. С.62.

²⁸ Восстановленное чтение VIII века. Ранее употреблялось произношение «Идзанаги», но теперь большинством японских исследователей считается правильным произношение через «к».

В «Кодзики» он описан так: «И вот тогда, спустились обратно и снова, как раньше, обошли тот небесный столб. Тут бог Идзанаги-но микото, первым: «Поистине, прекрасная девушка!» – произнес, после него богиня Идзанами-но микото, жена: «Поистине, прекрасный юноша!» – произнесла. И когда, так произнеся, соединились, дитя, которое родили, [был] остров Авадзи-но-хо-но-са-вакэ»²⁹.

В «Нихон сёки» следующее изложение: «И вот, два божества снова [пошли вокруг Столпа]³⁰ и снова встретились. На этот раз Бог-мужчина заговорил первым и рек: «О, радость – встретиться с прекрасной девой!» – так рек»³¹.

Анализируя тексты этих легенд, мы видим как проходил ритуал, что в нём руководит мужчина.

В «Манъёсю» мы имеем множество диалоговых «флиртующих» песен, однако же они не являются официальным брачным обрядом, а, следовательно, не вступают в конфликт с идеей полного руководства мужчины, поэтому мы имеем зазывательные женские песни, порой являясь частью предсвадебного цикла обмена.

3313 Каэси-ута
Если б только эта ночь,
Ночь, когда явился ты, по камням проехав вброд
На коне на вороном, ягод тутовых черней,
Если б только эта ночь
Вечно длиться бы могла!³²

---

²⁹ Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. и комм. Е.М.Пинус. СПб.: Шар, 1994. С.5-6.

³⁰ Воздвижение столпа и обхождение его с одновременным исполнением песен, часто сексуальной тематики, – распространенный в Китае и многих других ареалах обряд культа плодородия. (Примечание Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова)

³¹ Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т.1. С.118.

³² Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.2. С.31.

В «Нихон Рёйки» в свою очередь есть упоминания сватовства, женитьбы, но без подробностей, неизвестен его процесс по данному источнику: «Хотя люди знатные и сватались к ней, она им отказывала. Прошло сколько-то лет. Один человек посватался к ней и спешно послал три воза красивых одежд.» Поэтому проследить по этому памятнику не представляется возможным.

В «Тайхорё» и «Сёку Нихонги» упоминаний брачного обряда нет. В «Энгисики» есть упоминания брака Идзанаки и Идзанами, но в кратком изложении без описания ритуала.

Таким образом мы имеем описание брачного ритуала и его обрядов только в двух источниках, к тому же одного и того же сюжета. В литературном сборнике как образце более живой культуры можно наблюдать предсвадебные брачные ухаживания: сложение песен о жажде встречи, что также можно назвать обрядом, предшествующему встрече и браку. Данные песни были диалоговыми. Трудно сказать являлись ли они обязательным элементом брачного ритуала, но были распространены.

К сожалению, по литературным и законодательным источникам мы не можем проследить домашние обряды, обряды посвящения детей и обряды в кругу семьи. Поэтому перейдём к последнему типу – обряды благословения.

В «Нихон сёки» сделано обращение к древнему обряду благопожелания – восхваление нового дома:

Стропила, что положены
Устройство сердца господина этого дома.
Перекладыны, что положены,
Спокойствие сердца господина этого дома.
Вервии, что увязаны,
Крепость, жизни господина этого дома.

Тростник, что настлан,
Прибыток богатств господина этого дома»³³

По мере продвижения по тексту, проговариваются пожелания крепкого здоровья для хозяина и прибытка богатства. Выполнение этого текста, вероятно, сопровождалось ритуальными жестами, что могло напоминать танец. Так как встречаются схожие песни с наказаниями помощникам совершать определённые действия: «Тогда Водатэ, играя на кото, повелел, обращаясь к держащим светильники: «Что вы так мешкаете? Быстро вставайте и танцуйте! Вот, владыка Окэ встал и протанцевал.»

Важно отметить, что благопожелание произносилось не исполнителем, а от ками данной местности, подчеркивая связь с природой и мифологией.

Другой вариант получения благословения так: «Вскоре государыня призвала [с помощью обрядов] грубую душу [божества] и поместила как копье-предводитель впереди войска, а к мягкой душе [божества] вознесла моления и определила умиротворять ладью владычицы»³⁴.

В «Энгисики» отмечается благопожелание новому дворцу, исходящее от жреца Имибэ. Он просит богов об устойчивости и прочности нового строения, а также о благосостоянии и долголетию императора: «пусть меж опорами и балками, стропилами, дверьми, окнами стыки не движутся, не скрипят, пусть узлы завязанные не слабнут, тростник, на крышу настланный, не лохматится ...»

---

³³ Норито. Сэммё / Пер. со старояп. Л.М.Ермаковой. М.: Наука. 1991. С.48.

³⁴ Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т. 1. С. 268.

«Манъёсю» изобилует благопожеланиями и просьбами к богам о снисхождении благ. Например:

Каэси-ута

4009

Боги всех дорог и всех путей,

Что давно отмечены яшмовым копьем,

Вам дары несусь —

О друге дорогом

Я прошу вас позаботиться в пути!³⁵

391

Песня Сами Мандзэй, настоятеля храма богини

Каннон в Цукуси

Поставив тобуса³⁶ у гор Асигара,

Деревья рубят, чтобы строить корабли.

Пришли срубить зеленые деревья,

Чтоб строить корабли...

Как жаль деревья мне!

В «Кодзики» и «Сёку Нихонги» благословения упоминаются как свершившийся факт, но не расписываются подробно, из-за чего не имеем возможно их рассмотреть.

В «Тайхорё» не отображены неспраздничные ритуалы.

В «Нихон Рёики» благословение идёт от буддистских реалий: «В прошлом рождении был ты волом черным. Неподалеку человек жил – каждый день читал он «Сутру лотоса». Благословением этим избавлен ты от скотского вида и рожден в мире людей, и можешь теперь человеком «Сутру лотоса» слушать».

---

³⁵ Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.3. С.150.

³⁶ Обряд, в котором лесорубы втыкали у пня после сруба дерева его верхушку, прося благословения у kami местности и деревьев.

Изучая ритуалы и обряды, описанные в источниках, можно прийти к следующим выводам:

1. В ранних средневековых источниках не все виды непраздничных обрядов представлены полностью. Что отчасти может быть связано с возможными потерями данных или мнением составителя, автора о том, что в подробном описании обряда нет необходимости упоминать из-за его простоты или распространённости.
2. Очевидным является то, что ритуал очищения играет ключевую роль в религиозной практике, поскольку упоминается в каждом из источников неоднократно. Это говорит о его высоком статусе и важности для повседневной жизни общества того времени. А также говорит о восприятии японцами окружающего мира как места полного опасности и скверны на столько, что первостепенным является ритуал очищения, а следующим за ним – ритуал благопожелания, которое играет скорее защитную роль.
3. Некоторые ритуалы могли претерпеть изменения в своем символическом содержании под воздействием внешних факторов, таких как распространение буддизма. Однако основные функции этих ритуалов остаются неизменными, сохраняя свою значимость и соответствие потребностям и верованиям сообщества. Таким образом, хотя возможны изменения в мире религиозных практик, наиболее существенные элементы сохраняют свою ценность и продолжают играть ключевую роль в жизни верующих.

Список литературы

1. Свод законов Тайхорё / Пер. с древнеяп. К.А.Попова. М.: Наука, 1985. 367 с.

2. Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. и комм. Е.М.Пинус. СПб.: Шар, 1994. 151 с.
3. Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т.1. 458 с.
4. Нихон сёки // Литературные памятники древней Японии / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, Л.М.Ермакова. М., 1996. Т.2. 458 с.
5. Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.1. 682 с.
6. Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.2. 719 с.
7. Манъёсю: Собрание мириад листьев / Пер. с яп. А.Е.Глускина. М.: Наука, 1971. Т.3. 459 с.
8. Японские легенды о чудесах (IX-XI вв.) / Пер. с яп. А.Н.Мещерякова М.: Медков С.Б., 2018. 224 с.
9. Сёку нихонги: Продолжение "Анналов Японии" / Пер. с яп. А.Н.Мещеряков, М.: Дело, 2018. Т.2. 328 с.
10. Engishiki / Пер. со старояп. F.G.Воск. Токио: Sophia University, 1970. 1139 с.
11. Норито. Сэммё / Пер. со старояп. Л.М.Ермаковой. М.: Наука, 1991. 299 с.
12. Nakamaki H. The «Separate» Coexistence of Kami and Hotoke // Japanese Journal of Religious Studies. Tokyo: Nanzan Institute for Religion and Culture, 1983. P.65-86.
13. Ямаори Тэцуо. Блуждания богов в пространстве японской культуры / Предисл., пер. с яп. и примеч. Л.М.Ермаковой // Вопросы философии. 1999. №2. Сетевая версия: 12.06.2024. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Yamaori.htm>

**Мотив «строительной жертвы» в японском
повествовательном фольклоре**

(Садокова А.Р.)

В культуре всех народов особое значение всегда придавалось строительству жилища, а также возведению важных объектов, способствующих безопасности жизнедеятельности человека. Со строительством была связана сложная система обрядов и ритуалов, словесных формул и заклинаний, которые были призваны оградить построенный объект от влияния злых сил, порчи и разрушения. Важной целью являлось также умиловивление богов и духов, «владеющих» землей, на которой проходило строительство.

Имея распространение практически во всех районах мира, строительная обрядность носила региональные и национальные черты, но при этом обладала и неким универсализмом, что проявилось, например, в повсеместном совершении ритуала принесения строительной жертвы. На протяжении истории у разных народов строительные жертвы имели самобытные формы. Так, во время археологических раскопок в Сибири были обнаружены предметные «приклады», такие как бисер, монета, топорик, и в то же время сохранилось немало свидетельств о принесении в качестве жертвы коня¹. Принесение в жертву животных в мировой культуре встречается почти повсеместно. Обычно в качестве строительной жертвы выступал мелкий домаш-

---

¹ Олейник Д.В. Обряды и представления восточных славян // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 24-26 апреля 2017 г.). Вып.13, Т.2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. С.365-366.

ний скот или птица. Так, в русской традиции при закладке мельницы подносили дары воде в виде домашнего скота, а если возникали проблемы в работе мельницы, то кидали в воду петуха с камнем на шее².

Однако наиболее частым и, вероятно, самым распространенным был обычай приносить в жертву живого человека. Свидетельства об этом сохранились в фольклоре и этнографии самых разных народов. Так, у осетин и грузин бытовали предания о том, как в нишу оборонительной башни замуровывали единственного сына вдовы³. Единственного ребенка забирали в качестве жертвы и у чувашей. Притом нередко привозили из дальних мест, и жертва даже не догадывалась о том, что с ней произойдет: нередко девушку так холили и одевали, что она была уверена в скором замужестве⁴.

Чрезвычайно широкое распространение обряд принесения «строительной жертвы» получил в странах Европы. В своей статье 1937 г. известный ученый-фольклорист Д.К.Зеленин подчеркивал, что у западноевропейских народов очень широко распространены предания и саги о людях, которые были заживо замурованы в фундаментах или стенах разных построек, особенно средневековых замков и городских крепостей. Особо ученый подчеркивал,

---

² Петкевич А.В. «Водная жертва» в русской культурной традиции // Живая старина, 2006, №3. С.15-16.

³ Кокоева А.Б. Погребальные обряды осетин, связанные со смертью детей // Фундаментальные исследования, 2014, №6 (часть 5). С.1074-1077.

⁴ Ильина Г.Г. Мотив принесения «строительной жертвы» в фольклоре чувашей // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015, №2 (92). С.45-47.

что эти истории не плод художественного воображения, а отражение реальности и исторических событий⁵.

В Японии сведения об обряде «строительной жертвы» получили столь широкое распространение, а его детали известны по такого огромному количеству устных свидетельств, что историческая достоверность проведения обряда практически не вызывает сомнений. Человеческую «строительную жертву» называли *хито-басира*, что значит «человек-столб» или *ики-басира* – «живой столб», потому что жертву закапывали в вертикальном положении.

Однако нельзя не признать, что в большинстве случаев речь идет все же о фольклорных текстах с ярко выраженной демонологической составляющей. Рассказывается, что принесенные в жертву люди являлись потом к ныне живущим в облике привидений. Широкое распространение получили топонимические предания, которые пытались объяснить, как и при каких обстоятельствах именами невинно убиенных стали называть водоемы и мосты. При этом рассказывалось, что в местах принесения жертвы до сих пор по ночам слышатся стоны и крики, а замки и плотины по-прежнему стоят на своих местах только благодаря тому, что была принесена «строительная жертва». Историческое так тесно переплелось с фольклорным, достоверное с вымышленным, что трудно отделить одно от другого.

В Японии фольклорные тексты о строительной жертве бытовали практически во всех районах страны, можно сказать, что это один из самых распространенных мотивов в японском повествовательном фольклоре. Не ставя под

---

⁵ Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М.: "Индрик", 2004. С. 145-175.

сомнение исторические основания для остальных историй, японские ученые все же разделяют фольклорные предания, которые не имеют под собой какой-либо серьезной доказательной базы, и предания, которые могут быть основаны на реальных исторических событиях.

На сегодняшний день можно говорить о нескольких, сохранившихся в Японии историях, относящихся к разным историческим эпохам, которые представляют собой единение фольклорного текста и считающейся максимально достоверной исторической основы. Фольклорное и историческое сочетается в этих сюжетах в разных пропорциях, что также представляет для исследования большой интерес.

Самое сюжетно развитое предание бытовало на западном побережье Японии, в стране Этиго (совр. преф. Ниигата, г. Дзээцу). Предание известно в нескольких вариантах, сообщающих некоторые детали и подробности, которые, однако, не оказывают принципиального влияния на основу сюжета.

Рассказывали, что местные земли издавна отличались сильной эрозией почвы и частыми мощными оползнями. Это приводило к обрушению берегов рек и гибели людей. Но однажды в страну Этиго пришел неизвестный монах, который случайно подслушал разговор двух огромных змей. Оказалось, что именно змеи, двигаясь по проходам под землей, вызывали оползни. А теперь они намерились расширить свои владения. Это привело бы к разрушению нескольких окрестных деревень и гибели большого числа людей. При этом змеи очень боялись, как бы людям не пришлось в голову принести в жертву человека и установить «живой столб». Услышав это, монах вскрикнул и тем самым выдал себя. Змеи заметили его, но отпустили,

взяв с него клятву не говорить об этом людям: да он бы и не успел – времени для обряда принесения жертвы уже не было.

Тогда монах, чтобы спасти людей, решил сам стать «живым столбом». Он принес стоящий неподалеку большой кувшин, вырыл нишу в одном из глубоких подземных проходов, поставил туда кувшин и залез в него. Земля начала сыпаться сверху и замуровала монаха. Так монах принес себя в жертву и спас людей. Змеи ушли из этих мест, и оползни прекратились⁶.

По сути, здесь представлено типичное этиологическое предание, объясняющее прекращение оползней, что могло произойти по разным причинам, например, в результате того, что подземная река поменяла свое русло. Однако народная молва приписывала избавление от бедствия чудесным событиям.

В свете нашей проблематики интересно, что при раскопках в этих местах в 1937 г. была сделана удивительная находка. Археологи обнаружили большой вертикально стоящий кувшин с костями внутри. В 1962 г. ученые университета Ниигата доказали, что кости принадлежали мужчине лет сорока, жившему примерно в XIV в. Обратили внимание на то, что у него были очень сильные ноги, что свидетельствовало о его постоянных передвижениях на большие расстояния: не исключено, что это и вправду был странствующий монах.

Находка стала считаться подтверждением исторической достоверности древнего предания: монах во имя спасения людей сам замуровал себя, как и рассказывали на протяжении веков. При этом понятно, что в самом предании налицо была большая доля вымысла: разговор

---

⁶ https://www.pref.niigata.lg.jp/sec/jouetsu_sabou/1354572113082.html

змей, их осмысленное желание погубить людей, понимание человеком языка змей. Не является неоспоримым фактом и то, что монах по собственной воле стал «живым столбом». Вполне могло быть и принудительное действие: пришедший незнакомец мог оказаться случайной жертвой при совершении обряда. Такие случаи, вероятно, были нормой: странствующего человека никто в этих краях не знал, искать его здесь никто бы не стал, и вообще лучше принести в жертву незнакомца, чем того, кого знают с детства, и оплакивать будет потом вся деревня.

То ли в благодарность за спасение, то ли в искупление вины своих предков, жители городка Дзээцу построили небольшой буддийский храм, где и сегодня молятся за упокоевание души неизвестного человека, ставшего «живым столбом». Поминальные службы проводятся регулярно, создан даже музей «Спасения от оползней».

Благородный поступок во имя спасения людей и осмысленное принесение себя в жертву – нередкий сюжет фольклорных текстов о «строительной жертве». При этом трудно сказать, было ли это истинным желанием жертвы, или со временем народная молва начала выдавать желаемое за действительное, как бы снимая ответственность с людей, принимавших участие в обряде и, может быть, заставивших человека стать «живым столбом».

Так, идея самоличного решения стать «строительной жертвой» лежит в основе предания замка Хидзи-дзэ в нынешней префектуре Ойта. История замка была более долгой, но период процветания пришелся на начало XVII в., потому что его владельцы были особо приближены к тогдашнему фактическому правителю Японии Тоётоми Хидэёси. В 1601-1602 гг. замок был формально перестроен, но практически построен заново. Именно тогда, вероятно,

и получила распространение история о старом самурае, который вызвался стать «живым столбом», чтобы замок стоял века. Рассказывают, что старый самурай пожалел молодых людей, сначала юношу, потом девушку, которых хотели замуровать в стене, и сам вызвался стать строительной жертвой, сославшись на то, что он уже пожил свое и для него, как самурая, закончить свой земной путь в стене замка знатного воина, будет честью. Понятно, что такая версия оправдывала людей, и не исключено, что вынесенный вердикт: «уже пожил свое» мог принадлежать не самому самураю, а кому-то другому.

В этом случае, как и в предыдущем примере, археологические раскопки практически подтвердили факт принесения человеческой жертвы при строительстве замка. В 1960 г. во время обустройства современной набережной около замка Хидзи-дзё в каменной кладке было обнаружено пустое пространство, похожее на большую нишу, в котором стоял каменный ящик-саркофаг, а на нем самурайский шлем. В ящике нашли сосуд с человеческими костями и остатками волос, завязанными в пучок. Так фольклорная история о жившем неподалеку старом самурае получила историческую основу⁷.

Есть, правда, находки и иного рода. В окрестностях замка Ёсида-Корияма-дзё в современной префектуре Хиросима (г. Акитаката) бытовало предание о благородстве владельца замка, потомке знатного рода – Мори Мотонари, который решил расширить территорию замка, известного с XIV в. Достоверные даты в более ранний период отсутствуют, но точно известно, что в 1540-1551 гг. проводилось грандиозное строительство.

---

⁷ <https://mainichi.jp/articles/20231003/k00/00m/040/315000c>

Однако, как гласит народное предание, никак не удавалось возвести одну из стен замка: ее поднимали уже на треть, но она каждый раз с грохотом обрушивалась. Тогда стали поговаривать о необходимости принести человеческую жертву. Однако Мори Мотонари не соглашался. Когда он был еще мальчиком, он отправился со старшими в паломничество в храм Ицукусима на о. Миядзима. Там он встретил маленькую девочку, которая все время плакала. Девочка рассказала, что ее мать выбрали «строительной жертвой» и вот теперь они пришли в храм вместе в последний раз. Мотонари, тогда еще носивший детское имя Сёдзумару и сам рано потерявший родителей, проникся жалостью к девочке и ее матери и приказал отвезти их к себе в замок. (Здесь наблюдается фольклорная вариативность: в одном тексте повествуется о том, что Мотонари забрал и мать, и дочь, в другом, что только дочь, потому что мать уже была «выбрана», и никто не мог противостоять этому).

И вот теперь, спустя пятнадцать лет, встал вопрос о строительной жертве и в этом замке. Выросшая девочка стала предлагать себя в качестве «живого столба», памятуя о том, что Мотонари пожалел ее (в варианте – спас ее мать). Однако Мотонари принял решение не приносить человеческих жертв. Он приказал принести в замок каменный столб с человеческий рост и сделать на нем надпись: *хякуман иссин*. Она состояла из двух слов: «миллион» и «единое сердце / душа». Смысл этого изречения можно понять так: мы все объединены в едином порыве, мы работаем вместе, мы связаны одной идеей. Мотонари приказал закопать этот столб в том месте, где должен был быть замурован живой человек.

Сегодня на месте замка разбит парк. С 1995 г. ведутся раскопки. Есть сведения, что был обнаружен и тот самый столб. (Однако достоверность этого не подтверждена). Сегодня он установлен в парке в тени больших деревьев. За века от самого замка практически ничего не осталось, хотя и сегодня можно поразиться монументальности каменной кладки, на которой когда-то возвышались стены. Земляные рвы, каменные лестницы, переходы и лабиринты из камней – все это напоминает о долгой истории и величии замка. Не случайно это место признано историческим достоянием, а об истории замка и судьбе его владельцев можно узнать в историко-этнографическом музее⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют, что даже во времена, когда обряд принесения «строительной жертвы» имел повсеместное бытование, отношение к нему было неоднозначным и наверняка у многих людей он вызывал сострадание и даже приводил в ужас. Не исключено, что именно этим можно объяснить особое акцентирование на факте личного решения жертвы и благородстве ее поступка. Реальность наверняка была более беспощадной. Это косвенно подтверждают и другие исторические и археологические находки во времена уже более близкие к современности. У этих событий нет никакого фольклорного сопровождения и неизвестны никакие устные тексты. Так, например, после разрушительного землетрясения в районе Канто в 1923 г. рухнула одна из башен Императорского дворца – башня Фусими-ягура. Там обнаружили останки шестнадцати человек, которые, судя по всему, были принесены в жертву. Этот факт хоть и известен, но не афишируется, так и другие находки подобного рода. В 1970 г. были обнару-

---

⁸ <https://news.line.me/detail/oa-japaaan/bxd5kepzmnc3>

жены кости вертикально стоящих людей, живыми или после смерти замурованными в стены во время строительства тоннеля Цунэмон на о. Хоккайдо. В память об этих людях поставили обелиск, на котором человеческая фигура расположена вертикально. А в 1983 г. при раскопках на Окинаве на месте некогда стоящего там замка Урасоэ (г. Урасоэ) были обнаружены останки молодой девушки лет двадцати. По расположению костей также стало понятно, что девушка была принесена в жертву в качестве «строительной жертвы». Но это события более далекого прошлого, потому что замок сгорел в сильном пожаре под натиском войск княжества Сацума еще в 1609 г. Правда, от него все же сохранились массивные стены-лабиринты на высокой горе, с которой и сегодня хорошо просматривается безбрежное красивое море.

Как видно, тема принесения «строительной жертвы» неоднозначна. И более тридцати объектов в Японии, в основном замки, мосты и плотины, все же сохранили только фольклорные интерпретации тех роковых событий. Однако устойчивое сохранение этого мотива в разных жанрах японского фольклора – в преданиях и сказках, а также археологические находки, так или иначе возвращающие к мысли о «строительной жертве», позволяют говорить не только о фольклорном вымысле, но и о суровых проявлениях исторической реальности.

**Жизнь и деятельность Кумагаи Тэцутаро:
к вопросу о феномене слепых пасторов в Японии**
(Бертова А.Д.)

Введение

Число христиан в Японии не превышает одного процента от общего населения страны, однако христианские идеи и принципы оказали значительное влияние на модернизацию японского общества начиная со второй половины XIX в. Особенно заметным это было в сфере создания новых образовательных учреждений и программ, например, в области развития образования людей с ограниченными возможностями, в частности, слепых, которые оказались одними из первых охвачены деятельностью христианских благотворительных обществ. Именно при христианских организациях были образованы одни из первых школ для слепых, которые впервые предоставили последним возможность получения более современного образования¹.

Слепой пастор Кумагаи Тэцутаро, который стал одним из провозвестников нового периода в жизни японских слепых, продвигал идею о необходимости для людей с ограничениями по зрению осваивать, помимо традиционных, новые профессии. Сам Кумагаи, выбравший для себя поприще христианской проповеди, полагал, что именно христианство позволяет слепым открыть свое истинное предназначение в этом мире и развить таланты. После Кумагаи профессия христианского пастора стала весьма востребованной среди слепых. Так, в настоящее время в

---

¹ Подробнее о влиянии христианства на образование в Японии в конце XIX – начале XX вв. см., в частности, Бертова А. Д. Семейство Цуда и развитие образования в Японии в период Мэйдзи (1868–1912) // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2022. Т.16. №1. С.101-117.

рамках Японской ассоциации христианской проповеди слепым (Нихон мōдзин кирисутокē дэндō кēгикай) на постоянной основе действует Конференция слепых пасторов², что указывает на значительное число слепых пасторов в стране. Данная статья посвящена анализу деятельности Кумагаи Тэцутаро и феномена японских слепых пасторов, демонстрирующих яркие примеры влияния христианства на жизнь людей с ограниченными возможностями и японское общество в целом.

Слепые в японском обществе

К периоду Мэйдзи (1868-1912) слепые приобрели довольно устойчивое положение в японском обществе. С одной стороны, их недуг традиционно воспринимался в Японии через призму буддийской идеи о действии закона причинно-следственных связей и кармического воздаяния, то есть считался следствием тех прегрешений, которые сами слепые или их родители совершили в предыдущих рождениях, что в быту влекло за собой в целом негативное к ним отношение³. С другой стороны слепые рано осознали необходимость консолидации перед лицом остального общества и уже с XIV в. образовали гильдию, получившую название тōдōдза. Члены тōдōдза, пользуясь покровительством высших самурайских и аристократических домов, смогли добиться получения монополии сначала на исполнение музыкальных композиций на японской лютне бива, потом на музыкальных инструментах сямисэне и кото, а также стали служить в качестве музыкантов и певцов в

---

² Нихон мōдзин кирисутокē дэндō кēгикай. URL: <https://moden.jp/about.php> (дата обращения: 29.04.2024)

³ Groemer G. The Guild of the Blind in Tokugawa Japan // Monumenta Nipponica. 2001. Vol.56. No.3. P.350.

традиционном театре. Со временем гильдия смогла утвердить за собой исключительное право заниматься акупунктурой и массажем, а также различными практиками китайской медицины⁴. Во время правления сёгунов Токугава (1603-1867) гильдия также пользовалась покровительством властей и даже получила право заниматься ростовщичеством⁵, то есть положение слепых, входящих в *тōдōдза*, отличалось относительной стабильностью⁶.

После революции Мэйдзи, когда сёгунат был устранен и началась ускоренная модернизация страны, пережитки прошлого в виде гильдий стали считаться несовременными и были распущены. Это стало сильным ударом для слепых, которые оказались без защиты со стороны государства, заботившегося в первую очередь о тех, кто мог стать полноценными членами нового японского общества, а не «бесполезным» для новой Японии⁷. В 1872 г. был издан указ нового правительства, по которому все жители страны,

---

⁴ Подробнее о жизни слепых в Японии см., например, Tan W.Y.W. *Blind in Early Modern Japan: Disability, Medicine, and Identity*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022.

⁵ Groemer G. *The Guild of the Blind in Tokugawa Japan*. P.357.

⁶ Правда, существовал целый ряд слепых, которые по тем или иным причинам в *тōдōдза* не входили – во-первых, туда не принимали женщин, у которых была своя гильдия, а во-вторых, первоначальный взнос для вступления в гильдию был довольно высок и не все могли себе его позволить. Положение слепых, не входящих в *тōдōдза*, было гораздо более плачевным, так как гильдия монополизировала основные виды деятельности, считавшиеся подходящими для инвалидов по зрению – музыкальную и театральную сферу, китайскую медицину и массаж и пр., вынуждая слепых вне гильдии заниматься шаманскими практиками, гаданиями и прочими занятиями, считавшимися низкопробными.

⁷ Hirose K. *Reconsidering Japanese Religious History: The Aum Incident and the Blind Culture in Modern Japan* // *The Journal of the International Institute*. 2003. Vol.10. Iss.3. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0010.301> (дата обращения: 06.05.2024)

вне зависимости от пола, сословия и социального положения, должны были получать начальное образование, что касалось и инвалидов⁸, однако на деле выяснилось, что специальных образовательных учреждений для слепых нет. Образование для людей с ограниченными возможностями попало в ведомство сразу двух министерств – образования и внутренних дел, каждое из которых стало делегировать решение этой проблемы другому. По этой причине первые попытки вовлечь слепых в образование и дать им возможность более полной и насыщенной жизни были предприняты со стороны частных лиц, многие из которых оказались христианами⁹.

В этот период христианские миссии в Японии начали стремительно распространяться, а среди образованных японцев самурайского происхождения, представлявших наиболее активную прослойку населения, появилось значительное число христиан. При христианских миссиях и благотворительных обществах стали создаваться первые школы для слепых, которые впоследствии были национализированы государством. Тем не менее, связь образования для слепых с христианством на первом этапе оказалась крайне тесной. В дальнейшем многие слепые принимали христианство, а затем включались в просветительскую работу среди своих же товарищей, распространяя среди них как новые образовательные принципы, так и христианские идеи.

Таким образом, число слепых христиан во второй половине XIX – начале XX вв. было сравнительно велико, а многие передовые начинания, касавшиеся благосостояния

---

⁸ Такахаси Макото, Сатō Таканори. Сякай дзигё тоситэ-но мōкёйку-но тэнкай // Наруто кёйкудайгаку гаккō кёйку кэнкю кийё. 2016. №30. С.1.

⁹ Mishima Saiichi. The History of Ophthalmology in Japan. Oostende, Belgium: J.P.Wayenborgh Press, 2004. P.327.

слепых в Японии, были именно их детищем. Для многих христианство стало, с одной стороны, способом приобщения к продвинутой западной цивилизации и достижениям западных стран в сфере благосостояния слепых, а с другой – религией, которая снимала буддийское клеймо кармического воздаяния со слепых, раскрывала перед ними новые пути развития, открывала новые профессии, снимала прежние ограничения, возникшие в рамках традиционного японского общества.

Среди слепых христиан появились представители таких современных профессий, как журналисты, писатели, ученые, предприниматели, библиотекари, издатели, а также священнослужители, в первую очередь, протестантские пасторы. Первым таким человеком стал Кумагаи Тэцутаро, чья жизнь требует отдельного рассмотрения как пример воздействия христианских представлений на жизнь японского общества конца XIX – начала XX вв.

Краткая биография Кумагаи Тэцутаро

Кумагаи Тэцутаро родился в 1883 г. на Хоккайдо. Его дед был довольно состоятельным человеком и занимался выловом сельди, однако отец Кумагаи, вместо того чтобы продолжить дело, промотал все средства на развлечения и азартные игры, что ввергло семью в весьма бедственное положение. В возрасте трех лет Кумагаи с семьей переехал в Аомори, где перенес оспу, в результате чего ослеп. Семья впала в нищету из-за попыток его вылечить и была вынуждена вновь вернуться на Хоккайдо¹⁰.

Когда Кумагаи подросток, он поступил в обучение к врачу акупунктуры и массажа в префектуре Аомори. Там он за

---

¹⁰ Мурота Ясуо. Кумагаи Тэцутаро-но сёгай то сисё // Кансэй гакуин си киё. 2021. Вып.27. С.122-123.

три года освоил азы западных медицинских знаний и изучил японский аналог шрифта Брайля для слепых – тэндзи. Это стимулировало его к учению, однако систематическое образование для слепых давалось тогда лишь в небольшом числе школ. Самой известной из них была Токийская школа для слепых и немых (Тōкѳ̄ мōа гаккō), обучение в которой было дорогостоящим, а путь туда – далеким и сложным для слепого. Тогда Кумагаи нашел работу массажиста в «веселых» кварталах городка Суццу на Хоккайдо, одновременно копи деньги на дальнейшее обучение. Этот период он в дальнейшем называл самым темным в своей биографии, «адским дном» (дзикоку-но дондзоко), потому что вынужден был напрямую соприкасаться с разгульными удовольствиями и сомнительным образом жизни местных красавиц¹¹.

Через некоторое время он собрал деньги и отправился в Саппоро, где также была учреждена школа для слепых. Однако вскоре выяснилось, что школа еще не начала свою деятельность, и ее директор посоветовал отчаявшемуся юноше пойти в христианскую церковь Мии (Саппоро Мии кѳ̄кай), что тот и сделал. По воспоминаниям Кумагаи, атмосфера в церкви, то расположение, которое он почувствовал от местной общины, та теплота, с которой его приняли, стала для него шокирующим контрастом по сравнению с его прошлой жизнью¹².

Жизнь Кумагаи обрела новый смысл, и вскоре он обратился в христианство. Настоящим открытием для него стала 9 глава Евангелия от Иоанна, в которой Иисус исцеляет слепого, говоря при этом, что слепота последнего – не следствие греха его или его родителей, а знак особой

---

¹¹ Кумагаи Тэцутаро. Ями-о ябуттэ. Токио: Кирисутокѳ̄ сюппанся, 1932. С.77.

¹² Там же. С.100-103.

избранности Богом, возможности духовного прозрения и самосовершенствования¹³. Это стало началом новой активной духовной жизни Кумагаи, а также стремления распространять христианское учение и полученные им новые знания и открытия таким же слепым, как он сам.

Такие амбициозные планы требовали получения более систематического образования, и в 1901 году Кумагаи, заручившись моральной и материальной поддержкой своей христианской общины, отправился в Токио, где поступил в Токийскую школу для слепых и немых¹⁴. Он начал активно изучать английский язык, так как выяснилось, что учебников и книг для слепых, издаваемых в Японии, недостаточно, поэтому необходимо пользоваться западными книгами на английском, набранными шрифтом Брайля. Вскоре он в достаточной степени освоил английский. К тому же, перебравшись в Токио, Кумагаи начал посещать христианскую церковь Хонго (*Хонгō тѳō кѳкай*), прихожанами и посетителями которой были многие известные христиане того времени, а также студенты столичного Императорского университета, поэтому через беседы с ними Кумагаи приобщался к проблемам современной науки и христианства. Он включился в жизнь школы, был одним из авторов в журналах школы для слепых, продвигая идею о том, что слепые должны самосовершенствоваться, чтобы затем активно участвовать в распространении науки и образова-

---

¹³ Там же. С.118-119.

¹⁴ Основой для Токийской школы для слепых и немых стала школа для слепых при христианском благотворительном обществе Ракудзэнкай, основанного в 1875 г. при содействии известного христианского просветителя Цуда Сэн. В 1887 г. эта школа была взята правительством под свой контроль и стала государственной. Токийская школа для слепых и немых была одним из главных образовательных учреждений для слепых того времени.

ния среди людей с аналогичным недугом, так как только они сами лучше всего знают, как добиться успеха в учебе¹⁵.

После окончания обучения Кумагаи стал преподавать сразу в нескольких христианских образовательных учреждениях для слепых в Токио, Йокогаме, а затем в Кобэ, после чего решил продолжить свое образование и поступил на теологический факультет христианского университета Кансэй гакуин, который окончил в 1916 г., став первым в Японии слепым пастором. Одновременно с учебой, он подрабатывал переводом лекций по Священному Писанию с английского языка, что позволило ему получить дополнительные навыки.

Свою проповедническую деятельность Кумагаи начал в малолюдном приходе в городе Осака, где он развернул активную деятельность, учредив классы по изучению Священного Писания и воскресную школу, полностью погрузившись в эту совершенно новую для слепых профессию. Одной из целей, которые поставил перед собой Кумагаи, было открытие для слепых новых сфер деятельности, расширение их потенциала, поэтому и сам он при малейшей возможности бросал себе новые вызовы, занимаясь, в частности, переводом выступлений иностранных миссионеров¹⁶. Одним из его смелых начинаний стало учреждение культурной организации под названием «Восточноазиатская ассоциация культуры слепых» (*Тōа мōдзин бунка кēкай*), чьей целью были укрепление культурных связей со слепыми различных азиатских стран, обеспечение их возможностью получения образования, различными материалами для обучения, помощь в трудоустройстве,

---

¹⁵ Мурота Ясуо. Кумагаи Тэцутарō-но сēгай то сисō. С.134.

¹⁶ Там же. С.138-139.

знакомство слепых с различными современными научными достижениями и т.д.

Со временем Кумагаи стал широко известен, причем не только в Японии, но и за границей, чему способствовало как издание его автобиографии в Канаде на английском языке, так и его путешествие в Америку, где в 1931 г. он принял участие в конференции слепых служащих общества в составе японской делегации. После конференции Кумагаи отправился в университет Дрю, где около пяти месяцев учился на теологическом факультете по индивидуальной программе. После этого он посетил целый ряд американских учебных заведений для слепых, где набирался опыта, затем несколько месяцев помогал вести проповедь в Калифорнии и на Гавайях¹⁷. В 1932 г. он вернулся на родину, однако внешнеполитическая ситуация в это время стала стремительно меняться – Япония начала военное продвижение по континенту.

В последующие годы непосредственно перед вступлением Японии во Вторую мировую войну ситуация в стране и за ее пределами сильно усложнилась. Продвижению Японии по материку сопутствовали ужесточившиеся меры по контролю за населением внутри страны. Так, в 1939 г. был опубликован Закон о религиозных организациях, в результате чего стало очевидно, что правительство берет христианские церкви под свой усиленный контроль¹⁸. В 1940 г. занимавший антивоенную позицию Кумагаи при-

---

¹⁷ Там же. С.146.

¹⁸ Подробнее об этом законе и жизни христиан в военные годы см. Бертова А.Д. Христианские организации в Японии во время Второй мировой войны и проблема признания ими своей ответственности за действия, совершенные в военный период // Acta eruditorum. 2016. №20. С.29-33.

нял решение оставить пасторскую деятельность, однако в 1943 г. Министерство иностранных дел отправило его с семьей в Таиланд, чтобы там он возглавил местную школу для слепых, чей предыдущий директор был арестован. Кумагаи прибыл в Бангкок в разгар войны, однако школа вскоре была разрушена во время бомбардировки, а Кумагаи с семьей в 1944 г. в последний момент удалось переправиться из Таиланда обратно в Японию.

После войны Кумагаи некоторое время продолжал работать пастором, однако в 1952 г. ушел в отставку. В 1959 г. он переехал в дом для престарелых пасторов Объединенной церкви Христа в Японии, где жил сначала вместе с женой до ее смерти от инсульта в 1971 г., а затем один до своей смерти в 1979 г.

Кумагаи оставил после себя целый ряд трудов, как несколько автобиографий, так и сочинения теологического и философского характера¹⁹, которые оказали значительное влияние на жизнь и деятельность людей с ограниченными возможностями в Японии. В своих сочинениях позднего периода Кумагаи говорил о своей надежде на то, что когда-нибудь слепые получают в Японии те же права, что и зрячие, будут иметь возможность самостоятельно выбирать себе дело жизни и пользоваться таким же уважением²⁰.

---

¹⁹ Среди них отдельного упоминания требует книга «Сущность религии» («Сюкё-но хонсицу», 1934), в которой Кумагаи рассматривает определение религии, ее происхождение, разбирает разные взгляды на божественное и доказывает, что именно монотеизм является истинным, так как может удовлетворить все человеческие потребности как с интеллектуальной, так и с моральной и эстетической точек зрения (Кумагаи Тэцутаро. Сюкё-но хонсицу. Токио: Кирисутокё сюппанса, 1934. С.71-72).

²⁰ Кумагаи Тэцутаро. Хакумэй-но киюку. Токио: Хэйбонса, 1960. С.237.

Пытаясь помочь всем нуждающимся, поддерживать их, он оставил после себя достойную память. Одна из его дочерей вышла замуж за слепого пастора, а его внук также продолжает линию деда и отца и служит пастором Объединенной церкви Христа в Японии²¹.

Заключение

Пример Кумагаи Тэцутаро демонстрирует, насколько сильно было влияние, которое христианство оказывало на жизнь японских слепых в конце XIX – первой половине XX вв. Оно освобождало слепых от воздействия традиционных японских представлений о кармическом генезисе слепоты, давало возможность не только осваивать новые профессии, но и получать от христианских миссионеров самые современные научные знания.

Важной особенностью распространения образования и христианства среди слепых можно назвать и то, что оно проводилось во многом через слепых же, так как последнее, вероятно, отчасти вследствие традиционно присущей слепым в Японии активной жизненной позиции, после получения образования часто сами включались в проповеднический и преподавательский процесс.

В этом смысле неудивительно появление значительного числа слепых преподавателей, как традиционных массажа и китайской медицины, так и более современных дисциплин, а также слепых пасторов, так как, осознав важность христианства для собственной жизни и самоопределения, слепые стремились во что бы то ни стало передать этот опыт своим товарищам.

---

²¹ См. интервью пастора Тамада Макото (Нихон кирисуту кёдан. Kyodan news. URL: <https://uccj.org/date/2017/06/page/3>).

Подтверждением судьбоносного характера христианских идей для многих японских слепых служат слова слепого пастора Исимацу Рёдзо (1888-1974), одного из соратников Кумагаи: «...И в нашей стране христианство распространяется, слепые попадают под действие его Благой вести и благотворительных начинаний, вследствие чего открывается их духовное видение, они постигают смысл своего существования и начинают вести наполненную этим смыслом жизнь. Поэтому становится очевидно, что христианство и спасение слепых необходимым образом связаны между собой»²².

Список литературы

1. Бертова, А.Д. Семейство Цуда и развитие образования в Японии в период Мэйдзи (1868-1912) // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2022. Т.16. №1. С.101-117.
2. Бертова А.Д. Христианские организации в Японии во время Второй мировой войны и проблема признания ими своей ответственности за действия, совершенные в военный период // *Acta eruditorum*. 2016. №20. С.29-33.
3. Исимацу Рёдзō. Мōдзин то кирисутō-кё-но аюми. Токио: Нихон мōдзин кирисутōкё дэндō кёгикай, 1959.
4. Кумагаи Тэцутарō. Сьōкё-но хонсицу. Токио: Кирисутōкё сьуппанся, 1934.
5. Кумагаи Тэцутарō. Хакумэй-но киоку. Токио: Хэйбонся, 1960.
6. Кумагаи Тэцутарō. Ями-о ябуттэ. Токио: Кирисутōкё сьуппанся, 1932.

---

²² Исимацу Рёдзō. Мōдзин то кирисутō-кё-но аюми. Токио: Нихон мōдзин кирисутōкё дэндō кёгикай, 1959. С.718.

7. Мурота Ясуо. Кумагаи Тэцутарō-но сёгай то сисō // Кансэй гакуин си киё. 2021. Вып. 27. С. 121–156.
8. Нихон мōдзин кирисутокё дэндō кёгикай (Официальный сайт Японской ассоциации христианской проповеди слепым). URL: <https://moden.jp/about.php> (дата обращения: 29.04.2024)
9. Такахаси Макото, Сатō Таканори. Сякай дзигё тоситэ-но мōкёйку-но тэнкай // Наруто кёйкудайгаку гаккō кёйку кэнкю киё. 2016. №30. С.1-8.
10. Groemer G. The Guild of the Blind in Tokugawa Japan // Monumenta Nipponica. 2001. Vol.56. No.3. Pp.349-380.
11. Hirose K. Reconsidering Japanese Religious History: The Aum Incident and the Blind Culture in Modern Japan // The Journal of the International Institute. 2003. Vol.10. Iss.3. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0010.301> (дата обращения: 06.05.2024)
12. Mishima Saiichi. The History of Ophthalmology in Japan. Oostende: J.P.Wayenborgh Press, 2004.
13. Tan W.Y.W. Blind in Early Modern Japan: Disability, Medicine, and Identity. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022.

Особенности развития ритуалов с благовониями в современном японском буддизме¹

(Войтшишек Е.Э.)

Как известно, подношение благовоний является важной частью буддийских ритуалов во всех известных школах и направлениях мирового буддизма. В буддийской религии и ее ритуально-обрядовом комплексе благовония ассоциируются с личным совершенствованием и распространением «аромата добродетели» – высоких нравственных качеств. Через подношение благовоний Будде и буддийским божествам адепты буддизма «очищают сознание», следуют «аромату истины», способствуя состраданию к окружающим и обретению высшей мудрости на пути к нирване.

Буддийская доктрина подразумевает четко определенный набор рекомендаций по использованию различных видов благовоний в тех или иных случаях: во время церемоний, при медитациях или на каждый день, включая воскурение таких компонентов, как аквилярия, сандал, борнеол, аир, мускус, стиракс бензойный, камфора, лотос, шафран, гибискус и др. Есть особая система правил, регулирующая время и порядок подношений благовоний тому или иному божеству буддийского пантеона. При этом большое внимание уделяется распределению курильниц в медитационном зале и выбору благовоний, чей аромат должен формировать то или иное состояние сознания.

---

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки №FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Помимо запаха культура благовоний Восточной Азии традиционно уделяет особое внимание также и дыму, образующемуся при сжигании ароматического сырья. Наблюдения за поведением дыма давали людям пищу для размышлений, визуализации различных образов, в том числе религиозных, в ритуалах гадания и медитации. К тому же, в религиозных верованиях дым от сжигания сырья часто является признаком законности ритуала. Являясь побочным продуктом сжигания благовоний, он также обладает важной культурной символикой, играя роль посредника между Небом и человеком.

Что касается Японии, то за время развития буддийского вероучения с VI в. там было разработано большое количество правил, регулирующих ритуалы подношения благовоний. С раннего средневековья в зависимости от медитационных техник и ритуалов, принятых в тех или иных школах, храмах и общинах, были выработаны подробные рекомендации по использованию различных видов ароматического сырья и курильниц, подходящих на разные случаи. Использование тех или иных видов благовоний – как по составу, так и по форме (аромапалочки, спирали, стружка) – обычно тесно увязано с формой курильниц и с функцией определенного ритуала. Это касается и повседневных церемоний, и праздничных многолюдных религиозных мероприятий. Более того, зная назначение того или иного типа курильницы, можно реконструировать содержание ритуалов.

В современной Японии, где, по самым скромным подсчетам, существует 13 основных буддийских школ и более полусотни их ответвлений, правила ритуальных практик с благовониями заметно варьируются. Подсчет и классификация этих школ является сложной исторической, методологической и идеологической проблемой, тем более что с течением времени многие буддийские школы серьезно

эволюционизировали, испытывая заметное влияние как со стороны материковых традиций, так и по отношению друг к другу.

Вслед за ведущими российскими и зарубежными специалистами по истории японского буддизма можно отметить несколько ведущих буддийских школ, сохранивших свои позиции в Японии и в настоящее время². К их числу относятся старейшие философские школы 法相宗 Хоссо-сү, 華嚴宗 Кэгон-сү; монашеская «школа устава» винаи 律宗 Риссү; тантрическая «школа мантры» 真言宗 Сингон-сү; крупнейшие дзэнские школы 臨濟宗 Риндзай-сү, 曹洞宗 Сото-сү; амидаистские школы 淨土宗 Дзэдо-сү, 淨土真宗 Дзэдо-синсү, 融通念仏宗 Юдзу-нэмбуцу-сү; синкретические школы, сочетающие дзэнские и амидаистские идеи, а также включающие элементы тантризма 天台宗 Тэндай-сү, 黄檗宗 Обаку-сү; школы, основанные на поклонении «Лотосовой сутре» 日蓮宗 Нитирэн-сү, 法華宗 Хоккэ-сү.

В большинстве этих школ до сих пор происходит развитие ритуальных практик с использованием благовоний – такое утверждение основывается на наблюдениях автора за храмовыми церемониями в крупнейших японских буддийских центрах. Среди этих практик можно отметить как традиционные, так и относительно новые.

Так, помимо возжигания обычных палочек, спиралей и конусов, к техникам воскурения благовоний, известным в материковой культуре Китая и Кореи с VII-VIII вв. (со времени распространения эзотерического буддизма), можно отнести приспособления для измерения времени с помощью душистого порошка. Благовонные печати в Японии при-

² См., напр., [Игнатович, 1988], [Буддизм в Японии, 1993], [Арига Ёэн, 1991], [Окадо Осаму, 2022] и др.

обрели вид больших подставок-ящиков («аромачасы» 香時計 *кōдокэй*)³, известных с периодов Асука и Нара (VI-VIII вв.).

Рис.1. Японские ароматические часы на подставке (香時計 *кōдокэй*).
Арт-галерея компании Сэйдō 松栄堂, Киото, апр. 2024. Фото автора.

В настоящее время такие устройства используются для отсчета продолжительности храмовых церемоний и окуривания помещений⁴. Несмотря на изысканность и эстетичность этих громоздких приспособлений, их широкому распространению в религиозной и светской практике препятствуют технические сложности их обслуживания (как правило, нужны специальные вычисления, умения пользоваться трафаретом для вычерчивания контура линий прогорания душис-

---

³ Об использовании этих приспособлений в Китае и Японии подробнее см. [Войтишек, 2023]. В современной Японии такие ароматические таймеры используются преимущественно в школах Истинного слова Сингонсю (например, в храме Ниси-Хонгадзи в Киото).

⁴ В наши дни они используются во время больших церемоний в храмовых комплексах Ниси-Хонгадзи 西本願寺 и Хигаси-Хонгадзи 東本願寺 в Киото. Оба храма исторически вышли из школы Дзёдо-синсю, но со временем стали развиваться в рамках одного из ее десяти ответвлений Хонгадзи-ха 本願寺派.

того порошка, наконец, необходимо наличие большого количества высококачественного ароматического сырья).

Кроме того, многие храмы⁵ практикуют подношения благовоний в специальных курильницах с длинной ручкой 柄香炉 *э-гōро*, известных в дальневосточном буддизме еще с глубокой древности (в Японии используются с периода Асука, VI-VII вв.), их держат в руках во время церемониальных обходов, молитв, клятв и обетов⁶. В настоящее время право держать в руках такие курильницы, воскуривать в них благовония и поднести Будде во время храмовых церемоний имеют только монахи высшего ранга. Как правило, для этого назначается конкретное ответственное лицо из высших монахов (貫首 *кандзю*), которое закреплено за этим ритуалом⁷.

Рис.2. Поминальная церемония с использованием позолоченной курильницы с ручкой 柄香炉 *э-гōро*.

Храм Хоннōдзи 本能寺, Киото, май 2024. Фото автора.

⁵ В основном, в школах Чистой Земли (Дзэ̄до-с̄ю̄), Истинного слова (Сингон-с̄ю̄), Тэндай и «Лotosовой сутры» (Хоккэ-с̄ю̄).

⁶ В японских средневековых письменных источниках, в частности, в «Сборнике стародавних повестей» (今昔物語集 *Кондзяку моногатари*, XII в.), зафиксированы случаи использования курильниц с ручкой в момент скорой кончины с надеждой переродиться в Чистой Земле (во время молитвы курильницу держали в руке, обращаясь на запад, место пребывания Будды Амида). См. труды японской исследовательницы Оно Каё 小野佳代 из университета Токай-Гакуэн в Нагоя о традиции использования курильниц с ручкой в буддизме Восточной Азии [Оно Каё, 2023, с.97-113].

⁷ Так, в храме Хоннōдзи 本能寺 в Киото (школа «Лotosовой Сутры» Хоккэ-с̄ю̄) в течение года проводятся три установленных ритуала, когда используют большую позолоченную курильницу с ручкой. Это 24-25 февр. (день

В храмах практически всех школ принято на алтаре ставить курильницы в виде открытых прямоугольных шкатулок с двумя отсеками 角香炉 *каку-кōро*, в одном из которых на пепле дымятся благовония, а в другом насыпана ароматическая стружка, которую священнослужители и прихожане периодически подсыпают на пепел во время богослужений.

Рис.3. Поминальная церемония с использованием курильницы в виде шкатулки с двумя отсеками 角香炉 *каку-кōро*.
Храм Хоннōдзи 本能寺, Киото, май 2024. Фото автора.

Что касается появления новых техник, то речь идет, прежде всего, о виде курений, использование которых отмечено большими особенностями. Этот вид благовоний разработан в Японии по новейшим технологиям в 70-80-х гг. XX в. Несмотря на то, что эти благовония по типу относятся к ароматическим 線香 *сэнкō*, они отличаются отсутствием характерного запаха дымящихся курений, привычно маркирующих священное пространство буддистов в храме или у

изготовления храмовой курильницы с ручкой); 6-7 мая (поминальная церемония Сэмбу-э 千部会, посвященная памяти преподобного Нитиру, который в 1415 г. основал этот храм); 12-13 октября (день памяти преподобного Нитирэна). Материалы личных бесед автора со священнослужителем Янаэ Дзэрё 築瀬城諒 в июле 2024 г. в храме Хоннōдзи.

алтаря. При этом нельзя сказать, что запах от возжигаемых курений отсутствует совсем – скорее, чувствуется запах угля и пепла с землистыми нотками⁸.

Эти благовония представляют собой круглые или чаще прямоугольные прессованные угольные палочки (длинной 20-25 см, шириной 7-8 мм и толщиной 4-5 мм), которые устанавливаются в большие и широкие курильницы, заполненные достаточно плотно утрамбованным пеплом. С одного края, отмеченного особой риской, палочки поджигают и вертикально ставят в пепел на глубину 3 см.

По мере прогорания палочек (около 20 минут) на их поверхности проявляются иероглифы с текстами обращения к Будде, в связи с чем этот вид благовоний называется «палочками с появляющимися письменами» 文字が現れる線香 *модзи га араварэру сэнкō*⁹, «палочками с именами буддийских божеств» 名号入り線香 *мэгō ири сэнкō*; «палочками с текстами сутр» 経文香 *кёмонкō* и др. Такое обилие названий одного предмета церемониального культа свидетельствует о том, что обычай возжигания этих благовоний является новым явлением, еще не устоявшимся в буддийской традиции.

Характерной особенностью этих благовоний является еще и то, что, будучи прессованными и твердыми, они после прогорания не осыпаются, как обычный пепел, а могут долго стоять в курильнице, символизируя нескончаемую молитву верующих и благословение со стороны бодхисаттв и Будды. Кроме того, нельзя сбрасывать со

⁸ Некоторые производители добавляют цветочные ароматы.

⁹ Существуют еще некоторые варианты с этим же значением, среди которых самыми употребительными являются следующие описания: 文字が出てくるお線香 *модзи га дэтэкуру о-сэнкō*, 文字の出るお線香 *модзи-но дэру о-сэнкō*.

счетов эмоциональную и эстетическую составляющую – постепенно проступающие на светло-сером пепле темные иероглифы с молитвами смотрятся очень эффектно.

Учитывая разницу в ритуальных практиках разных японских буддийских школ, в использовании этих благовоний есть свои особенности. В зависимости от традиций и предписаний той или иной буддийской школы, на ароматических палочках помещаются разные виды молитвенных обращений¹⁰. Ниже в таблице приводится перечень основных видов молитвенных формул, помещенных на ароматические палочки, которые используются в разных буддийских школах Японии в настоящее время¹¹.

---

¹⁰ В отдельных случаях на аромапалочки наносят не только иероглифы, но и целые изображения буддийских божеств. К примеру, этим отличается продукция дзэнского храма Эйкандō (полное название 永観堂 禅林寺 Эйкандō Дзэнрин-дзи, осн. 853 г.), который со времени настоятеля Эйкана (1033-1111) относится к школе Чистой земли (Дзэдо-сю). В храме стоит знаменитая статуя Обернувшегося Будды (по легенде, Микаэри Амида 見返り阿弥陀 сошел с пьедестала в саду и, обернувшись, позвал за собой остолбеневшего от изумления настоятеля Эйкана словами – «Эйкан, что ты медлишь?» (永観、遅し! Эйкан, ососи!). Говорят, в тот же миг монах обрел просветление. На ароматических палочках этого храма как раз изображена фигура Обернувшегося Будды со словами молитвы, его прославляющего (南無阿弥陀仏 Наму амида буцу).

¹¹ Сведения почерпнуты во время полевых исследований автора в буддийских храмах и центрах Киото в апреле-июле 2024 г. Материалы личных бесед со священнослужителем Янасэ Дзэрёё 築瀬城諒 из храма Хоннōдзи 本能寺, а также с г. Нагамацу Тацуо 永松龍夫 и его сыном Нагамацу Дайсё 永松大昇, имеющим семейную компанию буддийских принадлежностей Сёбидо Нагамацу Буцугутэн (鐘美堂 – 永松仏具店) в районе Тэрамачи в Киото, которая возводит свою историю к 1603 г. (См. сайт компании: <http://www.kyoto-teramachi.or.jp/shobido>, дата обращения 24.07.2024).

Таблица 1. Молитвенные обращения на ароматических палочках в разных буддийских школах современной Японии

№	Название буддийской школы	Текст молитвы	Перевод и значение	Комментарии
1	Амидаистские школы Чистой Земли Дзэ́до-сью 淨土宗, Дзэ́до-синсю 淨土真宗. Крупнейшие храмы: Тион-ин 知恩院, Ниси-Хонгадзи 西本願寺 и Хигаси-Хонгадзи 東本願寺 в Киото.	南無阿弥陀仏 ¹² Наму амида буцу	«Восславляю Будду Амида» Идея «думания о Будде» и вызывания в сознании его образа. Вера в возможность возрождения в Чистой Земле Будды Амида.	Освобождение от круга перерождений достигается благодаря вере в спасительную силу Будды Амида (Амитабхи, Амитофо) ¹³
2	Все школы, кроме школы Дзэ́до-синсю 淨土真宗 ¹⁴ .	先祖代々供養 Сэндзо дайдай куэ́	«В поминальной церемонии обращаются к предкам» Обращение к усопшим предкам, молитва за их души.	Посещение могил, подношение воды, благовоний, цветов, свечей, еды и напитков ¹⁵ .

¹² Как вариант часто используется молитвенная формула 南無阿弥陀佛 с тем же значением.

¹³ Школа Чистой Земли // БРЭ, 2004-2017. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4687184 (дата обращения 21.07.2024).

¹⁴ В школе Дзэ́до-синсю такие поминальные службы не проводятся, поскольку там проповедуется идея мгновенного перерождения в будду в момент смерти. Умерший человек обретает состояние буддийского божества благодаря защите и покровительству будды Амида Татхагата (阿弥陀如来 яп. Амида нэрай). Поминальные службы в этой школе проводятся не в честь предков, а как дань уважения заслугам Будды Амида Татхагата, способствующим перерождению человека в божество.

¹⁵ Так называемые «шесть видов подношений» (六種供養 яп. рокусю куэ́) подразумевают два типа подношений благовоний – путем нанесения на тело и одежду мелкого душистого порошка (его предварительно растирают в ладонях, отчего порошок под воздействием тепла рук начинает благоухать) и воскурение ароматических смесей или палочек.

3	<p>Школы, поклоняющиеся Лотосовой Сутре: Нитирэн-сё 日蓮宗 и Хоккэ-сё 法華宗.</p> <p>Крупнейшие храмы: Хоннōдзи 本能寺, Коэцудзи 光悦寺 в Киото.</p>	<p>南無妙法蓮華經 Наму (нан) мёхō рэнгэкё</p>	<p>«Восславляю Дхарму Лотосовой Сутры»</p> <p>Безусловное следование «сокровенному закону Сутры Лотоса», чтобы связать в единое целое причину и следствие.</p>	<p>Многочисленное произнесение этой формулы активирует в человеке состояние будды для правильных действий и мыслей. Культ личной ответственности за свою судьбу¹⁶.</p>
4	<p>Дзэнские школы Дзэн-сё 禪宗.</p> <p>Крупнейшие храмы: Рёандзи 龍安寺, Дайтокудзи 大徳寺 в Киото (исключая храмы школы Риндзай-сё 臨濟宗).</p>	<p>南無釈迦釈迦牟尼仏 Наму сяка муни буцу</p>	<p>«Восславляю Будду Шакьямуни»</p> <p>Вера в то, что все сущее имеет природу Будды. Состояние бодрствующего сознания «ума и не-ума», «безмыслия и бездумия».</p>	<p>Медитация как путь обнаружения в себе природы Будды. Возможность для каждого достичь внезапного озарения и просветления путем приведения всех духовных сил в равновесие¹⁷.</p>

При этом вода символизирует жертвование и благую милость; нанесение благовоний на тело означает нравственность и соблюдение заповедей; цветы олицетворяют смирение перед невзгодами и терпение; возжигание благовоний символизирует усердие и самосовершенствование; еда и напитки способствуют медитации и созерцанию; свечи и свет олицетворяют мудрость и разум.

¹⁶ В буддийских кругах распространено мнение о том, что данный вид относительно бездымных благовоний был разработан специально для крупнейшей современной школы «Общество созидания ценностей 創価学会 *Сōка Гаккай*», своеобразного религиозного движения, основанного на идеях Нитирэна. Яркой особенностью этой школы является ее сращение с политической сферой Японии – при ее непосредственном участии была основана одна из главных политических японских партий Кōмэйтō 公明党.

¹⁷ Несмотря на то, что в настоящее время дзэн не является массовым направлением буддизма в Японии, его влияние в японской духовной культуре и искусстве остается сильным. См. Дзэн // БРЭ, 2004-2017. URL: <https://bigenc.ru/c/dzen-11603a> (дата обращения 22.07.2024).

5	<p>Тантрическая школа Истинного слова Сингон-сю 真言宗.</p> <p>Крупнейшие храмы: Тодзи 東寺, Ниннадзи Омуро 仁和寺御室 в Киото, храмовый комплекс на горе Коя 高野山.</p>	<p>南無大師遍照金剛 <i>Наму дайси хэндзё конгё</i></p>	<p>«Восславляю наставника Алмазного Учения»</p> <p>Идея поклонения монаху Кукай 空海, известному еще как «великий учитель» Коббодайси 弘法大師 (774–835), основатель школы.</p>	<p>«Тайное учение» как синтез индо-китайского зотерического буддизма. Будда Шакьямуни здесь интерпретируется как одно из воплощений Будды Махавайрочана (яп. 大日如来 Дайнити Нёрай)¹⁸.</p>
6	<p>Синкретическая школа Тэндай-сю 天台宗¹⁹</p> <p>Крупнейшие храмы: Энрякудзи 延暦寺 в преф. Сига, Сёрэнъин 青蓮院 в Киото.</p>	<p>南無妙法蓮華經 <i>Наму (нан) мёхё рэнгэкё</i> (утром) 南無阿彌陀仏 <i>Наму амида буцу</i> (вечером)</p>	<p>«Восславляю Дхарму Лotosовой Сутры»</p> <p>«Восславляю Будду Амида»</p>	<p>Обычно используют разные молитвы в утренних и вечерних ритуалах: утром прославляют учение «Лotosовой Сутры», вечером обращаются с молитвами к Будде Амида.</p>

Примечательно, что некоторые японские буддийские школы (в частности, посвященные Будде Амида) в эстетических целях используют в оформлении своей ароматической продукции хорошо узнаваемые символы традиционной

¹⁸ Сингон-сю // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <https://megabook.ru/article/Сингон-сю> (дата обращения 22.07.2024). Главная цель школы – привести человека к состоянию Будды через благословение «трех тайн 三密» – тела, речи и ума (身 – 口 – 意) [Encyclopaedia Britannica, 2009].

¹⁹ Школа Тэндай с IX в. развивалась в рамках амидаизма, провозглашавшего в качестве Пути освобождения открытие в каждом верующем «природы Будды» с помощью многократно повторяемой мантры «Восславляю Будду Амида». По представлениям адептов школы, таким способом можно достичь Страны счастья в ближайшем перерождении. С эпохи Камакура (1185-1333) многие идеи школы были почерпнуты из идей Нитирэна (школы «Лotosовой Сутры»). См. Тэндай-сю // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <https://megabook.ru/article/Тэндай-сю> (дата обращения 23.07.2024).

культуры – «знаки Гэндзи» (源氏香之図 гэндзико̄-но дзу), имеющие отношение к прославленному произведению Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи», написанной на рубеже X-XI вв.²⁰

Рис.4. Ароматические палочки с письменами буддийской молитвы, прославляющей Будду Амида (南無阿弥陀佛 *Наму амида буцу*). Традиция школы Чистой Земли. Курильница школы Хонгандзи-ха 本願寺派, храм Ниси-Хонгандзи 西本願寺, Киото, июль 2024. Фото и коллекция автора.

Таким образом, в буддийской атрибутике подношения благовоний ярко проявляются особенности той ли иной религиозной школы в Японии. Случаи несоответствия вида курильниц и надписей на благовониях с письменами, встречающиеся в современной религиозной практике, воспринимаются как вопиющая некомпетентность и нарушение канонов буддизма, что ведет к недоразумениям между

---

²⁰ Подробнее о символах гэндзико̄ в традиционной культуре Японии см. [Войтишек, 2018].

представителями разных школ. Внимание к различным видам подношения благовоний в ежедневных и праздничных ритуалах со стороны прихожан, буддийского духовенства и даже крупнейших политических партий только лишний раз подчеркивает большую роль ольфакторных практик в культуре Японии.

Список использованной литературы

1. Буддизм в Японии / Отв. ред. Григорьева Т.П. М.: Наука, 1993. 704 с.
2. Войтишек Е.Э. Путь аромата. Ароматическая культура Китая: монография / Ин-т востоковедения РАН, Гуманитарный институт НГУ. Москва: ИВ РАН, 2023. 316 с., ил. 40 с.
3. Войтишек Е.Э. Эволюция символов 源氏香 гэндзи-кō в японском искусстве благовоний // История и культура традиционной Японии 11 = History and Culture of Traditional Japan 11 / НИУ ВШЭ, Ин-т классического Востока и античности; под ред. И.С.Смирнова; отв. ред. А.Н.Мещеряков. М.: НИУВШЭ; СПб.: Изд. Дом «Гиперион», 2018, с.210-220 (Orientalia et Classica: Труды Института классического Востока и античности; вып. I (LXXI)).
4. Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Наука, 1988. 319 с.
5. Арига Ёэн. Кō то буккё [有賀要延. 香と仏教]. Благовония и буддизм. Токио: Кокусё канкō кай, 1991. 469 с. (на яп. яз.)
6. Окадо Осаму. Сугу вакару нихон-но буккё. Рэкиси, дзимбуцу, буккё тайкэн [すぐわかる日本の仏教。歴史、人物、仏教体験]. Просто о буддизме Японии. История, люди, буддийские практики. Токио: Токио бидзюцу, 2022. 175 с. (на яп. яз.)

7. Оно Каё. Кōро-о мотиитэ куё-о суру кото. Э-гōро-но сиёхō-ни тюмоку ситэ [小野佳代。香炉を用いて供養をすること。柄香炉の使用法に注目して]. Ритуалы подношения курильниц. На примере использования курильниц с ручкой // Пэкче кымдон тэхянно хаксульхве-ый пальпхёнонмунджип [백제금동대향로 학술회의 발표논문집. 백제 금동 대향로. 백제 문화의 정수 (精髓)]. Материалы международной научной конференции, посвященной 30-летию обнаружения бронзовой курильницы Пэкче. Бронзовая курильница Пэкче: сущность культуры Пэкче. Пуё: Университет культурного наследия Пуё, 2023. С. 97–113. (на яп. и кор. яз.)
8. Encyclopaedia Britannica. Japan Co., Ltd, 2009.

**Празднование «Дня Косин»
в контексте современной культуры Японии**

(Габитова А.И.)

В современном постиндустриальном мире, в эпоху господства цифровых и информационных технологий, на фоне развития глобализационных процессов, имеет место стремительное размывание этнических культур, что сопровождается утратой и деградацией многих исконных элементов этих культур, как материальных (включая традиционные виды хозяйствования, ремесла, искусства, жилище, народный костюм, украшения, игрушки и т.д.), так и духовных (мировоззрение, календарная система, религиозные практики, демонология, суеверия, гадательные системы, этикет, система праздников, игровая деятельность, система воспитания детей и т.д.).

В этой связи Япония воспринимается многими иностранцами как своеобразный оплот традиционализма, как настоящий заповедник «старых добрых» обычаев, заботливо сохраняемых японцами с незапамятных времен. Более того, многие элементы традиционной японской культуры стали своеобразными «национальными брендами» – экзотичными, но очень привлекательными для иностранцев феноменами, официально продвигаемыми правительством Японии как элементы ее «мягкой силы».

Однако японская культура также подвержена тем же самым «процессам глобализации», что и другие этнические культуры народов мира. Начиная с периода Мэйдзи и по настоящей день имело место фундаментальное реформатирование и трансформация традиционного японского мировоззрения, что сопровождалось утратой многих его базовых элементов, начиная с самовосприятия в пространстве и времени, что выразилось в частности, в

почти полном непонимании со стороны большинства современных японцев основ традиционного японского календаря и связанной с ним системы праздников и культов (в чем была возможность убедиться лично при общении со своими японскими сверстниками в 2023 г.).

В качестве примера такой культурной эрозии можно привести ситуацию с постепенным «отмиранием» праздника «Дня Косин», в период Эдо очень популярного по всей Японии, а в настоящее время сохранившегося лишь локально и лишь в весьма усеченном виде.

«День Косин» самым непосредственным образом связан с традиционным дальневосточным календарем. В Японии, как и в Китае, Корее и некоторых других регионах Восточной Азии использовался календарь из повторяющихся 60-летних циклов, в основе которого лежали представления о *дзиккан-дзюнси* 十干十二支 (т.н. «десяти небесных стволах» и «двенадцати земных ветвях»)¹. Соответственно, каждый из членов этой 60-ричной системы обладал своими особыми «метафизическими» качествами и собственными божествами-покровителями. Какие-то сочетания небесных стволов и земных ветвей сулили людям удачу и процветание, какие-то – наоборот, несли опасность и угрозу. Одним из самых неблагоприятных сочетаний дней года считался 57 знак «Металлической Обезьяны» – Косин 庚申, под которым проходил каждый 57-й день года.

Опасность «Дня Косин» заключалась в том, что в этот день живущие в теле человека «три червя» или «три трупа» *санси* 三尸 (三蟲) отправлялись к Небесному Императору

---

¹ См. подробнее: Габитова А.И. Система *дзиккан-дзюнси* как основа традиционного японского календаря // Япония: цивилизация, культура, язык 2022. [«Issues of Japanology = Вопросы японоведения» №9]. СПб.: Изд-во Art-xpress, 2022. С.14-21.

Тэнтэй 天帝 с докладом обо всех совершенных прегрешениях; если таковые были не очень значительными, то жизнь согрешившего укорачивалась на 3 дня; если более значимыми – то сразу на 300 дней. В особых же случаях следовало ожидать неотвратимого воздаяния, лишавшего нарушителя возможности нормальной жизни и принуждавшего его к самоубийству. Следует отметить, что жить в жестко регламентированном фискальном обществе, каким была Япония эпохи Токугава, так или иначе не нарушая многочисленных и весьма изощренных запретов, было невозможно. Это обеспечило высокую популярность оккультного «механизма» минимизации метафизических последствий нарушения общественных норм.

Основным элементом этого действия выступали ритуалы т.н. «ночных бдений» Косинкō 庚申講, главная цель которых избежать ночного сна, поскольку «три червя» покидают тело именно вовремя сна. В ходе бдений адепты, собираясь вместе, возносили молитвы у алтаря Косин-сама 庚申様 (божества культа Косин), а также до самого утра вкушали трапезу, вели беседы, играли в застольные игры и развлекали друг друга. При этом строго соблюдались определенные табу: не злословить, не злиться, не поддаваться страстям, не думать о дурных делах, не есть мясо животных, которые имеют четыре или две ноги, не прикасаться к пяти сильно пахнущим овощам². Также в течение всей ночи Косин-мати необходимо исключить половые контакты, ибо выделения телесных жидкостей, особенно семени, вызывает осквернение кэгарэ 汚れ.

---

² 五葷 гокун, т.е. пять видов лука и чеснока, запрещённые буддизмом к употреблению в пищу.

В период Эдо, особенно во второй половине XVII в., многочисленные богатые общины адептов культа заказывали и устанавливали каменные стелы *косинтō* 庚申塔 с изображением божеств Косин. Эти стелы по своим функциям совпадали с очень популярными в Японии стелами-изваяниями *дōсōдзин* 道祖神 – разнообразных изображений божеств-хранителей конкретной местности, прежде всего, перекрестков дорог, а также окрестных полей и поселений.

Как уже говорилось, у ритуалов Косин есть свои божества и своя сакральная символика. Поскольку это «день обезьяны», то одним из центральных сакральных объектов выступает обезьяна *сару* 猿, с благопожелательным образом которой как архаичного божества плодородия и хранителя полей в Японии связан целый комплекс «обезьяньих культов» и представлений. Особенно популярен культ «трех обезьян» *сандзару* 三猿, обычно изображающихся прикрывающими лапами соответственно рот, глаза и уши. Этот символ, ныне популярный по всему миру, может рассматриваться с конфуцианской точки зрения – как избегание дурных поступков; с буддийской – как медитативная депривация внешних сенсорных ощущений. С точки зрения культа Косин они закрывают отверстия, через которые «три червя» могут выйти из тела.

Центральным же божеством Косин выступает Сёмэн *конгō* 青面金剛, буквально – «Синеликий с ваджрой», именно его изображения устанавливаются на алтаре Косин и вырезаются на каменных стелах³.

---

³ См. подробнее: Синицын А.Ю., Габитова А.И. О традиционном японском календарном празднике «День Косин», связанных с ним ритуалов, атрибутах и божествах. Этнография. №4 (22), 2023. С.237-260.

Сам образ Сёмэн-конго, как представляется, является специфическим «эндемиком» японского сакрального паноптикума, имея при этом очевидные параллели с такими персонажами индо-буддийского пантеона, как Дайкокутэн / Махакала; Фудо-мёо / Акаланатха; Гундари-мёо / Кундали; Усусамма-мёо / Уччушма; Конго-яся / Ваджрапани и др. Примечательно, что Сёмэн-конго в Японии почитается также как божество-охранитель туалетов, ибо изгоняет оттуда демонов и голодных духов *гаки / прета*.

Существует довольно много вариантов его иконографии⁴; чаще всего он изображается с гневным ликом (или с 3 ликами); шестируким; опоясанным драконом; попирающим демона или двух демонов. В каждой из его рук находятся символические атрибуты: диск чакра; жезл ваджра или прямой двулезвийный меч *кэн*; монашеский посох *сёкудзё*; лук; стрела и схваченная за волосы человеческая фигурка с молитвенно сложенными руками. Каждый из атрибутов имеет довольно широкое поле интерпретаций – так, человеческая фигурка может трактоваться как демон Сёкэра, наблюдающий с крыш домов за дурными делами подопечных грешников; как сам грешник, подлежащий наказанию; как адепт культа, которому божество таким образом не дает уснуть; и даже как индуистский бог Шива – антагонист буддизма.

Сёмэн-конго изображается часто в огненном сиянии, солнцем, луной и «волшебными жемчужинами» над голо-

---

⁴Так, в собрании Государственного музея истории религии Санкт-Петербурга находится небольшого размера киот *дзуси*, в котором представлена статуя Сёмэн-Конго. История этого предмета неизвестна, и, скорее всего, в России это единственная статуя божества (и его изображение в том числе). URL: <https://izi.travel/ru/05a5-syomen-kongo/ru> (дата обращения: 10.06.2024).

вой; в окружении целого ряда спутников: обезьян (от двух до пяти), петуха и курицы, иногда с цыплятами, двух юношей-помощников *dōdō* 童子 и четырех демонов Сикумон-сэцуки 四句文刹鬼, символизирующих четыре истины буддизма («4 стиха»).

Ритуалы Косин могли устраиваться как узким кругом адептов, более или менее многочисленным, так и иметь характер массового праздника, устраиваемого в дни Косин буддийскими храмами и синтоистскими святилищами. В период Эдо даже существовала особая традиция паломничества по «святым местам» в канун празднования Косин, на данный момент полностью исчезнувшая.

В настоящее время ритуалы *Косин-маури* проводятся лишь в нескольких местах: в павильоне Косиндо огромного буддийского храмового комплекса Ситэннодзи в Осака, храме Ясака Косиндо в Киото, святилище Сарута-бико в Фукуока, маленьком святилище Косиндо в Нара и некоторых других менее значимых центрах этого культа. По-прежнему ритуалы отправляются каждые 60 дней по лунно-солнечному календарю, однако особо важным считается первый праздник в году – *Хацу-Косин-маури* 初庚申参.

Непременным атрибутом храмовых *Косин-маури* является приготовление ритуальной трапезы – специфического блюда *коньяку* 蒟蒻 – кусочков сладкого желе, приготовляемого из клубней аморфофаллюса, которые следует молча вкусить, непременно обернувшись лицом на север – направление, с которого приходят демонические силы. Также в храмах приобретаются популярные талисманы: маски обезьян и «обезьяньего бога» Саруда-хико, он же *Дайтэнгу*; *кукуру-дзару* 括り猿 («связанная обезьяна») или *мигавари-дзару* 身代り猿 («обезьяна – заместитель тела человека»), амулеты в виде трех обезьян – *сандзару*.

За время своей стажировки в Японии мне удалось побывать на празднованиях «Дней Косин» в Киото, Осака и Нара. На данный момент это, пожалуй, самые главные центры, где проводятся «Дни Косин» и существуют специальные отдельные храмы, посвященные этому верованию. Несмотря на то, что города расположены по соседству друг от друга, элементы празднования, да и в целом существование храмов, сильно отличаются. Так, храм Ситэннодзи в Осака претендует на главенство в почитании данного культа. Однако в последнее время все меньше и меньше людей приходят на молитвенные ритуалы в «Дня Косин», тем самым, как думается, популярность праздника и самого верования резко падает.

Немного иная ситуация обстоит с храмом Ясака Косиндо в Киото. Он представляет собой небольшой закуток в конце улицы Симогавара 下河原通, расположенный рядом с пагодой Ясака. Этот район очень популярен как среди местных жителей, так и среди туристов, а на территории храма развешаны яркие пестрые амулеты *сандзару* – поэтому посетителей в Ясака Косиндо всегда довольно много. В храме регулярно проводятся «Дни Косин», согласно 60-дневному циклу, любой желающий может присоединиться к чтению молитв и отведать коньяку; а в обычные дни он открыт для посетителей, которые, как правило, приобретают «связанных обезьян», подвешивая их на территории со своим написанным желанием, или «используют» многочисленные пестрые связки этих амулетов в качестве красивого фона для фотографий в кимоно. Так, путем опроса некоторых посетителей (японцев) Ясака Косиндо стало ясно, что практически людей у всех из них нет ни малейшего представления об истории культа Косин, его атрибутах и прочих составляющих элементах.

В Нара так же существует храм Косиндо, который расположен в жилой застройке и фактически мало выде-

ляется от других соседних домов и который, по словам местных жителей, работает лишь первые пять дней в начале года. Однако было обнаружено, что даже в начале года двери храма оставались закрытыми, в связи с чем остается непонятным режим его работы.

Тем не менее, неподалеку от храма находится музей Нарамати Сирёкан 奈良町資料館, при входе в который можно увидеть огромных размеров кукури-дзару. Данный музей посвящен локальной истории города Нара, обычаям, предметам местности и т.д., в том числе и культу Косин. Директор музея старается сохранять традицию своего города и по возможности популяризировать знание о забываемом веровании. Посетители могут приобрести амулеты Косин и при желании пообщаться с директором, который с удовольствием расскажет про историю и особенности данного верования.

По словам нынешнего директора музея Нарамати Сирёкан г-на Минами Тэцуро 南哲郎, культ Косин продолжает отправляться жителями района, однако сам храм Косиндо не открывается даже в «Дни Косин», поскольку «ночные бдения» теперь проводятся не в самом храме, а в одном из частных домов.

Таким образом, ритуалы встречи «Дня Косин» отражают сложный синкретический комплекс верований, складывавшийся и трансформировавшийся на протяжении длительного исторического отрезка и в котором слились элементы буддизма, синто, даосизма и индуизма. К настоящему времени этот ритуал во многом утратил былую популярность, однако продолжает существование как один из многих локально отмечаемых традиционных календарных праздников, служащих специфическими маркерами японской культурной самобытности.

Таблица ниже указывает «Дни Косин» в 2024 и 2025 гг.

	初庚申	二庚申	三庚申	四庚申	五庚申	納庚申
Дни Косин в 2024 г.	2月26日	4月26日	6月25日	8月24日	10月23日	12月22日
Дни Косин в 2025 г.	2月20日	4月21日	6月20日	8月19日	10月18日	12月17日

Рис.1. Изображение Сёмэн-конго кисти Кацукава Сюнро (один из псевдонимов Кацусика Хокусай)

Рис.2. «Связанная обезьяна» кукури-дзару или мигавари-дзару в г. Нара

**Взаимодействие и влияние религиозной
и туристической практик
на примере паломнических практик *госюин***

(Судакова А.А.)

Отличительной чертой японского паломничества является получение оттиска печати о посещении храма, в современности именуящемся как *госюин* 御朱印. Современные паломнические печати, вероятнее всего, свое начало берут от буддийской миссионерской практики *нихон кайкоку дайдзёмётэн рокудзёрокубу кёхидзири* 日本廻国大乘妙典六十六部経聖; паломничество святого писания Махаяны по 66 частям Японии, или сокращенно *рокудзёрокубу* 六十六部 (66 частей), также сокращается до *рокубу* 六部 (6 частей)¹. Паломники *рокубу* путешествовали по Японии, посещая храмы и переписывая сутру Лотоса 法華経 *хокэкё*, разнося учение по всей стране. Когда храм принимал копию сутры у паломника *рокубу*, он выдавал ему своеобразное свидетельство о совершении действия – *нōкё укэторидзё* 納経請取状. Эти свидетельства впоследствии сшивались вместе, образуя *нōкётё* 納経帳, прообраз современных книг для сбора *госюин* – *госюинтё* 御朱印帳. В период Эдо формат изменился и в *нōкётё* стали ставить печати, что мы можем назвать ранней стадией *госюин*.

Первоначально свидетельство *нōкё укэторидзё* содержало в себе информацию о месте и главную сутру храма. Таким образом, совершая паломничество, паломник собирал собственную книгу сутр. Печать же изначально не ста-

---

¹ コトバンク [База «Котобанк»] Режим доступа: <https://kotobank.jp/word/%E5%85%AD%E5%8D%81%E5%85%AD%E9%83%A8-663363> (Дата обращения: 27.03.2023).

вилась вовсе, либо ставилась завершением в нижнем углу, в качестве подписи храма².

В период Эдо (1603-1868) путешествия простых людей, за исключением деловых целей, ограничивались посещением храмов и святынь в религиозных целях или посещением горячих источников для лечения болезней. Тем самым, религия и ощущение развлечения были тесно связаны, и причина того, что практика заполнения личной *нōкĕтĕ* стала такой популярной, лежит, вероятно, не только в религиозных мотивах, но и в желании увековечить свои путешествия в эпоху, когда не было фотографий. Т.е. пометка расценивалась в качестве своеобразного сувенира на память о месте, которое посетил человек.

С развитием туризма в период Эдо происходило формирование туристического рынка, что способствовало развитию экономики и общественной жизни в стране. В этот период формируется туристическая инфраструктура: появляются различные туристические пути, мосты, а также гостиничные комплексы, находившиеся на маршрутах путешествий. Последующая Реставрация Мэйдзи (1868-1889) привела к изменениям во всех областях Японии. Были разрешены путешествия для более широкого круга населения, что способствовало развитию туризма в стране и усилению интереса к японской культуре и традициям. Благодаря проводимым реформам, в том числе и реформе образования, население Японии более активно осваивало знания и умения, необходимые для путешествий, что способствовало увеличению числа туристических поездок внутри страны. Кроме того, меры, принятые правительством для обеспечения безопасности и комфорта путешествующих,

---

² Kitagawa, J.M. On Understanding Japanese Religion. 1987. P.127-136.

такие, как строительство гостиниц на маршруте перемещения и улучшение дорожной инфраструктуры, создали условия для развития туризма в Японии и усилили интерес к этому виду деятельности.

Во время Реставрации Мэйдзи были проведены значительные изменения в Японии, включая изменения в отношении религии: произошло отчетливое разделение синтоизма и буддизма, а также запрет паломничества рокудзю-рокубу, ямабуси и комусо. Была предпринята попытка разрушения синкретизма синтоизма и буддизма, существовавшего в японской религиозной традиции более тысячи лет. Буддийские храмы, зачастую находившиеся на территориях синтоистских святилищ, были убраны, храмам приходилось уточнять проповедают они синто или же буддизм. В некоторых частях страны следование указу нового правительства принимало радикальные формы и превращалось в движение за отмену буддизма, тем самым некоторые храмы культурного наследия были утрачены.

В рамках реформ, осуществленных правительством, была проведена отмена наследственных правовых регуляций, которые давали буддийским храмам значительную власть и богатство. Кроме того, была проведена секуляризация землевладения, что привело к существенному сокращению доходов храмов и ограничению их власти в сфере земельных владений. В результате буддийские храмы стали более зависимыми от государственной власти и стали более открытыми для публичного использования и общественной деятельности. Буддизм в Японии также стал более активно вовлечен в реформенную деятельность, в рамках которой проводилась рационализация его ритуалов и практик и внедрение новых форм организации. Таким образом, реставрация Мэйдзи оказала значительное влияние

на религиозную практику и доктрины буддизма в Японии, способствуя его приспособлению к новым социальным и политическим реалиям страны. Синтоизм же, наоборот, был повышен в статусе до государственной религии и стал использоваться для укрепления имперской власти и формирования национальной идентичности. Это проявилось в создании национальных святилищ и обрядов, а также в широком распространении образования на основе синтоистских принципов.

В 1869 г. правительством Мэйдзи были упразднены контрольно-пропускные пункты, которые существовали при сёгунате Токугава, что позволило более свободно передвигаться, не оправдываясь религией или лечением. В связи с этим потоки паломников на Сикоку и Сайгоку уменьшились, но при этом возможность совершить паломничество появилась у гораздо большего числа людей, поэтому практики продолжали существовать. Поэтому свобода передвижений является одним из важных факторов, повлиявшим на историю паломнических практик.

В Японии периода Эдо существовали организованные туристические поездки, называемые *мономиюсан* 物見遊山. Грубо говоря, это развлекательные экскурсии в знаменитые туристические направления, которые, само собой, охватывали посещение храмов и горячих источников³. И, поначалу, после снятия ограничений на передвижения, туристическими направлениями оставались все те же самые храмы и горячие источники, но необходимость соблюдать религиозные ритуалы уже отпала, поэтому люди уже не возили с собой *нōкѣтѣ*.

³ 洋太郎. 江戸時代の旅と「物見遊山」の風潮. 松山大学論集. Vol.6. N.4. 1994. P.7-25 [Ётарō. Путешествия в эпоху Эдо и мода на «мономи юсан». Том 6, №4. 1994. С.7–25.]

Согласно «Происхождению вещей Мэйдзи 明治事物起原 (Мэйдзи дзибуцу кигэн)» Исии Кэндо 1908 г., выпуск «памятных печатей 記念スタンプ кинэн-сутанпу» начался 20 июня 1902 г., когда были выпущены памятные открытки в ознаменование 25-летия присоединения к Всемирному почтовому союзу⁴. Памятные печати тут же набрали популярность. Особенно этому поспособствовали события 1906 г., когда Япония выпустила специальные почтовые печати в честь дней памяти военных побед Японии. Поэтому первые памятные печати были почтовыми штемпелями для погашения марок, которые можно было поставить как украшение на открытку. Люди специально приходили в определенные даты на почту, чтобы получить памятную печать на открытку.

Такие памятные печати на открытках стали набирать все большую популярность, распространились во многих местах и быстро пришли в храмы и святыни. Так на смену *нōкэтэ*, во второй половине периода Мэйдзи, пришли почтовые открытки. В качестве сувенира появились храмовые печати с надписями «*санпай-кинэн 参拝記念*» (память о посещении храма), которые ставили вместо *госюин* на открытки в доказательство того, что человек посетил храм (см. Рис. 1). Такие печати храмы и святилища стали также выпускать, например, к определенным датам. Сначала они ставились отдельно от *госюин*, наносящихся в *нōкэтэ*, но есть также примеры, когда на открытки ставили обычные *госюин* (см. Рис. 2). Из этого можно сделать вывод, что уже в то время граница между *госюин* и *кинэн-сутанпу* была почти неразличима. Существуют также

---

⁴ 石井研堂.明治事物起原. 橋南堂, №41.1. P.257-259 [Кэндо Исии. Происхождение вещей Мэйдзи. Хасинандо; №41.1, С.257-259. Архив национальной парламентской библиотеки.] URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/898142> (Дата обращения: 06.05.2023).

примеры того, как госюин со словами храмовой сутры делался прямо на открытке⁵. Помимо этого, сейчас мы можем видеть, что «кинэн»-печати ставятся и в книжки паломников, наряду с храмовыми печатями госюин.

В храме Хонган-дзи в Киото печати госюин сознательно не выдаются, однако, походив по территории храма можно найти памятные печати разного вида. Монах храма, во время интервью автору, объяснил это следующим образом:

Если рассматривать госюин как оберег, то получается, что прихожанин молится, читает сутру, просит Будду о чем-то, а затем получает как бы «контракт» о совершении поклонения и оберег в доказательство. В Хонган-дзи же прихожане приходят услышать просьбу Будды, а не наоборот. Если простым языком, Будда делится с нами опытом и просит нас вести себя подобающим образом, а мы его слушаем. <... > Еще важно, что Хонган-дзи изначально основан на могиле. С могил обычно сувениры не уносят, мне кажется. Но мы все же выдаем бланки о «памятном посещении» и ставим памятные печати. А еще храмов Хонган-дзи много по всей Японии, поэтому у нас даже есть книжечка для штамп-ралли. Мы это делаем для развлечения туристов, настоящие госюин прилетать сюда не хочется. Но я несколько раз видел, как наши памятные печати ставили в госюинтё̄ (ПМА, сōрё-сан Я.Т., 2022).

---

⁵ 古今御朱印研究室 [Лаборатория изучения древних и современных госюин]. URL: <https://goshuin.net/> (Дата обращения: 29.11.2021).

Вошедшие в популярность со второй половины Тайсё (1912-1926) и получившие еще большее распространение в период Сёва (1926-1989), памятные печати *кинэн-станпу* стали появляться во многих местах, где собирались туристы: в гостиницах, исторических местах, замках, садах и т.д. Особенную популярность получили станционные печати.

По типу *нōкētē* стали появляться различные *сюинтē* 朱印帳, в которые путешественник мог ставить такие памятные печати. Часто в *сюинтē* ставились все печати на пути путника вперемешку. Например, на страницах книги довоенного времени «Память о школьных поездках» (修学旅行記念 *сюгаку рёкō кинэн*), полученной автором во время полевых исследований в Японии, мы можем найти на одном развороте печать *госюин* из внутреннего святилища Исэ, памятную печать порта Тоба, на которой изображен местный деликатес – креветка Исэ, две другие печати с достопримечательностями и печать с надписью «Сборник печатей воспоминаний». То же самое мы можем увидеть на разворотах о поездке хозяина книги в г. Нара: на одном развороте находятся изображения знаменитых нарских оленей и печати храма Тодай-дзи, одна из которых на санскрите. Что подтверждает гипотезу о том, что религиозные печати ставились путешественниками на память как отметки о посещении. По всей видимости, в этот же период появился перелом в самоидентификации посетителей храмов с паломников на путешественников.

В другой книге *госюинтē*, из архива автора, внутри которой первая дата отсылает нас к 9 марта 1926 г., помимо *госюин* буддийских храмов паломнического пути Сайгоку и различных синтоистских святилищ, мы можем найти несколько *госюин* храмов Тайваня, памятные печати досто-

примечательностей, консульств и даже приклеенные бирки с названиями отелей. Примеры таких книг говорят нам о том, что *госюинтё* периодов Тайсё и раннего Сёва нередко использовались в качестве тетрадей с сувенирными печатями на память, напоминающими современные *travel book*.

Таким образом, в период Сёва появился новый вид путешествия, целью которого предполагалось получение новых оттисков печатей себе в коллекцию. По примеру выпуска номера газеты темой которого стали «*сюиндзё*», о котором говорилось ранее, стали появляться перечни мест, где можно заполучить красивые печати на память. Иногда даже проводились мероприятия, где можно было получить лимитированную печать *スタンプ押印会* *сутанпу-ōинкай*, приуроченную к чему-либо, что привлекало множество коллекционеров.

В период Сёва также появляется понятие штамп-ралли *スタンプラリー* *сутанпу-рарī* – некие маршруты, проходя которые, необходимо собирать печати.

Как ранее было замечено, слово *госюин* вошло в активный оборот примерно в промежутке с 1924 по 1935 г. Словом *госюин* стали называться только храмовые печати, вероятно, чтобы поддерживать условную разницу между практикой храмовой печати и памятной печатью *кинэн-сутанпу*. Некоторые храмы и святилища в попытке избежать путаницы с памятными печатями, стали убирать слово *санпай* 参拝 (посещение для поклонения) со своих храмовых печатей, так как оно начало ассоциироваться со словосочетанием *санпай-кинэн* и памятными печатями. Из этого можно сделать вывод, что существовало понимание того, что простые печати на память не должны иметь религиозного значения. И наоборот, удаление слова *санпай*, вероятно, является

попыткой показать, что *госюин* священный предмет, имеющий религиозную ценность.

В военные годы, за некоторыми исключениями, практика получения *госюин* и памятных печатей была практически упразднена по причине нехватки материалов, неуместности и непопулярности путешествий. Но все же можно увидеть *госюин* военных годов, на которых писались слова победы, однако, многие коллекционеры отмечают отсутствие *госюин* 1945 г. Вероятно, это связано с частыми бомбардировками японских городов и тяжестью года для народа в целом.

Если на *госюин* от позднего Эдо до довоенного времени довольно часто ставилась только печать, без каких-либо слов написанных от руки, то послевоенные *госюин* выделяются тем, что каллиграфия стала обязательным атрибутом внешнего вида *госюин*. Еще одной особенностью стало слово *хōхай* 奉拝 (почитание, поклонение), которое стало непременно писаться наряду с названием храма и датой посещения. Это слово заменило слово *хōнокэ* 奉納經 (почитание сутры), т.к. новые *госюин* уже не содержали в себе слов сутры.

Также в период послевоенной эпохи Сёва распространился обычай кремации или погребения вместе с *госюинтё*. После смерти владельца *госюинтё* кладется вместе с усопшим в гроб или подвергается кремации вместе с телом умершего. Стали считать, что в таком случае *госюинтё* будет доказательством благочестия, и властитель и судья подземного мира Энма пощадит усопшего. Можно найти множество *госюинтё* периодов Эдо, Мэйдзи или довоенного времени, однако более поздние книги встречаются намного реже.

На данный момент современная Япония переживает так называемый «Бум коллекционирования печатей 御朱印ブーム» (*госюин-буму*), особенно большую популярность этот бум набрал с приходом нынешней эпохи Рэйва (с 2019 г.). Проблема аутентичности стала часто подниматься в СМИ, как вопрос потери истинного смысла сакральных практик и подмены культурных ценностей.

Вероятно, бум, произошедший в эпоху Хэйсэй (1989-2019), можно связать с распространением Интернета. Существуют сотни сайтов и аккаунтов в социальных сетях, которые посвящены *госюин*. Пользователи делятся фотографиями и информацией о своей коллекции *госюин*, о новых лимитированных печатях храмов, способах стать паломником и так далее. Паломничество в таких блогах зачастую принимает вид интересного и необычного хобби и способа путешествовать. С доступностью Интернета стало гораздо проще собирать информацию о *госюин*, храмах и святилищах. Вероятно, без Интернета не появилось бы лимитированных *госюин*, ведь только с распространением социальных сетей стало возможным получать информацию о *госюин* в режиме реального времени. Особенно стоит отметить появление и выделение в обществе новой субкультуры женщин *госюин-девушка*⁶ (御朱印ガール *госюин-гāру*), собирающих *госюин*, что может свидетельствовать о социальных изменениях и трансформациях внутри общественной и религиозной культуры страны в целом. Показывает реакцию на определенные социальные и культурные условия, такие как экономические, полити-

⁶ Архив телеканала NHK. あさイチ「女子的★親子で楽しむ宇宙」[Передача «Асаити. "Женское. Вселенная родителей и детей"»], 04.08.2014. Режим доступа: <https://www.nhk.or.jp/archives/chronicle/detail/?crnid=A201408040815001302100>.

ческие и общественные изменения, а также содействует созданию новых трендов и стилей в культуре Японии⁷.

Буму *госюин* способствовали также появившиеся в период Сёва штамп-ралли. В Японии постоянно проводятся какие-либо мероприятия со штамп-ралли. Для штамп-ралли делаются специальные карты, гиды, проводятся игры с призами для тех, кто успешно собрал все печати. Нередко организовываются специальные туры, похожие на квесты в реальности с поиском контрольных пунктов.

Понятие штамп-ралли важно для исследования *госюин*, так как часто можно услышать выражения о том, что «*госюин* – это не штамп-ралли». Но это сравнение само по себе указывает на то, что у этих практик есть что-то общее. И, наоборот, итоги интернет-анкетирования 2021 г. говорят, что довольно у многих японцев, как практикующих, так и нет, паломничество с получением *госюин* вызывает ассоциации со штамп-ралли⁸.

Штамп-ралли, несомненно, появились из традиции *госюин*. С другой стороны, с популярностью памятных печатей, *госюин* храмов и святилищ специально получили свое название, которое отделяет их от других печатей. И, кажется, с разграничением названий разъяснилось положение *госюин* как имеющих религиозное значение, отличное от обычных памятных печатей. По большей части, разница между паломничеством с получением *госюин* и штамп-ралли в том, происходит религиозное поклонение или нет.

---

⁷ Судакова А.А. Проблема гендерной стереотипизации в современном японском обществе на примере «*госюин-гару*» // ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык. 2022. №9. 2022. С.495-503.

⁸ Судакова А.А. Паломнические печати «*госюин*» в современном японском обществе // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Вып. III. 2023. С.62-74.

Поэтому паломничество *госюин* предполагает обязательное поклонение храму, в котором получается *госюин*.

Однако, в последние годы, словом *госюин* стали называть не только *госюин* храмов и святынь. Японские замки, чтобы привлечь туристов, создали свое «паломничество». Внутри замков можно получить красную печать, похожую на красную печать храмов и святынь, на которой каллиграфично будет выведено название замка и дата посещения. Несмотря на то, что красная печать замков является лишь своего рода туристической памятной отметкой, при условии незнания иероглифики японского языка, «замковые *госюин*» практически невозможно отличить от храмовых.

Помимо замков, памятные «*госюин*» с каллиграфией, в точности похожие на красные печати храмов и святынь, распространились, например, на маршрутах в горах, на горячих источниках, в музеях. Свои «*госюин*» появились даже у компаний-перевозчиков. Например, появились «*госюин*» и аналог книг *госюинтё* железных дорог и кораблей.

Так как название *госюин* было дано печатям храмов и святынь, чтобы отличать их от туристических отметок, то имеет место быть неуместность называть печати других мест словом *госюин*. Поскольку *госюин* является доказательством поклонения, название *госюин* должно было бы ограничиваться святынями и храмами или же другими религиозными объектами. Тем самым, бум-*госюин* привел к проблеме десакрализации понятия *госюин*. Здесь важно уточнить, что японское религиозное общество в очередной раз выступило за разграничение понятий.

Еще в 2018 г. замковые печати называли *госюин*, однако, во время полевого исследования 2022 г. было отмечено, что сейчас они называются *годзёин* 御城印, где «дзё» написано иероглифом «замок», дословно – «замковая печать».

Также есть официальное название у печатей на кораблях – *госэнъин* 御船印 (корабельная печать), где иероглиф «сэн» обозначает «корабль»; название печатей на железной дороге – *тэцуин* 鉄印 (печать железной [дороги]), где «тэцу» – «железо» от «железной дороги» – *тэцудō*. Однако, в рекламе таких сувениров все равно мы видим слово *госюин*: на рекламных листовках корабельных печатей находится надпись «*госюин* кораблей» 船の御朱印 (*фунэ но госюин*).

Помимо этого, в Японии существует традиция поклонения императорским гробницам, которые также считаются священными местами. При таком виде паломничества, паломник получает оттиск печати *горёин* 御陵印 с именем захороненного императора. На данный момент насчитывается 93 императорских печати. Для такого вида паломничества тоже существуют свои *горёинтё* 御陵印帳.

Из-за распространенности практики *госюин* храмы и святыни, создавая лимитированные *госюин* довольно часто делают рекламу. Такую рекламу интересно изучать с точки зрения того, как преподносится практика *госюин*: используются такие как слова «коллекционировать», *госюин мэгури* объясняется словом «хобби», для *госюин* используют слово *кинэн* (как для памятных печатей) или дается совет использовать *госюинтё* в качестве тревел-записок, как это делалось в период Сёва с книжками для памятных печатей.

В городских туристических центрах можно найти также туристическую информацию о паломнической практике или гиды по городу, которые рассказывают о том, где и какую печать можно найти. Зачастую информация о *госюин* может находиться в перечислении туристических занятий, которыми можно развлечь себя в городе или как идею сувенира на память от поездки.

Годы пандемии коронавируса COVID-19 (2020-2023) также внесли изменения в практики штамп-ралли и госюин. Помимо полной приостановки посещений храмов на время карантина, снизилось количество посетителей и после его обязательной отмены. В качестве мер профилактики коронавирусной инфекции большое количество памятных печатей было полностью убрано. Появилось новое понятие электронных штамп-ралли диджитару сутанпу-рапи *デジタルスタンプラリー*, участвуя в которых виртуальные «печати» можно собирать в приложении на телефон с помощью QR-кодов. Примечательно, что такое ралли появилось, например, даже на традиционном паломническом пути Сайгоку.

Чтобы иметь как можно меньше прямых контактов между людьми, многие храмы перестали писать госюин в госюинтё, вместо этого выдавая уже готовые листки с госюин, иногда даже сделанные не от руки, а распечатанные на принтере. Такое могло встретиться и до 2020 г., но много реже. В связи с такой тенденцией появился даже новый вид госюинтё с прорезями на страницах, в которые нужно вставлять листки с госюин как в альбом – *какиоки-госюинтё 書き置き御朱印帳*.

Несмотря на то, что в пандемию коронавируса потоки прихожан снизились, появилась мода на госюин с Амабиэ *アマビエ* – морское существо из японской мифологии и фольклора с телом рыбы, лицом странного вида и тремя ногами. Оно описывается как пророческое существо, которое предсказывало болезни и приносило удачу людям. В 2020 г. образ Амабиэ начал использоваться в качестве символа борьбы с болезнью и привлечения удачи. Набрали популярность храмы, где предоставлялись амулеты и госюин с изображением Амабиэ. Помимо этого, со снижением опасности коронавирусной инфекции, многие люди

начали еще больше интересоваться сбором госюин, как способом интересной прогулки после долгого карантина, поэтому, кажется, карантин лишь усилил бум-госюин XXI в.

В современности появляется все больше новых атрибутов и вариаций исполнения паломничества. В храмах, входящих в число 33-х храмов Сайгоку, помимо обычных госюин, можно также получить госюин с написанным на нем стихотворением. Как правило, в первое свое паломничество паломник получает госюин, которые никак не отличаются от обычных. В последующих же своих прохождении пути часто получают госюин называемые гозэика 御詠歌 (поэтические). Император Кадзан (968-1008), совершая паломничество Сайгоку, написал для каждого из священных мест Каннон стихи вака, которые сейчас пишутся на госюин. В случае с гозэика паломник получает омиэ 御影 (бумажный амулет) со стихами, которые также можно оформить в единую картину. Для гозэика также есть специальная книга паломника, которая немного шире обычной, чтобы стихи красиво помещались на странице.

Мы уже говорили о многих способах получения госюин, на пути храмов Сайгоку существует любопытная практика написания госюин в виде мандалы 曼荼羅 (мандара). Госюин пишется на плотной бумаге восьмиугольной формы, для каждого храма у бумаги будет свой цвет. После того, как будет собрано все 33 восьмиугольника с госюин, их объединяют в единую Мандалу Сайгоку Каннон. Такой способ совершения паломничества появился лишь в 2016 г., в рамках юбилея 1300 лет паломническому пути Сайгоку. Многие из подобных новых практик внутри паломничества, прочно закрепляются в качестве новых традиций, и множество людей отправляются на сбор печатей, сподвигнутые такой традицией.

Концепция «изобретенных традиций», выдвинутая Э.Хоббсбаумом и Т.Рейнголдом в 1983 г., говорит о том, что многие традиции, которые мы считаем древними и органическими, были на самом деле созданы в сравнительно недавнее время⁹. Концепция показывает, что традиции не всегда такие древние, как мы можем полагать. Она подчеркивает, что традиции могут быть использованы для достижения определенных целей, и что они могут изменяться и адаптироваться в соответствии с потребностями различных обществ и культур, что мы и можем увидеть на примере паломнических практик *госюин мэгури*. Так, любопытно будет пронаблюдать, уйдет ли после окончания празднования юбилея новый вид паломничества с написанием *госюин* на восьмиугольниках мандалы или закрепится как один из вариантов совершения паломничества.

Как было уже упомянуто, в 2016 г. было объявлено о праздновании 1300 лет паломническому пути Сайгоку. В связи с этим, помимо возможности получить мандалу Каннон, храмы выпустили специальные печати, посвященные 1300-летию традиции. Такие печати называли *кинэн-ин 記念印* (памятная отметка), ставились они на все *госюин* паломничества в период с 2016 г. по 31 марта 2023 г. Т.е. одна из четырех красных печатей, которые ставятся на *госюин* Сайгоку, является *гэнтэй-госюин* (лимитированной). У каждого храма был свой дизайн печатей в зависимости от главных символов или легенд каждого места.

Тем самым, наблюдается феномен, когда религиозная практика печатей *госюин*, трансформируясь со временем, оказала свое влияние на формирование туристической практики памятных печатей из посещенных мест. Однако,

---

⁹ Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. 2012. P.1-14.

следует отметить, что туристическая сфера также оказала обратное воздействие на религиозную практику, стимулируя храмы создавать свои памятные и лимитированные печати, зачастую преподнося священное место как достопримечательность. Это взаимодействие можно рассматривать как процесс секуляризации и постсекуляризации, где эти две практики переплетаются и оказывают взаимное воздействие, соответствуя изменяющимся социокультурным реалиям современного мира.

Таким образом, на примере паломнической традиции *госюин мэгури*, мы можем видеть секуляризацию сакрального, переход религиозного поведения в поведение туристическое. Помимо этого, бум практики *госюин*, часто мотивированный путешествием, привел не только к популяризации и упрощению практики, но также и к изобретению новых традиций, что является одним из процессов постсекуляризации в японском обществе.

Рис.1. Храмовая памятная печать на открытке, период Мэйдзи.
Личный архив автора.

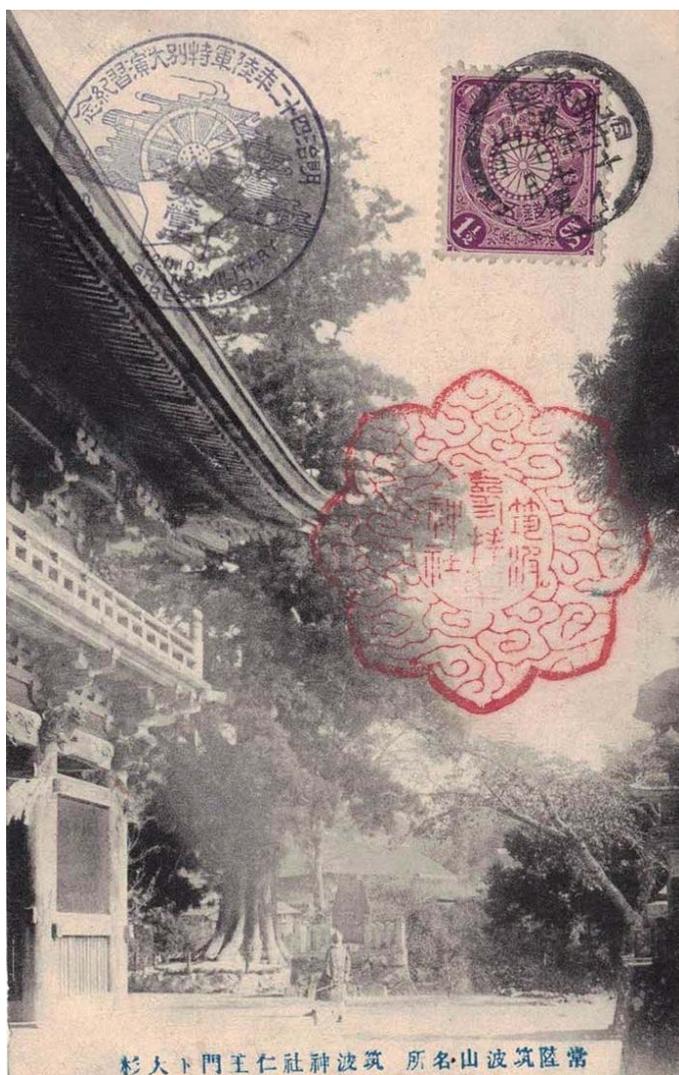

Рис.2. Красная храмовая печать на открытке, период Мэйдзи.
Личный архив автора.

ГЛАВА 5. ЦВЕТ, ПРЕДМЕТ И ТУАЛЕТ: ПРОЯВЛЕНИЯ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бытование синего цвета в культуре Японии

(Хованчук О.А.)

Синий цвет в мировой истории до сих пор окутан загадками, и Япония не исключение. Этим словом японцы могут описывать огромное количество оттенков сине-зеленой гаммы от белого до черного. Данный феномен затрагивали в своих работах многие исследователи, филологи, историки, дизайнеры и др. Е.В.Южакова в своей статье о сине-голубом цвете¹ и А.С.Шиманская в исследовании семиотики цвета в японской культуре² справедливо отмечают, что такая многозначность с точки зрения европейского наблюдателя вызывает много вопросов и непонимания. Однако уникальность и многозначность слова *ao* несколько преувеличена и вышеуказанные исследования обходят стороной иные японские цветообозначения синего и зеленого, помимо *ao*.

Ученые пришли к выводу, что восприятие синего и зеленого цвета в мире имеет одну общую особенность:

---

¹ Южакова Е.В. Сине-голубой цвет в японской художественной традиции. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/sine-goluboy-tsvet-v-hudozhestvennoy-u-yaponskoj-traditsii> (дата обращения 24.04.2024)

² Шиманская А.С. (Гладкина) Особенности цветообозначения в японской культуре (феномен «*ao*») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Философские проблемы культуры XXI века. Выпуск 11 (590). Серия Философия и культурология. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С.204-216; Шиманская А.С. Семиотика цвета в японской культуре: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. - Моск. гос. Лингвистический университет, Москва, 2014. 221 с.

синий цвет стали различать и обозначать отдельным словом довольно поздно, а до этого оттенки синего и зеленого от самого бледного до почти черного имели одно название. Подтверждение этому, например, находят в «Эллиаде», где ни разу не упоминается синий цвет, а море описывается как «винное». Лингвисты утверждают, что древние греки могли видеть синий, однако включали его в спектр других оттенков, в частности зеленого, названия которого встречаются в греческих текстах, либо у разных оттенков синего было своё название, но не было единого именованя для всех синих нюансов вместе. В древних языках, в частности армянском, санскрите или иврите, тоже нет отдельного слова для синего. То есть проблема объединения синего и зеленого, а также многозначность слова для обозначения этих оттенков, не является исключительно японским явлением³.

Слово *ao* сложилось на японских островах, а иероглифические знаки для его записи пришли из Китая, поэтому сперва обратимся к китайским, корейским и японским документам, где зафиксированы наиболее ранние упоминания синего цвета. Книга перемен давала представление о структуре Вселенной, где иероглиф 青 символизировал цвет стихии дерева, т.е. именно его использовали в базовой системе мироустройства, и изначально этот иероглиф воспринимали в качестве исходного элемента, обобщающего и конкретного одновременно. Иероглиф 青 состоит из двух частей – 生 «расти» и 丹 «красная краска», а зачастую обобщенно просто «краска». 青 изначально не был цветоименованием, но обозначал нечто растущее, что содержит

---

³ Пастуро М. Синий. История цвета. М.: НЛО, 2006. С.19-20.

красящий сок, т.е. трава и листья деревьев⁴. Этим словом в Поднебесной в первую очередь описывали цвет всего живого и сочного, ясного неба, воды в ясный день, цвет яркой луны, блеск живых черных волос, а также молодость, рост, незрелость, т.к. стихия дерева соответствует весне, зарождению и развитию. Руководствуясь системой основных цветов, символизирующих стихии, 青 использовали как собирательное название зеленого, синего, черного (с синезеленым отливом) цветов⁵.

Китайские археологические находки свидетельствуют о том, что в ритуальных целях для обозначения стихии дерева использовали зеленый краситель, записывая его иероглифом 青. В Корее тоже в этих случаях фигурировал зеленый. Однако в описании цвета дракона, владыки восточного направления, стоит иероглиф 蒼, а для описания лошади, символизирующей ту же сторону света использован уже иероглиф 綠⁶. Так что в Китае, скорее, синий считался оттенком зеленого, чем отдельным цветом. Тем не менее, по буддийской теории «чистых цветов» синий пигмент стал исходным, а зеленый производным, т.к. его получали при смешении желтого и синего, поэтому в буддийском обиходе зеленую краску зачастую заменяли синей.

В «Кодзики» есть упоминания о божественной ткани *сиронигитэ* и *аонигитэ*: «...к нижним веткам подвесили белые и голубые лоскуты нигитэ»⁷. Хотя определения *сиро* и *ао* Е.М.Пинус перевела как цветообозначения, в данном

---

⁴ Сычев Л., Сычев В. Китайский костюм: символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. С.24.

⁵ Китайский иероглифический словарь. Электронный ресурс: <http://xh.5156edu.com/html3/20381.html> (дата обращения 24.04.2024).

⁶ Сычев Л., Сычев В. Указ. соч. С.24-25.

⁷ Кодзики (Свиток 1). СПб.: Кристалл, 2000. С.93.

случае они относятся не к цвету, а к материалу, из которого были изготовлены ткани – древесине бруссонеттии и траве конопли соответственно. Оба эти растения считались священными, но волокна бумажного дерева изначально белые, а конопля зеленая. Так что в мифе говорится о двух видах ткани, изготовленной из разных волокон⁸. Поэтому данный отрывок из мифа не может считаться подтверждением сакральности голубого цвета.

Также в синтоистских легендах описано, что боги спустились на землю на лошадях цвета 靑, что ассоциируется с небом, жизнью и божественностью. Это кони сивой масти. Они рождаются более темными, а затем рано седеют и становятся серыми или почти белыми, иногда с темными подпалинами на ногах, в гриве и хвосте, которые могут выглядеть зеленоватыми. С эпохи Нара в синтоистских храмах 7 числа 1 лунного месяца проводили ритуал «Любования лошадьё цвета ао». В «Манъёсю» есть стих Оотомо-но Якамоти 758 г. об этом обряде, где цвет лошади сравнивается с цветом оперения селезня (яркий синезеленый)⁹. Впоследствии в результате подъёма роли синто в эпоху Хэйан, иероглиф 靑 заменили на 白 (белый), т.к. белый цвет стал восприниматься главным в божественном ритуале, но чтение «ао-ума» сохранилось¹⁰.

Вторая по важности область упоминания цвета связана с одеждой, которая являлась важным средством регули-

⁸ Ёсиока Сатио. Ниho-но иро дзитэн = Словарь японских цветов. Киото: Сикося, 2008. С.124.

⁹ Манъёсю. Электронный ресурс: <https://manyoshu-japan.com/9084/> (дата обращения 24.04.2024).

¹⁰ Словарь Котобанк. Электронный ресурс: <https://kotobank.jp/word/%E7%99%BD%E9%A6%AC%E7%AF%80%E4%BC%9A-24087> (дата обращения 24.04.2024).

рования социальных отношений. В хрониках «Сю Ханьшу», составленных Сыма Бяо в конце III в.¹¹ есть предписания относительно платья для невест, в зависимости от дохода их семей. Девушкам из благородных семей можно было носить 12 главных цветов. С доходом выше 600 дан¹² – 9 цветов, т.е. рыжий, пурпурный и самый насыщенный синий запрещены. С доходом выше 300-600 дан были дозволены 5 цветов – синий, темно-красный, желтый, красный, зеленый. С доходом 200-300 дан – синий, желтый, красный и зеленый. И самые бедные могли надевать только светлый сине-зеленый и зеленый. Благодаря этому описанию можно определить иерархию цвета – рыжий (*тан*, 丹), пурпурный (*мурасаки*, 紫), темно-синий (*кон*, 紺), темно-красный (*акай*, 絳), сине-зеленый (*ао*, 蒼), желтый (*ки*, 黄), красный (*бэни*, 紅), зеленый (*мидори*, 緑), светлый сине-зеленый (*асаги*, 浅葱) и чуть более темный сине-зеленый (*ханада*, 縹)¹³.

В хрониках «Суй шу» есть иерархия цвета нитей для изготовления поясов в династии Северная Чжоу: зеленовато-синий (蒼, кит. кан, яп. ао), синий (青, кит. цинь, яп. ао), кино-варь, желтый, белый, черный, светло-красный (纁, кит. сюн, яп. соху), красный (紅), пурпурный, дымчато-фиолетовый (赤緑), сине-зеленый (碧, кит. би, яп. ао и мидори), зеленый (緑, кит. лю, яп. мидори). В зависимости от уровня общественной иерархии в изготовлении пояса можно было использовать всё меньше цветов, и для военных, например, были доступны только три последние оттенка. Согласно

¹¹ Кит. 司馬彪 (240-306), 統漢書 (Xu Han shu).

¹² Дан (石, яп. коку) – единица измерения объема риса. В период династии Цинь (221-207 до н.э.) равнялся 109 кг.

¹³ Такэда Сатико. Кодай кокка но кэйсэй то ифукусэй = Система одежды и устройство древнеяпонского государства. Токио: Ёсикава Норибуми Кан, 1984. С.134.

«Самгук саги» в 260 г. в королевстве Пэкче была установлена 16-ранговая система, в которой все чиновники должны были носить верхнюю одежду разных цветов, в соответствии с рангом. Пурпурное платье и серебряный цветок на головном уборе полагалось для аристократии, которые входили в первые 6 рангов. 7-11 ранги представляли чиновники – красная одежда (хи, 緋) с разными поясами: 7 ранг – пурпурный пояс, 8 – черный, 9 – красный, 10 – зеленый (ао), 11 – желтый. В 12-16 ранги входили военные – синяя одежда (ао), 12 – с желтым поясом, остальные с белым. Далее в «Самгук саги» есть записи относительно ранговой системы в Силла, в которых упоминается, что в 520 г. в стране была иерархия цвета одежды чиновников в следующем порядке – пурпурный, красный, синий, желтый¹⁴.

Итак, как видно из текста источников в китайском языке помимо 靑 существовало еще два иероглифа, которые обозначали оттенки сине-зелёного, и попав в Японию читались ао. 蒼 синева-зеленый, семиотически относили к неприметному, бледному, сероватому, синюшному – темно-зеленый, темно-синий, серо-желтый, серо-белый. Например, к бледному цвету лица от страха или болезни, выцветшему от старости, седина, состарившийся и приобретший большую силу, безлика толпа, цвету моря в пасмурный день (хотя в современном языке этот иероглиф иногда используют и для обозначения ясного неба 蒼天, 蒼空). Мори Огай в повести «Дикий гусь» описывает главного героя Окада словами: «色の蒼い、ひよろひよろした美男ではない» – где слово аой передаёт юношескую бледность. 碧 относится к зеленовато-синему оттенку (изумрудный), он читается одновременно ао и мидори. Этим словом определяли пред-

---

¹⁴ Там же. С.135.

меты, которые нельзя было четко отнести к синему или зеленому, а также этот эпитет передавал красоту объекта. Например, в эпоху Дзёмон использовали ритуальные бусины *магатама* из яшмы и нефрита. Их название записывали 碧玉, т.е. эти бусины могли выглядеть и как синие, и как зеленые, при этом подчеркивалась их чарующая божественная красота. Существовала пословица 水天一碧 – это эпитет для описания некой красивой вещи, в которой образно «сошлись небеса и воды», т.е. все оттенки синего и зеленого. Также это выражение обозначало водный горизонт. Словом 青 описывали не столько цвет моря или неба, сколько их ясность, светлоту, силу стихии. Словом 碧 описывали траву, деревья и камни зеленых оттенков – объекты с темным, насыщенным цветом. Иероглиф 滄 тоже имел чтение *ao* и относился к синим оттенкам холодных предметов, зачастую к морской воде 滄海.

Известно, что в японском языке первичных цветоименований всего четыре. Красный *ака* олицетворяет свет (明), черный *куро* – тьму (暗), белый *сиро* – ясность, проявленность (顯), а *ao* обозначает все остальные цвета, которые нельзя отнести к первым трём. Это неясность (漠), природная беспредельная сокрытость¹⁵. В китайском языке иероглиф 漠 имеет значение «неопределенный», в корейском у него есть значение «прохладный, холодный», в японском добавилось значение «простор». Учитывая всё это, восприятие *ao* не было изначально цветовым, оно больше соотносилось с метафизикой, природой в целом и имело максимально обобщающий характер. Однако в ситуациях, где

---

¹⁵ Хатидзэ Тадамото. *Ао-иро арэкорэ* = Всё о цвете *ao*. Электронный ресурс: <https://www.kariginu.jp/kikata/iro-ao.htm> (дата обращения 24.04.2024).

требовалась колористическая точность, указывали конкретное название конкретного оттенка. Например, в списке запретных цветов, помещенном в трактате «Энгисики» (927), нет цвета *ao*, там указан травяной зеленый *мидори* и синий *ханада*, который с периода Хэйан стал основным цветоименованием для синего¹⁶. Считается, что синий никогда не был запретным, но из текста «Энгисики» следует, что некоторые оттенки синего всё же были недоступными для простолюдинов. Критерием запрета была яркость оттенка и высокое качество красителя.

Так же, как цвета стихий олицетворяли порядок мироустройства, цвет костюма придворных символизировал порядок в государстве. Иерархия цвета чиновничьей одежды в Китай и Японию пришла из Кореи в 603 г., и зафиксировалась в следующем порядке цветов: пурпурный, черный, красный, синий, желтый, белый. В первые десятилетия существования новых правил, в рамках этой системы *ao* обозначал синий цвет, однако после того, как система иерархии цвета оформилась окончательно в IX в., для записи синего и зеленого использовали *ханада* и *мидори* соответственно¹⁷. Слово *ao* использовали для обозначения зеленого цвета в придворном костюме в целом. Например, так называли зеленый оттенок повседневных одежд императора и нижних халатов женского платья.

Контраст «красный-синий» появился на Дальнем Востоке гораздо раньше, чем в Европе¹⁸. В нем проявлялось

¹⁶ Энгисики. Электронный ресурс: <https://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/rituryou/engi/engi.htm> (дата обращения 24.04.2024).

¹⁷ Хатидзэ Тадамото. Хо-но сикисай = Цвет одежды чиновников. Электронный ресурс: <https://www.kariginu.jp/kikata/5-1.htm> (дата обращения 24.04.2024).

¹⁸ Пастуро М. Синий. История цвета. М.: НЛО, 2006. С.54.

противопоставление высокого и низкого статуса, праздничности и повседневности, эмоциональности и спокойствия. При хэйанском дворе все придворные по китайскому образцу были распределены в две группы – *ака* и *ао*. В группу «красных» входили аристократы высших рангов, которым было дозволено носить все оттенки красно-пурпурной гаммы, к группе «синих» принадлежали придворные и чиновники ниже 5 ранга, для кого насыщенные красные оттенки были запретными и в их одежде преобладали синие, зеленые и желтые цвета. Т.е. слово *ао* не являлось чистым цветообозначением, оно указывало, скорее, на отсутствие красного.

Помимо обобщающего термина *ао* для всех холодных цветов, у синих оттенков были свои названия. Самые старые и наиболее употребительные из них: *ханада* (縹), *асаги* (浅葱), *хана* (花), *аи* (藍), *кон* (紺). Среди них цвет *аи* занимает особое положение, и он не менее многозначен, нежели *ао*.

Аи (藍) – общее название, которое используют в Японии для всех растений, содержащих синий пигмент. Однако это не обязательно растения одного рода, вида, и не все из них принадлежат к роду индигоферы. Тем не менее, эти красильные растения, благодаря своему широкому ареалу произрастания, стали основным сырьем для получения самого распространённого в мире пигмента – синего.

В древности первая технология окрашивания ткани состояла в том, что её натирали соком листьев пролесника, что называлось *аи-дзури*, и получали зеленый цвет *аи-уро*. В V в. листья научились квасить и выделять синий пигмент. Так же, как и *ао-уро*, *аи-уро* с течением времени изменил свой цвет с зеленого на синий. Для получения синего пигмента на японских островах использовали в основном

два вида растений – пролесник (*ямааи*) и горец красильный (*тадэаи*). Важным является то, что в зависимости от технологии приготовления красителя, наличия протравы и количества погружений ткани в красящий раствор, получали разные цвета, каждому из которых давали свои названия. Поэтому в цветоименованиях необходимо обязательно обращать внимание на суффикс *дзомэ* (окрашивание) и *уро* (цвет), т.к. одно и то же цветоименование с разными суффиксами будет обозначать разные цвета. С помощью *аи-дзомэ* получали цвета *ханада*, *асаги*, *кон* и т.д., а *аи-уро* представлял собой зеленовато-синий цвет, который могли получать с помощью разных красителей. В зависимости от эпохи *аи-уро* был то чуть более светлым, то чуть более зеленоватым.

Слово *аи* воспринимали, как обобщенное название любых растительных красителей так же, как слово *тан* (丹) было обобщением для минеральных красок. Например, название красного красителя *курэнаи*, который сейчас записывают иероглифом 紅, произошло от 呉の藍 – *курэ-но аи*, т.е. краска из местности Курэ в Китае (княжество Восточное У), потому что в древности японцы еще не могли получать пигмент из сафлора и привозили его из Поднебесной. В этой связи произошла большая путаница с переводом цвета *футааи* (二藍), который часто встречается в средневековой японской литературе. Согласно современным понятиям, иероглифы трактуют как «два+индиго», т.е. темно-синий. Однако с позиции средневековья слово «два *аи*» обозначало, что использованы два красителя – красный и синий. Одно и то же название *футааи* относилось к 25 оттенкам от светло розового до темно фиолетового, которые в придворном быту применяли в зависимости от возраста,

пола и ранга человека¹⁹. В главе «Листья глициний» есть сцена, где Гэндзи советует своему сыну, что надеть для визита к министру Двора: «Полагаю, что тебе лучше не надевать темного платья. Синий цвет к лицу молодым людям, не занимающим значительного положения в мире. А ты можешь позволить себе что-нибудь понаряднее, – посоветовал Великий министр...»²⁰ В оригинале «Повести» за словом «темное платье» стоит слово «футааи», но это не синий, а сиреневый. Поэтому на самом деле Гэндзи говорит следующее: «Не надевай ярко. Ты, конечно, молод и пока не на высокой службе, так что тебе положено надевать красно-синий. Но будь взрослее». Смысл слов Гэндзи в том, что он как отец предлагает своему сыну не надевать одежду с красным оттенком, символизирующим эмоциональность и юность, и даёт ему своё платье более «взрослого» цвета, чисто голубую, без красного, что создавало образ рассудительного, зрелого человека²¹.

В эпоху Эдо в результате сумптуарных законов, горожане были сильно ограничены в правах носить яркие цвета, поэтому синий краситель стал чрезвычайно распространённым, и появилось множество коммерческих цветоименований синих оттенков. Красильные мастерские стали называть *коя* (*конъя*, *紺屋*), т. е. дословно «синяя лавка», но в таких мастерских могли окрашивать ткани не только в синий цвет, тем не менее именно синий стал обобщённым указанием на окрашивание тканей.

---

¹⁹ Ёсиока Сатио. Нихо-но иро дзитэн = Словарь японских цветов. Киото: Сикося, 2008. С.112.

²⁰ Мураски Сикибу. Повесть о Гэндзи. Кн.2. Пер. с яп. М.: Наука. 1993. С.242.

²¹ Симидзу Ёсико. Гэндзи моногатари-но иро = Цвета «Повести о Гэндзи» / Бэссацу Тайё = альманах Солнце. Выпуск 60. Токио: Хэйбонся, 1987. С.15.

В новое время японский глубокий синий цвет с легким зеленоватым оттенком приобрёл большую популярность в Европе и получил имя Japan blue, в результате чего *ai* стали называть индиго, хотя изначальный оттенок индийского индиго не содержит зелени. Та же тенденция прослеживается и в современном японском языке *ao* 靑 обозначает два разных цвета: цвет суап по международной классификации и японский синий, чуть более светлый оттенок с зеленоватым отливом.

Итак, иероглиф 靑 в дальневосточной культуре обозначал цвет природы, который был представлен в первую очередь как зеленый, а синий считался его оттенком. Впоследствии базовым цветом стал синий, и семантика иероглифа изменилась. При этом синеву / зелень камней, воды, травы и неба передавали разными иероглифами, что конкретизировало смысл цветоименования. Слово *ao* стало обобщающим термином для холодных цветов, но нельзя утверждать, что оно было единственным цветоименованием для всех нюансов сине-зеленой гаммы. В отношении окрашенной ткани применяли многочисленные названия синих и зеленых оттенков, где *ao* обозначал холодный зеленый цвет. Поэтому достаточно четко определить контекст употребления *ao*, и сразу становится понятно, что за цвет имеется в виду. Подобная тенденция прослеживается не только в Японии. В Европе также одно и то же цветоименование могло обозначать разные оттенки в разные периоды. Таким образом, ощущение многозначности *ao* 靑 лишь отчасти является таковым и было порождено нашим современным подходом к данной проблеме.

**Социально-символический код
новогодней телевизионной программы
«Песенное состязание красных и белых»**

(Тразанова Н.Ю.)

Определение понятия «код» как специального термина переключалось из области информатики и математической теории коммуникации в другие научные дисциплины благодаря своей многофункциональности, междисциплинарности и универсальности. Получило оно распространение и в области лингвистики, которое начиналось с представления о кодовой природе языка [Соссюр, 1977, с.106], фигурировало в построении моделей коммуникации (Якобсон, 1975), и в дальнейшем, в постструктурализме раскрылось в идее об открытости, подвижности, гибкости структуры кода (Деррида, 2000, Эко, 2004).

В рамках семиотики сущность понятия «код» заключается в следующих положениях: динамичность, многоуровневость, статус метамодели (объяснительный потенциал), отсутствие конечного предела, возможности всеобъемлющего познания [Эко, 2004, с.375, с.416-417]. Вместе с тем, неисчерпаемость и многомерность кода позволяет шаг за шагом продвигаться, разгадывая шифры иной лингвокультуры.

В рамках лингвокультурологического подхода код трактуется как способ категоризации окружающего мира и предполагает множественность данного понятия, т.е. наличие разнообразных кодов (духовный, пространственный, временной, телесный, кулинарный или гастрономический, национальные коды и т.д.).

Социально-символический код представляется одним из наиболее значимых, заключающих в себе аксиологический потенциал структур. Декодирование социального

символизма открывает возможности интерпретации образов-символов национального значения, социального статуса человека посредством одежды, украшений, транспортных средств и других материальных объектов. «В плане содержания семиотических средств социально-символического кода различимы, с одной стороны, означаемые социальные свойства, а с другой – обозначенные индивиды и социальные группы, которые этими свойствами обладают. Специализация на какой-то одной из этих функций **превращает единицу кода в эмблему**, выполняющую роль знака-номинатора, или в символ, функционирующий как знак-сигнификатор» [Чертов, 2014, с.85].

В этом плане благодатным материалом для исследования социально-символического кода японской лингвокультуры представляется ежегодный телевизионный конкурс 紅白歌合戦 *kōhaku uta gassэн* «Песенное состязание красных и белых», который появился в 1951 г. и в первые годы выхода проводился в форме радиопередачи. Со временем музыкальная программа переместилась на телевидение и обрела популярность. Пространство конкурса наполнено символами японской культуры и Нового года, ведущими цветами в оформлении зала и команд являются красный и белый, в роли ведущих и жюри выступают социально-значимые фигуры японского общества.

Немаловажное значение имеет время проведения – канун Нового года, когда завершается один большой цикл и начинается другой. Празднование Нового года считается долгожданным событием, требующим тщательной подготовки, соблюдения устоявшихся традиций и ритуалов, что особенно актуально для японской лингвокультуры. Ежегодный просмотр музыкальной передачи стал одной из таких традиций, и в народе даже появилось такое выраже-

ние, как「紅白を見なければ年を越せない」*Kōhaku-o mina kэрэба тоси-о косэнай* «Не посмотрел красно-белых, не встретил Новый год» [*日本経済新聞 Нихон кэйдзай синбун*, от 25.12.2013].

Кроме того, упоминая о цветовом компоненте, следует отметить, что в данном случае имеется в виду не столько сам цвет, сколько его символический потенциал. «Мир цвета имеет сложное строение... В той мере, в какой цвет оказывается предметом истолкования и соотносится со смыслом, можно говорить о герменевтике цвета» [Чертов, 2014, с.187].

История музыкального конкурса *紅白歌合戦 kōhaku uta gассэн* «Песенное состязание красных и белых» начинается после окончания Второй мировой войны, когда руководство канала NHK выдвигает идею о создании программы, в которой на равных условиях могли бы принимать участие женщины и мужчины [Кикути, 2021:131]. Иными словами, уже с самого момента зарождения передачи, она задумывалась как социокультурный феномен, поддерживающий достаточно новую для того времени тему гендерного равенства.

Название передачи является знаковым и наполненным символическим содержанием, связанным с цветовым компонентом, историческими отсылками, социально-культурным контекстом. Согласно данным ресурса газеты *日経経済新聞 Никкэй кэйдзай синбун*, которая, в свою очередь ссылается на словари, сочетание знаков *紅白試合 kōhaku дзайи*, прежде всего, обладает значением «соревнование между двумя командами». При этом подразумеваются именно спортивные мероприятия [*日本経済新聞 Нихон кэйдзай синбун*, от 25.12.2013].

Также, обычно в этой связи в словарях упоминается 源平試合 *гэмпэй дзай* «битва между кланами Гэндзи и Хэйкэ», великое противостояние, которое приходится на завершающий период эпохи Хэйан. Сторонники Гэндзи выступали под белым флагом, Хэйкэ – под красным. Отсюда происходит символическое разделение команд в спортивных состязаниях [Там же].

Однако, если название белого цвета совпадает с тем, что используется в названии музыкального конкурса, то знак, которым записывается красный цвет, отличается. Флаг клана Хэйкэ был отмечен знаком 赤 *ака*, в то время как в названии телевизионной программы фигурирует другой знак – 紅 *кō / бэни*, и это неслучайно. Первый знак встречается в сочетаниях с негативным значением: 赤脚 *сэкиаку* «босые ноги», 赤裸々 *сэкирара* «голый», 赤貧 *сэкихин* «крайняя нищета», второй – имеет благоприятное значение «любимый, привлекательный», и считается приносящим удачу и счастье.

Цветовой компонент обладает в пространстве конкурса ценным символическим и эстетическим значением. Оба цвета относятся к основной палитре и считаются красивыми, привлекательными, отражающими разные лики прекрасного. Поэтому соревнующиеся в музыкальном конкурсе команды обозначены данными цветами: 白組 *сирогуми* – «команда белых» (исполнители-мужчины) и 紅組 *акагуми* – «команда красных» (женщины).

Кроме того, сочетание белого и красного в японской лингвокультуре обозначает символику государственного уровня (на белом флаге Японии изображено красное солнце), используется в ритуальных целях на торжественных событиях в оформлении подарков и поздравительных открыток, в приготовлении традиционных блюд японской кухни.

Таким образом, доминирующие цвета музыкального конкурса отражают важные ценностные элементы социально-символического кода японской лингвокультуры.

Главными действующими лицами музыкальной передачи являются конкурсанты и ведущие, которые объявляют и поддерживают членов команд, общаются с представителями жюри, обращаются к зрительному залу. В роли ведущих чаще всего выступают известные актёры, актрисы и певцы. Например, в 2022 году в «звёздный» состав вошли Оидзуми Ё, актёр, телеведущий, певец, Хасимото Канна, популярная актриса (в прошлом *айдору*), Сакураи Сё, один из участников группы *Араси*, певец, автор песен, телеведущий, актёр. Нередко один и тот же ведущий появляется и на следующей передаче (Хасимото Канна была одной из команды ведущих и в 2023 году).

На конкурсе присутствует жюри, среди членов которого можно наблюдать знаменитых спортсменов, победителей Олимпийских и Паралимпийских игр, актёров, певцов, телеведущих и т.д. В 2022 году в передаче приняли участие в качестве членов жюри профессиональный фигурист и Олимпийский чемпион Юдзуру Ханью, чрезвычайно популярная телеведущая и актриса Куроянаги Тэцуко, певец и актёр Мацумото Дзюн и др. В ходе программы ведущие просят членов жюри поделиться впечатлениями о выступлениях, поддержать команды.

Программа конкурсного вечера разворачивается в соответствии со сценарием: выступления исполнителей перемежаются с сюжетными вставками, в которых упоминаются важные для японского общества события уходящего года: крупные спортивные соревнования, новинки японского кинематографа (сериалы и анимационные фильмы), землетрясения и т.д.

В оформлении выступлений решающее значение придаётся эстетическому компоненту. Нередко исполнитель или даже группа сменяет наряд в ходе выступления. Среди постоянных исполнителей, которые участвуют в конкурсе ежегодно, лидируют представители жанра энка (Китадзима Сабуро, Мори Синъити, Исикава Саюри), которые чаще всего появляются на сцене в традиционной японской одежде. Неоднократно принимала участие в программе «королева энка» и Хибари Мисора, первая женщина в Японии, получившая премию Народного Почёта и всеобщее признание.

Исполнители современных направлений японской популярной музыки, рэпа, хип-хопа и других направлений обычно представляют собой группы нескольких девушек или парней, которые одеты в яркие эпатажные современные костюмы.

Однако, в особенности привлекают внимание выступления типа *コラボ* *корабо* (сокр. от *コラボレーション* *кораборэсэн*) «совместный проект», в котором можно наблюдать настоящее шоу. Например, певец энка Ямаути Кэйскэ предстал на сцене вместе с группой девушек *乃木坂 46* *Ногидзака 46* с нашумевшим хитом «What does the fox say?» Это был не только яркий и запоминающийся танцевальный номер, но и своеобразная демонстрация тесной взаимосвязи между традиционным и современным.

В конкурсе отводится особое место номерам, которые носят название *特別企画* *токубэцу кикаку* «специальный проект». К выступлениям такого типа относятся исполнения известных юбиларов, уход со сцены, празднование годовщин и знаменательных событий в творческой жизни звёзд. Например, Каяма Юдзо отметил своё 85-летие, высту-

пив с общеизвестной песней 「海 その愛」 Уми Соно Ай «Море, любовь моя».

К тому же, в данной категории следует особенно отметить выступление Мацуи Юми и Араи Юми. Дело в том, что Мацутоя Юми исполняет песню «Call me back» вместе со своей цифровой копией, воссозданной с помощью новейших технологий в области искусственного интеллекта. Применение инновационных цифровых технологий, виртуальных исполнителей в пространстве конкурса свидетельствует о высоком уровне научно-технического развития японского социума.

В категории *токубэцу кикаку* нередко встречается специальная тематическая постановка, состоящая из нескольких небольших, но ярких выступлений. Так, одним из наиболее запоминающихся из музыкальных перформансов стал *ディズニー スペシャルメドレー* «Специальный Дисней-марафон», в котором приняли участие и ведущие программы, и несколько молодёжных групп, и певица MISIA, которая завершила эстафету трогательной песней 「ビリーヴ！シーオブ・ドリームス」 «Believe! Sea of Dreams». Визуальный ряд представлен парадом Диснеевских героев.

Также, в формате специальных проектов на конкурс неоднократно выступали зарубежные исполнители: Александр Градский (СССР, 1990 г.), Сара Брайтман (Великобритания, 1991), Лайма Вайкуле (Латвия / Россия, 1991), Крис Харт (США, 2013) и т.д. Данный факт говорит о расширении границ конкурса, открытости мира музыки, что подтверждается девизами выпусков: 「LOVE&PEACE – みんなでシェア！」 *Рабу андо пис – минна дэ шэ!* «Мир и любовь! Давайте делиться!» (тема выпуска 2022 г.) и *ボーダーレス* «Безграничность» (тема выпуска 2023 г.).

Зрительный зал вовлекается в общее праздничное действо в интерактивах с использованием *ペンライト* *пэн-райто* «фонариков». Нередко граница между исполнителями и зрителями стирается: артисты могут свободно передвигаться по всему пространству зала, либо выступать на «островках-сценах» в самой глубине зала.

Символы японской лингвокультуры являются обязательными атрибутами конкурсного действа. Без знаков-концептов *桜 сакура* «цветущая сакура» и *海 уми* «море», которые упоминаются в текстах песен, используются в оформлении выступлений, появляются на экране, не обходится ни один выпуск. Также, символы японского нового года, такие как *宝船 такарабунэ* «корабль сокровищ», *だるま дарума* (фигурка, олицетворяющая Бодхидхарму, божество, приносящее удачу, исполнение заветных желаний), *けん玉 кэндама* (классическая японская игрушка, состоящая из рукоятки и шарика, который необходимо подбросить и поймать в лунку рукоятки) – создают праздничное настроение и предвкушение встречи Нового года.

В завершении конкурсного вечера все участники команд собираются на сцене для финальной песни *蛍の光 хотару но хикари* «Сияние светлячков». Песня олицетворяет прощальный ритуал, поскольку является также традиционной для выпускных церемоний в учебных заведениях.

В 14-й год эпохи Мэйдзи (1881 г.) на мотив шотландской песни на стихи Роберта Бёрнса японский педагог Инагаки Тикаи положил свои стихи, в которых использовал популярные в Японии образы, связанные с учёбой, и получила традиционная песня для выпускной церемонии, которую до сих пор часто исполняют в школах.

Таким образом, телевизионная программа *紅白歌合戦* *кōхаку ута госсэн* «Песенное состязание красных и белых»

представляет собой пространство, наполненное ценностными знаками, важными для японской лингвокультуры. В то же время это действо, отражающее итоги года, важные для японского общества события.

Социально-символический код музыкального конкурса состоит в том, что он направлен на поддержание гендерного равенства, гармоничного сосуществования мужчин и женщин, народов разных стран и мировых культур. Особенно важна визуальная составляющая конкурса – сочетание красного и белого цветов, знаковых для японской лингвокультуры. Знаки-символы японской традиционной культуры, такие как 海 «море» и 桜 «сакура», являются неременным компонентом конкурса. Зрелищность, эстетичность, чёткий сценарий, стирание границ между залом и исполнителями создают атмосферу сопричастности, сопереживания, создавая ауру единения в событии здесь и сейчас.

Список литературы и источников

1. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук [Электронный ресурс] // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер с франц. сост., вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 407-420. URL: <http://www.libfl.ru/mimesis/txt/derrida01.php> (дата обращения: 11.06.2024).
2. Кикиути, К. Нихон рюкōка хэнсэнси каёкёку-но тандзё кара джэй поппу-но дзидай э (Изменения в японских популярных песнях: от зарождения жанра каёкёку до эпохи J-pop). Токио: Ронсося, 2021.
3. Соссюр, Ф. де Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр // Переводы с французского языка под редакцией А.А.Холодовича. М.: «Прогресс», 1977. 696 с.

4. Чертов, Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
5. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] // Сб. ст. Структурализм «за» и «против». М., 1975. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. (Дата обращения: 12.06.2024).
6. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] // Пер. с итал. Веры Резник и Александра Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.
7. ルーツは源氏と平家？紅白歌合戦が赤白でないワケ 2013年12月25日 // 日本経済新聞. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDB19001_Z11C13A2000000/.
8. 紅白歌合戦ヒストリー// NHK 紅白歌合戦：公式サイト. URL: <https://www.nhk.or.jp/kouhaku/history/history.html?count=73>. (Дата обращения: 13.06.2024).
9. 紅白歌合戦ヒストリー// NHK 紅白歌合戦：公式サイト. URL: <https://www.nhk.or.jp/kouhaku/history/history.html?count=74>. (Дата обращения: 13.06.2024).

Озеро, дерево, люгня, человек...

Многозначность термина «бива» в японской культуре

(Клобукова (Голубинская) Н.Ф.)

Омонимичность и многозначность японского языка – явление широко известное; смыслы некоторых слов настолько многогранны, что простираются в самые разные области культуры и искусства. К одному из таких слов-смыслов, безусловно, относится термин бива 琵琶, которым в Японии называют и знаменитое озеро, и плодовое дерево, и музыкальный инструмент, и даже персонажей анимэ, о чем речь впереди.

Начать же хочется с описания крупнейшего в Японии озера с пресноводной водой, а именно с озера Бива, или Бива-ко 琵琶湖. Озеру, по мнению ученых, более 4 миллионов лет, однако существует легенда, что в 286 г. произошло большое землетрясение, в результате которого в этих местах возникло озеро, а в другой части Японии одновременно с этим вырос огромный вулкан Фудзи. В общую экосистему озера Бива входит вытекающая из него река Сэтагава 瀬田川, а также четыре небольших острова – Тикубусима 竹生島, Окиносироиси 沖の白石, Окисима 沖島 и Такэсима 多景島¹. Берега озера и реки славятся не только своими удивительными пейзажами, но и многочисленными храмами, синтоистскими святилищами, замками, историческими местами и памятниками. Одними из самых известных буддийских храмовых комплексов на берегах

---

¹Добавим, что местность вокруг озера Бива – это природный заповедник, уникальная экосистема, в которой обитают около 1000 видов пресноводных рыб, беспозвоночных животных и водных растений, причем около 60 из них являются эндемиками, то есть обитающими только здесь.

озера Бива являются Мии-дэра (三井寺, «Храм трех колодцев», осн. в 672 г.), и Исияма-дэра (石山寺, «Храм каменной скалы», осн. ок. 747 г.), а также всемирно известный монастырь Энрякудзи 延暦寺, основанный монахом Сайтё (767-822), основоположником буддийской школы Тэндай, в конце VII в. Монастырь расположен высоко на горе Хиэй-дзан 比叡山, с которой открывается удивительный по красоте вид на озеро Бива и расположенный на его берегу город Оцу, столицу нынешней префектуры Сига.

Название Бива появилось на японских географических картах сравнительно недавно, в эпоху Эдо; до этого озеро называли Оми, по наименованию провинции Оми 近江, на территории которой располагалось озеро. Под этим названием озеро вошло во многие прозаические произведения и поэтические антологии, начиная с эпохи Хэйан. Старинное предание гласит, что в 1000 г. новоиспеченная императрица Фудзивара-но Сёси попросила свою придворную даму Мурасаки Сикибу написать что-нибудь интересное для чтения. Однако сочинение продвигалось туго, и Мурасаки на неделю затворилась в храме Исияма-дэра, неустанно молясь богине Каннон о ниспослании творческого вдохновения. На седьмой день, во время вечернего любования прекрасными пейзажами озера Оми, вид на которые открывался с террас храма Исияма-дэра, Мурасаки, как наяву, увидела проплывающие перед ней картины и героев будущего романа. Во дворе храма установлена бронзовая скульптура, изображающая писательницу за работой, а в небольшой комнате Гэндзи-но-ма в восточной части основного зала хондо расположена деревянная статуя Мурасаки Сикибу работы знаменитого резчика Ито Хисасигэ. Кроме того, в день осеннего равноденствия в храме проводится праздник любования луной, который также считается праздником Мурасаки Сикибу, поскольку, по легенде, замысел «Повести о Гэндзи» возник у Мурасаки именно во время цукими (созерцания луны). С тех стародавних времен и по сей день вид осенней луны

с террасы Цукими-тэй, известный как один из знаменитых «Восьми видов Оми», славится как пейзаж невероятной, фантастической красоты.

Пейзажи озера Оми были известны Мурасаки и раньше. Осенью 996 г. она путешествовала со своим отцом Тамэтоки из Киото в Этидзэн через заставу на горе Встреч, Аусака, по западному берегу озера Бива, по склонам горы Сиодзу; в ее «Дневнике» сохранились стихи, написанные в этой поездке:

«Увидав, как тянут сети в местечке под названием Мио-га саки у озера Оми, я сложила:

Море в Мио.

Рыбаки бесконечные сети

Тянут на берег...

Бесконечно тянутся думы

О столице, такой далекой...»²

Не только озеро Оми, но и другие географические достопримечательности в его окрестностях становятся *утамакура* («изголовье песни», топонимический зачин стихотворения) в пятистишиях-танка, взятых из знаменитых поэтических антологий того времени и цитируемых Мурасаки Сикибу в своем романе. Вот, например, упоминание о Зеркальной горе (Кагамияма):

Коль поставим мы здесь

Зеркальную гору из Оми,

Лишь тогда разглядим,

Сколько долгих веков, Государь,

Еще у тебя впереди³.

---

² Мурасаки Сикибу. Дневник. М.:Азбука, 2000. С.21.

³ Отомо Куруноси. «Кокинвакасю», №1086. Цит. по: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т.2. СПб: Гиперион, 2001. С.704.

Сётэцу (1381-1459), поэт эпохи Муромати, в своем путевом дневнике «Нагусамэгуса» («Трава утешения», 1418)⁴ в качестве мэйсё (канонических мест, с которыми связаны мифы, легенды и предания) упоминает заставу Аусака, горы Нагара, Токонояма, Моруяма, реки Исаягава и Этигава, лес Оисо... Поистине кладезь для любителя живописных творений природы и тонко чувствующего поэта⁵. Именно по этой причине «страна Оми» выступает в качестве художественного-поэтического поля, на котором разворачиваются циклические образные сцены, названные «Восемь видов». Само понятие «Восемь видов Сяо и Сян» было заимствовано из Китая как одна из тематических концепций чань-буддийского искусства, развившись затем в лоне японского дзэн-буддизма⁶.

В эпоху Токугава тема «Восемь видов Оми», воплощенная в искусстве ксилографии, стала необыкновенно популярной⁷. Восемь танка⁸, опубликованных в «Сборнике стихотворений о знаменитых местах Японии» 1680 г., повторяются на гравюрах укиё-э пейзажного направления *фукэйга* от автора к автору, среди которых Тории Киёмасу II (1706-

⁴ См. Дудко А.А. Дневник «Трава утешения» Нагусамэгуса Сётэцу. <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-trava-utesheniya-nagusamegusa-syotetsu>

⁵ Известно, что Мацуо Басё очень любил эти места и часто останавливался в чайном домике Гэндзю-ан близ храма Исияма-дэра. В 1849 г. здесь был установлен памятный камень с выбитым на нём хайку Басё.

⁶ Торопыгина М.В. Японская поэзия: от «восьми видов Сяо и Сян» к «восьми видам Оми» (поэтические циклы Рэйдзэй Тамэсукэ, Коноэ Нобутада, Ота Нампо). М.: Ежегодник «Япония», 2018. Т.47. С.273.

⁷ Временем активной эксплуатации понятия «восьми видов» стали XVIII-XIX вв. Сейчас «восемь видов» – способ описания 145 маршрутов для местного туризма (по данным 2007 г.). Там же. С.280.

⁸ Автором, по выводам исследователей, признан Коноэ Нобутада. Там же. С. 285.

1763), Судзуки Харунобу (1724-1770), Кацусика Хокусай (1760-1849) и др. Однако безусловной вершиной этого творческого направления является знаменитая серия «Восемь видов Оми» (*Оми хаккэй 近江八景*), созданная в 1834-1835 гг. великим Андо Хиросигэ (1797-1858). Приведем названия гравюр и сопутствующих им пятистиший: «Ночной дождь в Карасаки», «Осенняя луна в Исияма», «Вечерний колокол в Миидэра», «Разгоняющий тучи ветер в Авадзу», «Гуси, устремившиеся в Катада», «Закат в Сэта», «Лодки возвращаются в Ябасэ», «Снег на закате в горах Хира». На всех без исключения гравюрах главное действующее «лицо» – прекрасное озеро Бива, вокруг которого разворачивается художественное повествование, даже если в стихотворении о нем нет упоминаний.

Интересно, что в 1911 г. немецкий писатель Макс Даутендей, которого увлекла эта тематика, опубликовал цикл новелл «Восемь ликов озера Бива». В «Третьем видении: вечерний звон колоколов храма Миджера» читаем о том, что *«много тысяч лет тому назад, когда старое дерево [сосна Карасаки – Н.К.] было не выше стебелька, озеро Бива, имеющее форму арфы, сверкало около молодого побега, совершенно так же, как и теперь, у старого развалившегося пня»*⁹. Наконец мы можем поговорить о музыкальном инструменте, форму которого, как считается, повторяет своими очертаниями озеро Бива и в честь которого оно получило свое современное название.

---

⁹Торопыгина М.В. «Die acht Gesichter am Biwasee» («Восемь ликов озера Бива») Макса Даутендея в ранних русских переводах». Reniksa: A collection of essays from the Contemporary Literature Research Laboratory.

Edited by the Department of Contemporary Literature, Graduate School of Humanities and Sociology, Faculty of Letters, University of Tokyo. Contemporary Literature Research Lab, 2020. С.369.

Сходство очертаний озера и лютни было подмечено еще монахами Энрякудзи, которые имели возможность взглянуть на озеро с вершины горы Хиэй. Примерно в XII в. сформировался культ почитания пречистой богини Бэндзайтэн, святилище которой Тикубусима-дзиндзя 竹生島神社 находится на острове Тикубу¹⁰, а сама она проживает в чистых водах озера Бива. Бэндзайтэн – покровительница художников и музыкантов, поэтому она традиционно изображается с лютней в руках. Сама по себе бива 琵琶 (кит. *pipa*) – 4-5-струнная лютня грушевидной формы, с высокими ладами, при игре на которой используется костяной или деревянный плектр, вырезанный в форме листа дерева гинкго.

Инструмент пришел в Японию по Великому шелковому пути из древней Персии¹¹, претерпев трансформацию корпуса и внешнего вида, а также приемов игры. С VIII в. лютня бива являлась инструментом придворного оркестра гагаку¹², однако использовалась также в качестве инструмента для камерного музицирования, которое являлось излюбленным развлечением аристократии. В «Повести о Гэндзи», в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон встречаем частые упоминания о домашних концертах, в которых участвует бива. Приведем также небольшую цитату из путе-

¹⁰ Первоначально здесь почитали озёрную богиню, она же – Асаихимэно микото 浅井姫命, Дева Мелких Колодцев, упоминаемая в древних «описаниях земель» (фудоки). В текстах XII в. богиня острова Тикубу же отождествляется с Бэндзайтэн.

¹¹ Ныне территория Ирана. Лютни уд и барбат, древние прародительницы бива, по сей день являются традиционными иранскими инструментами; кроме того, средневековая европейская лютня также обязана им своим появлением.

¹² Разновидность лютни бива, используемая в оркестре гагаку, носит название гакубива 楽琵琶.

вого дневника дочери Сугавара-но Такасуэ¹³ «Сарасина-никки» («Одинокая луна в Сарасина»), написанного во второй половине XI в.: «Подчиняясь течению времени, мы сначала находим очарование в весенней дымке, когда она плотно стелется по всему небу, так что вместо яркого лунного лика видно широко разлитое сияние – в такое время хорошо слушать мягкое звучание лютни «бива», настроенной на лад «благоуханный ветерок»¹⁴.

Лютня бива, музыка которой была столь любима придворными аристократами, считалась очень ценным подарком. В героической эпопее «Повесть о доме Тайра» описывается история о том, как придворный вельможа Тэйбин, будучи с посольством в танском Китае, взял несколько уроков игры на лютне у Лэнь Цефу, учителя музыки при дворе танского государя, и получил в дар три лютни – «Черный слон», «Львенок» и «Зеленая горка». Особо почиталась последняя, которая была «изготовлена из дерева драгоценной породы, а возле деки была нарисована пред-рассветная луна, сияющая сквозь верхушки зеленого леса, одевшего гребень Летней горы, Нацуямы. Оттого и назвали лютню «Зеленая горка» – дивное, редкостное творение искусства...»¹⁵

Мы не случайно процитировали «Повесть о доме Тайра», поскольку именно с ней связано возникновение эпического жанра музыки для лютни бива, а именно хэйкэ-бива¹⁶. Многолетняя борьба за власть двух кланов, Тайра и Минамото, закончившаяся падением дома Тайра в 1185 г., была описана поэтическим языком и стала исполняться

---

¹³ Подлинное имя неизвестно.

¹⁴ Сарасина никки. Одинокая луна в Сарасина. Пер. с яп. И.Мельниковой. СПб: Гиперион, 1999. С.13.

¹⁵ Повесть о доме Тайра. Пер. со старояп. И.Львовой, А.Долина. СПб.: Азбука-Классика, 2005. С. 560.

¹⁶ По японскому названию эпопеи – Хэйкэ моногатари».

под аккомпанемент лютни *бива*¹⁷. Исполнители сказаний *хэйкёку* были преимущественно слепыми странствующими монахами *бивахоси*, которые, по мнению И.Львовой, «... были первыми создателями «Повести», а уж потом ученые люди превратили их сказы в произведение литературы»¹⁸. Самые драматичные, полные чувств и эмоций, эпизоды «Повести» – «Ацумори», «Битва в заливе Данноура», «Кого», «Насу-но Ёити», «Колокол храма Гион» и др. были искренне любимы и слушателями, и исполнителями, и остаются таковыми по сей день.

Жанр *хэйкэбива*, развиваясь и творчески трансформируясь, дал начало нескольким музыкальным стилям, схожим по репертуару, но имеющим различия в технике исполнения и области бытования. Мы имеем в виду прежде всего жанр *сацума-бива*, который в XVI в. возник в среде самураев с целью их «облагородить» в музыкальном отношении. Пользуясь поддержкой могущественного военного клана, новый стиль игры на старинном инструменте пользовался популярностью вплоть до наступления эпохи Мэйдзи (1868-1912) и далее, до наших дней, послужив развитию музыки для *бива* и созданию современных направлений игры на этом инструменте¹⁹.

---

¹⁷ Как считает американский музыковед Уильям Молм, происхождение жанра *хэйкэбива* открыто для обсуждения. Самое распространенное мнение о его создании состоит в том, что первоначальный текст был написан придворным по имени Фудзивара-но Юкинага (1189), который, удалившись в монастырь Энрякудзи, начал писать повествование о клане Хэйкэ и его падении. Слепой монах по имени Сёбуцу выучил эту повесть и стал странствовать по японским провинциям, распевая истории из повести в новой музыкальной манере. William P.Malm. *Traditional Japanese music and musical instruments*. Tokyo-New York-London, Kodansha international, 2000. С. 101.

¹⁸ Повесть о доме Тайра. Пер. со старояп. И.Львовой, А.Долина. СПб.: Азбука-Классика, 2005. С.6.

¹⁹ Современные жанры игры на *бива* предполагают как сольное, так и ансамблевое исполнительство; лютня звучит как вместе с другими традиционными японским инструментами, так и с западными, а также

Еще одно интересное прочтение термина «бива» встречаем в японской природе, среди названий растений. Известно, что в традиционной культуре особенно ценились те из них, чей аромат, цвет и форма вызывали эмоциональные впечатления и могли быть художественно воплощены. Плодовое дерево бива 枇杷, или мушмула японская²⁰, относится именно к таким представителям флоры, поскольку, во-первых, ее небольшие золотистые плоды, вызревающие ранней весной, напоминают по форме лютию бива. Во-вторых, мушмула расцветает поздней осенью, в ноябре, и цветки ее удивительно красивы – нежные, кремово-белые, с приятным сильным ароматом. Эта особенность дерева бива привлекла внимание знаменитого поэта Фудзивара-но Тэйка (1162-1241), который при составлении своей знаменитой серии танка «Стихи о цветах и птицах» выбрал символом 11-го месяца года именно мушмулу.

В зимние дни

Ни деревьев не минует, ни трав

Инея цвет.

Как же схожи с ним бивы цветы

На ветках неизменной листвы!²¹

используется в рок- и поп-музыке. Дуэт Кинси Цурута (1911-1995) и флейтиста Ёкояма Кацую (1934-2010) в 1967 г. вдохновил композитора Тору Такэмицу (1930-1996) на создание композиции «November steps» («Шаги ноября») для оркестра, флейты сякухати и лютии бива, которая вызвала международный интерес к инструменту и его музыке. Подробнее об истории музыки для лютии бива см.: Tokita, Alison; Hughes, David W. The Ashgate Research Companion to Japanese Music. Ashgate Publishing Limited, 2008.

²⁰ Тж. эриоботрия, локва, японская слива.

²¹ Цит. по: Санович В. С. Фудзивара-но Тэйка (1162-1241). Стихи о цветах и птицах. Тех и других по двенадцать. Перевод со старояп., вступление и комментарии Виктора Сановича. М.: Новый мир, 2012, №2. С.56.

Фудзивара-но Тэйка известен в истории классической японской поэзии своим безупречным чувством стиля и непревзойденной тонкостью передачи югэн – сокровенной красоты, поэтому неудивительно, что из-под его пера вышел столь поэтический образ.

Наконец, пришло время поговорить о человеке по имени Бива, который непосредственно связан с уже упомянутой нами «Повестью о доме Тайра». Анимэ-сериал с таким названием вышел в 2021 г. на студии Science SARU (режиссер-аниматор – Наоко Ямада)²². Его центральный персонаж – Бива, маленькая девочка, взятая в дом могущественного Тайра-но Сигэмори (1138-1179) после смерти ее отца, бродячего монаха бива-хоси, исполнителя сказаний мосо-бива. В начале повествования Биве около 6-7 лет, в конце ей должно быть уже около 18-ти, однако она, во-первых, совершенно не меняется внешне, во-вторых, близко знакома со многими главными героями «Повести» и, в-третьих, удивительным образом всегда оказывается в гуще основных событий сюжета. Во время сражения в заливе Данноура, победного для Минамото и смертельного для Тайра, когда в море гибнут священные императорские регалии и сам малолетний император Антоку, Бива также оказывается рядом с ними, но ее чудесным образом не трогают ни стихии, ни стрелы сражающихся войск, она как будто парит над этим гигантским театром войны, запечатлевая в памяти происходящее.

Что же это за персонаж?

На наш взгляд, Бива – не что иное, как олицетворение самого музыкально-исторического жанра хэйкэ-бива,

---

²² Подробнее см. официальный сайт сериала <https://heike-anime.asmik-ace.co.jp/>

который тщательно фиксирует все события для грядущих поколений. Не случайно одна из последних в фильме фраз Тайра-но Сигэмори звучит как «*в ее рассказах наш род продолжит жить*» – это означает, что род Тайра, уничтоженный физически, продолжит жить в музыке для лютни *бива*. Не случайно также и то, что отец Бивы – бродячий монах *бивахоси*, а мать – придворная танцовщица и певица *сирабёси*. Это прямой намек на теорию о том, что в создании эпоса, как мы писали выше, принимали участие и бродячие музыканты, и аристократы, носители придворной музыкальной традиции. На наш взгляд, создатели фильма применили очень интересный сюжетный ход – ввели выдуманную героиню в реальную историю, показав события ее глазами, «научив» играть на лютне и озвучив весь фильм специально написанной композитором Кэнсукэ Усио музыкой *бива*, в которой традиционный стиль *хэйкёку* смешан с современным прочтением звуковых возможностей инструмента.

Таким образом, термин *бива* во всем многообразии своих значений охватывает практически все сферы японской культуры – от географически-дендрологической до художественно-поэтической, включая также и произведения кинематографического искусства XXI в.

Список использованной литературы

1. Tokita, Alison; Hughes, David W. The Ashgate Research Companion to Japanese Music. Ashgate Publishing Limited, 2008.
2. William P. Malm. Traditional Japanese music and musical instruments. Tokyo-New York-London, Kodansha international, 2000.

3. Дудко А.А. Дневник «Трава утешения» Нагусамэгуса Сётэцу. <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-trava-utesheniya-nagusamegusa-syotetsu>
4. Торопыгина М.В. «Die acht Gesichter am Biwasee» («Восемь ликов озера Бива») Макса Даутендея в ранних русских переводах». Reniksa: A collection of essays from the Contemporary Literature Research Laboratory. Edited by the Department of Contemporary Literature, Graduate School of Humanities and Sociology, Faculty of Letters, University of Tokyo. Contemporary Literature Research Lab, 2020.
5. Мурасаки Сикибу. Дневник. М.: Азбука, 2000.
6. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т.2. СПб: Гиперион, 2001.
7. Повесть о доме Тайра. Официальный сайт сериала (яп.) <https://heike-anime.asmik-ace.co.jp/>
8. Повесть о доме Тайра. Пер. со старояп. И.Львовой, А.Долина. СПб.: Азбука-Классика, 2005.
9. Санович В.С. Фудзивара-но Тэйка (1162-1241). Стихи о цветах и птицах. Тех и других по двенадцать. Перевод со старояп., вступление и комментарии Виктора Сановича. М.: Новый мир, 2012, №2.
10. Сарасина никки. Одинокая луна в Сарасина. Пер. с яп. И.Мельниковой. СПб: Гиперион, 1999.
11. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. Пер. со старояп. Веры Марковой. М: Толк, 1995.
12. Торопыгина М.В. Японская поэзия: от «восьми видов Сяо и Сян» к «восьми видам Оми» (поэтические циклы Рэйдзэй Тамэсукэ, Коноэ Нобутада, Ота Нампо). М.: Ежегодник «Япония», 2018. Т.47.

**Техника изготовления чайных ложечек тясяку
в традиции Пути Чая**

(Кудряшова А.В.)

Один из важнейших элементов чайной утвари в традиции Тяною, с которым сталкивается, пожалуй, любой начинающий, это чайная ложечка тясяку 茶杓. И любой новичок, приступающий к изучению и освоению базовых движений процедуры приготовления чая, на первых порах учится как правильно обращаться с ложечкой – как ее брать или класть, держать одной или двумя руками, очищать специальной салфеткой фукуса 袱紗, передавать для осмотра гостям при процедуре хайкэн 拝見 («осмотр с благоговением»).

Постепенно навык правильного обращения с тясяку все более и более усложняется: становится необходимо не только на практике уметь пользоваться этим предметом утвари, но и обладать серьёзными теоретическими знаниями. В их число входит умение разбираться в таких, например, вопросах: каковы различные виды тясяку; каков материал, из которого они изготавливаются; кто автор той или иной конкретной ложечки; что такое «поэтическое имя» тясяку; на что нужно обращать внимание при «осмотре с благоговением»? И еще один важный вопрос – как самому вырезать тясяку?

Продвигаясь по Пути Чая, ученикам приходится изучить достаточно большой объем информации – запомнить имена чайных патриархов, руками которых были сделаны известные тясяку; знать, как говорится, их «в лицо» - то, как они выглядят, и какое «поэтическое имя» носят. Ученики запоминают особенности ложечек, которые считаются наиболее характерными для того или иного чайного

патриарха, сравнивая ложечки разных эпох от времени Сэн-но Рикю (XVI в.) до наших дней. Наиболее известные *тясяку* находятся в коллекциях художественных музеев Японии (Токийский национальный музей, Музей Токугава, Музей Идэмицу, Музей Номура, Музей Раку и др.), есть даже *тясяку*, которым присвоен статус «культурное сокровище».

Большинство современных, старинных или особо редких *тясяку*, вырезанных вручную известными мастерами, имеют специальный бамбуковый предохраняющий футляр *цуцу 筒*, в котором ложечка хранится все то время, пока не используется в чайном действе. Ложечка и ее футляр являются одним из наиболее ценных элементов утвари, предлагаемых гостям для любования во время церемонии подачи чая, поэтому возможность «осмотреть с благоговением» оба предмета – также один из наиболее приятных и радостных моментов чайного действа. Во время церемонии «осмотра с благоговением» гости любят не только формой и материалом, из которого сделана ложечка, но и спрашивают ее «поэтическое имя», а также имя мастера, создавшего ее. Такое трепетное отношение к отдельным элементам чайной утвари, подчеркивает их ценность и значимость, что важно для создания особой атмосферы взаимного общения хозяина и гостей в процессе чайного действа.

Форма чайной ложечки в большинстве случаев канонична, однако существуют и отступления от общих правил. Согласно правилам, размер ложечки колеблется в пределах от 16 до 21 см. Изредка встречаются *тясяку* очень маленького размера – 14-15 см. Однако наиболее распространены классические размеры: 17-19 см. Ложечка выстругивается вручную из бамбука или (что гораздо реже) других

пород дерева, материал которых достаточно пластичен, не обладает резко выраженной маслянистостью и запахом. Такова, к примеру, древесина сакуры, клена, сливы, груши, яблони, шелковицы. Тясяку, вырезанные из этих пород дерева, встречаются крайне редко. Однако можно встретить даже такие редкие примеры, как использование древесины сосны или дерева гингко (*umē* 銀杏). Для отдельных процедур приготовления чая (*отэмаэ* お点前) высшего уровня используются тясяку, выточенные из слоновой кости. А для вариантов подачи чая с использованием неканонической чайной утвари, можно встретить такие редкие и нетипичные материалы для тясяку, как стекло или металл. Например, удивительный пример использования в роли тясяку стеклянной шпильки для волос *кандзаси* 簪 можно встретить в статье «Домашние курсы Тяною» в японском журнале «Нагоми» №8, 2020. [Нагоми, с.8]. Однако это достаточно редкий пример неканонического использования предметов, по форме и стилю приближающихся к классическим тясяку. Такое включение нетипичных элементов утвари вместо классических носит название *митатэ* 見立て («замещение»). Классическим же вариантом материала для изготовления чайной ложечки по-прежнему остается бамбук. Чаще можно встретить светлый бамбук желтого цвета, но иногда встречаются ложечки, вырезанные из темного, а также пятнистого бамбука. Наиболее частый вариант тясяку – с одним коленцем-перемычкой посередине, однако изредка встречаются ложечки, украшенные двумя, тремя и более коленцами бамбука.

В зависимости от наличия и места расположения коленца-перемычки (особенности бамбукового стебля), различают три основных типа ложечек тясяку. Коленце может

находиться в средней части ложечки (самый простой стиль со 草); у основания ложечки (полуформальный стиль гё 行) или вообще отсутствовать (стиль высокой формальности син 真). Такие типы ложечек носят названия нака-буси 中節 («перемычка посередине»), томэ-буси 止め節 («перемычка на конце») и фуси-наси 節無し (или му-буси 無節 – «без перемычки») соответственно. Кроме того, само коленце бамбука на ложечке может смотреть вниз (классический вариант дзюн-хи 順樋, в «стиле Сэн-но Рикю») или смотреть вверх (вариант сака-хи 逆樋, в «стиле Кобори Энсю»). Классический вариант дзюн-хи считается более спокойным и изысканно-простым; вариант сака-хи – более необычным и привлекающим внимание.

На верхнем конце ложечки оформляется закругление кайсаки 權先, которым, собственно, и зачерпывается сухой порошок чая. Высшая точка этого кончика – цую 露 – может иметь самые различные формы: круглую, прямую, с острым углом, с остроконечным завершением, или иметь форму «шапочки монаха» токин 兜巾 [Нагоми, с.32].

С обратной стороны ложечка шлифуется таким образом, чтобы быть устойчивой при размещении ее на чайнице (лаковой нацумэ 棗 для лёгкого чая или керамической тяирэ 茶入 для густого чая). Теоретически одну и ту же тясяку можно использовать и при зачерпывании густого чая койтя 濃茶, и лёгкого чая усутя 薄茶. Но на практике у хозяина имеется несколько разных тясяку, с разными «поэтическими именами», подходящими больше для того или иного типа чая – густого или лёгкого. Поэтому в зависимости от конкретной процедуры приготовления чая (о-тэмаэ お点前), бывает так, что для разных типов чая хозяин выбирает и разные тясяку.

Важной художественной особенностью также считается нижний конец *тясяку*, который носит название *киридомэ* 切止 и обрабатывается (согласно канону) одним из пяти возможных способов. В зависимости от того, сколько раз и под каким углом нанесены срезы, они называются «один резец», «два резца», «три резца», «четыре резца» и «пять резцов» соответственно. [Нагоми, с. 32]

Рассмотрим основные этапы вырезания *тясяку*. Из материалов потребуется бамбуковая заготовка, нож, свеча и наждачная бумага, но главное – перед тем, как приступить к работе, необходимо будет мысленно представить себе будущую ложечку, решить – какова будет ее длина, форма, верхний и нижний края, из какого бамбука она будет вырезаться? Затем выбрав нужный по цвету и форме кусок бамбука длиной 30 см, расколоть его вдоль ствола на четыре равные части (заготовки). Важно при этом не нарушить интересный рисунок на стволе бамбука и сохранить место, где коленце имеет какую-либо особенность. С внутренней стороны в том месте, где предполагается изгиб, необходимо немного поскоблить бамбук, после чего поместить заготовку в воду. Всплывающий вначале бамбук, спустя несколько дней, постепенно напитается водой и опустится на дно. Обычно на это уходит от двух до семи дней. Место будущего изгиба после длительного нахождения в воде будет легче подаваться изгибу, особенно после соскоба с внутренней стороны.

Следующим этапом является изгиб заготовки над огнем. Для этого понадобится свеча с тонким фитилем, не дающая копоти; толстый фитиль для изготовления *тясяку* не подходит. Держа заготовку на небольшом расстоянии от пламени свечи, необходимо подогреть ее с внешней и с внутренней стороны до тех пор, пока она не станет

более податливой и начнет подаваться. Изгибать заготовку следует только в одну сторону, с силой, но очень мягко и медленно, так, чтобы не сломать резким движением. Глубина изгиба может варьироваться по желанию, но обычно лучше загнуть немного больше, чем планировалось, так как бамбук обладает упругостью и после изгиба может вернуться в исходное положение. После того, как изгиб завершен, заготовку следует сразу же поместить в ёмкость с холодной водой. Это поможет месту изгиба затвердеть и тем самым зафиксирует его.

После того, как изгиб закончен, заготовка вынимается из воды, насухо обтирается и оставляется на несколько дней для просушки. Легче сделать заранее несколько заготовок, чтобы потом в удобное время можно было бы приступить к вырезанию *тясяку* запланированной формы. С помощью крупной наждачной бумаги снимается несколько слоев с внутренней стороны в районе изгиба, при этом важно не задевать внешнюю сторону, чтобы не испортить рисунок бамбука. На этом этапе решается толщина изгиба будущей *тясяку*. Затем определяется ширина верхнего края *кайсаки* – обычно она составляет 10-13 мм. Ненужные части бамбука срезаются ножом, при этом нож направляют от толстого края к тонкому, от широкого к узкому. На этом этапе важно не переусердствовать со срезанием и стараться сохранять ровную ширину по всей длине *тясяку*.

Зажав *тясяку* в левой руке, правой взять нож и, направляя его большим пальцем левой руки, плавно снимают тонкие боковые слои. При этом важно правильно держать нож, регулируя силу нажатия большим пальцем. Постепенно начинают вырисовываться контуры будущей ложечки. Также важно не перестараться и вовремя остановиться, чтобы не снять больше бамбука, чем хотелось бы.

Следующий этап – отсечение лишней части заготовки сверху и снизу, это позволяет определить окончательную длину будущей *тясяку*. Обычно итоговая длина варьируется от 17 до 19 см, но она может быть и другой – больше или меньше, в зависимости от размеров чайной утвари или руки чайного мастера, который будет ею пользоваться. После этого можно приступать к срезанию лишнего внутреннего слоя в районе изгиба, стараясь сформировать красивую тонкую линию. При этом можно пользоваться не только ножом, но и наждачной бумагой. Главное – не испортить внешнюю сторону с бамбуковым рисунком и коленцем-перемычкой, случайно задев ее. Здесь требуется хороший глазомер, уверенная рука и чувство баланса. Одновременно с этим следует несколько раз проверить – удобно ли класть *тясяку* на те или иные элементы чайной утвари – чайницу *нацумэ*, *тяирэ* и чашу. *Тясяку* должна лежать ровно, не вращаться и не скатываться. Если форма неправильная и *тясяку* не лежит как следует, необходимо подрезать или подпилить ненужные выступы и шероховатости.

После того, как вырезание в основном закончено, ложечку еще раз помещают в воду на продолжительное время и зачищают ножом или наждачной бумагой обнаружившиеся после этого заусенцы и шероховатости. Финальным аккордом мастера является срезание нижнего конца *тясяку* – *киридомэ*. По сути, это напоминает личную печать или подпись мастера. «Один резец», «два резца» или больше – решает сам мастер. Срез может быть симметричный или асимметричный – все зависит от того, как решит художник. На этом вырезание *тясяку* считается полностью завершённым.

Именно форма и материал – это то, что в первую очередь бросается в глаза при осмотре *тясяку* гостями. Процедура «осмотра с благоговением» крайне важна, она входит в перечень обязательных при подаче густого чая *койтя*. Подробный осмотр ложечки во всех деталях (край *кайсаки*, *киридомэ*, *перемычка фусу* и т. д.) формирует целостный эстетический образ предмета. Затем хозяин дает пояснения гостям об авторе, вырезавшем ее, и о ее «поэтическом имени». В современной Японии в мире Чая «поэтические имена» *гомэй* могут представлять собой как традиционные, устойчивые образы и ассоциации, так и необычные, редкие сочетания¹. Но в любом случае, знакомство с отдельными элементами чайной утвари в традиции Тяною (как, например, с бамбуковыми ложечками *тясяку*) открывает нам богатый мир японской традиционной культуры, помогает больше узнать о ее своеобразии и особенностях.

Список использованной литературы:

1. Дьяконова Е.М., Кудряшова А.В., Кузьминова Э. Японское чайное действо. Путь тишины. Москва: Арт-Волхонка, 2018. С. 128.
2. Игнатович А.Н. Чайное действо. Москва: Стилсервис, 2011. С. 494.
3. Икэда Хэа. Киндай но *тясяку* [Чайные ложечки из бамбука. Мастера XIX-XX века]. Киото: Танкося, 2010.
4. Кудряшова А.В. «Поэтические имена» чайной утвари в традиции Тяною («Путь Чая»). История и культура Японии, Вып.14, *Orientalia et Classica IV (LXXV)*, Издательский дом Высшей школы экономики, Москва, 2022. С. 28-33.

---

¹ Об этом подробнее см. (Кудряшова, 2022)

5. Кудряшова А.В. Чайная утварь как художественный объект в традиции «Тяною» («Путь Чая») // Молодой ученый. Международный научный журнал. Спецвыпуск "Японский альманах. Вып.1". 2017. №23.1 (157.1). С.42-45.
6. Кудряшова А.В. К вопросу об эстетике чайной утвари в традиции «Пути Чая» // Молодой ученый. Международный научный журнал. Спецвыпуск "Японский альманах. Вып.1". 2017. №23.1 (157.1). С.45-48.
7. Нагоми. Тя но ару кураси – «Мягкость. Жизнь, в которой есть место Чаю» №8. Киото, Танкося, 2020. С.129.

**Изменения в архитектуре и оснащении
зданий театров Кабуки в эпоху Мэйдзи**

(Борисова А.А., Гоголева В.Д.)

Период Мэйдзи (1868-1912) в Японии стал временем глобальных перемен, оказавших значительное влияние на политическое, социально-экономическое и культурное развитие страны. Происходили изменения в государственном устройстве и социальной сфере, широко заимствовались достижения культуры и техники передовых стран Запада, менялось восприятие японцами собственной истории и традиций, изменялось положение Японии на международной арене. Такие перемены не могли не отразиться на культурной жизни Японии, в частности, на положении японских традиционных искусств.

На фоне общего упадка традиционных искусств в первой половине периода Мэйдзи, связанного с тем, что особую популярность приобрело ставшее доступным для японцев изучение западной культуры, и что японские традиционные искусства стали считаться пережитками прошлого, выделяется театр Кабуки, который в это время начал получать большую чем когда-либо прежде поддержку со стороны японского правительства. Причиной этого могло служить то, что во времена широкого заимствования и ориентирования на достижения западной культуры, правительство сочло театр Кабуки наиболее близким к таким популярным в Европе искусствам, как опера и балет [6, р.4]. Также, вероятно, возвышению Кабуки способствовало и то, что он, формировавшийся в период Эдо как театр третьего сословия [2, с.32], после революции Мэйдзи стал наиболее близким видом искусства для пришедшей к власти буржуазии.

Однако, в целях превращения театра Кабуки в репрезентативный вид японского искусства, правительством и непосредственно самими деятелями искусства был предпринят ряд мер, направленных на модернизацию этого жанра. Изменения, произошедшие в театре Кабуки в это время, были направлены как на его содержание, так и на внешнюю форму: интерьер и экстерьер театров, оформление и размер сцены, вместимость зрительного зала и т. д.

В рамках данной статьи будут рассмотрены изменения во внешнем и внутреннем обустройстве театров Кабуки на примере таких значимых для периода Мэйдзи театров, как Синтоми-дза 新富座 и Кабуки-дза 歌舞伎座, а также некоторые общие изменения, коснувшиеся всех театров Кабуки того времени.

К началу периода Мэйдзи основными и единственными лицензированными театрами Токио оставались так называемые Эдо-сандза 江戸三座 – Три больших театра Эдо, в которые входили Накамура-дза 中村座, Итимура-дза 市村座 и Морита-дза 守田座. В 1872 г. указом властей Токио было объявлено о повторном лицензировании театров, количество которых весной 1873 г. было увеличено до десяти [4, p.180-181]. Помимо упомянутых выше, в них вошли и Накадзима-дза 中島座, Кисё-дза 喜昇座, Савамура-дза 沢村座, Окуда-дза 奥田座, Каварадзаки-дза 河原崎座, Кири-дза 桐座 и Тацуми-дза 辰巳座. Несмотря на то, что «Три больших театра Эдо» постепенно теряли свой престиж, и вымещались новыми театрами, основные события в мире Кабуки в первой половине периода Мэйдзи связаны с Морита-дза (позднее переименованным в Синтоми-дза) и деятельностью его управляющего – Морита Канъя XII 守田勘彌 (1846-1897).

Одним из первых изменений, коснувшихся театров Кабуки в период Мэйдзи, стала отмена их территориальной изоляции. В 1842 г., во время реформ годов Тэмпо (1841-1843), правительство вынудило управляющих Эдо-сандза перенести свои театры в новый район Сарувака-мати 猿若町, названный в честь дзамото¹ 座元 XVII в. – Сарувака Кандзабуро 猿若勘三郎 [5, p.26]. В сентябре 1868 г. запрет на нахождение театров Кабуки вне этого квартала был отменён, и в последующие годы театры стали открываться в разных районах Токио, что способствовало их развитию и появлению конкуренции.

Сразу после отмены территориальной изоляции театров Морита Канъя XII перенёс Морита-дза в один из центральных районов Токио – Синтоми-тё 新富町 [3, p.265], где театр стал пользоваться особым успехом благодаря обновлённому зданию и близкому расположению к кварталу, где жили иностранцы. Однако, в последующие годы театр столкнулся с рядом сложностей: в 1875 г., из-за финансовых трудностей Морита Канъя XII, Морита-дза стал акционерной компанией, и его название было изменено на Синтоми-дза [4, p.187], а в 1876 г. здание театра было уничтожено пожаром.

Торжественное открытие нового Синтоми-дза состоялось в июне 1878 г., и, можно сказать, что и церемония открытия, и обновлённое здание театра, привнесли в историю развития театра Кабуки характерные для того времени веяния вестернизации. Так, например, во время торжественного открытия играли военные оркестры, культура которых в Японии началась преимущественно с периода

---

¹ Дзамото – должность в театре Кабуки в Эдо, совмещающая обязанности директора и художественного руководителя.

Мэйдзи, а также перед выступлением к гостям со сцены обратились актёры, одетые в европейские костюмы [1, с.87].

Значительный ряд новшеств и обновлений имели внешний вид и внутреннее оформление Синтоми-дза. Фасад здания отличался от традиционных театров Кабуки тем, что был выполнен в более европейском стиле. С крыши театра была убрана башня Ягура 櫓, которая раньше являлась неотъемлемым атрибутом всех имеющих официальную лицензию театров Кабуки [6, р.8]. Помимо этого, в театре появилось газовое, а впоследствии и электрическое освещение, и на фасаде была установлена светящаяся вывеска с названием театра.

Изменения, произошедшие во внутреннем оформлении и обустройстве сцены, значительно отличали Синтоми-дза от его предшественников. Прежде всего, стоит отметить, что внутреннее убранство театра стало намного проще: если до этого театры были переполнены декором и выглядели довольно эклектично, то новый Синтоми-дза был оформлен более утилитарно. При этом значительно увеличилось количество зрительных мест – Синтоми-дза вмещал в себя около двух тысяч посетителей, что было практически в два раза больше, чем количество зрителей в театрах периода Эдо [8, р.141].

Важным изменением в устройстве сценического пространства стало появление просцениума, благодаря которому зрители перестали окружать сцену с трёх сторон. Также была увеличена и сама сцена театра. Большую часть периода Эдо самой большой сценой (5 кэн; около 9 метров) обладал Накамура-дза, после чего к началу периода Мэйдзи это место занял Морита-дза с шириной сцены 8 кэн (около 15 метров). Сцена Синтоми-дза была расширена до 11 кэн (20 метров) и оставалась самой большой сценой театра

Кабуки вплоть до строительства Кабуки-дза в 1889 г. [8, р.140-141].

Синтоми-дза можно считать действительно новаторским театром своего времени, который благодаря своим нововведениям и большой популярности, стал ориентиром для многих последующих театров Кабуки. Так, например, знаменитый театр Кадо-дза 角座 в Осака в 1886 г. был перестроен по образу Синтоми-дза [6, р.9]. Помимо этого, Синтоми-дза является неотъемлемой частью истории развития театра Кабуки, поскольку с ним были тесно связаны деятельность «Общества реформирования театра» (演劇改良会, Энзэки кайрёкай) и творчество актёров Итикава Дандзюро IX 市川團十郎 (1838-1903) и Оноэ Кикугоро V 尾上菊五郎 (1844-1903) и драматурга Каватакэ Мокуами 河竹黙阿弥 (1816-1893), оказавших значительное влияние на драматургию и исполнительское искусство Кабуки.

Ещё одним важным театром Кабуки периода Мэйдзи был открытый в 1889 г. Кабуки-дза. Так же, как и Синтоми-дза, он отличался от предыдущих театров и привнёс в мир Кабуки ряд новшеств.

Прежде всего, необходимо отметить, что Кабуки-дза стал первым театром, название которого не было связано с его географическим расположением или фамилией управляющего [4, р.233]. Также, название этого театра, способствовало закреплению за словом Кабуки тех иероглифов, которыми это слово записывается в настоящее время: 歌 ка – песня, 舞 бу – танец, 伎 ки – искусство, мастерство (до этого, чаще всего, «ки» обозначался как 妓 – куртизанка) [7, р.28].

Помимо этого, Кабуки-дза превосходил Синтоми-дза по площади сцены и вместимости зрительного зала. Кабуки-дза периода Мэйдзи вмещал в себя около 3000–3500 посе-

тителей, что значительно больше чем количество зрительных мест в современном Кабуки-дза – 2600 человек [8, р.141]. Вероятно, такие масштабы театра были обусловлены стремительной коммерциализацией жанра Кабуки после того, как он получил статус национального театра.

Здание Кабуки-дза представляло собой примерно такой современный театр, проекты которого ранее разрабатывались «Обществом реформирования театра». Однако, несмотря на то что фасад здания был выполнен в европейском стиле, его интерьер оставался традиционно японским.

Появление Кабуки-дза создавало большую конкуренцию для театров Токио того времени. В частности, большим испытанием это было для Синтоми-дза и его управляющего Морита Канъя XII, который в это время вновь столкнулся с финансовыми трудностями. В целях недопущения того, чтобы Кабуки-дза приобрёл ведущих актёров столицы, в 1888 г., когда было объявлено о планах открытия Кабуки-дза, руководители театров Синтоми-дза, Накамура-дза, Итимура-дза и Титосэ-дза 千歳座 заключили так называемый «Союз четырёх театров» (四座同盟 Ён-дза домэй) и в рамках этого союза подписали соглашение, запрещающее в течение 6 лет любому другому театру нанимать кого-либо из их актёров [7, р.29]. Создание данного союза примечательно тем, что оно показывает изменение в структуре функционирования японских театров. Если в период Эдо, как отмечал Ол.В.Плетнер: «вне цеха... актёр был немислим, как немислим был самостоятельный ремесленник или купец» [2, с.34], то в период Мэйдзи ситуация начала меняться, и отдельные актёры могли выступать на сценах различных театров, не завися от остальной части труппы. Хотя, вероятно, такая практика не имела широкого распространения и

касалась в основном только известных актёров, таких как, например, Итикава Дандзюро IX и Итикава Садандзи I 市川左團次, 1842-1904.

Создание Кабуки-дза способствовало окончательно закреплению за Кабуки статуса национального театра. После этого наблюдается значительная коммерциализация жанра. Во многом это связано с деятельностью компании Сётику 松竹, основанной в 1902 г. в Камигата 上方 братьями Сираи Мацудзиро 白井松次郎 (1877-1951) и Отани Такэдзиро 大谷竹次郎 (1877-1969) и до 1911 г. называвшейся Мацутаке 松竹. В 1910-1920-х гг. данная компания завладела основными театрами Токио и фактически монополизировала жанр Кабуки, став самой влиятельной организацией театрального мира Японии.

Надо сказать, что управляющие Сётику быстро реагировали на меняющиеся запросы аудитории, внося изменения не только в архитектуру и оснащение театров (например, в Кабуки-дза было проведено электричество, которое, правда, стало причиной пожара 1921 г., когда театр был сожжен дотла), но и в исполнение спектаклей, привлекая известных актёров и спонсируя популярных авторов.

Таким образом, значимость изменений, произошедших в театрах Кабуки в период Мэйдзи, определяется тем, что все они в той или иной степени отражали культурные, социальные и политические тенденции того времени: отход от традиций, заимствование элементов западной культуры, постепенная коммерциализация многих сфер деятельности. Такие обновления внешнего и внутреннего обустройства театров, как общее увеличение количества зрительных мест и площади сцены, стремление к упрощению декора интерьера, установка современного освещения, выполнение фасадов зданий на европейский манер, свидетельству-

ют о способности театров Кабуки воспринимать новые общественные и культурные реалии своего времени, адаптироваться к ним и оставаться популярным и актуальным жанром японского традиционного искусства.

Список использованной литературы

1. Гришелева Л. Д. Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 237 с.
2. Плетнер Ол. В. Театр Кабуки // Японский театр. Л.– М.: Academia, ВОКС, 1928. С. 30-41.
3. Bach F. Breaking the Kabuki Actors' Barriers 1868-1900 // Asian Theatre Journal, Autumn, 1995, Vol. 12, No. 2. P.264-279.
4. Komiya T. Japanese Music and Drama in the Meiji era / transl. and adapt. by Donald Keene. Tokyo: The Toyo Bunko, 1969. 535 p.
5. Leiter S.L. Kabuki plays on stage: darkness and desire, 1804-1864. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 414 p.
6. Leiter S.L. Kabuki plays on stage: restoration and reform, 1872-1905. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003. 448 p.
7. Leiter S.L. Meiji Kabuki: Japanese Theatre Through Foreign Eyes. Lanham: Lexington Books, 2022. 438 p.
8. Takahashi Y. Kabuki Goes Official: The 1878 Opening of the Shintomi-za // TDR, Vol. 39, №3, 1995. P.131-150.

**Женская J-рок группа АКВ48
как носитель социокультурных особенностей Японии**
(Гофман А.В.)

J-рок (от англ. «Japanese pop») является самым популярным музыкальным жанром в Японии и изобилует культурными и социальными особенностями страны¹. Однако из-за того, что зачастую японская поп-музыка не воспринимается всерьёз, данная тема малоизучена в российской японистике. В результате многие отличительные черты общества Японии, проявляющиеся в индустрии J-рок, остаются незамеченными. Целью настоящего исследования является попытка выявить социокультурные особенности, характерные для сферы J-рок музыки на примере самой известной в Японии айдол-группы АКВ48.

Группа АКВ48 была создана в 2005 г. продюсером Акимото Ясуси. Название происходит от района, в котором находится театр группы (место, где каждый день проходят выступления) – Акихабара. В 2013 г. коллектив вошёл в Книгу рекордов Гиннеса как самая большая музыкальная группа, состоявшая на тот момент из восьмидесяти восьми участниц, однако из-за постоянных изменений состава количество участниц превышало сто пятьдесят человек в другое время².

Необходимо сделать несколько примечаний, чтобы установить величину успеха группы в Японии. АКВ48 занимает третье место в стране по количеству проданных дисков – 60 миллионов, уступая только таким «гигантам» индустрии как Хамасаки Аюми и рок-дуэту B'z, которые начали

---

¹ Preferred audio content by genre in Japan as of March 2024 // Statista.

² Patrick W. Galbraith 'National Idols:' The Case of АКВ48 in Japan // The Routledge Handbook of Japanese Media, London, p.137.

карьеру еще задолго до появления АКВ48 (1998 и 1988 гг. соответственно). Более сорока синглов группы разошлись тиражом свыше миллиона копий, что делает АКВ48 лидером по продажам синглов в стране. По данным чарта Oricon являются вторыми самыми продаваемыми артистами эпохи Хэйсэй (1989-2019)³. Примечательно, что уже на протяжении пятнадцати лет каждый сингл группы, начиная с «RIVER» (дата релиза – 2 ноября 2009 г.) занимает первое место в японском музыкальном чарте Oricon. В общей сложности пятьдесят синглов занимали верхнюю строчку рейтинга, что делает АКВ48 абсолютным рекордсменом по данному показателю среди артисток⁴. Более того, АКВ48 считается «национальной айдол-группой» (国民的アイドルグループ *кокумин-тэки айдору гурӯпу*)⁵. Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что величина и долговременность успеха группы в Японии являются феноменальными.

Далеко не каждый исполнитель добивается подобных результатов, что заставляет задуматься о причинах исключительной популярности АКВ48. Одним из факторов является всенародная ценность командной работы. Корни японского коллективизма восходят ещё к древности – временам, когда невозможно было в одиночку возводить залив-

---

³ 【オリコン“平成セールス”ランキング】シングルは SMAP、アルバムは宇多田ヒカルが1位 “平成 No.1”アーティスト別セールスの B'z からはコメント到着 [Oricon «Рейтинг продаж в эпоху Хэйсэй»: SMAP №1 по синглам, Утада Хикару №1 по альбомам и B'z №1 по продажам среди исполнителей. Комментарии от B'z].

⁴ АКВ48、女性アーティスト歴代1位の49作連続シングル1位【オリコンランキング】 [АКВ48 занимает первое место в истории женских исполнителей с 49 последовательными синглами №1. рейтинга Oricon.].

⁵ 国民的アイドルグループが宇宙へ！話題のガールズコミックを АКВ48 でドラマ化 [Национальная айдол-группа отправляется в космос! Драматическая адаптация популярного комикса о девушках АКВ48].

ные поля и выстоять перед многочисленными стихийными бедствиями. В результате этого группизм закрепился как центральный элемент национального характера японцев. В отличие от западного общества, в Японии групповые достижения и гармония ценятся выше персонального успеха⁶. Кроме того, индивидуалистические общества уделяют большое внимание личному выбору и свободе, в то время как для японцев само слово «свобода» воспринимается как ущерб интересам группы. В силу традиции коллективизма музыкальные группы выглядят для японцев более привлекательно в отличие от сольных исполнителей, в результате чего чаще добиваются успеха.

Следующая причина успеха заключается в революционной на тот момент концепции группы. Когда музыкальные исполнители считались недостижимыми звёздами, АКВ48 дебютировали под эгидой слогана «айдол, которого можно встретить» (会いに行けるアイドル *ai ni ikэру айдору*). Изначально идея реализовывалась через ежедневные выступления в театре группы, вмещающем всего сто сорок пять зрителей, что создавало атмосферу близости между поклонниками и артистками. В дальнейшем были введены другие активности, направленные на взаимодействия айдов и фанатов. Одним из таких форматов мероприятий стал т.н. «хэндшейк» (握手会 *акусюкаи*), суть которого заключается в возможности пожать руку и сказать несколько слов любимой участнице в порядке очереди. Шанс лицом к лицу встретиться с кумиром, прикоснуться к нему вызвал ажиотаж среди фанатов. Поэтому, впервые созданный АКВ48, формат «хэндшейка» распространился среди других айдол-групп внутри Японии и за её пределами. Также

---

⁶ How East and West think in profoundly different ways // BBC.

необходимо отметить, что по условиям контракта девушкам запрещено вступать в романтические отношения (恋愛禁止 рэнаи кинси) – это правило также называется «золотым» (ゴールドenルール gōrudэн rūrū). Благодаря этому создается их «невинный» образ, а у фанатов появляется бесконечный простор для фантазий, поскольку все участницы «свободны». Немаловажно упомянуть существование многочисленных видеоигр в жанре «симулятор свиданий», которые предоставляют игроку возможность построить отношения с любой участницей. Более того, в 2011 г. на официальном сайте группы был создан сервис «AKBaby», который позволял совместить собственную фотографию с фотографией любой из девушек и получить портрет общего гипотетического ребёнка. На рекламном постере изображена одна из участниц, Осима Юко, кормящая грудью младенца, а также присутствует подпись: «Сделаешь со мной ребёнка?» (わたしと赤ちゃん作らない? *ватаси то акатян цукуранаи?*). Благодаря частым мероприятиям, предполагающим взаимодействие фанатов и кумиров, запрету на отношения для участниц, многочисленным романтическим компьютерным играм создаётся иллюзия «обладания» любимым айдолом и ощущение важности каждого отдельно взятого поклонника для АКВ48. Именно эта мнимая близость является катализатором для покупки CD-дисков, билетов на концерты и прочей продукции, связанной с обожаемой участницей и группой в целом.

За наиболее существенной причиной успеха стоит ряд особенностей менталитета и социума Японии. В качестве наглядного материала будет использован один из эпизодов телевизионного развлекательного шоу «AKBingo!»⁷. В

---

⁷ AKBingo! ep.29. / Nippon Television, 2009.

каждом выпуске девушки участвуют в различных конкурсах – спортивных и интеллектуальных. В шоу часто появлялись гости: как звёзды, так и простые фанаты. В двадцать девятом эпизоде шоу было проведено соревнование между фанатами группы за звание поклонника номер один. Конкурсанты представились не своими реальными именами, а «никнеймами». Первый участник представился как 先生 (сэнсэи, «учитель»). Ему двадцать пять лет, он бросил профессию школьного учителя и переехал из сельской местности в Токио, чтобы «быть ближе к АКВ48». На момент съёмки являлся безработным. Утверждал, что «любит Такахаси Минами (его любимый айдол) сильнее семьи и друзей и не хочет жить без неё». Второму участнику под именем メロン (мэрон, «дыня») тридцать три года. Он посещает театр группы двадцать-тридцать раз в месяц, суммарно побывал на более восьмистах выступлениях. Также безработный. В ходе интервью выяснилось, что мужчина был уволен по причине того, что вместо работы ходил на концерты АКВ48. Третий фанат – メトロポリス@ (мэтуropolis, «метрополис»), офисный работник тридцати пяти лет. Участники моментально отвечают на самые сложные вопросы – им достаточно доли секунды для того, опознать участницу по крошечному фрагменту её фотографии, они помнят названия и даты всех выступлений и знают группу крови каждой из девушек. Энциклопедические знания говорят о всепоглощающей заинтересованности в деятельности и участницах группы. Учитывая слова фанатов о том, что их любимый айдол важнее семьи и друзей, создается впечатление, что АКВ48 – самое главное, что есть в их жизни. Здесь и кроется самая главная причина головокружительного успеха группы. В Японии общество начинает давить на человека с самых ранних лет – дети должны хорошо учиться, чтобы сдать вступительные экзамены в престиж-

ную школу, старшеклассники посещают дополнительные занятия, чтобы поступить в известный университет и попасть в крупную компанию, а офисные работники обязаны бросать все силы на благо корпорации и оставаться сверхурочно столько, сколько будет необходимо. В результате японцы с самого детства лишаются свободного времени и личной жизни, чтобы угодить строгому педантичному обществу. Юность и молодость миллионов людей уходит на постоянный труд, что не оставляет им возможности создать счастливые воспоминания. Замечание Е.В.Чертушкиной ёмко описывает сложившуюся ситуацию: «... с конца 70-х – начала 80-х годов общество стало богатым материально, что предполагает наличие множественного выбора. Однако, с другой стороны, в нем правит узкое оценочное суждение, люди поставлены в условия несвободы: они вправе или выиграть, или проиграть; иных вариантов нет. Второй случай означает отсутствие дальнейшего пути»⁸. В условиях повышенного социального давления образ юных и беззаботных школьников выглядит наиболее выигрышно. Исполняя песни о летних каникулах, дружбе, первой любви АКВ48 продают мечту, в которой нуждается каждый уставший школьник, каждый работник офиса, который снова остался на ночь в компании. Увлечение группой представляет собой особую форму эскапизма, открывает утопичный мир, в котором каждый может спрятаться от реальных проблем. Включив песни с беззаботным мотивом, любой японец имеет возможность прикоснуться к жизни, которой у него никогда не было и уже не будет. В связи с этим нельзя не заметить, что огромный успех группы

---

⁸ Чертушкина Е.В. Образование в современной Японии: необходимость проведения реформ // Сибирский педагогический журнал. 2007. №5. С.198.

является неким индикатором современных социальных проблем Японии. Можно заключить, что революционная концепция АКВ48 ориентирована исключительно на японский рынок и соответствует специфическим, обусловленным общественным своеобразием требований японского потребителя.

Суммируя вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, по причине того, что коллективизм является ключевым элементом национального характера, для японского слушателя музыкальные группы выглядят привлекательнее сольных исполнителей. Во-вторых, увлечение АКВ48 представляет собой форму эскапизма, предоставляет слушателю возможность спрятаться в иллюзорном мире от проблем окружающей действительности. В-третьих, в связи с тем, что популярность группы обусловлена социокультурными особенностями, она обличает актуальные проблемы, царящие в японском обществе.

Список использованных источников и литературы

1. АКBingo! ep.29. / Nippon Television, 2009.
2. Preferred audio content by genre in Japan as of March 2024
URL: <https://www.statista.com/forecasts/1410297/preferred-audio-content-by-genre-in-japan#:~:text=%22Pop%20%2F%20adult%20contemporary%20music%22,Preferrred%20audio%20content%20by%20genre%22>. (дата обращения: 24.04.2024).
3. Чертушкина Е.В. Образование в современной Японии: необходимость проведения реформ // Сибирский педагогический журнал. 2007. №5. С. 198-204.
4. How East and West think in profoundly different ways URL: <https://www.bbc.com/future/article/20170118-how-east-and-west-think-in-profoundly-different-ways><https://www.bbc.com/future/article/20170118-how-east-and-west-think-in-profoundly-different-ways>

- com/future/article/20170118-how-east-and-west-think-in-profoundly-different-ways (дата обращения: 13.06.2024).
5. Patrick W. Galbraith 'National Idols:' The Case of AKB48 in Japan // The Routledge Handbook of Japanese Media, London, P.136-153.
  6. AKB48、女性アーティスト歴代 1 位の 49 作連続シングル 1 位【オリコンランキング】 [AKB48 занимает первое место в истории женских исполнителей с 49 последовательными синглами №1. рейтинга Oricon.]. URL: <https://www.the-miyanichi.co.jp/special/oricon/index.php?oriconid=music/202310032297137> (дата обращения: 12.06.2024).
  7. 【オリコン“平成セールス”ランキング】シングルは SMAP、アルバムは宇多田ヒカルが 1 位 “平成 No.1”アーティスト別セールスの B'z からはコメント到着 [Oricon «Рейтинг продаж в эпоху Хэйсэй»: SMAP №1 по синглам, Утада Хикару №1 по альбомам и B'z №1 по продажам среди исполнителей. Комментарии от B'z]. URL: <https://www.oricon.co.jp/confidence/special/52827/> (дата обращения: 16.01.2024).
  8. 国民的アイドルグループが宇宙へ！話題のガールズコミックを AKB48 でドラマ化 [Национальная айдол-группа отправляется в космос! Драматическая адаптация популярного комикса о девушках AKB48]. URL: <https://www.tv-tokyo.co.jp/plus/drama/entry/202403/14805.html> (дата обращения: 12.06.2024).

ГЛАВА 6. КАРТЫ, КАРТОЧКИ И КНИГИ: ЯПОНИЯ В ПЕЧАТИ

Хикифуда в истории Японии

(Мозгунова А.Д.)

Такой вид рекламы как хикифуда появился в эпоху Эдо (1603-1868). Некоторые исследователи отмечают, что этот рекламоноситель сыграл важную роль в истории торговли и развитии рекламной культуры в Японии¹. До появления рекламы в газете именно хикифуда наиболее полно отражали жизнь и быт общества и массового покупателя, переплетаясь с историческим и культурным фоном. Таким образом, они могут стать источником сведений исторического характера о жизни и культуре страны, включая также особенности системы письменности того времени².

Хикифуда обозначает рекламные листовки, которые раздавали покупателям; в настоящее время этот рекламоноситель знаком японскому потребителю как *тираси*. Благодаря развитию ксилографии и печати, которое пришлось на эпоху Эдо, этот вид рекламы получил широкое распространение.

---

¹ 樋口知志、佐藤友理 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.41.

² Сергеева А.И. Изучение истории японской письменности как средства формирования правильного почерка у студентов, изучающих японский язык // Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 г. М.: ООО "Языки Народов Мира", 2024. С.115-120.

Существует две версии происхождения слова: 客を引く札 *кяку-о хику фуда* «листовки, привлекающие покупателя» и 配る札 *кубару фуда* «раздаваемые листовки», поскольку раньше глагол 配る *кубару* «раздавать» записывался 引く *хику*. Слово и сама концепция *хикифуда* были популярны до эпохи Тайсё (1912-1926), когда на смену ему пришло кансайское слово *тирасу* (散紙).

По мнению исследователей, *хикифуда* изначально обозначали листовки, имевшие целью привлечь покупателя, но в эпоху Мэйдзи (1868-1912) они получили более широкое толкование и стали указывать на печатную рекламу в целом. Так, в газете Йокогама майнити симбун от 1871 г. есть колонка рекламы под заголовком «*хикифуда*», а также колонка 引札値段附 *хикифуда нэдан-фу* с описанием стоимости рекламных сообщений³.

В эпоху Эдо и начале эпохи Мэйдзи *хикифуда*, как правило, состояли из текста и небольшого изображения – реклама была в большей степени читаемой. На некоторых *хикифуда* с оборотной стороны могла присутствовать карта окрестностей с указанием храмов и др.⁴ Также в период Мэйдзи появились и стали распространены новогодние *хикифуда* – в отличие от обычной рекламы, они содержали красочные изображения с благопожелательными символами, фигурами божеств различных религиозных традиций⁵ и исторических персонажей, изображениями витрин магазинов, пейзажей и красивых девушек в стиле *бидзин-га*. Часто

³ 春原昭彦. 新聞広告事始め // ADMT COLLECTION. 2009. Vol.9. P.12.

⁴ 倉地 伸枝. 館蔵の正月用引札にみる郵便集配員 // 郵政博物館研究紀要. 2019. №11. P.177.

⁵ О них см. подробнее Федянина В.А. Божества ками в средневековом японском буддизме (по сочинениям Дзиэна) // Вопросы философии. 2022. №5. С.148-156.

их сопровождали полезными в быту советами, такими как, например, расценки, правила пользования почтой или телеграфом. Новогодние хикифуда с изображениями получили широкое распространение с развитием ксилографии и позднее литографии и были недорогими, поскольку печатались по шаблону⁶. Их массовое использование продолжалось до прихода отрывных календарей и окончательно они ушли со сцены к эпохе Тайсё.

Эбира (один из подвидов хикифуда) представляли собой красивые иллюстрации с текстом некоторые нередко дополнялись календарями, что повышало их функциональность. В 1873 г. Япония перешла на солнечный григорианский календарь. Однако, среди сельского населения переход не мог произойти быстро, и крестьяне продолжали использовать традиционный лунно-солнечный. В ходу были эбира, совмещавшие два календаря: солнечный и «китайский» (大清曆 дайсинрэки или 中華曆 тьюкарэки), получившие такое название, поскольку в Китае переход на григорианский календарь осуществился только в 1949 г.⁷

Первым примером хикифуда являются рекламные листовки, которые в г. Эдо раздавал основатель мануфактурного магазина Этигоя 越後屋 в 1683 г. В них говорилось об установлении единой стоимости товара при оплате наличными 現金安売掛値 гэнкин ясуури какэнэ-наси⁸. Это решение было благосклонно воспринято покупателями,

⁶倉地 伸枝. 館蔵の正月用引札にみる郵便集配員 // 郵政博物館研究紀要. 2019. №11. P.177.

⁷Information warehouse of history: сайт. – URL: <https://www.bunka.pref.mie.lg.jp/rekishu/kenshi/asp/shijyo/detail.asp?record=566> (дата обращения 01.06.2024).

⁸樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. No.86. P.63.

поскольку сильно упрощало и ускоряло процесс покупки товаров; позднее данную систему переняли и другие магазины.

Появление хикифуда во второй половине XVII в. сопровождало развитие торговли, рост экономики, чему способствовала стабилизация политической обстановки внутри страны. Кроме того, «в XVII в. Япония жила в условиях изоляции от внешнего мира и не вела активной внешней торговли. Поэтому всю свою энергию и изобретательность японское купечество направило на развитие внутренней торговли...»⁹: активное развитие рекламы и экономики шли рука об руку.

Появление хикифуда позволило перейти к новому виду рекламы – массовой – тогда как ранее для мануфактурных магазинов она являлась скорее таргетированной (товар относили домой покупателю, далее происходило обсуждения цены и заключалась сделка)¹⁰. С одной стороны, реклама делала товар более доступным для массового покупателя, с другой стороны, покупательская способность населения выросла достаточно для того, чтобы это предложение оказалось для него актуальным: «в социальной сфере этот период ознаменовался подъемом торговой буржуазии, или среднего сословия, что сопровождалось процветанием и соответственно ростом роскоши, искусства, литературы, театра...»¹¹. «Основным экономическим фактором этого периода являлся подъем торгового сосло-

---

⁹ Лещенко Н.Ф. Из самураев в купцы: история торгового дома Коноикэ // История и современность. 2009. №1. С.48.

¹⁰ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. Р. 42.

¹¹ Кирквуд К.П. Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М.: Наука, 1988. С.123.

вия...»¹², а также рост городского сословия и развитие городской культуры. Ориентация на массового потребителя привела к развитию свободной конкуренции среди производителей.

На этот период приходятся подвижки в феодальной системе Японии – социальные границы становятся более проницаемыми, и торговля отразила эту тенденцию: так, и покупателями, и продавцами могут быть люди разных сословий при наличии у них средств: «... уже в XVII в. японские купцы начинают преодолевать свою статусную ущемленность»¹³.

Японские исследователи подразделяют *хикифуда* на несколько типов в зависимости от тематики¹⁴: 1) сообщающие об открытии магазина; 2) повествующие о свойствах или происхождении товара (часто такой тип использовался для рекламы лекарств или сладостей); 3) созданные на манер каталога – в них перечислялись товары и цены.

Еще одна классификация включает тип текста и его автора¹⁵: 1) сугубо утилитарные тексты, составленные самим продавцом: прямые, весомые, без витиеватых фраз и описаний; 2) тексты-каталоги, содержащие информацию о товарах и ценах, также составлялись продавцом или владельцем магазина; 3) тексты-рассказы, составленные писателями жанра *гэсаку* (беллетристика) – такие тексты ставили целью привлечь внимание интересным сюжетом или описанием, красотой слога.

---

¹² Там же.

¹³ Сорокина Т.Б., Шашков В.А. Кодекс жизни японского купца начала XVII века // Манускрипт, Vol.12, №8, 2019. С.70.

¹⁴ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.43.

¹⁵ Там же.

Сравнивая использование хикифуда в городах Эдо и Осака ученые приходят к выводу, что в Осаке преобладала иная форма рекламы – зазывалы, которые ходили по городу и представляли товар. Они также могли использовать листовки, однако скорее как вспомогательное средство¹⁶. Такие листовки были скромнее и проще эдосских и не предполагали длительного использования, как например хикифуда, с занимательными текстами, эбира, или новогодние хикифуда, с поздравительными изображениями – эти листовки, как правило, хранили или вешали дома.

Кроме того, существовали хикифуда *наирэ* 名入れ с изображением и пустым полем, куда можно было вписать рекламный текст или название фирмы. Такие хикифуда отпечатывались с единого образца тиражом, сравнительно недорогими, их можно было выбрать из каталога и изготавливать большими партиями – они пользовались популярностью у небольших магазинов и одно и то же изображение могло сопровождать разные рекламные предложения.

Если в эпоху Эдо реклама была прямолинейной и серьезной (некоторые тексты составляли порядка 160 знаков), а хикифуда в основном рассказывали об ассортименте, происхождении и функциях товара, то с увеличением количества предприятий, предоставляющих похожие товары и услуги появился спрос на уникальность и убедительность рекламного текста: такие тексты составляли писатели-гэсакуся¹⁷. Их тексты пестрели каламбурами, шутками,

---

¹⁶ 樋口知志、佐藤友理 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.46.

¹⁷ 明治期の広告活動 // Ad studies. Vol.9. 2024. P.5.

носили занимательный характер и веселили аудиторию, превратившись в элемент развлечения.

Так, Сантō Кёдэн 山東京傳 создавал хикифуда для новых товаров, также умело использовал в текстах названия продукции. Он же для своей табачной лавки создал хикифуда, в которые заворачивал товар¹⁸. Интересный пример – написанная ребусами Надзоэри хикифуда 謎絵入り引札¹⁹.

Рис.1. Хикифуда писателя Сантō Кёдэн

Торговцы активно обращались к писателям жанра гэсаку по ряду причин: интересный, качественно составленный текст писали известные авторы; многие писатели также самостоятельно иллюстрировали свои работы, некоторые водили знакомство с художниками и издателями, что позволяло превратить создание хикифуда в своего рода единый производственный цикл. Тот факт, что составителями рекламных текстов являлись известные люди,

¹⁸ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P. 49.

¹⁹ livedoor News: сайт. – URL: <https://news.livedoor.com/article/detail/13888306/> (дата обращения 07.05.2024).

повышал уровень доверия покупателей к рекламе и товару, а также продавцу²⁰.

Широкое распространение хикифуда говорит еще об одной особенности японского общества. «...Япония накануне “открытия” страны имела относительно грамотное население. Несмотря на разброс статистических данных, можно констатировать, что к середине XIX в. в Японии была достаточно развитая сеть школ, которые создавались и центральной властью, и региональными правительствами»²¹, «в середине XIX в. около 40% мужчин и 15% женщин были грамотными. Грамотность самураев была стопроцентной»²².

В начале эпохи Мэйдзи созданием хикифуда продолжали заниматься писатели жанра *гэсаку*, например Канагаки Робун 仮名垣魯文. Однако, к середине эпохи Мэйдзи само явление *гэсаку* постепенно сошло на нет. Так, в противоположность Канагаки Робун другой создатель рекламы в газетах и хикифуда – Кисида Гинко 岸田吟香 – составлял простые, понятные, лаконичные тексты. Данная тенденция распространилась на рекламные тексты второй половины эпохи Мэйдзи²³. Не только в содержании

---

²⁰ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.49.

²¹ Емельянова О.Н., Платонов Д.Н. Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870-1880-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. №3. С.442

²² Иващенко А.С. Основные черты социально-экономических и политических структур Японии в период сёгуната Токугава (1603-1867 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №2 (199). С.44.

²³ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.51.

текстов хикифуда середины эпохи, но и в их форме отразился переход к культуре к Новейшего времени.

С 1888 г. получает популярность печать с набора, которая вытеснила ксилографию благодаря простоте и дешевизне процесса. Кроме того, такой вид печати позволял ускорить процесс, что стало решающим фактором в период японо-китайской войны²⁴. Общий спрос на информацию и повышение скорости ее получения сказался и на рекламе, сделав ее более емкой и информативной – изменение в способе типографии дало возможность создавать объемные тексты. Кроме того, появление новых товаров, развитие импорта повышали необходимость давать подробные описания и сосредоточиться именно на информативности сообщений: особенно ярко эта тенденция отразилась в фармацевтике и рекламе заграничных товаров.

С другой стороны, развитие печати и модернизация в этой сфере также позволили обогатить и разнообразить визуальный ряд хикифуда. В период Бакумацу (1853-1869) и ранее, реклама, создаваемая писателями, была «читаемой», однако наборные шрифты эпохи Мэйдзи не создавали большого разнообразия графики, поэтому хикифуда активно дополнялись изображениями. Далеко не всегда изображения, однако, были связаны тематически с товаром или производством – часто они отражали явления жизни современного общества. Например, на хикифуда периода русско-японской войны можно видеть изображения японского военного корабля с военным и государственным флагами, поезда и текст: «Производство свечей и коньяку. Табак, чай, сахар, скобянные изделия и лекарств, Эттю, Фукуноура-мати, Сандзиро, 1900)» (蒟蒻蠟燭製造所 / 并に煙草茶砂糖乾物 /

²⁴ Там же. Р.53.

紙金物荒物売薬品々 / 越中福野浦町 / 石原三次郎 1900 年)²⁵. Хикифуда «Рыбная кулинария в рыбном магазине Симми Конъямати, Исикура Гонъямон» (魚商并に料理仕出し / 新湊紺屋町/石倉権右衛門) изображает кавалериста, сбивающего саблей двух русских солдат с гюйсом кораблей пограничных войск²⁶.

Что же касается текста, общая тенденция к лаконичности проявилась и здесь: в целях повышения эффективности рекламных листовок внимание более концентрированно направлялось на товар – сообщения носили более информативный характер²⁷. В работе 商人に告るの文 Фукудзава Юкити 福澤諭吉 писал, что «многие воспринимают написание рекламного текста как сложное дело, и верят, что составление текста рекламных хикифуда необходимо поручить знаменитому писателю. Но это ошибка. Не существует в мире торговца, неспособного написать письмо... Если смысл сообщения понятен, странное употребление грамматики и прочие ошибки продемонстрируют прямой и смелый характер человека и привлекут внимание покупателей...» (перевод наш – А.Д.)²⁸.

С появлением технических новинок на новогодних и рекламных хикифуда стали изображать и «блага цивилизации»: почту, телефон, телеграф и т.д. Таким образом, население не только знакомилось с новыми возможностями, данные элементы современной жизни играли роль сродни

---

²⁵ Cultural Heritage Online: сайт. URL: <https://bunka.nii.ac.jp/heritages/detail/411705> (дата обращения 20.05.2024).

²⁶ Cultural Heritage Online: сайт. URL: <https://bunka.nii.ac.jp/heritages/detail/378137> (дата обращения 20.05.2024).

²⁷ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.53.

²⁸ Цит. по 明治期の広告活動 // Ad studies. Vol.9. 2024. P.5.

традиционным благожелательным символам, и зачастую их изображали вместе, например одного из 7 богов счастья Дайкоку, разговаривающего по телефону или доставляющего почту²⁹. Такой «маркетинговый ход» позволял плавно ввести новинки в сознание японского потребителя и наделять их положительной коннотацией.

Хикифуда отображали значимые события в истории страны и общества. Так, хикифуда фармакологической компании Хонкэ, выпускавшей лекарства для ЖКТ, капли для глаз, изображает воздушный шар с флагами Англии и Японии, а в корзине японского ребенка, женщину и европейского вида мужчину в шляпе и очках. Вероятно, она была выпущена после заключения Англо-японского союза в 1902 г.³⁰ Листовки совмещали в себе функцию информирования и демонстрацию нового образа жизни. Одни хикифуда показывали привычную рутину предприятий и магазинов, другие – рассказывали о новых услугах и профессиях, видах спорта (так изображения прачечной, гребли и бейсбола появляются на листовках в 1900-х гг.). Примерами выполнения просветительской задачи может быть хикифуда, изображающая владельца магазина, летящего на газете – символе просвещения и новом рекламоносителе: «... Публикуйте в газетах рекламу по всему миру» (... 新聞にのせて世界中広告)³¹.

²⁹ 倉地 伸枝. 館蔵の正月用引札にみる郵便集配員 // 郵政博物館研究紀要. 2019. №11. P.182-183.

³⁰ 引札—絵びら // Ad studies. Vol.5. 2003. P.19.

³¹ うみもりブログ: сайт. URL: <https://www.umam.jp/blog/?p=11048> (дата обращения 06.06.2024).

Рис.2. Хикифуда «Торговец, летящий на газете»

В эпоху Мэйдзи молоко становится популярным среди японского населения и благодаря рекламе воспринимается как питательный продукт для детей. Хикифуда 1908 г. знакомят потребителя с новым товаром и вариантом использования: на листовках изображен младенец с бутылочкой, пьющий молоко, на фоне можно видеть ферму и цветы сливы.

На хикифуда препаратов для женского здоровья Тюдзёто изображена женщина в платье, распущенные волосы украшены хана-кадзаси; на фоне 4 ребенка везут многотонный паровоз. Изображение сопровождается фраза «Здоровый ребенок рождается у здоровой женщины. Здоровая женщина рождается от приема Тюдзёто» (強壯の愛児は健康なる婦人より生る 健康なる婦人は中将湯の服用より来る) – отсылка к постулату о том, что женщина должна быть

«хорошей женой и мудрой матерью»³². Таков один из образов женщины в рекламе до 1908 г. – мать, способная родить и воспитать сильных, здоровых детей. Эта парадигма сохранялась в обществе с 1890-х гг. до конца второй мировой войны. Таким образом, в рекламе также закреплялись общественные нормы.

В начале 1880-х гг. реклама в газете получила бурное развитие и составила конкуренцию хикифуда. Последние не выдержали конкуренции в том формате, в котором просуществовали на протяжении 50 лет: они были дороже в производстве и распространении, а с ростом читающей газеты аудитории, стали также менее эффективны, т.к. их приходилось распространять «адресно», тогда как газеты по охвату были гораздо шире. Хикифуда распространяли несколькими способами: разносили по домам, раздавали на улице прохожим и в процессе торговли вразнос, прикладывали к товару, развешивали на витринах. В эпоху Мэйдзи также появилась почтовая рассылка, а в эпоху Тайсё – вкладыши в газеты³³.

---

³² 熊倉一紗. 正月用引札の広告機能: 女性主題の変遷を手がかりに // デザイン理論. 2012. №59. P.20.

³³ 樋口知志、佐藤友理. 引札に見る近世・近代の社会と文化 // Artes Liberales. 2010. №86. P.54.

Дзинкōки – популярное учебное пособие 1627 г. по арифметике, соробан и прикладной математике периода Эдо. Его автор, содержание, переиздания и влияние на историю развития васан¹ в Японии
(Филлипов Е.А.)

Дзинкōки 塵劫記 или Записки о бесконечно малых и бесконечно больших величинах² впервые издана в 1627 г. и стала популярнейшей работой по математике периода Эдо, и первой – с цветными рисунками³. Её многочисленные

¹ Васан – японская математика в период Эдо (1603-1868).

² О происхождении названия и переводах подробнее в конце работы. Перевод приводится по: Воробьёв М.В., Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: 1976. С.109.

³ Нужно уточнить, что «первой печатной работой с цветными рисунками» стало одно из нескольких изданий Дзинкōки того времени. [Миками Ёсио, Сакаи Тикара. Бункаси дзё ёри митару Нихон но сугаку (Японская математика с точки зрения истории культуры). Токио: Иванами сётэн, 1999 = 三上義夫. 佐々木力編. 文化史上より見たる日本の数学. 東京: 岩波書店、1999. С.50]. Возможно, не работа 1627 г., но одно из самых первых переизданий. Акира Хираяма пишет об этом подробнее: «с 1627 по 1631 было опубликовано и сохранилось 3 или 4 версии Дзинкōки. Первая, где указан 1631 г. и экземпляр, находящийся в университете Тохоку не печатные, а рукописные. А экземпляр, хранящийся в Национальном музее, с цветной печатью до конца ещё не изучен и не атрибутирован. В нём изображение к задаче мамакодзан 継子立 и символы напечатаны чёрным, ярко-красным и зелёным». Хираяма считает это примером первой цветной печати в Японии, но установить точную дату сейчас невозможно. «В Дзинкōки, изданной в 1634 г. бусины соробана напечатаны цветными чернилами, а в предисловии Ёсида указывает, что это сделано это намеренно, чтобы отличить его издание от подделок». Похожая ситуация и с печатным шрифтом: «в одни те же года одновременно появляются и существуют как рукописные версии, так и печатные, набранные деревянным шрифтом. А позже и медным. Например, издание 1639 г.». [Хираяма Акира. Васан но рэкиси. Соно хонсицу то хаттэн [История васан. Его суть и развитие]. Токио: Тикума сёбо, 2007 = 平山諦. 和算の歴史. その本質と発展. 東京: 筑摩書房、2007. С.206].

переиздания и работы со схожим названием позволяют назвать её бестселлером – первой в Японии книгой, проданной миллионным тиражом⁴. Очень долго, вплоть до конца XIX в., *Дзинкōки* оставались популярными учебным пособием по арифметике, счёту на *соробан*⁵, задачник по занимательной математике, а название стало нарицательным. Работа в значительной степени повлияла на распространение *васан* в целом и заинтересованность математикой в среде молодых людей из разных слоёв общества. Она отличалась наглядностью, последовательностью изложения и акцентом именно на практическом применении математики. Также именно в этом сочинении появляется традиция открытых вопросов или «задач для наследников»⁶, которые поощряли любопытство и соперничество среди учёных, увлечённых математикой.

В статье автор рассматривает факторы, повлиявшие на успех издания, предпринимает попытку подробнее осве-

⁴ Komatsu Hikosaburo. Algebra, Elimination and the Complete Book of Mathematics // Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun / Springer proceedings in mathematics & statistics Vol.39. Tokyo: Springer, 2013. P.249.

⁵ В эпоху Муромати (1333-1573) купцы из Китая привозят в Японию счёты, получившие название соробан 算盤. Точную дату установить невозможно, однако историки склоняются к мнению, что сами японские учёные стали использовать их в XV–XVI вв. Старейшие известные японские счёты соробан, принадлежавшие даймё Маэда Тосииэ 前田利家, сейчас находятся в замке Нагоя. Они и сейчас в некоторой степени известны и используются математиками-любителями не только в Японии, но и в мире. [Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun / Springer proceedings in mathematics & statistics Vol.39. Tokyo: Springer, 2013. P.173].

⁶ Идай кэйсё 遺題繼承 – задача для наследника, вопросы для потомков. Впервые появляются в переиздании 1641 г.

тить влияние работы на развитие *васан*, изучить биографию автора – Ёсида Мицуюэси 吉田光由 (1598-1672), а также оценить влияние на него и саму работу китайской и европейской математики.

Дзинкōки

Пособие было востребовано весь период Эдо, использовалось на занятиях по математике в храмовых школах *тэракоя* 寺子屋, и даже стало одним из основных учебников в период Мэйдзи (1968-1912)⁷. Дзинкōки настолько хорошо продавались, что практически сразу стали появляться как переиздания, так и подделки. А также самостоятельные работы – копии Дзинкōки – «塵劫記〇〇», «〇〇塵劫記»⁸. По различным оценкам таких копий было издано от 300⁹

---

⁷ Дзинкōки публиковались на протяжении 250 лет [Хираяма Акира. Указ. соч. С.29].

⁸ Кроме «подделок», выдающих себя за оригинальное сочинение Ёсида Мицуюэси, издавались и самостоятельные сочинения, но намеренно использующие известное название. Сначала было достаточно Симпэн Дзинкōки 新編塵劫記 или Дзōхо Дзинкōки 増補塵劫記. Под словами о миллионе проданных книг имеются в виду все издания с таким названием. Позже, чтобы продавать, приходилось использовать новые названия. Всего известно около 400 различных изданий, где использовались: 新編、新版、増補、広益、増益、懐宝、万福、永代、万海、富貴、袖玉、万徳、満宝、大海、改算、万歳、拾玉、売徳、袖珍、大福、金玉、開運、大万、早道、早割、出世、万宝、立新、七福、永徳、世宝、早引、近道、宝珠、金徳、正術、銀徳、随一 и другие [Там же. С.28-30].

⁹ Morimoto Mitsuo. The Suanxue Qimeng and Its Influence on Japanese Mathematics // Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Nikosaburo, Liu Dun. Springer proceedings in mathematics & statistics v. 39. Tokyo: Springer, 2013. P.120; Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Сэй нару сугаку. Сангаку. Сэкай га тьюмоку суру Эдо бунка тоситэ васан [Священная математика: Сангаку. Васан, как замеченный в мире культурный феномен эпохи Эдо]. Токио: Миорикита сюппан, 2010 = 深川英俊、トニー ロスマン。聖なる数学：算額。世界が注目する江戸文化としての和算。

до более чем 400¹⁰. Со временем «дзинкōки» приобрело значение занимательной книги по практической математике.

Популярность сочинения вышла далеко за пределы васан, став частью культуры и к концу периода Эдо была знакома даже детям. В качестве примера Наруми Фū приводит юмористическую работу *На своих двоих по Токайдо*¹¹, где один из героев *Китахати* встречает продающего сладости мальчика и постоянно обманывает, используя его неспособность умножать: «Сладостей на 2 мон будет 5 штук, значит за 25 получается – 3 мон, так? Я положу деньги сюда» ... «Если 1 [моти] стоит 5 мон, а мы вдвоём съели 6, то 5 на 6 получается 15 мон...»¹². В конце концов, мальчик обращается к таблице умножения из *Дзинкōки* и его больше не обмануть.

Самое первое издание 1627 г. состояло из трёх томов и 26 глав¹³. Глядя на структуру работы, кажется невозмож-

東京：森北出版、2010。С.18; Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.173.

¹⁰ Хираяма Акира. Указ. соч. С.29; Наруми Фū. Эдо но тэнсай сūгакуся. Сэкай о одорокасэта васанка тати [Гениальные математики периода Эдо. Учёные Васан, удивившие мир]. Токио: Синтёся, 2012 = 鳴海風。江戸の天才数学者。世界を驚かせた和算家たち。東京：新潮社、2012。С.15.

¹¹ Тōкайдō тō Хидзакуруигэ 東海道中膝栗毛 – японский плутовской иллюстрированный роман, написанный Дзиппэнся Икку 十返舎一九 в 1802-1809 г. Состоит из 18 книг.

¹² Наруми Фū. Указ. соч. С.14-15.

¹³ Подробнее о разделах и изменениях при переизданиях см. “Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку [Первое издание «Дзинкōки». Факсимиле, современная литература и переводы на современный язык] / Пер. и ред. Сатō Кэнъити. Токио: Кэнсэйся, 2012 = 「塵劫記」初版本。影印、現代文学、そして現代語訳 / 佐藤 健一・訳・校注。東京：研成社、2012。С.11; Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.176-181.

ным продвигаться вперёд, если не осваивать разделы по порядку с самого начала, как и в современных учебных пособиях. Первый том начинается с систем счисления и единиц измерения (длина, площадь, объём, вес), продолжается таблицей умножения кикю 九九, таблицей деления хассан 八算 для однозначных чисел и кэнъити 見一 для двухзначных, способами расчёта обменного курса для различных монет¹⁴, суммами числовых рядов на примере *тавара сугидзан*¹⁵, расчётом процентов, пропорций, измерительных методов для межевания участков, расчётов урожая и налогов¹⁶.

Во втором – полученное знание закрепляется рядом практических задач с приведёнными способами их решения. Торговцы сталкиваются с задачами покупки и продажи риса и тканей – *тавара сугидзан*, денежного обмена и

Например, издание 1643 года состояло уже из 56 глав [Horiuchi Annick. The Jinkōki Phenomenon: The Story of a Longstanding Calculation Manual in Tokugawa Japan // Listen, Copy, Read: Popular Learning in Early Modern Japan. ed. by Annick Horiuchi, Matthias Hayek. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 256–258].

¹⁴ Необходимость расчёта обменного курса для различных монет была особенно актуальной темой не только для торговцев и ростовщиков, но для любого, кому приходилось иметь дело с деньгами. В XVII в. в Японии «одновременно и достаточно независимо находились в обращении сразу «три вида монет»... Одной из больших проблем этой системы была нечёткая связанность курсов обмена этих трёх видов денег, усугубленная ещё и общей нестабильностью этого курса [Филиппов А.В. Истоки японской финансовой системы, некоторые особенности функционирования и развития // Материалы научной конференции, посвящённой 140-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете. Ноябрь 2010 г. СПб., 2010. С.310-328].

¹⁵ Тавара – это мешок для риса, а их укладка рядами друг на друга в форме пирамиды называется сугинари. Тавара сугидзан 俵杉算 – метод подсчёта, позволяющий найти количество сложенных тюков.

¹⁶ Horiuchi Annick. The Jinkōki Phenomenon: The Story of a Longstanding Calculation Manual in Tokugawa Japan. P.259.

начисления процентов. Строителям и ремесленникам нужно рассчитать количество необходимого материала. Инженеры решают задачи гражданского строительства, связанные с расчётом площади и объёма фигур, задачи геодезии, разработки новых судоходных маршрутов¹⁷. Тем, кто изучает высшую математику, подойдёт метод поиска квадратных (кубических) корней *Кайрюхō*¹⁸.

В третьем томе рассматриваются задачи¹⁹ из занимательной математики, такие как Мышиная задача²⁰, Расчёт деления масла²¹, Задача *Мамакодатэ*²², Задача с

¹⁷ Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.46.

¹⁸ Кайрюхō 開立法 метод поиска квадратных корней [Наруми Фү. Указ. соч. С.19].

¹⁹ В переизданиях сам Ёсида Мицүёси менял содержание этого раздела, исключал одни задачи и заменял их новыми. В перечислении автор опирается на издание *Дзинкōки* 1643 г.

²⁰ Нэдзуми сан *ねずみ算 / 鼠算* – Мышиный расчёт – насколько увеличивается популяция мышей за определенный период времени. Задача: В Новый год появляется пара мышей и рождает 12 детей. Затем, включая родителей, остается 14 мышей. В феврале каждая мышь рождает по 12 детей. Решение задачи – это пример геометрической прогрессии: если родители, дети, внуки и правнуки рожают по 12 мышат раз в месяц, то общее число детей, родившихся за 12 месяцев, составит 27 682 574 402. Предполагается, что рождается всегда одинаковое количество девочек и мальчиков. [Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.64-65]. Впервые она появилась в издании 1629 г. [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.240].

²¹ Абуравакэдзан / Абура хакари вакэдзан *油分け算 / あぶらはかり分け算* – о равномерном распределении масла с использованием только определенной ёмкости. Задача о разделении 10 литров масла на 7 и 3. [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.243].

²² Мамакодатэ / мамакодзан *継子立 / 継子算* – избавление от потомства от предыдущего брака, задача о пасынках. Задача, в которой несколько людей (разных классов) располагаются поочередно в кольце, задаётся произвольное число n и удаляется n -е число, чтобы определить, кто остался. Результат сортировки и категории можно изменять: по количеству строк, количеству выборов, количеству категорий, количеству

вложенными сосудами²³, Задача с воронами²⁴, Задача о деньгах, что удваиваются каждый день»²⁵. Задачи, представленные в последнем томе, не имели практического применения в повседневной жизни, но были дороги читательской аудитории²⁶. Некоторые имеют аналоги в европейской математике. Например, аналог задачи *Мамакодатэ* – задача Иосифа Флавия, *абуравакэдзан*²⁷ –

игроков, категорий, с которой начинается отсчёт, и направлению (по часовой или против часовой стрелки). Это пример игры-головоломки. По сути, аналогичной является существующая в Европе задача (головоломка) Иосифа Флавия. Появилась в переиздании 1629 г. [Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.182]. [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.239].

²³ Ирэкодзан 入れ子算 – расчёт вложенности или задачи на вложенность объектов. Объектами могли быть скворечники, горшки, любые сосуды. Пример: есть семь вложенных друг в друга горшков, цена которых различается на 250 иен. Если вы купите их все, это будет стоить 9 800 иен. Какова цена самого маленького горшка? Ирэко – это «вложенность» – скворечников, горшков, коробок или сосудов, которые изготавливаются таким образом, чтобы мелкие предметы помещались в большие по порядку. Цена отдельного предмета определяется из разницы в цене между соседними предметами и общей цены. Таким образом, цена объектов определялись шагом арифметической или геометрической прогрессии. [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.238]. Появилась в переиздании 1629 г. [Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.182].

²⁴ Карасудзан からす算 / カラス算 [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.243].

²⁵ Хи ни хи ни итибай но кото 日に日に一倍の事 – Задача о количестве, которое удваивается каждый день [Там же. С.240-241].

²⁶ Horiuchi Annick. The Jinkōki Phenomenon: The Story of a Longstanding Calculation Manual in Tokugawa Japan. P. 259.

²⁷ Фукагава, Росман, Кэнъити считают, что задача связана с европейской задачей о трёх горшках, которой не было в китайской математике. [Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.64; Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.183]. Акира допускает, что задача могла быть заимствована из европейской математики поскольку метода для её решения не было ни в китайской, ни в японской

задача о трёх горшках. Часть *занимательных задач Ёсида Мицүёси* не придумал самостоятельно, одни – *вычитание из 105*²⁸, *о воре шёлка*²⁹ – заимствованы из китайских работ, другие были известны ещё в период *Муромати*³⁰, но его заслуга в том, что он решил их включить в учебное пособие – *Дзинкōки*.

Внимательнее взглянув на работу становится понятно, что, обладая базовыми знаниями, не имеет значения с чего начать читать *Дзинкōки*, можно ознакомиться только с теми частями, что касаются конкретной работы и довольно быстро освоить необходимые практические методы. Например, в издании 1643 г. представлено 270 задач, из которых 36 – для *соробан*, 28 – расчёт рыночных цен, и 35 – расчёты площади (полей)³¹. Она также включает в себя множество простых для понимания иллюстраций, а в перерыв-

---

математике. Однако, нельзя исключать и то, что Ёсида придумал задачу самостоятельно. [Хираяма Акира. Указ. соч. С.27].

²⁸ Например, Хякугогэн *百五減算* – вычитание из 105. Задача впервые опубликована в Китае ещё в V в. и вероятно хорошо известная в Японии задолго до публикации *Дзинкōки*. [Horiuchi Annick. *Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868)* / Translated by Silke Wimmer-Zagier. Basel: Birkhäuser 2010. P.16; Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.63; Tanabe Sumie. *Seki Takakazu's Method on the Remainder Problem* // *Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary*. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun / Springer proceedings in mathematics & statistics Vol.39. Tokyo: Springer, 2013. P.208].

²⁹ Задача о воре шёлка вероятнее всего заимствована из китайской работы *Суанфа тунцзун*. Впервые появилась в издании 1643 г. [“Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку. С.238; Sato Ken'ichi. *The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi* // *Op. cit.* P.183; Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.38].

³⁰ Упоминание и саму задачу *Мамакодатэ* можно найти в японской литературе XIV в. [Horiuchi Annick. *Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868)*. P.11].

³¹ Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.63.

вах можно обращаться к занимательным игровым задачам. По мнению Наруми Фү, «математику, занимающемуся теорией, было бы сложно написать такую книгу»³². Тем не менее, хотя Дзинкōки имеет прикладную направленность, маловероятно, что такую работу возможно написать без глубоких математических знаний.

Ёсида Мицүёси; биография и его учителя

Ёсида Мицүёси принадлежал к влиятельному и состоятельному военному роду Суминокура, восходящему к Уда-Гэндзи. Первоначально его потомки были ростовщиками³³ в Киото и их фамилия была Ёсида 吉田, но в 1603 г. Рёи Суминокура 角倉了以 получил право на торговлю с другими государствами и с этого времени начал использовать фамилию Суминокура, которое одновременно было и торговым именем³⁴. Торгуя с Аннамом и другими странами, создав внушительный капитал в финансовой и торговой отраслях Суминокура (Ёсида) превратились в богатый и влиятельный купеческий род. За несколько поколений его представители стали известны уже не только как богатые купцы, но как учёные, врачи, инженеры, каллиграфы, литераторы. Например, отец Рёи был врачом Асикага, дважды посещал Китай династии Мин, откуда привёз большое количество книг по медицине и математике, которые вместе с собственными наблюдениями передал по наследству Рёи и его

---

³² Наруми Фү. Указ. соч. С.20.

³³ Досō / токура / цутикура 土倉 – разновидность ростовщика, основное занятие – финансовые и товарные операции, преимущественно выдача денежных кредитов и рисовых займов.

³⁴ Сюинсэн 朱印船 название кораблей, участвовавших в международной торговле в Юго-Восточной Азии в 1604-1635 гг. Название происходит от разрешения с красной печатью, выполнявшего роль внутренней и внешней лицензии на торговлю.

сыну Суминокура Соан 角倉素庵³⁵. Вместе Рёи и Соан известны благодаря проектам гражданского строительства. Внедрив некоторые новые заимствованные методы, они успешно завершили проект углубления русла реки Ои (р. Ходзу). После чего бакуфу всё чаще поручало им проекты общественных работ³⁶. Суминокура Рёи называли даймё рек³⁷, а Соан известен как интеллектуал, каллиграф, литератор, издатель³⁸ и мастер церемоний.

Ёсида Мицуюси родился в Сага (Киото) в 1598 г. и был вторым сыном врача Ёсида Сёан 吉田週庵. Родство с семьёй Суминокура заключалось в том, что дедушка Мицуюси приходился Рёи двоюродным братом³⁹. В 1598 г. Суминокура Рёи было 45 лет, а Соан 28. Позже Мицуюси часто наблюдал за большими инженерными проектами Рёи и Соан. Не будучи первым сыном, он был свободен от обязанности продолжать семейное дело и мог избрать профессиональный путь инженера и математика, который ему нравился. Как начинающий инженер известность он приобрёл после завершения строительства канала Сёбуданидзудо 菖蒲谷隧道, который существует до сих пор в Китасага 北嵯峨, Киото. Было

³⁵ Там же. С.16.

³⁶ Например, углубление рек Фудзи и Тэнрю, строительство канала Камо в Киото, речную навигацию в Эдо. Где Рёи и Соан вкладывали личные средства в рытьё нового канала, параллельно реке Камогава, и в 1614 г. была открыта река Такасэ.

³⁷ касэн даймё 河川大名 – даймё рек [Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.175].

³⁸ А также известен благодаря роскошным изданиям Сага – сагабон 嵯峨本 вместе с Хонъами Кёэцу 本阿弥光悦.

³⁹ Год окончания вторжения в Корею Тоётоми Хидэёси, в этот период в Японию было привезено много книг по математике [Наруми Фу. Указ. соч. С.21].

это примерно в 1624, за два года до публикации *Дзинокōки*, когда *Мицүёси* было 27-28 лет.

Крестьянам в районе *Китасага* не хватало воды и от местного храма *Дайкакудзи 大覚寺* поступил запрос о решении этой проблемы. Глава *Соан* был слишком занят другими проектами и вызвался *Мицүёси*. Его проект сильно отличался от методов, которые применяли отец и сын *Рёи* и *Соан*. Вместо того, чтобы просто раскапывать реку и брать из неё воду, *Мицүёси* предложил смелое решение – создать искусственный пруд к северу от горы *Нагао* – вырыть наклонный туннель длиной 200 метров и направить собранную воду на юг. Очевидно, что такой проект требовал очень точных расчётов. Дополнительные сложности возникли с получением одобрения этого плана семьёй *Суминокура*. Дело в том, что огромные расходы на все инженерные работы оплачивал клан *Суминокура*, и только после завершения работ получал право собирать пошлину с земледельцев, в интересах которых и осуществлялся проект. Поэтому многие члены семьи выражали неодобрение, как плану, так и неопытному *Мицүёси*. Только благодаря поддержке и авторитету *Соан* проект был одобрен и доверен молодому инженеру⁴⁰.

Мицүёси блестяще справился и в какой-то степени даже прославился благодаря успеху в создании канала *Сёбуданидзуидō*. Не будучи в числе первых наследников семьи *Суминокура*, он смог стать успешным инженером и жениться на дочери богатого торговца *Хайя Ёхэ*. Эпизод наглядно показывает, что *Ёсида Мицүёси* изначально не был именно математиком и не занимался теорией, как инженера-строителя его интересовало больше прикладное примене-

---

⁴⁰ Наруми Фү. Указ. соч. С.19.

ние вычислений в практических проектах. Возможно, именно нацеленность на прикладное применение математики и сделали *Дзинкōки* столь популярным пособием – бестселлером эпохи Эдо.

Где *Мицүэси* изучал математику? Ещё в VI в. в Японию через Пэкче проникают научные знания из Китая, в том числе математика. В периоды *Асука* (593-710) и *Нара* (710-794) складывается японская государственная и система и появляется необходимость профессиональной подготовки чиновников, появляются образовательные учреждения «школы *Дайгакурэ*». Кроме налоговой и торговой сфер математика применяется для точного расчёта календаря. Для чего заказываются китайские книги, появляются таблицы умножения, в расчётах используются *сангү*⁴¹, но с конца X в. математика в Японии надолго приходит в упадок, что было вызвано ослаблением центральной власти в стране – основного потребителя математических знаний и «спонсора» математических школ.

Вплоть до начала периода Эдо математика в Японии развивалась очень медленно. Фактически *Ёсида Мицүэси* жил во времена, когда подлинное японское *васан* только начало зарождаться и сам сыграл значимую роль в его развитии.

Согласно «генеалогии семьи *Суминокура*»⁴² первым учителем *Мицүэси* был *Мōри Сигээси* 毛利重能⁴³ – виднейший математик в это время, открывший в Киото школу

⁴¹ Там же. С.20; Воробьёв М.В., Соколова Г.А. Указ. соч. С.34-38.

⁴² Суминокура гэнрю ито дзүко 角倉源流系図稿 [Наруми Фу. Указ. соч. С.21].

⁴³ Мōри Сигээси или Мōри Камбэй 毛利重能.

Тэнка ити варисан синан ногаку 天下一割算指南之額⁴⁴, где обучал детей счёту на соробан, а в качестве учебного пособия поначалу использовал китайскую работу Заметки о счёте (Санъёки 算用記)⁴⁵. Есть версии, что счёты соробан появились в Японии уже в XIV в., но автор склоняется, что более реалистичным кажется время «в конце периода Муромати»⁴⁶. Мōри внёс большой вклад в популяризацию использования этого нового вычислительного инструмента в Японии. Многие впервые познакомились с соробан благодаря его школе, в том числе и Ёсида Мицуюэси. Существует теория, что Мōри, став вассалом Тоётони Хидэёси учился в Китае и Чосон⁴⁷. Однако и Наруми Фү⁴⁸ и Кэнъити Сато⁴⁹ считают эту версию сомнительной, указывая, что

---

⁴⁴ Рэфарэнсу кёдо̄ дэта бэсу (Совместная справочная база данных Национальной парламентской библиотеки Японии) レファレンス協同データベース URL: https://crd.ndl.go.jp/reference/entry/index.php?id=1000072732&page=ref_view (дата обращения: 11.06.2024).

⁴⁵ Считается, что это была китайская работа, она выдержала несколько переизданий в Японии и первоначальный автор неизвестен. Школа Мōри была довольно популярна и известна не только в Киото, но на территории современной префектуры Хёго. И сам Мōри и его талант заметен настолько, что некоторые современники стали говорить о том, что он учился математике в Китае династии Мин. Даже после смерти именно его называют «основателем» и «создателем» японской математики васан [Наруми Фү: Указ. соч. С. 20-22; Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.174].

⁴⁶ см. ссылку 5.

⁴⁷ Kim Yong-Woon. A Comparative Study on Traditional Mathematics of Korea and Japan // Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun. Springer proceedings in mathematics & statistics v. 39. Tokyo: Springer, 2013. P.100.

⁴⁸ Наруми Фү. Указ. соч. С.21.

⁴⁹ Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.175.

Записи о делении 割算書⁵⁰, опубликованные в 1622 г. за 5 лет до Дзинкōки основаны на математических знаниях, полученных в период Хэйан (794-1185) и Мōри не использует знания китайских математиков того времени. Варидзансё по объёму составляет менее одной трети от Дзинкōки, а Мицүёси, вероятно, окончил математическую школу и уже в молодом возрасте достиг продвинутого для того времени уровня⁵¹, а далее уже самостоятельно развивался, осваивая китайскую математическую науку через книги. Это подтверждает и генеалогия семьи Суминокура, где отношения Мōри Сигэёси и Ёсида Мицүёси уже описываются как взаимное обучение.

Кроме Мōри его учителями были упомянутые выше Соан и Рёи⁵². Благодаря Соан он мог ознакомиться с работой Единая система математических методов (Суанфа тунцзун, 算法統宗)⁵³ – бестселлером в Китае, который, веро-

---

⁵⁰ Варидзансё 割算書 – Записи о делении – считается старейшей из существующих в Японии книг по математике. Ранее работа считалась утерянной, но в настоящее время, исследователи полагают, что она сохранилась, утрачена была только обложка с заглавием. Кэнъити Сато также объясняет расхождения в названии среди исследователей. Без обложки, при каталогизации использовали первую строчку – в данном случае оглавление, индекс. Варисан Мокуроку но Сидай 割算目録之次第, что можно перевести как «раздел о делении», и работу назвали Варидзансё 割算書, то есть «Записи о делении» [Ibid. P.174]. В работе приводится таблица умножения, объясняются методы деления на счетах, а далее как и в Дзинкōки акцент делается на вычислениях, применимых в повседневной жизни: торговля рисом и тканями, обмен монет и драгоценных металлов, расчёт процентов, площади и объёма фигур, а также задачи, связанные с геодезией и строительством. Но такой же популярной как Дзинкōки работа не стала.

⁵¹ Ibid. P.175.

⁵² Наруми Фү. Указ. соч. С.22.

⁵³ Суанфа тунцзун (Сампō Тōсō, 算法統宗) – Единая система математических методов, составленная китайским математиком Чэн Давэй

ятно, послужил образцом для *Дзинкōки*. Однако, *Ёсида* не копирует китайскую работу и где-то даже отстаёт от источника по широте задач. Например, отсутствуют методы вычисления дробей и уравнений с несколькими неизвестными⁵⁴. Автор сосредоточился на решении уже известных японским математикам задач, используя в решении *Суанфа тунцзун*. Хориути отмечает, что не наблюдается эволюции между *Дзинкōки* и *Варидзансё*, также используются бытовая лексика, а не китайская терминология⁵⁵. Тем не менее, это первое действительно успешное учебное пособие по математике на японском языке. И публикация, и популярность *Дзинкōки* стали таким же мощным стимулом для развития *васан* как и появление в Японии *соробан*⁵⁶.

Можно предположить, что *Суминокура Соан* сыграл значимую роль не только как учитель *Ёсида*. Маловероятно, что в Японии XVII в. инженер *Ёсида* смог бы опубликовать и распространить работу с такой феноменальной скоростью без помощи семьи *Суминокура*, в особенности *Соан*. Помимо профессии гражданского инженера, богатого и успешного купца, *Соан* основал типографию и издательство *Суминокура*,

---

(Тэй Дайи, 程大位, 1533-1606) и опубликованная в 1592 (1593) году. Работа содержит 595 задач, разделённых на 17 глав. По сути, книга является общей арифметикой для счётов *соробан*, учебным пособием [Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.33].

⁵⁴ *Дзинкōки* несколько раз переиздавались, Мицүёси заменял, исключал и вводил новые задачи. В издании 1641 г. используемая терминология приближается к китайской модели из *Суанфа тунцзун*, а вычисления становятся сложнее (появляются системы линейных уравнений, задачи по определению объёмов усечённого конуса (*эндай*), усечённой пирамиды (*хōдай*) [Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868). P.17].

⁵⁵ Ibid. P.13.

⁵⁶ Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.62.

впервые в Японии создал форму деревянного подвижного шрифта ручной работы⁵⁷.

**Идай кэйсё – открытые задачи без ответа;
роль Дзинкоки в развитии васан**

Когда Ёсида закончил работу он отправился в храм Тэнрюдзи и попросил буддийского монаха Сюнгаку Гэнкō 舜岳玄光 назвать книгу и написать к ней предисловие. Впервые Дзинкōки была издана в 1627 г. и очень быстро обрела популярность, почти сразу появляются пиратские копии, а Мицүёси был вынужден с ними бороться. Только в эпоху Канъэй (1624-1645) было издано несколько тысяч подделок⁵⁸. Для защиты от копирования Ёсида стал менять содержание работы и переиздавать работу. Дзинкōки самого Ёсиды Мицүёси издавались в 1627, 1629, 1631, 1634, 1641 гг.⁵⁹

В 1631 г. работа была переиздана в двух цветах, но и эту особенность быстро научились копировать. Ещё не существовало понятия защиты авторских прав. «Мицүёси не просто не любил, когда ему подражали; ему было неприятно терпеть тот факт, что появлялись копии с ошибками в содержании, которую считали работой Мицүёси, а некомпетентные преподаватели математики использовали такие пиратские копии для обучения»⁶⁰. Поэтому в конце нового издания Симпэн Дзинкōки 新編塵劫記 в

⁵⁷ Он также был довольно известным каллиграфом и литератором своего времени [Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868). P.12].

⁵⁸ Хираяма Акира. Указ. соч. С.27-28.

⁵⁹ Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.176.

⁶⁰ Наруми Фү. Указ. соч. С.23.

1641 г.⁶¹ Ёсида добавил 12 задач без ответа. Тем самым показывая, что учителя, неспособные решить его задачу, не должны преподавать, используя его работу.

Его решение имело неожиданный возможно даже для автора эффект, а также оказало влияние на развитие математики в Японии в целом. В эпоху Эдо математики стали записывать решение задачи в книгу, а также составлять собственные вопросы (задачи). Эта традиция называется *Идай кэйсэ* 遺題継承 (вопросы для потомков)⁶² и ввёл её в японскую математику Ёсида Мицуюэси. Традиция *Идай кэйсэ* не просто занимательные задачи, её суть лучше передаёт перевод «вопрос к наследнику». Решив задачу, математик получал «признание Мицуюэси» – признание известного учителя, вместе с которым поднимается его авторитет как профессионала уже у современников. Первым, кто ответил вопросы, оставленные Мицуюэси был Энами Томосуми (Энами Ватэ, 榎並和澄). В 1653 он отвечает на них в работе *Санрёроку* 参両録, пишет, что странно такие простые вопросы называть «сложными» и публикует свои 8 сложных вопросов. Такие задачи *идай* стали очень популярны в период Эдо, а *Дзинкёки*, включая копии-подделки с открытыми вопросами, таким образом, поощряя любопытство и соперничество среди учёных, увлечённых математикой, оказали заметное влияние на развитие *васан*.

---

⁶¹ В этом же издании впервые появляется иллюстрация из китайской работы с таблицей, которая сейчас называется Треугольником Паскаля (арифметическим треугольником).

⁶² Математик из школы А публикует «задачу к наследнику», математик из школы Б, ответив и показав решение получает признание – наследует право составить собственную задачу и издать книгу. Задачи очень быстро усложнились, что помогало развиваться *васан* в целом [Хираяма Акира. Указ. соч. С.31-32].

Миццёси многое заимствовал из *Суанфа тунцзун* и влияние китайской математики бесспорно. Однако, некоторые исследователи предполагают значительное влияние на *васан* и европейской математики через христианских миссионеров⁶³. В 1580-х иезуиты основали колледж⁶⁴ в *Адзуту*, где в том числе преподавалась и математика⁶⁵. Многие биографии математиков тех времён не до конца ясны, что оставляет простор для возникновения версий как о заимствованиях из европейской науки, так и предположения, что *Миццёси* был христианин, и даже название работы *Дзинкёки* связано с христианством. Автор не разделяет этого мнения, но считает необходимым рассмотреть этот вопрос подробнее.

Влияние европейской математики и христианства на Ёсида Миццёси; происхождение и перевод названия *Дзинкёки*

Предполагая знакомство *Миццёси* с христианством в качестве аргументов приводится то, что с 1604 по 1611 *Карло Спинола*⁶⁶ преподавал математику в соборе в Киото и *Мёри Сигэёси* и *Момокава Дзихэ* 百川治兵衛 посещали его. *Мёри* был учителем *Ёсида Миццёси*, а самому *Ёсида* в это время

⁶³ Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868). P.7.

⁶⁴ Подобные колледжи или семинарии были в Нагасаки и Бунго на о.Кюсю. Среди предметов были курсы по математике, астрономии, а также музыке и латыни [Komatsu Hikosaburo. Algebra, Elimination and the Complete Book of Mathematics // Op. cit. P.272].

⁶⁵ Morimoto Mitsuo. The Suanxue Qimeng and Its Influence on Japanese Mathematics // Op. cit. P.120.

⁶⁶ Спинола Карло (1564-1622). По другим данным он находился в Киото с 1605 по 1616. Спинола изучал астрономию и математику у известного математика Клавиуса Христофора и считался очень сведущим в этих областях [Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868). P.7].

было от 7 до 14 лет и совсем отрицать возможность встречи невозможно.

Позже начались гонения на христиан, в 1617 был разрушен собор, в 1618 – Спинола арестован, а в 1622 сожжён на костре. Когда ужесточилась борьба с христианством как Мōри, так и Момокава покидают Киото. Однако, в том же 1622 г. публикуют свои сочинения. В работе Мōри – Ванидзансё в предисловии приводится искажённый рассказ о библейских сюжетах – «Адам и Ева разделили яблоко в Вифлееме в Иудеи» и упоминаются рай, инферно и другие христианские понятия⁶⁷. А автор Сёканбумоно 諸勘分物⁶⁸ Момокава Дзихэ – считался христианином⁶⁹.

Сохранилось мало сведений о биографии Мицүёси. Большинство исследователей опираются на данные Кавакити Тёрин (Кавакити Томотика, 川北朝鄰), проводившего исследование Киото в 1888 г.⁷⁰. В любом случае даже если его учитель Мōри контактировал с христианами в 1610-х – оснований считать, что сам Мицүёси был христианином или заимствовал что-то из европейской математики нет. Вопросы, которые он рассматривал, его решения демонстрируют, что он был воспитан в традиции китайской математики⁷¹.

---

⁶⁷ Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868). P.8; Morimoto Mitsuo. The Suanxue Qimeng and Its Influence on Japanese Mathematics // Op. cit. P.120.

⁶⁸ Сёканбумоно (諸勘分物) старейшая из сохранившихся рукописей по математике.

⁶⁹ Хираяма Акира. Указ. соч. С.26.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868) P.7.

Некоторые исследователи обращали внимание на название – *Дзинкōки*⁷². Несмотря на то, что предисловие к изданию *Дзинкōки* 1627 г. написано буддийским монахом и происхождение названия объясняется притчей «о большом количестве стран, что переживают катастрофы и превращаются в пыль» до сих пор даже японские авторы на английский язык переводят «*Дзинкōки*» по-разному. Наиболее репрезентативны переводы Комацу Хикусабуро «От незначительной пыли к вечному времени»⁷³, Мадзима Хидэюки «Книга о старом и новом»⁷⁴, Танабэ Сумиэ «Неизменный трактат»⁷⁵ и Моримото Мицуо «О больших и малых величинах»⁷⁶. Дело в том, что исследователям пока не удалось обнаружить именно слова «*дзинкōки*» в каком бы то ни было буддийском тексте. Поэтому и появлялись версии о связи с христианством⁷⁷. Но в буддийских текстах есть термин «*дзиндэнгō*» 塵点劫. Он обозначает неизмеримое количество лет или долгий промежуток времени, а также содержит значение постоянства и вечной истины, которая не меняется даже через много лет. Таким образом, название можно понимать как «число, что невозможно

⁷² Наруми Фү. Указ. соч. С.28.

⁷³ Дзингōки / Дзинкōки. «From Trifling Dust to Eternal Time» [Komatsu Hikosaburo. Algebra, Elimination and the Complete Book of Mathematics // Op. cit. P.249].

⁷⁴ «The Book on Things Old and New» [Majima Hideyuki. Seki Takakazu, His Life and Bibliography / Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun / Springer proceedings in mathematics & statistics Vol.39. Tokyo: Springer, 2013. P.14].

⁷⁵ «Inalterable Treatise» [Tanabe Sumie. Seki Takakazu's Method on the Remainder Problem // Op. cit. P.209].

⁷⁶ «The Book on Things Small and Large» [Morimoto Mitsuo. The Suanxue Qimeng and Its Influence on Japanese Mathematics // Op. cit. P.120].

⁷⁷ Наруми Фү. Указ. соч. С.28.

сосчитать», «бесконечно малое и бесконечно большое», «песчинки вечности», «бесконечная и неизменная истина». Здесь *дзин* 塵 означает чрезвычайно маленький, а *кō* / *гō* 劫 гигантский или огромный⁷⁸. Автор считает, что наиболее точен перевод на русский язык Воробьёва и Соколовой – *Записки о бесконечно малых и бесконечно больших величинах*⁷⁹. А предположения о связи названия с христианством кажутся невероятными: предисловие написал буддийский монах, схожий термин существовал в буддизме, в содержании книги нет ни намёка на западную математику или христианство.

Другими аргументами о связи с христианством выступают отдельные фразы о некоем учителе, посещение им отдельно от семьи христианских похорон и то, что в 1635 г. он покидает Киото и один уезжает на Кюсю в *Кумамото*, где всё ещё остаются японские христиане⁸⁰. Все эти аргументы представляются сомнительными. Гипотетически если действительно существовали какие-то связи с христианством – с большой вероятностью власти *бакуфу* заподозрили бы в этом *Мицүёси*.

А он возвращается в Киото. В 1641 г. публикует *Симпэн дзинкōки*, в 1648 – свою последнюю работу – справочник о календаре *Корэки бинран* 古曆便覽. Далее он продолжал заниматься проектами гражданского строительства пока не начались проблемы со зрением⁸¹ и он не начал слепнуть. Последние 14 лет до самой смерти *Ёсида Мицүёси* прожил в уединении в *Сага* и умер в возрасте 75 лет 21 ноября 1672.

---

⁷⁸ Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.18.

⁷⁹ Воробьёв М.В., Соколова Г.А. Указ. соч. С.109.

⁸⁰ Наруми Фү. Указ. соч. С.30.

⁸¹ Фукагава Хидэтоси, Росман Тони. Указ. соч. С.63.

Однако, на семейном кладбище кланов Суминокура и Ёсида нет его могилы. Маловероятно, что причина связана с христианством, но отсутствие могилы такого выдающегося члена рода на семейном кладбище порождает сомнения. Предположительно его надгробие нашли в г. Бунготакада⁸². Считается, что его ученик *Ватанабэ Тобэ 渡辺 藤兵衛* построил надгробие здесь намеренно, чтобы его было нелегко найти. Причины этому пока неясны. Самого надгробия не сохранилось, но осталась мемориальная доска «Ёсида Ситибей Мицуюки, мастер арифметики из Сага, провинция Ямасиро»⁸³.

Заключение

Дзинкōки много раз пересматривались и переиздавались, что значительно повлияло на японскую математику и математиков в начале избранного ими пути. Описанная в работе и применимая в повседневной жизни прикладная математика была востребована даже в период Мэйдзи. В начале периода Эдо это был популярнейший сборник с занимательными задачами-головоломками, к середине периода Эдо эта роль сходит на нет, задачи из *Дзинкōки* уже были решены, объяснены и описаны многими математиками того времени. Но влияние на теоретическую математику поистине велико и заключается в «задачах без ответа» – *идай*, привлекающих математиков, как к решению, так и созданию таких задач, поощряющих личные амбиции исследователя и способствующих общению между разными математическими школами, что в итоге послужило мощным стимулом для последующего развития *васан*. От занимательных задач-головоломок *васан* быстро пришло к

⁸² г. Бунготакада, преф. Оита 豊後高田市.

⁸³ 山城国嵯峨吉田七兵衛光由算術之師範也 [Наруми Фү. Указ. соч. С.31].

разработке методов решения уравнений и открытию определителей⁸⁴. Работа оказала влияние на последующие поколения, как в целом, так и в академическом плане. Одна из задач из *Дзинкōки* про круглую землю, рассечённую параллельными линиями с заданными областями из трёх частей породила в итоге теорию кругов *энри* 圓理⁸⁵. Сегодня в Японии используется четырёхзначная система для обозначения чисел более 10 000 – эта традиция начала складываться и устоялась благодаря *Ёсида Мицуюэси*⁸⁶. До самого конца эпохи *Мэйдзи* считать на *соробан* начинали учиться именно так, как описано в *Дзинкōки*.

Список использованной литературы

1. Воробьёв М. В., Соколова Г. А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: ГРВЛ Наука, 1976. 231 с.
2. Материалы научной конференции, посвящённой 140-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете. Ноябрь 2010 г. СПб., 2010. 400 с.
3. “Дзинкōки” сёханбон. Эйин. Гэндай бунгаку, соситэ гэндай го яку 「塵劫記」初版本。影印、現代文学、そして現代語訳 [Первое издание «Дзинкōки». Факсимиле, современная литература и переводы на современный язык] / Пер. и ред. Сатō Кэнъити 佐藤健一. Токио: Кэнсэйся 研成社, 2012. 252, 6 с.
4. Миками Ёсио 三上義夫, Сасаки Тикара 佐々木力編. Бункаси дзё ёри митару Нихон но сугаку 文化史上より

⁸⁴ Sato Ken'ichi. The Jinkoki of Yoshida Mitsuyoshi // Op. cit. P.186.

⁸⁵ Komatsu Hikosaburo. Algebra, Elimination and the Complete Book of Mathematics // Op. cit. P.249.

⁸⁶ До это использовались восьмизначная и унарная (единичная) системы счисления [Хираяма Акира. Указ. соч. С.31].

- 見たる日本の数学 [Японская математика с точки зрения истории культуры]. Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1999. 341, 6 с.
5. Наруми Фү 鳴海風. Эдо но тэнсай сүгакуся. Сэкай о одорокасэта васанка тати 江戸の天才数学者。世界を驚かせた和算家たち [Гениальные математики периода Эдо. Учёные Васан, удивившие мир]. Токио: Синтёся 新潮社, 2012. 190, 2 с.
  6. Фукагава Хидэтоси 深川英俊, Росман Тони トニー ロスマン. Сэй нару сүгаку. Сангаку. Сэкай га тюмоку суру Эдо бунка тоситэ васан 聖なる数学: 算額。世界が注目する江戸文化としての和算 [Священная математика: Сангаку. Васан, как замеченный в мире культурный феномен эпохи Эдо]. Токио: Миорикита сюппан 森北出版, 2010. 356, 6 с.
  7. Хираяма Акира 平山諦. Васан но рэкиси. Соно хонсицу то хаттэн 和算の歴史。その本質と発展 [История васан. Его суть и развитие]. Токио: Тикума сёбо 筑摩書房, 2007. 282, 6 с.
  8. Horiuchi Annick. Japanese Mathematics in the Edo Period (1600-1868) / Translated by Silke Wimmer-Zagier. Basel: Birkhäuser 2010. xxvii+376 pp.
  9. Horiuchi Annick. The Jinkōki Phenomenon: The Story of a Longstanding Calculation Manual in Tokugawa Japan / Listen, Copy, Read: Popular Learning in Early Modern Japan. ed. by Annick Horiuchi, Matthias Hayek. Leiden, Boston: Brill, 2014. pp. 253-286.
  10. Seki, founder of modern mathematics in Japan: a commemoration on his tercentenary. ed. by Knobloch Eberhard, Komatsu Hikosaburo, Liu Dun. Springer proceedings in mathematics & statistics v. 39. Tokyo: Springer, 2013. xxvi, 588, 4 p.

**«История Японии» в серии
рекламных карточек компании «Либих» (карточки 1-4)**
(Кикнадзе Д.)

The Liebig Company – английская фирма, которая начала широко производить «мясной экстракт» после того, как ее создал Юстус фон Либих – знаменитый немецкий химик. Юстус фон Либих был изобретателем процесса экстракции мяса, который позволил сконцентрировать и сохранить необходимые питательные вещества и ароматы говядины в виде пасты или бульонных кубиков. Английская компания, владевшая крупными животноводческими фермами в Южной Америке, решила начать производство мясного экстракта в 1850 г. и назвала его в честь изобретателя. Очень быстро «Либих Флейшэкстракт» («Liebig Fleisch-extrakt») разошелся по всему миру. Производство осуществлялось во Фрай-Бентосе и Колоне (Южная Америка). Компания, после смены нескольких владельцев за всю свою историю, существует и по сей день в Великобритании под названием Premier Foods.

В 1870 г. фирма запускает в печать уникальную серию рекламных карточек в технике цветной литографии, которой суждено стать своего рода «учебником» в познании мира, как и желанной коллекционной находкой для филокартистов.

Карточки представляли собой часть упаковки продукции фирмы The Liebig Company, были разделены на серии по тем или иным темам в наборах по шесть или двенадцать штук. На раннем этапе производства эти карты обменивались компанией Liebig на купоны. На обратной стороне карточек была либо реклама продукта компании, либо рецепт, в котором можно было использовать предлагаемый мясной экстракт.

Последняя серия литографий была выпущена в 1939 г., но серии редактировались и воспроизводились на протяжении 1970-х годов. Выпуск карточек закончится лишь в 1975 г. и охватит более 11 000 различных серий и тем. Серия карточек производилась во многих странах, поэтому карты можно найти на множестве языков. Бельгия, Франция, Великобритания, Испания, Германия и Италия – это лишь некоторые из стран, в которых они были произведены. Каталогизация и систематизация разнятся, нет унифицированных шифров как раз из-за повсеместного распространения в Европе, поэтому коллекционеры по всему миру используют множество различных каталогов.

К истории хромолитографии

Хромолитография – это способ печати тиражных изображений с использованием нескольких цветов. Каждый отдельный цвет наносится на бумагу или холст при помощи отдельного штампа. Литографическая часть хромолитографии была изобретена баварским печатником Алоисом Зенефельдером около 1798 г. Основываясь на принципе, что масло и вода не смешиваются, Зенефельдер рисовал изображения на полированном камне жирным мелком, покрывая при этом основные поверхности камня тонкой пленкой воды, а затем наносил на камень печатные краски. Он обнаружил, что жирные изображения притягивают печатные краски, а нежирные поверхности отталкивают их. Он назвал новый процесс «Химическая печать» или «Каменная литография».

На самом раннем этапе данного изобретения владельцы универмага Au Bon Marché в Париже осознали ценность рекламы и начали выпускать серию открыток. Эти торговые карточки массово производились типографиями и продавались различным магазинам и производи-

телям, которые затем печатали собственную рекламу на оборотной и/или лицевой стороне. Другие европейские компании, такие как Liebig и многие известные бренды, предлагали еще большее разнообразие материалов. Зачастую это изделия чрезвычайно высокого качества, отражающие мастерство того периода и представляющие собой идеальный материал, в частности, для тематических коллекций для филокартистов.

Коллекция The Liebig Company

Коллекция Либиха – одна из крупнейших коллекций хромолитографических карточек. После более чем столетнего выпуска коллекция насчитывает не менее 1871 различных серий, большинство из которых имеют размер 7х11 сантиметров. Они охватывают реальные темы: от природы до истории, от искусства до науки, от религии до театра.

Коллекцию серии Либиха сложно сравнивать с другими коллекциями хромолитографий. В зависимости от периода на оборотной стороне размещена реклама, простые рецепты Либиха или пояснительные тексты. Поэтому, пожалуй, уместнее ассоциировать сборник с настоящей иллюстрированной энциклопедией, состоящей из гравюр с легендой и дополнительными комментариями на обороте.

Сегодня, спустя почти полтора столетия после своей первой публикации, коллекция хромотехники Либиха на сегодняшний день является самой распространенной в мире по сравнению со всеми другими известными на сегодняшний день коллекциями карточек в подобной технике.

Оригинальная коллекция, без учета выпусков на иностранных языках, включает около 11 500 изображений. Некоторые изображения очень редки и востребованы разными коллекционерами. Карты Либиха отличает высокое

качество хромолитографической печати – до 12 цветов – и совершенство изображений. Во многих случаях они созданы известными в своё время художниками.

Со временем серии были каталогизированы разными людьми, в результате чего в обращении появилось несколько каталогов. Для удобного поиска существуют индексы к каталогам, которые помогут обнаружить номер нужной серии.

Чтобы рекламировать новый продукт, компании пришлось принять новую маркетинговую стратегию. В то время среди торговцев было модно размещать рекламу с помощью карточек, иллюстрированных литографиями популярных сюжетов. Примерно в 1870 г. компания Либих начала производить бесплатные наборы карточек с картинками и сопровождать их с каждой упаковке мясного экстракта. Карточки были довольно популярны в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии, но существовали также русские, венгерские, шведские и богемские издания. Когда в 1975 г. компания Либиха прекратила производство коллекционных карточек, было принято решение выпустить тысячи наборов карточек прежних лет. Высокое качество печати и дизайна уже с самого начала сделало их предметами коллекционирования.

Торговые карточки раздавались в качестве рекламных сувениров во всех крупных магазинах и магазинах. Они также раздавались торговцами или оставлялись на прилавках бесплатно.

Многие наборы карточек, по сути, представляют собой мини-энциклопедии, охватывающие множество тем. Некоторые из них интересны с информационной точки зрения, а другие просто привлекательны благодаря своему дизайну и исполнению.

Серия карточек «История Японии»

Среди великого обилия тем и сюжетов для своих карточек компания обращалась и к наиболее актуальным темам своего времени – успешной колониальной политике в странах Азии и Африки. Страны Дальнего Востока – общество, система правления, быт и повседневность – в те времена всё еще считались экзотикой для подавляющей части европейского населения, поэтому серии карточек о Китае, Корее и Японии, как и бельгийском Конго, представляли отдельный интерес покупателей мясных экстрактов, как и филокартистов.

Серия «История Японии» была выпущена в Швейцарии в 1938 г. и представляет собой набор из двенадцати карточек от легендарного правителя Дзимму Тэнно вплоть до основных вех эпохи Мэйдзи. Ниже перечислены названия карточек в переводе с фламандского (оригинальные карточки из коллекции В.Соловьёва) и французского языков (как дублирующие, вспомогательные) с соблюдением оригинальной пунктуации и лексики.

1. Дзимму Тэнно под предводительством солнечного ворона.
2. Императрица Японии Дзингу (169-269 гг. н.э.) указывает своему мужу направление на Запад.
3. Принц Сётоку издает Уложение о культуре.
4. Святой Кукай отправляется в Китай.
5. Два самурая, по старинной японской гравюре.
6. Ёритомо объявляет себя первым сёгуном.
7. Сцена битвы, по старинной гравюре.
8. Уничтожение монгольского флота.
9. Высадка в Корею. Хидзэси, объединитель.
10. Кортёж даймё, со старинной гравюры.
11. Переговоры по Договору между Японией и Америкой.
12. Въезд в Токио императора Мэйдзи.

В рамках данного исследования у нас нет возможности привести полный перевод всех 12 карточек серии «История Японии», поэтому кратко коснемся лишь некоторых из них. На карточке 1 изображен легендарный император Дзимму (660 г. до н.э.), к имени которого присоединен титул *тэнно*. Он изображен, как ведомый Солнечным вороном, на карточке описывается основание и происхождение империи и императоров. Большая часть карты содержит описание самой Японии: 3 000 островов и островков помимо четырех главных островов. Название «Ниппон» означает «Корень Солнца», отсюда и Империя Восходящего Солнца. Здесь также упомянуты коренные жители айны (описываемые, как бородатые представители белой расы со светлыми глазами, говорящие на арийском языке), вслед за которыми следовала иммиграция племен из Малайзии и вторжение монголо-маньчжурских народов через Корею. В информации на карточке размыты временные рамки повествования, мысль автора текста скачет от одного великого исторического деятеля к другому, совершенно не считаясь в ходом времени, поскольку предполагается, что «великий Каму (он же в будущем будет именоваться, как Дзимму Тэнно)» объединил племена в VII в. до нашей эры, основав свой трон и Японскую империю в Ямато в 660 году до нашей эры. Дзимму – правнук солнечной богини Аматэрасу, а его потомки – нынешние японские императоры.

Согласно легенде, когда Дзимму заблудился на своем пути на Восток, Аматэрасу послала ему в качестве проводника Солнечного Ворона. Однако на карте этот мифический ворон и синтоистское божество Ятакарасу изображен в полете слишком образно, поэтому его глубоко символические три лапы теряют здесь своё традиционное иконографическое изображение.

Карточка 2 переносит нас в 200 г. н.э. и изображает императрицу Дзингу, которая указывает своему супругу, императору Тюай, в сторону «Западных государств», то есть, в сторону Китая и Кореи (Пэкче). На этой карте рассказывается о продолжающихся боевых действиях между айнами и государством Ямато.

Во II в. н.э., когда Тюай сражался с восставшими племенами, Дзингу, якобы хотела, чтобы он вместо этого попытался завоевать Китай. Каждый вечер она направляла его взгляд на заходящее солнце и убеждала обратить туда свои усилия, однако Тюай не прислушался к увещаниям супруги и погиб в бою (на карте написано, что это наказание богов) против повстанцев.

После гибели Тюай Дзингу установила контакт с Кореей, но на карте неясно, произошло ли это в результате военного завоевания или договоренности между этими государствами (предположительно, мать Дзингу имела корейское происхождение). Возможно, этот шаг положил начало эпохе китайско-корейского культурного влияния начала периода Кофун.

На этой карточке можно увидеть становление мифа историей, и наоборот. В то время как Дзимму – это в значительной степени мифология, Дзингу обрастает более конкретными поступками сродни подвигу, несмотря на то что он все еще остается легендой. Для того времени её образ также представляет собой чрезвычайно острый политический вопрос, касающийся японо-корейских отношений в пору расцвета милитаристских действий Японии в Китае и Корее. Не оправдание ли это Европой экспансии Японии в Корею в конце XIX в. и дальнейших действий в начале XX в.?

Серию о славных сынах Японии продолжает карточка 3 со своеобразной копией знаменитого портрета принца-регента Сётоку с его двумя малолетними сыновьями. Дополнительное название более подробное: Принц Сётоку собирается распространить Уложения в 17 статьях о культуре (620 г. н.э.). Знакомство с китайской культурой. Эпоха Фудзивара. Текст на обороте карточки гласит о том, что после походов императрицы Дзингу в Китай и Корею, Япония встала на путь заимствования «великолепной китайской цивилизации». Результатом внедрения культурных новшеств стал буддизм как государственная религия. Также упоминаются всевозможные китайские специалисты в разных областях науки, культуры, государственного управления и военного дела, ремесел и искусств, как и два основных письменных памятника эпохи – «Кодзики» («созданный больше под влиянием японской идеологии») и «Нихонги» («созданный больше под влиянием китайской идеологии»). На той же карточке эпоха Хэйан названа исключительно «эпохой Фудзивара», а первый слог «ка» в имени императора Камму записан по правилам орфографии того времени через *kwa*, как *Kwatmi*.

Карточка 4 изображает корабль в море, на котором совершает своё судьбоносное путешествие в Китай патриарх буддизма Кукай, обозначенный здесь, как «святой». Дополнительное название на обороте гласит: Путешествие в Китай Святого Кукай (804) – Эволюция культов в Японии. В тексте показан путь заимствований религий японцами – поначалу китайского конфуцианства через Корею всё той же императрицей Дзингу, которое «превосходно соответствовало менталитету японцев», а позже – буддизма, который характеризуется, как индокитайская религия, сложнее дававшаяся постижению японцами из-за разительного отличия и догматической сложности. И, тем не менее, это

важное дело было поручено «Святому Кукаю», который «глубоко изучил новую китайскую цивилизацию». Далее в тексте поясняется путь слияния синтоизма с буддизмом, вытеснение синтоизма в силу своей примитивности вплоть до конца XIX в., когда случилась реставрация синтоизма как государственной религии.

В данном исследовании рассмотрены лишь четыре карточки, однако уже на столь скудном материале виден пиетет в сторону современной милитаристской Японии 1930-х годов, оправдание её военных «подвигов» в Китае и Корее, как результат давних политических устремлений еще в пору существования легендарных или полуполюгендарных правителей Ямато. Карточки компании Либих, несущие к тому времени, во многом, просветительскую функцию для европейского населения, транслировал признание европейскими державами новой силы в Азии и своего союзника в этом регионе.

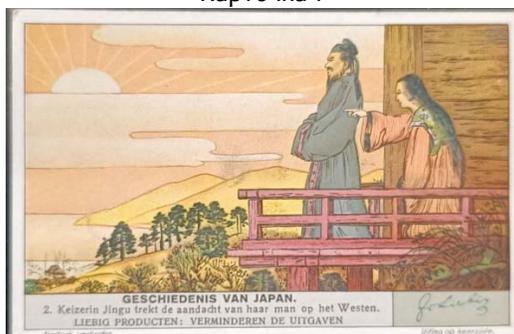
Источники:

1. Каталог карточек Университета Ольденбурга <http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/litecat/cats/liebig/?page=search> (Дата обращения: 28.05.2024).
2. Liebig Card Collection. Сайт библиотеки Bowling Green State University. <https://www.bgsu.edu/library/pcl/Collections/liebig.html> (Дата обращения: 10.06.2024).
3. The trade cards of the Liebig collection <https://www.cartolino.com/en/liebig-cards.html> (Дата обращения: 10.06.2024).
4. Оригинальная коллекция карточек компании Либих «История Японии», 12 ед. на фламандском языке (из коллекции В. Соловьёва).

Иллюстрации

Карточка 1

Карточка 2

Карточка 3

Карточка 4

Первая выставка старых японских географических карт в Европе (Берлин 1934). Каталог выставки М.Рамминга¹
(Симонова-Гудзенко Е.К., Володченко А.С.)

В ноябре 1934 г. в институте Японии в Берлине² открылась первая в Европе выставка старых японских карт и планов местности. На ней были представлены более 200 изображений. Основу экспозиции (170) составила коллекция Л.Багрова (1881-1957), которую этот известный географ, историк картографии собрал преимущественно в своих поездках на Дальний Восток, когда был прикомандирован к Главному Гидрографическому управлению (1909-1910), служил в Амурской речной флотилии (апр. – май 1912, авг. 1916 – апр. 1917), а также привез из своих поездок в Сеул (1914), в Токио и Пекин (1919)³. В Германии Багров пополнял свою коллекцию картами, приобретенными в Лондоне, Париже, Амстердаме и Гааге.

Каталог старых японских карт и планов местности коллекции Л.С.Багрова подготовил Мартин Рамминг (1889-1988), в то время директор института Японии в Берлине. Каталог сегодня можно увидеть в библиотеках Германии, например, Лейпцигского, Бохумского и, вероятно, других университетов не только Германии.

---

¹ Katalog der Ausstellung Alten Japanischer Karten und Plaenen. Zusammengestellt von Dr. M. Ramming. Japaninstitut. Berlin. November 1934.

² Институт Японии (или Институт взаимного обучения в Японии и Германии) был основан в 1926 г. в Веймарской республике и закрыт в 1945 г. после краха нацистской Германии. Научно-просветительное учреждение имело немецкого и японского директоров. Это был первый независимый японский институт в Европе.

³ Подробно см. Володченко В.С. О трех этапах жизни Л.С.Багрова (1881-1957). Дрезден, 2014.

Каталог состоит из Введения, краткой истории картографии Японии и двух тематических разделов:

- 1) списка японских карт и планов (185 наименований);
  - 2) списка европейских, китайских, маньчжурских и корейских карт стран Восточной Азии (24 названия);
- а также приложен список литературы.

Необходимо сказать несколько слов об авторе каталога, М.Рамминге (1889-1988). Отечественная историография уделяет немного внимания этому замечательному японоведу, сведения о нем скудные и часто неточные. Научно-исследовательская и преподавательская деятельность М.Рамминга продолжалась несколько десятков лет, но осуществлял он ее в Германии, на немецком языке. Пожалуй, самое пространное описание его судьбы и отдельные факты деятельности можно найти в статье В.В.Рыбина, посвященной петербургской школе японской филологии⁴. Автор называет М.Рамминга в числе выдающейся плеяды выпускников 1912-1914 гг. и отмечает, что «Интересы М.Н.Рамминга по большей части были связаны, как нам представляется, с историческими проблемами, о чем свидетельствует его вступительная лекция «Национальные течения эпохи Мэйдзи» (3 декабря 1915 г.) и читавшиеся им курсы: чтение и интерпретация исторических дневников и чтение исторических текстов и мемуаров Камо-но Тёмэй («Ходзёки»), которые были предметом его исследовательской деятельности»⁵. Поступив на службу в МИД в 1914 г. М.Рамминг выбыл из числа приват-доцентов кафедры. К научной и преподавательской деятельности он кратковременно вернулся в Токио после расформирования посольства Российской империи

---

⁴ Рыбин В.В. К истории петербургской школы японской филологии. СПб.: С.-Петербургский университет, 2005. С.2.

⁵ Там же. С.5.

(1923-1927) и затем уже в Берлине (1928-1966). Остановимся на некоторых фактах его биографии, которые имеют отношения к нашей теме.

Рамминг Мартин Готгард-Теодор (Мартын Николаевич) (1889-1988) родился в семье балтийских немцев, образование получил в Петербурге. Как мы уже знаем, Рамминг Мартин в 1912 г. закончил Санкт-Петербургский университет по кафедре японской словесности Восточного факультета, учился у В.М.Алексеева (1881-1951), А.И.Иванова (1878-1937), В.В.Бартольда (1869-1930), Н.И.Веселовского (1848-1918); был сокурсником Н.А.Невского (1892-1937), Ореста В. Плетнера (1892-1970). После окончания университета остался при кафедре приват-доцентом. С 1916-1925 старший драгоман Российского посольства. В посольстве исполнял также обязанности переводчика.

В воспоминаниях последнего посла Российской империи А.Д.Абрикосова (1876-1951)⁶ встречается несколько упоминаний о М.Рамминге, как переводчике⁷. После расформирования русского посольства, М.Рамминг остался в Японии, преподавал русский язык в Высшей школе иностранных языков (Токио Гайкокуго Гакко). Получив в 1928 г. должность библиотекаря в Институте Японии в Берлине, покинул Японию. Через год получил гражданство Германии и должность преподавателя японского языка на факультете Восточных языков Берлинского университета. В 1930 г. защитил диссертацию «Сообщения из России потерпевших кораблекрушение японцев в 1793 и 1805 годов и их значение для политики «закрытия страны» Токугава». Диссертация была написана на философском факультете Берлинского

---

⁶ Абрикосов Дмитрий. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008.

⁷ Там же, с. 312, 375, 548.

университета Фридриха Вильгельма под руководством Карла Мюллера (1863-1930) и Клеменса Шаршмидта (1880-1945). С 1930 г. и до закрытия института Японии в Берлине в 1945 г. был его директором, одновременно в 1937 г. возглавил японский отдел Института востоковедения, а с 1944 г. полный профессор Берлинского университета. Затем, уже в ГДР был заведующим отделом / сектором Восточной Азии Института востоковедения АН ГДР (1948-1961), заведующим кафедры японоведения университета им. Гумбольдта в Берлине. В 1955 г. был избран членом Академии наук ГДР. За время своей научной деятельности М.Рамминг опубликовал несколько десятков работ по японскому языку, истории и географии Японии. М.Рамминг не прерывал исследовательской деятельности, собирал материалы, писал статьи по проблемам японоведения, и находясь в Японии. Во всяком случае известна его работа 1926 г., посвященная экспедиции Е.В.Путятин (1808-1881) в Японию в 1853-1855 гг. в результате которой удалось установить отношения с Россией. Статью он написал на материалах японских архивов в 1920-х годах. «Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Mächten» (О роли русских в открытии Японии для торговли с западными державами)⁸.

Поделюсь высказываниями немецких японоведов старшего и среднего поколений. Они говорили, что все учились со «Справочником по Японии», сделанным под руководством проф. М.Рамминга⁹, который был их настольной кни-

---

⁸ Rumming M. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Mächten // Mitteilungen des Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-asiens. Tokyo, 1926.

⁹ JAPAN – HANDBUCH. Nachschlagewerk der Japankunde; im Auftrage des Japaninstituts Berlin / Hrsg. von prof. Dr. M. Ramming. Berlin: Steiniger-Verlage, 1941.

гой все годы учебы, и что даже сегодня они в него заглядывают время от времени. Справочник содержал более 700 стр. со статьями и иллюстрациями по разным аспектам японоведения.

Представляется, что контакты с русской, советской школой востоковедения М.Рамминг сохранял на протяжении всей своей долгой жизни, о чем свидетельствуют его письма, бережно сохранившиеся в архиве академика В.М.Алексеева и О.В.Плетнера.

На наш взгляд «Каталог выставки» представляет самостоятельное научное исследование большой ценности, даже без наличия самой коллекции. Жаль только, что в каталоге названия карт и планов местностей и имена художников, печатников сделаны лишь на немецком языке, без дублирования их по-японски.

Карты в каталоге распределены по тематическим группам: 1. Японские карты мира, Восточной Азии, Китая и Кореи (1-14); 2. общие карты и отдельные части Японии (15-36); 3. карты провинций (37-51); 4. карты городов и поселков (52-144); 5. карты путешествий по стране (145-162); 6. Разное (163-185).

Список открывается копией карты мира Маттео Риччи 1637 г., копия 1932 г. В этом разделе под номером 3 обнаруживаем известную карту мира Исикава Рёсээн (1661-1720) Банкоку сōкай дзу, а также карту Китая 1840 г. всемирно известного художника Хокусай Кацусика (1760-1849) под номером 11. Второй раздел списка открывается одной из старейших сохранившихся карт Японии, по сути, карте мира. В каталоге под номером 15 указано: «Старейшая существующая японская карта. Карта принадлежит храму Ниннадзи. Копия карты периода Хэйан (780-850 гг.)». Сегодня японские историки датируют карту 1306 г., т.е. середи-

ной периода Камакура¹⁰. За прошедшие годы либо датировку уточнили, либо М.Т.Рамминг имел в наличии другую версию карты, возможно, это мы когда-нибудь узнаем, если обнаружится картографическая коллекция Л.Багрова. В этом же втором разделе мы могли бы увидеть еще одну карту Исикава Рюсэн (1697); под номерами 20 и 28 две карты Японии 1679 и 1852 Нагакубо Сэкисуи (1717-1801) и еще панорамную карту Японии Хокусай 1834 г. Сегодня известно пять карт авторства Хокусай, но ни одного экземпляра карты Японии на данное время, к сожалению, не обнаружено¹¹.

Особо следует сказать о судьбе коллекции старинных японских и китайских карт Л.Багрова. Это самостоятельная, почти детективная история, свет на которую проливает, вероятно, сам Багров в статье «История китайской карты»¹². Багров с женой смогли уехать в Швецию до начала интенсивных бомбежек Берлина. В конце 1945 г. коллекцию карт вместе с другими ценными предметами поместили в подвал в квартире Багрова. Друзья Багрова в Швеции решили эвакуировать коллекцию карт и архивы из Берлина, но без успеха. Только несколько небольших посылок было отправлено в Швецию авиапочтой. Во время одной из бомбежек в дом, где была расположена квартира Багровых, попала бомба, возник пожар, который уничтожил

---

¹⁰ Unno Kazutaka. *Cartography in Japan // History of Cartography*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. J.B.Harley and D.Woodwart. Vol.2. Part 2. Ch.11. P.458.

¹¹ В дальнейшем мы планируем полный перевод каталога на русский язык с подробным комментарием.

¹² *The Story of a Chinese Map. Imago Mundi*. 1949. Vol.6. pp.76-78. А.С.Волоченко, знаток жизни и творчества Л.С.Багрова, автор книги о нем, утверждает, что неподписанные, опубликованные в журнале «Imago Mundi» статьи, принадлежат авторству Л.С.Багрова.

квартиру, но, к счастью, подвал не пострадал. Багров пишет, что осенью 1945 г. к его дому в Берлине подъехал грузовой автомобиль, принадлежащий Советской Армии, из него вышла группа официальных представителей, вероятно советской миссии в сопровождении женщины – секретаря Багрова. Она попросила у дворника ключи от подвала, все ящики погрузили в автомобиль и отбыли в неизвестном направлении. Когда дворник попросил расписку или хотя бы сообщить, куда все увозят, его ответом не удостоили¹³. Возможно, ящики с бесценной коллекцией до сих пор лежат неразобранными в фондах какого-нибудь архива или библиотеки.

В списке трудов ученого, как исключение существует единственная работа, которая написана на русском языке и опубликованная в России. Это – «Очерк современного положения периодической печати в Японии» 1913 г.¹⁴ Начиная с его публикации об экспедиции Путятина в 1926 г.¹⁵, материал для которой М.Рамминг собирал, находясь на дипломатической службе в Японии, наблюдается его интерес к исследованию контактов Японии с материком, особенно с Россией. Об этом свидетельствует и тема защищенной в Берлинском университете в 1930 г. докторской диссертации «Сообщения из России потерпевших кораблекрушение японцев в 1793 и 1805 годов и их значение для политики «закрытия страны» Токугава»¹⁶, и статья по истории япон-

---

¹³ Ibidem. p.78.

¹⁴ Санкт-Петербург: Тип. Санкт-Петербургского Университета, 1913.

¹⁵ Ramming Martin. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Mächten // Mitteilungen des Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-asiens. Tokyo, 1926.

¹⁶ Ramming M. Rußland-Berichte schiffbrüchiger Japaner aus den Jahren 1793 und 1805 und ihre Bedeutung für die Abschließungspolitik der Tokugawa. Berlin: Wurfel Verlag, 1930.

ской картографии, в основанном Багровым Л. журнале «Imago mundi»¹⁷. А также ряд статей и рецензий, опубликованных в том же журнале¹⁸. Таким образом, представляется не случайным, что М.Т.Рамминг выступил одним из инициаторов подготовки выставки старых японских карт в Берлине 1934 г. и создателем каталога.

А нам остается надеяться, что когда-нибудь коллекция старинных японских карт Л.Багрова все-таки обнаружится и мы сможем ее посмотреть и поработать с ней.

Список литературы

1. Абрикосов Дмитрий. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008.
2. Володченко В.С. О трех этапах жизни Л.С.Багрова (1881-1957). Дрезден, 2014.
3. Володченко А.С., Симонова-Гудзенко Е.К. Мартин Николаевич Рамминг (1889-1988) и его избранные публикации. Библиографический фотоатлас. Дрезден – Москва, 2024. 15 с.
4. Рамминг М. Очерк современного положения периодической печати в Японии. Санкт-Петербург: Тип. Санкт-Петербургского Университета, 1913.
5. Рыбин В.В. К истории петербургской школы японской филологии. СПб.: СПбГУ, 2005.

---

¹⁷ Ramming M. The Evolution of Cartography in Japan // Imago Mundi. 1937. Vol.2. Pp.17-21.

¹⁸ 1) A Description of the Gottorp Globe in a Japanese Manuscript Book // Imago Mundi. 1952. Vol. 9, pp.103-105. 2) Remarks on the Reproduced Japanese Maps // Imago Mundi, 1953. Vol.10, p.128. 3) Review: [untitled]. Reviewed work. Ezo ni kansuru Yasokaishi no hōkoku: Jesuit Reports on Yezo by Sakuzaemon Kodama; Shinichiro Takakura; Chōhei Kudo. Imago Mundi, 1955. Vol.12, p.188. 4) Review: [untitled]. Reviewed work(s): Nippon Chizu Shi (A History of Cartography of Japan) by Takejirō Akioka: Imago Mundi, 1959. Vol.14, pp.122-123.

6. Alekseev V.M. China im Jahre 1907. Ein Reisetage buch. Leipzig: Gustav-Kiepenheuer, 1989.
7. JAPAN – HANDBUCH. Nachschlagewerk der Japankunde; im Auftrage des Japaninstituts Berlin / Hrsg. von prof. Dr. M.Ramming. Berlin: Steiniger-Verlage, 1941.
8. Rumming M. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Mächten // Mitteilungen des Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-asiens. Tokyo, 1926.
9. Rumming M. Katalog der Ausstellung Alten Japanischer Karten und Plaenen. Zusanmngestellt. von Dr. M.Ramming. Berlin: Japaninstitut. November 1934.
10. Ramming Martin. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Mächten // Mitteilungen des Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ost-asiens. Tokyo, 1926.
11. Ramming M. Rußland-Berichte schiffbrüchiger Japaner aus den Jahren 1793 und 1805 und ihre Bedeutung für die Abschließungspolitik der Tokugawa. Berlin: Wurfel Verlag, 1930.
12. Ramming M. The Evolution of Cartography in Japan // Imago Mundi. 1937. Vol.2. Pp.17-21.
13. Ramming M. A Description of the Gottorp Globe in a Japanese Manuscript Book // Imago Mundi. 1952. Vol.9, pp.103-105.
14. Ramming M. Remarks on the Reproduced Japanese Maps // Imago Mundi, 1953. Vol.10, p.128.
15. Ramming M. Review: [untitled]. Reviewed work. Ezo ni kansuru Yasokaishi no hôkoku: Jesuit Reports on Yezo by Sakuzaemon Kodama; Shinichiro Takakura; Chôhei Kudo. Imago Mundi, 1955. Vol.12, p.188.

16. Rumming M. Review: [untitled]. Reviewed work(s): Nippon Chizu Shi (A History of Cartography of Japan) by Takejirô Akioka: Imago Mundi, 1959. Vol.14, pp.122-123.
17. The Story of a Chinese Map. Imago Mundi. 1949. Vol.6. pp.76-78.
18. Unno Kazutaka. Cartography in Japan // History of Cartography. Chicago: University of Chicago Press, 1995. Vol.2. Part 2. Chapter 11. P.458.
19. Wolodtschenko, Alexander. Die Liste von alten japanischen Karten (Berlin 1934). Bibliographischer Atlas. Dresden 2019, 19 s.

ГЛАВА 7. ОТ ЯМАТО К ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Попытки «восстановления Мимана (кор. Имна)» государством Ямато (562-623 гг.).

Ч.1-я: Политика Ямато в южной Корее в 562-583 гг.

(Суровень Д.А.)

Идея «восстановления Мимана» появилась почти сразу после утраты государством Ямато военно-политического руководства военными действиями союзников в Южной Корее в 562 году¹. В «Нихон-сёки» под 1-й луной 23-го года пр. Киммэя (562 г.) записано: «Силла ударила (яп. *уттэ*) [и] уничтожила (яп. *хоробосита*) *миякэ* (кит. *гуань-цзя* – досл. “казну”, тж. “(императорские) органы власти”²) [в] Имна (яп. Мимана)³. (В одной книге сказано: “... Имна была

---

¹ Речь идёт не о власти над колониями в южной Корее, а о военно-политическом руководстве военными силами союзников Ямато. Подробнее см.: Суровень Д.А. Регулирование Китаяем военно-политического статуса правителей древнеяпонского и древнекорейских государств в отношении территорий Южной Кореи во второй половине IV – начале VI веков // Китай: история и современность. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 17-19 окт. 2013 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С.132-186; Суровень Д.А. Сведения китайских источников о контроле государства Ямато над зависимыми территориями в Южной Корее V в. // Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21-23 окт. 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С.372-386.

² 官家 др.-яп. *миякэ*, кит. *гуань-цзя*, *гуань-цзя* – 1) казна... 2) уст. Император, государь; 3) уст. (императорский) двор, правительство, органы власти... – См.: Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т.II. С.544 (далее: БКРС).

³ 新羅 打滅任那官家。]– Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 國史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч.1. Т.II. С.90.

уничтожена. То, что в целом именуется Имна, отдельно [включает в себя то, что называется] Кара-зук, Ара-зук, Саиги-зук, Тара-зук, Чольма-зук, Кочха-зук, Чатха-зук, Санбанха-зук, Кольчхан-зук и Имне-зук. Всего десять владений [кор. кук; т.е. общин–государств]»⁴. В разделе 6-й луны того же года (562 г.) приводится грозный указ государя Пиронипа (совр.-яп. Хиронива; посмертное имя Киммэй), в котором «силлаские западные варвары (яп. эбису / кё)» из страны «мелкого [и] мерзкого [народа]»⁵ обвиняются в том, что они «разрушили наше миякэ» [в] Имна (яп. Мимана)⁶ [Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 23-й год пр., 1-я, 6-я луны; Nihongi⁷, XIX, 51]. Как считают Ким Тхэсик и В.М.Тихонов, принятая составителями «Нихон-сёки» датировка гибели каяских владений 1-й луной 562 года неточна⁸. Здесь, видимо, оказались смешаны события захвата Ара-Кая в 560 году и окончательного падения Кая в 562 году. Поэтому гневная речь

---

⁴ Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.90; Нихон сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т.II. С.62; Тихонов В.М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). М.: Вост. лит. РАН, 1998. С.177.

⁵ [新羅西羌 小醜] – Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.90; где 羌 в м. 羌 яп. кё / эбису, кит. цян – ист. цяны (в основном – ... народности Запада...)... (БКРС. Т.IV. С.436); 醜 яп. миникуй, кит. чоу – прил. 1) безобразный, отвратительный, отталкивающий, скверный, гадкий, омерзительный; 2) злой; зловещий; 3) непристойный, неприличный, позорный; суц. 1) стыд, позор, срам; скандал; 2) масса, множество; гл. 1) стыдиться; 2) считать мерзким; ненавидеть, относится с отвращением, чувствовать антипатию; 3) осквернить, опозорить... (БКРС. Т.IV. С.480).

⁶ [破我官家.] – Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.90; Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.62; Тихонов В.М. История каяских протогосударств. С.177; где 破 яп. ябуру, кит. пò – гл. ... Б. 1) ... разрушать... 2) наносить поражение; сокрушать, одолевать... – БКРС. Т.III. С.1025.

⁷ Цит. по: Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D.697 / Transl. by W.G.Aston. London: Allen, 1956. Part II. 444 p.

⁸ Тихонов В.М. История каяских протогосударств. С. 179.

Пиронипа была вызвана утратой сферы влияния в Ара-Кая и ликвидацией там японского Представительства (др.-яп. Ямато-но микотомоти, яп. Ямато-но фу⁹).

Сведения «Нихон-сёки» позволяют предполагать, что в 9-й луне 562 года Силла присоединила практически все владения Позднекаяского союза. В руках силласцев оказались обширные земли к западу от реки Нактонган, составляющие западную часть современной провинции Южная Кёнсан (уезды Хаман, Хамян, Хапчхон, Ыйрён, Кочхан, Чинчжу и Косон) и юго-западный сектор провинции Северная Кёнсан (уезд Корён). Ни одно из владений Позднекаяского союза, кроме, возможно Тэгая, не имело войска, сопоставимого с силласким. Исследователи считают, что вряд ли мелкие каяские правители осмелились бы оказать решительное сопротивление государству Силла. Опорой каяской независимости был Позднекаяский союз, возглавлявшийся общиной-государством Тэгая, а также поддержка со стороны Ямато и антисиллаская позиция Пэкче. Однако поражение Пэкче и Ямато в войне с Силла в 7-й луне 562 года отняло у них возможность выступить на защиту каяских земель двумя месяцами позже. Лишённая японской и пэкческой поддержки Тэгая пала в результате внезапной атаки *хваранов* Садахамы. Покорение остальных владений Кая не должно было пред-

---

⁹ 日本府 др.-яп. Ямато-но микотомоти, яп. Ямато-фу, кор. Ильбон-бу – досл. “японская резиденция” (также: приказ / ист. округ / склады / чиновники”) (Нихон-сёки, 1957. Ч.1. Т.1. С.373); бином 日本 употребляется в «Нихон сёки» для записи топонима “Ямато” (поэтому антропоним “Ямато-такэру” записан в источнике как 日本武); где 府 др.-яп. микотомоти, яп. фу, кит. фў – 1) дворец, чертог; резиденция; 2) присутственное место, учреждение; приказ, ведомство; 3) ист. фу, область, округ; 4) ист. фу, областной центр... 7) высшее чиновничество; ответственный состав (ведомства, учреждения); надзиратель... (БКРС. Т.III. С.29).

ставлять для Силла особых трудностей.¹⁰ На этом закончилось вековое присутствие Ямато в Южной Корее (в период 369-562 годов)¹¹.

Поэтому фразу «Нихон-сёки» из раздела 1-й луны 23-го года пр. Киммэя (562 г.) «Силла ударила [и] уничтожила миякэ (кит. гуань-цзя – досл. “казну”, тж. “(императорские) органы власти”) [в] Имна»¹² – следует датировать (на основании сведений корейских источников) 9-й луной 562 года, когда после поражения Тэгая (в «Нихон-сёки» – Кара-зук) каяские земли были полностью захвачены государством Силла. Как можно понять из «Нихон-сёки», падение Тэгая означало также и присоединение к Силла ряда владений Позднекаяского союза, находившихся с Тэгая в отношениях военно-политической зависимости. В «Нихон-сёки» перечислены десять таких владений (кор. *имна сипкук*)¹³. Видимо, о покорении Кая государством Силла в 562 году упоминается в «Суй-шу» (в разделе “Синьло”): «[Синьло, кор. Силла] развилось, дойдя до степени сильного (кит. *цяншэн*) [государства], по этой причине [страна Синьло, кор. Силла], напав на Боцзи [кор. Пэкче], [создало]

---

¹⁰ Тихонов В.М. История каяских протогосударств. С.185-186; Bowring R.J. The religious traditions of Japan, 500-1600. Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. P.19.

¹¹ Подробнее см.: Суровень Д.А. Регулирование Китаем военно-политического статуса правителей древнеяпонского и древнекорейских государств в отношении территорий Южной Кореи во второй половине IV – начале VI веков. С.132-186; Суровень Д.А. Сведения китайских источников о контроле государства Ямато над зависимыми территориями в Южной Корее V в. С.372-386.

¹² 「新羅 打滅任那官家。」 – Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.90.

¹³ Тихонов В.М. История каяских протогосударств. С.184. Кара-зук, Ара-зук, Саиги-зук, Тара-зук, Чольма-зук, Кочха-зук, Чатха-зук, Санбанха-зук, Кольчхан-зук и Имне-зук. – См. начало статьи.

зависимое владение (кит. фўю́н)¹⁴ в Цзяло-го (кор. Кара-кук)¹⁵ [Суй-шу, св. 81-й, Синьло].

«Нихон-сёки» сообщает, что после окончания войны в южной Корее, в 11-й луне 562 года «Силла прислала послов преподнести дары и в то же время прислала дань»¹⁶. Данная миссия (судя по обильности даров и подношений) была, видимо, направлена в Японию для заключения мира с Ямато. Однако раздражение государя Пиронипа (Киммэя) было велико, и посольство, судя по всему, постигла неудача. Более того, Пиронипа удержал послов в Японии, не отпустив их на родину. «Послы узнали про негодование государя по поводу того, что Силла уничтожила Имна, и не решались просить разрешения на отъезд. Страшась смертной казни, они не вернулись в свою страну. После они стали подданными государя. Это предки людей Силла из Паниипо, что в уезде Мисима в провинции Ту» (Сэццу)¹⁷.

Государь Пиронипа (Киммэй) выдвинул идею «**восстановления Мимана** (кор. Имна)» и вёл тайные переговоры с правителем Когурё. В 3-й луне 571 года из Когурё снова прибыло посольство с дарами и письменным посланием от Пхёнвон-вана. Как сказано в начале раздела о правлении государя Путотамасики (Бидацу, 572-585), послание когурё-

¹⁴ 附庸 кит. фўю́н – ... 2) вассальное владение...; ср.: 附庸國 кит. фўю́нго – ... зависимая страна. – БКРС. Т.III. С.27.

¹⁵ 「遂致強盛、因襲百濟附庸於迦羅國。」– Суй-шу 隋書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). Шанхай 上海: Хань-юй дацзидянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. Т.II. С.1646. Ср.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т.II. С.90.

¹⁶ 「新羅遣使獻并貢調賦。」– Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.95; Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.66.

¹⁷ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.66; Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.95.

ского вана «... было написано на перьях вороны. Иероглифы были написаны на чёрных перьях, и никто не мог прочесть их»¹⁸ (т.е. это была зашифрованная тайнопись). Об этих же событиях рассказывается в «Сёку нихонги»: «По достижении царствования государя Бидацу-тэнно, управлявшего из двора в Осада, государство Когурё прислало посла поднести доклад (яп. хэ̄, кит. б̄яо), [написанного тайнописью на] вороньих перьях...»¹⁹ [Сёку-нихонги, св. 40-й, Энряку, 9-й год [790 г.], 7-я луна]. Кое-какие подробности даны в Предисловии к «Кайфусо̄» (751 г.): «[Послы страны] Ко[гу]рё (яп. Кома) поднесли доклад (яп. хэ̄, кит. б̄яо), [который] был написан (досл. “нарисован”)²⁰ [в] чёрной (букв. “вороньей”) книге (яп. у-саку)²¹ “птичьими письменными знаками” (яп. торифуми)²² ...»²³ [Кайфусо̄, Предисловие]. Надо полагать, что эта “книга” была связкой вороньих перьев, нанизанных на шнур, подобно связке бамбуковых дощечек для письма – об этом можно судить исходя из употреблённого

---

¹⁸ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 70.

¹⁹ 「速 于他田朝御宇, 敏達天皇御世. 高麗國 遣使 上鳥羽之表. 群臣 諸史 莫之能讀.」 – Сёку-нихонги 続日本紀 // Кокуси-тайкэй” 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. II. С. 764.

²⁰ 圖 яп. дзу-суру, кит. т́у – гл. ... 4) чертить, рисовать; писать... – БКРС. Т. II. С. 674.

²¹ 烏冊 яп. у-саку – букв. “воронья книга”; где 烏 яп. у, кит. ̄у – сущ. ворон; ворона; вороний; прил. чёрный, тёмный; вороной... – БКРС. Т. III. С. 505.

²² 烏文 яп. торифуми – досл. “птичьи письменные знаки”; где 文 яп. фуми, кит. вэнь – сущ. 1) изобразительные письменные знаки; иероглифы... иероглифическая надпись; текст, написанный иероглифическим письмом... 2) письменность, письмо, письмена... – БКРС. Т. IV. С. 58.

²³ 「高麗 上表 圖鳥冊 於 烏文.」 – Кайфусо̄ 懷風藻 // Синсэн мэйка сисю̄ 新撰名家詩集. Токио 東京: Юхōдō сэтэн 有朋堂書店, 1923. С. 499.

иероглифа “цэ” (яп. саку)²⁴. Сами “птичьи письменные знаки” (яп. *тори-фуми*) – явно, какой-то вид тайнописи. Причём в источнике прямо сказано – чтобы прочитать письмо, нужно было быть искусным в шифровальном деле (криптографии): «...кто бы смог расшифровать (яп. *кайдоку-суру*; кит. *цзёдэу*)²⁵ [письмо]...»²⁶ [Сёку нихонги, св. 40-й, Энряку, 9-й год, 7-я луна]. Такие меры предосторожности, видимо, были связаны с его содержанием, а также нежеланием, чтобы оно стало известно посторонним²⁷.

Однако Пиронипа (Киммэй) слёг из-за тяжёлой болезни, и послы никак не могли попасть к нему на аудиенцию. Пиронипа умирал. В 15-й день 4-й луны 571 года во дворец правителя был срочно вызван наследник престола – Нунакура-но Путотамасики (будущий государь Бидацу). Примечательно, что сказал ему умирающий Пиронипа. «Болезнь Наша тяжела. После нас дела лягут на тебя. Ты должен напасть на Силла и **восстановить** (яп. *хō-кэн*, кит. *фэ́н-цзя́нь* – досл.

²⁴ 冊 в м. 冊 яп. саку, кит. цэ – сущ. 1) тетрадь, альбом, папка; список, реестр, ведомость; 2) книга, том... 3)* снизанные бамбуковые дощечки (для письма). – БКРС. Т. III. С. 342.

²⁵ 解讀 кит. цзёдэу – расшифровывать; дешифровка (БКРС. Т. II. С. 873); 解讀 яп. кайдоку – расшифровка; яп. кайдоку-суру – дешифровать, расшифровать. – Японско-русский словарь. М.: Русск.яз., 1984. С. 210.

²⁶ 「誰能解讀。」– Сёку нихонги, 1901. С. 764.

²⁷ Подробнее см.: Суровень Д.А. Роль потомков дома правителей Пэкче в распространении письменной культуры в Ямато // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение. Материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 222–234; Суровень Д. А. Когурёское “письмо на вороньих перьях” и японо-корейские отношения 70-х – первой половины 80-х годов VI века // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2013. С. 15–31.

«пожаловать земли [и заново] создать»²⁸ – С.Д.) **Имна**, чтобы (между Ямато и Имна установились отношения – С.Д.) как [между] мужем и женой, как то было в прежние времена (досл. “в древние дни” – С.Д.). Если сделаешь так, то и Мы успокоимся после смерти»²⁹. Это подтверждается и содержанием указа Нунакура-но Путотамасики (Бидацу) 583 года: «Прошлый государь (Киммэй – С.Д.) рассчитывал **восстановить** (яп. фуку-суру – С.Д.) **Имна**³⁰. Но он не смог сделать этого, (потому что государь – С.Д.) умер, не исполнив своего намерения»³¹. Таким образом, планам нападения войск Ямато на Силла при одновременном ударе Когурё с севера помешала болезнь и смерть Пиронипа (Киммэя), скончавшегося вскоре после беседы с наследником (во второй половине 4-й луны 571 года) в возрасте 63 лет³².

В 3-й день 4-й луны следующего года (572 г.) на престол Ямато вступил новый монарх Бидацу (прижизненное имя Нунакура-но Путотамасики)³³ [Нихон-сёки, св. 20-й, Бидацу, 1-й год, 4-я луна, 3-й день]. Когурёские послы, прибывшие в Ямато в 3-й луне 571 года, терпеливо ждали девять месяцев, чтобы передать письмо когурёского вана следующему япон-

---

²⁸ 封建 яп. хō-кэн, кит. фэн-цзянь – досл. “пожаловать земли [и заново] создать”; где 封 яп. хōдзуру, кит. фэн / фын – гл. 1) жаловать землёй; возводить в ранг... (БКРС. Т.III. С.15, 16); 建 яп. кэн / татэру, кит. цзянь – ... 2) основывать, создавать, учреждать; вводить, устанавливать... (БКРС. Т.IV. С.178).

²⁹ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.68; Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.98.

³⁰ 「先考天皇謀復任那。」– Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.108; где 復 яп. фуку-суру, кит. фу – гл. Б. 1) восстанавливать, реставрировать; возвращать... – БКРС. Т.III. С.1100.

³¹ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.74; Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.108.

³² Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.68, 316, прим.174. См.: Nihongi. Part II. P.89, note 1.

³³ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.69.

скому правителю. Когда в 15-й день 1-й луны 572 года письмо наконец-то дошло до нового правителя Ямато – государя Путотамасики (Бидацу), никто не смог прочитать и расшифровать тайнопись когурёского зашифрованного письма. И только потомок пэкческих ванов, писец корейского происхождения Ван Синни³⁴ смог прочесть тайнопись: «Синни подержал перья над паром варящегося риса и приложил к перьям кусок шёлка, так что все иероглифы отпечатались на нём. Все придворные были поражены»³⁵ [Нихон-сёки, св. 20-й, Бидацу, 1-й год пр., 4-я луна, 3-й день; Сёку-нихонги, св. 40-й, Энряку, 9-й год, 7-я луна]. Навряд ли содержание простого письма нужно было так тщательно скрывать³⁶.

О содержании письма когурёского Пхёнвон-вана в «Нихон-сёки» не сообщается. Видимо, в нём было нечто, не предназначенное для оглашения. Дальнейшие события оказались ещё более загадочными. Послы из Когурё оставались в Японии до 7-й луны 572 года. Но в 6-й луне этого же года глава корейского посольства был убит своими помощниками³⁷.

Во 2-й день 5-й луны 2-го года пр. Бидацу (573 г.) в область Коси снова прибыло посольство из Когурё. Чем оно занималось – в «Нихон-сёки» не говорится. Однако когда в 1-й день 7-й луны 573 года когурёсцы отправились на родину, с ними были отправлены японцы Опосима-но обито Ипапи и Савока-но обито Масэ. О том, что произошло дальше, рассказывается в разделе 7-й луны 3-го года пр. Бидацу:

³⁴ Подробнее см.: Суровень Д.А. Роль потомков дома правителей Пэкче в распространении письменной культуры в Ямато. С.222-234.

³⁵ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.70. Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.102; см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. С.224.

³⁶ Подробнее см.: Суровень Д.А. Когурёское “письмо на вороньих перьях” и японо-корейские отношения 70-х – первой половины 80-х годов VI века. С.15-31.

³⁷ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.70.

«... для... посланников... там была устроена достойная встреча для того, чтобы поприветствовать и угостить Опосимано обито Ипапи с его людьми. Ван Когурё (Пхёнвон – С.Д.) оказал им особо тёплый приём».³⁸ В 20-й день 7-й луны 3-го года пр. Бидацу (574 г.) из Когурё вновь прибыло посольство в прежнем составе³⁹. Переговоры, которые велись посольствами, как можно предполагать, касались совместных действий против Силла в связи с желанием Японии восстановить сферу влияния в Кая (Имна).

Надо полагать, такие активные контакты вызвали опасения силласцев, и не беспричинно. Как сказано в «Суй-шу» и «Бэй-ши»: «Синьло [кор. Силла] и Боцзи [кор. Пэкче], все Японию считают великим государством, [где] много драгоценных вещей; и поэтому очень уважают и постоянно имеют сношение через посольства»⁴⁰ [Суй-шу, гл.81, V. Япония; Суй-шу, св. 81-й, дунъи, Во-20; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, Во]. Поэтому в 11-й луне 574 года «Силла прислала посланников с данью»⁴¹. Но о результатах переговоров ничего не сообщается. Видимо, они закончились ничем.

В 575 году к переговорам подключилось Пэкче. В 11-й день 3-й луны «посланники Пэкче привезли дань. Её количество было большим, чем обычно. Поскольку Силла до сих пор не восстановила Имна, государь рёк перед принцем крови и опооми: “Не забывают об Имна”»⁴². Из этого видно, что к проблеме «восстановления Имна»,

³⁸ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 70, 71.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ 「新羅、百濟、皆以倭爲大國、多珍物、並敬仰之、恒通使往來。」– Суй-шу, 2004. С. 1653; см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 96.

⁴¹ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 71.

⁴² Там же. С. 72.

то есть отвоевания каяских земель у Силла, подключилось и Пэкче.

В 6-й день 4-й луны 575 года «Киси Канэ был отправлен посланником в Силла. Киси-но Итаби послан в Имна. Киси-но Восапико послан в Пэкче»⁴³. Начались переговоры по каяской проблеме. В 6-й луне 575 года прибыли ответные посольства. «Посланники Силла доставили дань в количестве больше, чем обычно»⁴⁴. Таким образом, силлаский ван пытался замирился с Ямато, чтобы оно признало аннексию Кая. Вместе с силласким посольством прибыли дары от каяских общин. «Дань также была доставлена из Тадара, Сунара, Анда и Пиджи»⁴⁵. Видимо, власти Силла хотели продемонстрировать, что Кая как торговый партнёр Японии не будет потеряна даже после присоединения этих земель к Силла.

Происходило сближение Ямато с Пэкче. Пэкческий правитель Видок-ван согласился принять «государевых людей» (др.-яп. *ми-тукапи*, яп. *ми-цукаи*)⁴⁶ из Ямато, чья должность была обозначена как “руководитель” (яп. *сай*)⁴⁷. Исследователи читают данный термин по-древнеяпонски как “микотомоти”, и истолковывают его как “наместник”⁴⁸. В «Нихон-сёки» дан следующий комментарий в отношении этого слова. «Государевы люди (др.-яп. *ми-тукапи*), назначенные [императорским] указом [и] отправлявшиеся с мис-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ 王人 др.-яп. *ми-тукапи*, яп. *ми-цукаи*, кит. ван-жэнь – досл. “государев человек (посланник)”. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. II. С. 107.

⁴⁷ 宰 яп. *сай*, кит. цзэй – сущ. 1) канцлер, министр; правитель, глава; начальник; 2) распорядитель (напр. обряда)... – БКРС. Т. II. С. 853.

⁴⁸ Нихон сёки, 1957. Ч. I. Т. II. С. 107; Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 73.

сией в качестве посла⁴⁹ в Самхан (яп. “Три Кара” – досл. “Три Хан”, т.е. Южную Корею), себя называли “руководителями” (др.-яп. *микотомоти*, совр.-яп. *сай*)⁵⁰. [Данное] слово [означает] “править (яп. *сай*, кит. *цзай*)⁵¹ в [Южной] Корее (яп. *Кара*, кор. Хан)”. Должно быть, [это] древнее правило. В настоящее время говорят “посол” (др.-яп. *тукапи* – “посланец”, совр. яп. *цукаи* / *си*). Кроме того, [в отношении] всех [упоминаний] следовать примеру (яп. *нарау*) этого [объяснения]...»⁵². В качестве таких “руководителей” (др.-яп. *микотомоти*, совр.-яп. *сай*) в 5-й день 5-й луны 577 г. в Пэкче были отправлены принц крови Опо-вакэ (совр.-яп. *Обакэ*) и Вогуро-но кису⁵³. О чём вели переговоры японские послы – не сообщается. Но в «Пэкче-понги» в «Самгук-саги» говорится, что пэкчесцами «зимой, в десятом месяце, совершено нападение на области (чу, джу) и округа (кун) западной части Силла, но силлаский *ичхан* Седжон своим войском нанёс поражение [нашим силам]», т.е. войску Пэкче⁵⁴ [Самгук-саги, летописи Пэкче, кн. 27-я, Видок, 24-й год пр. (577 г.)]. Это подтверждается и материалами «Силла-понги». «Зимой, в десятом месяце, [войска] Пэкче напали на

---

⁴⁹ 使 яп. *тукапи* / *си*, кит. *шй* – гл. 1) использовать, применять... 2) послать, командировать; отправлять со служебным поручением... 4) отправляться с миссией (в качестве посла), быть [назначенным] послом (дипломатическим представителем)... сущ. 1) посланец, посол; дипломатический представитель, посланник... 2) эмиссар, уполномоченный (центра)... – БКРС. Т. IV. С. 70.

⁵⁰ 宰 яп. *сай*, кит. *цзай* – “руководитель”. – См. выше.

⁵¹ 宰 яп. *сай*, кит. *цзай* – гл. ...2) править, стоять во главе; 宰天下 управлять Поднебесной. – БКРС. Т. II. С. 853.

⁵² 「王人奉命爲使三韓。自稱爲宰。言宰於韓。蓋古之典乎。如今言使也。餘皆倣此。」 – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. II. С. 107.

⁵³ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 73.

⁵⁴ Ким Бусик. Самгук саги. М.: Вост. лит., 1995. Т. II. С. 175.

области и округа западной окраины, поэтому [ван] (Силла – С.Д.) приказал ичхану Сечжону послать войска, которые разгромили их к северу от Ильсона: убитых и взятых в плен было три тысячи семьсот человек. Тогда же построили крепость Нэрисо»⁵⁵ [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 4-я, Чинчжи, 2-й год пр. (577 г.)]. Таким образом, японские послы в Пэкче, скорее всего, обсуждали вопрос о начале военных действий против Силла.

Назад, в Ямато, посольство принца крови Оповакэ вернулось в 1-й день 11-й луны 577 года, привезя подарки от пэкческого вана: «буддийские книги, а также учителя винаи (яп. *рисси*⁵⁶ – С.Д.), учителя медитации (яп. *дзэндзи*⁵⁷ – С.Д.), монахиню, чтеца *мантр* (яп. *дзюгон-но хакасэ*⁵⁸ – С.Д.), мастера по изготовлению буддийских статуй, строителя буддийских храмов – всего шесть человек. Их поселили в буддийском храме принца крови Оповакэ в Нанипа»⁵⁹ (ср.: «(577 г.) Зимой в 11-ю луну [месяц] (года) старшего брата металла и лошади, в 1-й день, царь страны Пэкче через возвращавшегося [на родину] посла – принца Ёвакэ – преподнёс [императору] несколько свитков сутр и трактатов и [послал] также учителя заповедей (яп. *рисси* – специалиста по *винае*⁶⁰ – С.Д.), учителя размышления (яп. *дзэндзи* – специалиста по медитации⁶¹ – С.Д.), монахиню, учителя

---

⁵⁵ Ким Бусик. Самкук саги. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Т.I. С.137.

⁵⁶ Bowring R.J. The religious traditions of Japan. P.12.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Нихон-сёки, 1957. Ч.I. Т.II. С.107; Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.73.

⁶⁰ Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993. С.396, прим.3.

⁶¹ Там же. С.396, прим.4.

“запрещающих заклинаний” (яп. дзюкон-но хакасэ⁶² – С.Д.), мастера по ваянию [образов] Будды, мастера по строительству [буддийских] храмов – [всего] шесть человек. И [все они] были поселены в храме принца Ќвакэ в Нанива»⁶³. [Ни храма, ни известий о нём более не сохранилось⁶⁴]. В «Фусō-рякки» («Кратких записях о [стране у восточного дерева] Фусō [Японии]») сообщаются некоторые подробности об этих событиях: «В “Хоккэ гэнки” (“Записях о действии Цветка Закона”) [монаха] Якуго говорится: “В 6-й год [правления] императора Бидацу [577 г.], в день младшего брата огня и курицы страна Пэкче подарила двести свитков сутр и трактатов. Среди этих сутр и свитков также прибыла [Сутра] Цветка Закона”»⁶⁵.

Силла предприняла ответную акцию на действия Пэкче. В 578 году «осенью, в седьмом месяце... совершено нападение на пэкческую крепость Арясан»⁶⁶ [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 4-я, Чинчжи, 3-й год пр. (578 г.)]. Пэкчесцы не остались в долгу. «Силла-понги» сообщает, что в 579 году «весной, во втором месяце, Пэкче построило крепость Унхён и Сонсульт, чтобы отрезать дорогу для [наших] крепостей: Сансан, Мачжихён и Нэрисо»⁶⁷ [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 4-я, Чинчжи, 4-й год пр. (579 г.)].

---

⁶² Дзюкон – “запрещающие заклинания” – один из видов даосской магии, направленной на “запрещение” воздействия злых сил. – Там же. С.397, прим.5.

⁶³ Цит. по: Буддизм в Японии. С.363.

⁶⁴ Там же. С.397, прим.6.

⁶⁵ Цит. по: Буддизм в Японии. С.396, прим. 2; 『藥恒, 法花驗記 云: 敏達天皇, 六年 丁酉。百濟國 獻經論, 二百餘卷。此經論中、法華 同來。』 – Фусō-рякки 扶桑略記 // Кокуси-тайкэй 國史大系. Токио 東京: Кэйдзай-дзасси-ся 經濟雜誌社. С.488-489.

⁶⁶ Ким Бусик. Самкук саги. Т.I. С.137.

⁶⁷ Там же.

Угроза возобновления тесного союза Ямато и Пэкче для совместных действий в Кая против Силла заставила это государство в очередной раз попытаться замирииться с Японией. В 10-й луне 579 года новый ван Силла по имени Чинпхён (579-632) прислал «... Чи Чильчон, ранг нама (11-й ранг Силла⁶⁸ – С.Д.) с данью. Государю (Бидацу – С.Д.) была также преподнесена буддийская статуя»⁶⁹. Такая же информация, но более подробная, дана в «Сётоку-тайси дэнряку»: «8-й год [правления Бидацу] (год цутиното-и, 36-й год цикла) [579 г.], зимой, в 10-й луне, [правитель] государства Сираги (кор. Силла) отправил [людей] поднести [государю Ямато] статую Будды. [Сётоку]-тайси [десяти лет отроду] повелел принцу [Татибана-но Тоёхи-но микото], говоря: “Присланная статуя постигшего истину совершенного мудреца (яп. сэй-дзин)⁷⁰ из западной страны [по имени] Будда Шакьямуни, до конца веков [буддизма] (яп. массэ)⁷¹ [следует] почитать его. И тогда прекратятся несчастья (яп. вадзавай), будет привлечено благополучие. [Если] пренебрегать им, то тогда навлечём [на себя] бедствия, уменьшится продолжительность жизни (яп. котобуки)”. [Принц Умаядо] – дитя, [но] читал буддийские сутры, их смысл (яп. мунэ) тонко (яп. бимё) видел, почитал высокочтимую статую Будды, так доктрине [буддизма] учился (яп. сюгё-сита). Государь [Бидацу] очень обрадовался, определил, [чтобы] служили [буддийскую] заупокойную службу (яп. куё-суру). (Ныне [эта статуя] находится в Восточном золотом павильоне буддийского храма

⁶⁸ Там же. С.350.

⁶⁹ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.73; Буддизм в Японии. С.363.

⁷⁰ 聖人 яп. сэйдзин, кит. шэн-жэнь – 1) совершенный мудрец (человек); святой; 2) будд. постигший истину... – БКРС. Т.II. С.151.

⁷¹ 末世 яп. массэ. См. 末法 маппō – эра заката [буддизма]. ЯРС. С.354, 352.

Кōфуку-дзи)»⁷² [Сётоку-тайси дэнряку, св. 1-й, Бидацу, 8-й год пр., 10-я луна].

Но дальше этого отношения не пошли. Когда в 6-й луне следующего года (580 г.) из Силла снова прибыло посольство с подарками, они не были приняты. «Силла прислала Андо, ранг *нама*, и Сильсо, ранг *нама*, с данью. Однако дань не была принята, а сами они отосланы обратно»⁷³ [Нихон-сёки, св. 20-й, Бидацу, 9-й год пр., 6-я луна]. Причиной был, как указывают исследователи, неурегулированный спор из-за каяских земель⁷⁴. В «Ни-тjō-рэки» сообщается: «В год *каното-уси* (38-й г. ц.) [581 г.], люди Сираги (кор. Силла) прибыли, следуя [морскими путями (видимо, прибывшего ранее в Японию силлаского посольства – С.Д.)], на Цукуси, [оттуда] добрались до [местности] Якэ⁷⁵ [области] Харима»⁷⁶ [Ни-тjō-рэки, “Нэндай-рэки”, *Kētō*]. Через два года после предыдущего силлаского посольства, в 10-й луне 582 г. «Силла прислала Андо, ранг *нама*, и Сильсо, ранг *нама*, с данью.

⁷² 『(八歲)八年 己亥、冬、十月。新羅國 獻送佛像。太子 令皇子 奏曰：『西國、聖人 釋迦牟尼佛ノ遺像、末世 尊之。則 銷禍、蒙福。蔑之、則 招災、縮壽』。兒 讀佛經、其旨 微妙、望也、崇貴佛像、如 說修行。天皇 大悅、安置供養。(今 在興福寺ノ東金堂)。』 – Сётоку-тайси дэнрэки (дэнряку) 聖德太子傳曆 // Сётоку-тайси го-дэн сōсё 聖德太子御伝叢書. Токио 東京: Канао бунъэндō 金尾文淵堂, 1942. С.11.

⁷³ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.73.

⁷⁴ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.II. С.73, 318, прим.34.

⁷⁵ См.: Древние фудоки / Пер. К.А.Попова. М.: Наука, 1969. С.73; Якэ – село в уезде Инами провинции Харима; земли этого села простирались по северному берегу реки Како на восток от Масуда (Хигаси-канки, город Какогава). – Там же. С.329.

⁷⁶ 『辛丑、新羅人 來從筑紫、至播磨燒之。』 – Ни-тjō-рэки 二中歴 // Сисэки сjōран 史籍集覽. Токио 東京: Кондō сюббанбу 近藤出版部, 1926. Т.23. С.36.

Дань не была принята, а сами они отосланы обратно»⁷⁷ [Нихон-сёки, св. 20-й, Бидацу, 11-й год пр., 10-я луна].

Причина этих отказов чётко указана в речи государя Путотамасики (Бидацу) от 1-го дня 7-й луны 12-го года пр. (583 г.). «Государь рёк: “Во времена правления моего отца, прошлого государя [Киммэя], Силла уничтожила (яп. *хоробосита*)⁷⁸ страну внутреннего миякэ (яп. *ути-миякэ-но кун*, кит. *нэй-гун-цзя-чжи гó* – досл. “страну домов и дворцов императорского двора”)»⁷⁹, т.е. Мимана (Имна). Здесь же поясняется, что речь идёт о событиях 23-го года правления государя Пиронипа (Киммэя) (562 г.). «[В] 23-м году [правления] государя Амэкуни Осипираки Пиронипа, Имна [государством] Силла была уничтожена. Поэтому сказано [выше, что] Силла уничтожила (яп. *хоробосита*) наш “внутренний” миякэ (др.-яп. *ути-цу миякэ*, кит. *нэй-гуаньцзя* – досл. “внутреннюю казну”, или “(императорские) органы власти”⁸⁰)»⁸¹.

⁷⁷ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 74.

⁷⁸ 滅 яп. хоробосу, кит. мё – гл. ... 3) уничтожить, истребить; 滅國 яп. мэцу-коку, кит. мё-гó – уничтожить государство. – БКРС. Т. IV. С. 258.

⁷⁹ [新羅滅内宮家之國。] – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. II. С. 108. Ср.: Нихон сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 74; где 宮 яп. мия, кит. гун – сущ. 1) дворец; хоромы, покои; 2) императорский (царский) двор... (БКРС. Т. II. С. 541); 内宮 яп. ути-но мия / найгу, кит. нэй-гун – * внутренние дворцы (для жён императора) (БКРС. Т. III. С. 325); 内 яп. най / ути, кит. нэй – сущ. 1) внутренняя часть... 2) внутренняя территория, глубинная часть страны; 3) центральная область, центр; столица; императорский двор... (БКРС. Т. III. С. 325).

⁸⁰ 内官家 яп. ути-цу миякэ, кит. нэй-гуаньцзя – досл. “внутренняя казна”, или “(императорские) органы власти” (Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 248); где 内官 яп. найкан, кит. нэй-гуань – 1) столичный чиновник; чиновник центрального аппарата... (БКРС. Т. III. С. 325); 官家 яп. канка, кит. гуаньцзя – 1) казна... 3) уст. (императорский) двор, правительство, органы власти... (см.: БКРС. Т. II. С. 544); В. Астон перевел этот термин как “interior governments” (внутренние правительственные органы). – См.: Nihongi. Part I. P. 232; см.: Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избранные труды:

Далее продолжается цитирование указа Путотамайки (Бидаци). «Прошлый государь (мой покойный отец⁸² [Киммэй] – С.Д.) рассчитывал **восстановить Имна**.⁸³ Но он не смог сделать этого, (потому что – С.Д.) умер, не исполнив своего намерения. Поэтому Мы должны помочь в исполнении божественного замысла и **восстановить Имна**»⁸⁴.

Вследствие этого попытки «восстановления Мимана» властями Ямато не закончились и продолжились в дальнейшем.

история. М.: Наука, 1974. С.39; Конрад Н.И. Лекции по истории Японии (1937 г.): Древняя история (с древнейших времён до переворота Тайка, 645 г.) // Японские древности (историко-правовые исследования): сборник научных трудов. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. Вып. 1-й. С.82.

⁸¹ 「... 廿三年、任那 爲新羅 所滅。故云新羅 滅我内官家也。」 – Нихон-сёки, 1957. Ч.1. Т.11. С.108; ср.: Нихон сёки: Анналы Японии. Т.11. С.74.

⁸² 先考 яп. сэнкō, кит. сянькяо – [мой] покойный отец (родитель) (БКРС. Т.11. С.433).

⁸³ 「先考天皇 謀復任那。」 – Нихон-сёки, 1957. Ч.1. Т.11. С.108; где 復 яп. фукусуру, кит. фù – гл. Б. 1) восстанавливать, реставрировать; возвращать... – БКРС. Т.11. С.1100.

⁸⁴ Нихон сёки: Анналы Японии. Т.11. С.74; Нихон-сёки, 1957. Ч.1. Т.11. С.108.

**Принц Ацуакира и его «причуды»:
несколько соображений о принципах жизни
придворного общества в период Хэйан**

(Грачев М.В.)

«Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари») – выдающееся творение японской литературы, где отражены понятные людям эпохи Хэйан (794-1185) конвенции. Означает ли это, что в «Гэндзи моногатари» мастерски передан дух эпохи Хэйан во всем своеобразии? В какой мере объективна реализованная в образах идеальных персонажей картина, изображаемого автором общества? Не запечатлён ли в «Повести о Гэндзи» мир достоверной недостоверности, иллюзия реальности? Не является ли эта картина мечтанием о действительности, верой в истинность иллюзии реальности?

Неслучайно, что характеристики общества в «Гэндзи моногатари» и дневниках придворных отличны, словно воплощены на основе различных принципов миропонимания. Посему, не довольствуясь совершенной стороной исторической реальности, попробуем добраться до сути негативной стороны жизни двора, дабы осознать, до какой степени она была правдоподобна для социума благородных мужей и утонченных дам.

Обратим взор на принца крови Ацуакира (994-1051) – историческую личность, сведения о которой содержатся в дневниках Фудзивара Митинага (966-1027) («Мидо кампакуки») и Фудзивара Санэсукэ (957-1046) («Сёюки»). Как и принц Гэндзи, Ацуакира – сын императора, с молодых ногтей поражавший окружающих талантивостью, был наделен природной красотой, эрудицией, его поведение отличалось необычайной учтивостью и манерностью. Старшей супругой Ацуакира становится дочь одного из министров. Под стать

опытному сердцееду принцу Гэндзи, Ацуакира – покоритель женских сердец. Ацуакира – виртуозный мастер церемониала и тонкий знаток музыки. Дети Ацуакира достигли высокого положения при дворе¹.

Акцентируем внимание на поведенческих сценариях, где принц крови, несмотря на цивилизованность, выступает инициатором деяний, которые едва ли можно охарактеризовать в качестве благовоспитанного поведения отпрыска императорского рода.

В 1014 г. по приказу Ацуакира подвергся нападению Минамото Масамото – управитель провинции Кага. Инцидент произошел среди бела дня в столице мира и спокойствия, внушив страх придворным чиновникам, ввиду того что Минамото Масамото был одним из богатейших людей столицы. Злочинцы остановили управителя на улице, когда он направлялся в столичную резиденцию, стащили с лошади, заставили пешком идти до усадьбы Ацуакира Хорикава, где избили и заперли в подсобном помещении. Действия Ацуакира, старшего сына императора Сандзё, вызвали переполох среди столичных обывателей. Фудзивара Санэсукэ с содроганием сердца сообщает, что имело

---

¹ Фудзивара Энси – дочь Фудзивара Акимичу (944-1021). Источники фиксируют неединичные примеры чувствительности вельможи к женскому очарованию. Первый брак не был счастливым и сопровождался изменами Ацуакира. С появлением в 1017 г. восемнадцатилетней Фудзивара Канси – второй супруги Ацуакира – он окончательно охладел к Энси, здоровье которой сильно пошатнулось и в 1019 г. она скончалась в одиночестве. Левый министр Акимичу, души не чаявший в Энси, так и не оправился от сильного потрясения и умер от горя и отчаяния. Яманака Ютака. Фудзивара Митинага. Токио, 2008. С.173-174, 214-215; McCullough, William H.; McCullough, Helen C. A Tale of Flowering Fortunes. Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period. Vol.I-II. Stanford, 1980. P.36-37, 168-169, 307, 439-441, 459-461, 466-470, 517-520, 688-692, 717-718, 723, 781.

место быть «из ряда вон выходящее происшествие, ибо ранее ничего подобного не происходило»².

В 1019 г. во время паломничества в храм Исиямадэра Ацуакира был уязвлен поведением представителя потомственной столичной знати, управителя провинции Оми Минамото Цунэёри (985-1039), не пожелавшего прислуживать ясно вельможной особе царской крови. В ответ на дерзостный отказ Цунэёри исполнить прихоти царевича, отличавшийся сумасбродством Фудзивара Ёсинобу (995-1065)³, в то время человек ближнего круга Ацуакира, захватил в заложники властных персон провинции Оми, дабы принудить местные власти реализовать пожелания принца крови⁴.

В 1021 г. о выходке спланированной Ацуакира в который раз разнеслась молва по граду мира и спокойствия. То был худший день в жизни Такакина Нариаки (990-1058), управителя провинции Кии, подвергшегося нападению на южной окраине столицы, около храма Тодзи. Прислужники Ацуакира окружили Нариаки со всех сторон и, схватив за

---

² Сёюки [Записи правого министра]. Т.1-11. Токио, 1959-1986. Тёва, 3-6-16, 1014 г.

³ Фудзивара Ёсинобу (сын Фудзивара Митинага) слыл известным забиякой и скандалистом, но, пользуясь покровительством отца, быстро продвигался по службе и без заметных потерь выходил из многих передраг. В дневнике Фудзивара Санэсукэ (записи Митинага хранят о том молчание) его имя часто фигурирует в связи нарушениями общественного порядка. Так, в 1014 г. вновь испеченный сановник (яп. кугё), двадцатилетний Ёсинобу, подозревался в домогательствах к своему подчиненному – младшему офицеру государевой охраны, восемнадцатилетнему Фудзивара Ёриюки. пылая страсть, Ёсинобу направил к Ёриюки слугу, но Ёриюки отверг постыдные притязания и застрелил из лука челядинца Ёсинобу. Инцидент удалось замять, однако Ёсинобу не раз ставил отца в неловкое положение. Сёюки. Тёва, 3-12-25, 1014 г.; Тиан, 2-3-23, 1022 г.; Мандзю, 2-7-11, 1025 г.

⁴ Сёюки, Каннин, 3-10-25, 1019 г.

волосы, сволокли с коня, выкрикивая поношения, а потом стали избивать, так что одеяние управителя покрылось грязью и вскорости превратилось в рванину. Все это напоминало безобразие, извращённую «забаву», когда челядники государева отпрыска при свете дня в людном месте глумились над служащим высокого ранга. Такое «невообразимое невежество», по мнению сановных персон, требовало досконального расследования⁵.

В 1023 г. царевич Ацуакира начертался на памяти окружающих еще одним запоминающимся деянием, в результате которого синтоистское празднование Аой мацури превратилось для многих присутствующих в настоящий кошмар. Поначалу толпа людей собралась местечке Мурасакино, дабы в атмосфере торжества полюбоваться сопровождаемым песнями и танцами ритуальным шествием священнослужителей из императорского дворца обратно в святилище Камо. На улицах царила праздничная обстановка и зрители наслаждались зрелищем. Однако с появлением сопровождаемого челядинцами Ацуакира радостные настроения сменились паническими. Люди, приготовившиеся посмотреть процессию, начали разбегаться, а слуги принца вели себя бесцеремонно и агрессивно, оттесняли зрителей, избивая их руками и ногами, дабы хозяин мог восхищаться празднеством из повозки, запряженной быком. Не остановившись на достигнутом, прислужники Ацуакира приступили к погоне за бросившимися в рассыпную зрителями. Люди в ужасе предприняли попытку укрыться в храме Тисокуин, но преследователи вторглись на территорию храма, сломав ворота. К счастью, никто не погиб.

---

⁵ Сёюки, Дзиан, 1-11-8, 1021 г.

На этом оскорбительные акции в тот день не завершились. Безжалостную атаку пережил чиновник высокого ранга, бывший управитель провинции Нагато по имени Такасина Наритоси (старший брат Нариаки). На Наритоси напал Такасина Арихира⁶, управляющий в усадьбе Ацуакира, сорвал с него шапку-эбоси и, растрепав волосы, повредил прическу, унизив Наритоси на глазах у окружающих людей⁷.

В 1027 г. принц Ацуакира направил свой гнев против Тоётакэ (родовое имя не известно), который служил правому министру Фудзивара Санэсукэ. Он проживал в резиденции Санэсукэ Оно-но мия и был дворовым мастеровым, выполнявшим какую-либо конкретную работу в доме хозяина.

В 2-й день 6-го лунного месяца слуги принца Ацуакира проникли в дом Тоётакэ, схватили его и попытались выбраться из Оно-но мия через северные ворота. Однако похищение не удалось, ввиду обнаружения пятерых злоумышленников домашней прислугой Санэсукэ: конюхами, возничими и вооруженными охранниками (всего ок. 30 человек). Доподлинно неизвестно, кто первым обнажил клинок, и, хотя жертв в результате инцидента не было, в суматохе «побоища» Тоётакэ ускользнул от притеснителей.

Ранее Ацуакира уже требовал от правого министра передать ему Тоётакэ. Какова бы ни была причина конфликта, предпочитавший не улаживать дела на личном уровне Санэсукэ постарался решить проблему официальным путем, обратившись в полицейское ведомство Кэбииситё. Проведенное сыщиком Тайра-но Токимити рассле-

---

⁶ Был ли он родственником Норитоси и Нориаки неизвестно.

⁷ Сёюки, Дзиан, 3-14-17, 3-4-18, 1023 г.

дование не установило виновность Тоётакэ и претензии Ацуакира были полностью отклонены⁸.

Ацуакира был не из тех, кто, столкнувшись с трудностями, отступал и дабы получить желаемое, имел обыкновение прибегать к грубой силе, игнорируя устоявшиеся нормы. Вечером того же дня по его приказу была задержана супруга Тоётакэ. План Ацуакира принудить мастерового подчиниться не увенчался успехом и после трех дней ареста не без деятельного участия служащих Кэбииситэ супруга Тоётакэ вернулась домой⁹.

Все вышеозначенные неприличия имеющий слабость наблюдать за плодами замыслов своих Ацуакира совершал, разумеется, не самолично, но вряд ли его свита отважилась на подобные забиячливые акты без прямого распоряжения господина. Оценку деятельности царевича оставил царедворец Фудзивара Санэсукэ, который укорял Ацуакира в жестокосердии и неспособности обуздывать злобную душу, что «стало причиной разнообразных возмутительных происшествий»¹⁰. Логично задать вопрос: насколько недопустимым для знатного лица эпохи Хэйан выглядело поведение Ацуакира¹¹? Являлся ли он способным на какое угодно чудачество сумасбродом или же его жестокосердные поступки были продиктованы специфичностью среды обитания?

Главенствующей целеустановкой настоящего исследования является, скорее, разъяснение, нежели осуждение,

---

⁸ Сёюки, Мандзю, 4-6-2, 1027 г.

⁹ Сёюки, Мандзю, 4-6-3, 4-6-6, 1027 г.

¹⁰ Сёюки, Дзиан, 3-4-18, 1023 г.

¹¹ Также поступал и Митинага, приказавший в преддверие аттестации похитить и держать в заточении без еды и питья экзаменатора Татибана Ёсинобу. Сёюки, Энэн, 2-12-4, 988 г.

и вряд ли следует бездоказательно возлагать на принца крови Ацуакира моральную ответственность за проявления насилия и жестокости по отношению к окружающим. В этой связи надлежит, не обеляя зверств, доискаться до их природы, по возможности обнаружить на фоне насильственных деяний определенную первопричину, для чего подобает понять самого человека в конкретной ситуации.

Конфликт с Минамото Масамото. Важная информация, позволяющая определиться с причиной нападения слуг Ацуакира на Масамото, содержится в дневнике левого министра Фудзивара Митинага. В 1015 г. к Митинага с ходатайством обратилась жена Масамото, где слезно просила возвратить изъятое имущество, ведь ее дом был опечатан чиновником охранной управы¹² Тайра Тамэтада в счет неуплаченного долга супруга перед принцессой крови Ёсико. Обвинения были серьезны и симпатизировавшей женщине всесильный Митинага не смог снять судебный запрет и вернуть ей дом¹³.

Минамото Масамото не был успешным управителем Кага и ранее ему вменялось в вину неспособность руководить подведомственной территорией (увеличение налоговых поборов, бегство крестьян, изуверство над местным населением и т.д.), однако иск был отклонен, так как ключевые свидетели не отважились явиться в суд, опасаясь за жизнь¹⁴.

---

¹² Штат полицейского ведомства (яп. Кэбииситё) был невелик и для поддержания порядка в столице чиновники охранных управ числились на службе в Кэбииситё.

¹³ Мидо кампакуки [Записи канцлера из павильона Мидо]. Токио, 1952-1954. Тёва, 4-7-23, 4-7-25, 1015 г.

¹⁴ Мидо кампакуки, Тёва, 1-9-22, 1-12-9, 1012 г.

Когда в 1011 г. государь Сандзё вступил на престол, жизнь его первенца Ацуакира кардинально изменилась. Царевич обрел статус принца крови и, невзирая на возмущение Фудзивара Митинага, был назначен главой ведомства церемоний (яп. *сикибукё*). Он начинает принимать участие в делах управления страной, что способствовало росту политического влияния Ацуакира¹⁵. Представляется, что желание помочь младшей сестре, принцессе крови Ёсико, взыскать задолженность с Масамото и проинспектировать управление провинцией Кага, администрация которой не исполняла обязательства перед императорским двором по доставке податей, побудила Ацуакира прибегнуть к действенным мерам принуждения в отношении Масамото¹⁶.

Способ воздействия на должника не был изобретением Ацуакира. По всей вероятности, идею он почерпнул в наставлениях тестя (Фудзивара Акимицу), которому, согласно традиции, надлежало присматривать за зятем, пестуя его в премудростях жизни. В 1012 г., когда Ацуакира вместе

---

¹⁵ Вопреки существующему мнению, должность *сикибукё* не была номинальной, а использовалась для побуждения многообещающих представителей царской семьи, которые отличались политической проницательностью и разбирались в практических вопросах администрирования; наделяла обладателя широкими властными полномочиями. Фактически, государь уведомил двор о желании приобщить своего отпрыска к делам высокой политики и в перспективе назначить его престолонаследником.

¹⁶ Неизвестно, как после регулярных просчетов на посту управителя Кага Масамото удавалось избежать увольнения. Возможно, тому поспособствовала благосклонность Митинага, чьей протекцией он пользовался. Обстоятельства трагического конца Масамото (пронзили копьем в столичной резиденции во время разбойного нападения) позволяють допустить акт расплаты за бесчинства, чинимые в Кага много лет. Сёюки, Каннин, 4-12доп.-26, 1020 г.

с супругой проживал в поместье Акимицу Хорикава, он стал свидетелем применения силы в отношении инспектора провинции Тамба Томо Масато. Челядь Акимицу сбросила чиновника с лошади, препроводила в усадьбу Хорикава, где он был избит и посажен под замок. Масато оказался виновен в неисполнении долговых обязательств перед Асаи Ариката – управляющим усадебным комплексом Акимицу¹⁷.

Взимание долгов было неотъемлемой частью повседневности знати эпохи Хэйан и для ускорения выплаты задолженности применялись самые радикальные методы воздействия, включая похищение, удержание под стражей и мордобитие, считавшиеся эффективными способами побуждения несговорчивой клиентуры. Вся эта живописная метода функционирования в обществе была частью школы жизни, пройденной мужающим отроком Ацуакира под руководством опытного наставника Акимицу; школы, которая дала самоочевидные плоды, закрепив за Ацуакира дурную славу похитителя¹⁸.

Враждебность к братьям Нариаки и Наритоси. Перипетии во время празднества Аой мацури в 1023 г., когда обычных зрителей разогнали слуги вельможи, надлежит признать, не были чем-то исключительным для эпохи Хэйан. Для осмысления мотивов, спровоцировавших Ацуакира продемонстрировать агрессивность в отношении Нариаки и Наритоси, должно уразуметь, как изменился статус Ацуакира. Императору Сандзё не удалось сделать Ацуакира цесаревичем, а взаимопонимание между Сандзё и Фудзивара Митинага складывалось не лучшим образом, и

---

¹⁷ Сёюки, Тёва, 1-9-17, 1-9-18, 1012 г.

¹⁸ Поведение Акимицу вызвало негодование при дворе и за ним прочно закрепилось обидное прозвище «глупейший из глупейших». Сёюки, Тёва, 5-1-27, 1016 г.

император был вынужден отречься при условии назначении Ацуакира престолонаследником, лелея надежды увидеть сына на престоле. Тем не менее, атмосфера недоверия по отношению к новому цесаревичу ощущалась при государственном дворе, ибо чиновники опасались прогневить Митинага, фактически управлявшего государством и желавшего видеть наследником престола принца крови Ацунага (будущий император Госудзаку (род. 1009, прав. 1036-1045))¹⁹. Смерть экс-императора Сандзё в середине 1017 г. не сулила ничего высокоперспективного для Ацуакира. Спустя три месяца он был приневолен сложить полномочия престолонаследника, а чуть позже ему пожаловали почетный титул «Коитидзё ин». Впрочем, путем виртуозных переговоров он сумел добиться статуса «соответствия отрешемуся государю» (яп. *дзюн дайдзё тэнно*), позволивший Ацуакира сохранить самоуважение и финансовую самостоятельность.

Оценив таланты Ацуакира и стараясь сгладить противоречия с только что лишившимся своего поста престолонаследником, Фудзивара Митинага инициировал брак своей дочери Канси и Ацуакира, а Фудзивара Ёсинобу стал компаньоном «Коитидзё ин», дабы держать уязвленного царевича в поле зрения, не столько опекая, сколько присматривая за ним²⁰. В этом качестве Ёсинобу в 1019 г. оказал силовое воздействие на элиту провинции Оми, которая не проявила к Ацуакира подобающего почтения²¹.

---

¹⁹ Госудааку был внуком Митинага по материнской линии. Такая линия родства признавалась предпочтительной для сохранения Митинага (и членами его семейства) политического доминирования при дворе.

²⁰ Курамото Кадзэхиро. Сандзё тэнно [Император Сандзё]. Токио, 2010. С.207-212, 237-245; Хотатэ Митихиса. Хэйан отё [Государев двор в эпоху Хэйан]. Токио, 2000. С.130-138.

²¹ Думается, что Митинага недооценил интеллект Ацуакира. Скорый на расправу Ёсинобу, стараясь заручиться благорасположенностью Ацу-

Моральное и эмоциональное насилие, которое испытывал в это время Ацуакира, наверное, нельзя передать словами, а можно только прочувствовать. Ацуакира, который не мог нанести существенный урон человеку, занимавшему положение авторитетнейшей фигуры при дворе, позднее продолжил борьбу с причинившим ему страдания Митинага, разработав приемлемую стратегию. Наритоси и Нариаки, преданно служившие своему покровителю Фудзивара Митинага многие лета и приумножавшие его экономическое могущество²², выступали идеальными «противниками» для Ацуакира, вымещавшим на братьях обиду на всесильного министра.

Санэсукэ намекает, что мог существовать еще один повод, объясняющий измышительство Ацуакира над Нариаки, из-за того, что управитель провинции ущемил интересы бывшего престолонаследника, у которого были земельные владения на территории Кию. Неспособность обезопасить свои потребности подтолкнула Ацуакира к активным действиям²³. Если бы Ацуакира в таких обстоятельствах не предпринял никаких решительных мер, то это расценили бы за демонстрацию слабых характеристик, и осложнения могли обнаружиться и в других владениях Ацуакира.

акира, по непредусмотрительности нанес ущерб престижу отца, поскольку ущемил гордость Цунэри, племянника Минамото Ринси (964-1053) – главной супруги Митинага. Сёюки, Каннин, 3-10-25, 1019 г.

²² Будучи управителями Кию, Нагато и Хидзэн, Нариаки и Наритоси обеспечивали регулярный приток сельскохозяйственной и ремесленной продукции в кладовые уроженцев семейства Митинага. Их отец, Такасина Нарито (965-1010), за продуктивность и верность был наречен Митинага «несравненной фигурой» (яп. мусося), а когда Наритоси допустил серьезную ошибку, находясь на посту управителя Нагато, Митинага приложил максимум усилий, дабы сохранить в тайне этот случай. Сёюки, Каннин, 2-12-7, 1017 г.

²³ Сёюки, Дзиан, 1-11-8, 1021 г.

Разлад с Тоётакэ. Обратим внимание на одну показательную историю из «Кондзяку моногатари сю» («Собрание стародавних повестей», XII в.), где повествуется о несчастной судьбе серебряных дел мастера Нобумаса, который по приказу экс-императора Кадзана (прав. 984-986, ум. 1008) был брошен в тюрьму, где подвергся невероятным истязаниям²⁴. Нобумаса остался жив, но рассказ удостоверяет нас, какое ужасное обращение мог претерпеть незнатный человек, впавший в немилость к представителю царского рода.

Не понятно, чем провинился Тоётакэ перед Ацуакира. Вероятно, стремление похитить мастера сребродела имело касательство к противоборству с Фудзивара Санэсуке, не раз обращавшего внимание на экстравагантность поведения Ацуакира и порицавшего Акимицу за неподобающее воспитание зятя. Заказы, выполняемые ремесленниками, способствовали увеличению престижа их хозяев и знатные люди дорожили хорошими умельцами, воспринимая их в качестве домочадцев и вступаясь за них, если им грозила реальная опасность²⁵. Выскажем предположение, что близкие отношения аристократов с мастерами ремесленных дел (например, Тоётакэ) могли превращать последних в потенциальную цель агрессии во время раздоров между могущественными людьми²⁶.

---

²⁴ Его погрузили в сосуд с водой по холодной погоде 10-го месяца, и бедолага промерз до костей. Имаи Гэнъэ. Кадзанин-но кэнкю (соно 2) [Исследование [биографии] экс-императора Кадзана, часть 2] // Бунгаку кэнкю. №58, 1959. С.105, 110.

²⁵ Сёюки, Дзиан, 3-4-23, 1023 г.; Мандзю, 1-12-12, 1024 г.

²⁶ Ацуакира приходился племянником Кадзану и вполне мог быть осведомлен о методах воздействия дяди на недругов, дабы применить к Тоётакэ аналогичное средство давления.

Подведем итоги.

По мере корректировки устоев общежития трансформируются представления о пристойном и постыдном и относящиеся к ним стандарты эмоциональных реакций. Человек двора эпохи Хэйан, сохраняя приверженность к «хорошим манерам», регулировавшими обыденное поведение, дабы постоять за себя и охранить собственные интересы, принимаются усваивать новые практики. Такого рода обыкновения соседствовали с прежними типами повседневности и интерпретировались как само собой разумеющиеся, а не навязанные извне. Мастерство сдерживаться и контролировать аффекты, а также умение камуфлировать вульгарные пристрастия были присущи придворной сфере со строго организованной иерархичной системой общественных отношений. Выбор враждебной или дружелюбной манеры держаться определялся как силами, функционирующими внутри личности, так и внешними, социальными предпосылками.

Сконфуженный и разгневанный Ацуакира направил свой гнев на недоброжелателей, главнейшим из которых был Фудзивара Митинага, но так как он был практически неуязвим для Ацуакира, то пришлось вырабатывать механизм действия, где гипотетическими «мишенями» выступали люди из окружения Митинага, а сам гнев обретал разные способы выражения и различную степень интенсивности. Ацуакира приступил к делу не торопливо, не гонимый сильными душевными порывами, а рассудительно, безошибочно оценив силы и возможности врага, проанализировав его слабые стороны, взвесив собственные преимущества и ресурсы, составив детальный план.

Среди знати честь имела значение «символического капитала» семьи. Доброе имя обеспечивало репутацию чело-

века и его социальный статус, а бесчестие отождествлялось с погибелью. Закономерно, что Ацуакира избрал честь объектом демонстрации неприязни и ненависти, потому как жажда возмездия требовала тонкого подхода, когда орудия бесславия должны были обстоятельно подействовать на степень оскорбления недруга, дабы испортить супротивникам репутацию посредством невыносимого унижения.

Инструментарий отмщения был подобран безукоризненно: 1) публичное снятие головного убора эбоси с последующим волочением пострадавшего за волосы; 2) прилюдное нанесение побоев, сопровождаемое насмешками; 3) принуждение идти пешком к месту заключения; 4) содержание под стражей; 5) вываливание в грязи и разрывание одежды²⁷. Нет сомнений, что весть о «бесчестие» Масамото, Нариаки и Наритоси вмиг разлетелась и они превратились в посмешище всей округи, а их благодетель пребывал в ярости. Однако жестокосердные поступки Ацуакира могли быть связаны с отстаиванием экономических интересов и распространялись не только на ближний круг Митинага, а, следовательно, разумно допустить многоплановые отношения между гневом конкретных представителей придворного общества и актами насилия, которые они

---

²⁷ Эбоси – часть наряда знатных лиц – указывала на взрослость ее носителя, была символом социального ранга. Пожалование бывшему преступнику шапки эбоси рассматривалось как знак возвращения в состояние честного и законопослушного человека, в ряды «добротого люда». Сайкюки [Записи из Западного дворца]. Токио, 1993. С.866. С грязным тряпьем сравнивали непригодных для исполнения функций, потерявших лицо, невежественных людишек. Тёя гунсай [Обозрение двора и дальней округи]. Токио, 1964. С.45-47. Конвоирование задержанных верхом на лошади или в повозке, запряженной быком, было привилегией чиновников. Напр., Мидо кампакуки, Канко, 3-5-16, 1006 г.

в состоянии недовольства совершали, вынашивая краткосрочные или долгосрочные замыслы. Охлаждение гнева, потому как после смерти Митинага порывы раздражения Ацуакира по отношению к семейному кругу почившего министра более источниками не фиксируются, надо полагать обладало персональным измерением.

Таким образом, гнев предстает частью дискурса, который предопределял сценарии или модели репрезентации, истолкования и тревог соперничества за честь или же иных вариантов разногласий. Проявление негодования осмыслялось в виде существенного компонента стратегии функционирования в придворной среде эпохи Хэйан, которую каждый влиятельный человек задействовал на собственный лад, и которая не соответствует общепринятым категориям социальной и политической истории, поскольку она невозможно гарантированно отнести ни к открытому, ни к символическому насилию.

**Знамения апокалипсиса:
потрясения эры Ансэй (1854-1860) и их влияние
на развитие кризисной ситуации в Японии**

(Романчев Д.Д.)

Введение

Политические и социально-экономические события периода Бакумацу 1853-1868 гг. достаточно хорошо известны науки, однако природные, религиозные и прочие факторы в общем процессе развала власти Токугава зачастую упускаются из виду, хотя они имели непосредственное влияние на «стачивание» экономического, демографического и идеологического «тыла» сёгуната Токугава.

В этом контексте наиболее наглядным примером является эра Ансэй 1854-1860 гг., в течении которой Японию потрясло несколько крупных природных катастроф, неудачно совпавших с внешнеполитическими событиями. Это дало повод суеверному в общей массе народу Японии разглядеть в происходившем знак с выше, говорящий о своего рода утере Токугава «мандата Неба», если говорить терминами китайской истории. В этом контексте серия бедствий, которые последовали за решением сёгуната открыть страну иностранцам (что воспринималось большинством народа, как преступление), стала очередным поводом усомниться в дальнейшей законности власти сёгунов Токугава. Сами бедствия: пожары, болезни, землетрясения – нанесли непоправимый ущерб столице сёгуната – городу Эдо. Потери в людях означали для Токугава подрыв экономической стабильности и потерю части податного населения, а также потери в военной силе. Обездоленные люди нуждались в крове и пропитании, и эта ноша ложилась на чиновников сёгуната. Всё это вынуждало тратить и без того находящуюся на грани банкротства казну.

1. «Великие землетрясения Ансэй» и открытие Японии.

В 1852 г. правительством США было решено надавить на сёгунат с помощью силы военного флота. Командование эскадрой доверили коммодору Мэтью Перри (1794-1858), опытному военному, которого еще называют «отцом парового флота США». Флот отправился к берегам Японии в 1852 г. и состоял из 4 военных кораблей. К 1853 г. эскадра США добралась до архипелага Рюкю, а 8 июля уже встала на якорь в заливе Урага. Перри заранее приказал направить пушки в направлении берега и дать несколько холостых залпов.

Правительство сёгуната было парализовано. Сёгун Токугава Изёси (1793-1853), которому на момент 1853 г. было уже 60 лет, большую часть своего правления отстранялся от политики и делегировал полномочия своим советникам. Население Эдо также прибывало в смятении. Прибывшие 8 июля корабли отличались от всего, что было раньше. Это были военные фрегаты и шлюпы – паровые и парусные, способные нести современные, мощные артиллерийские орудия. Из-за черного цвета корпусов и извергаемого кораблями черного дыма зеваки прозвали их курофунэ – «черные корабли».

Представителям сёгуната удалось убедить Перри перенести переговоры на следующий год, ссылаясь на болезнь сёгуна. Вскоре Токугава Изёси умер, а ему наследовал больной церебральным параличом Токугава Иэсада (1824-1858), не способный управлять.

Перри решил вернуться раньше – 13 февраля 1854 г. Имея на этот раз еще больше кораблей, он намеревался добиться от Японии подписания договора. Было решено подписать договор в деревне Йокогама провинции Канагава, чуть южнее Эдо, куда и высадился Перри вместе с 500 моряками 8 марта 1854 г. После нескольких раундов

переговоров, 31 марта был подписан «Канагавский договор». Согласно ему, для кораблей США открывались порты Симода в провинции Идзу (совр. преф. Сидзуока) и город Хакодатэ (на южной оконечности острова Хоккайдо), где они могли за деньги или в обмен получать, еду, воду, уголь и т.д. Аналогично 14 октября 1854 г. был заключен англо-японский, а 7 февраля 1855 г. русско-японский договоры.

27 ноября 1854 г. девиз правления императора Комэй был изменен с Казэй («вечное блаженство») на Ансэй («мирное правление»). Традиционно до периода Мэйдзи (1868-1912) девизы правления императоров изменялись в соответствии с какими-либо переменами в жизни общества (стихийные бедствия, неурожаи, войны). В данном случае новая эра знаменовала собой установку на восстановление покоя страны после травматического визита Перри, и смерти сёгуна Изёси. Однако, действительность оказалась прямо противоположной – эра Ансэй станет началом великих потрясений для Японии.

23 декабря 1854 г. на побережье региона Токай произошло землетрясение магнитудой 8,4, вызвавшее крупное цунами. Это было первое из «трех великих землетрясений Ансэй». Эпицентр находился в заливе Суруга. В центральной Японии интенсивность землетрясения составила 5 баллов. Ущерб был особенно серьезным в прибрежных районах современной префектуры Сидзуока от города Нумадзу до реки Тэнрю (близ современного города Хамамацу), при этом многие дома были повреждены или разрушены.

В юго-восточной части полуострова Идзу от цунами сильно пострадало поселение Симода. Всего девять волн обрушилось на город, разрушив 840 домов и унеся 122 жизни. Этот случай хорошо известен в России, т.к. в ходе этого бедствия затонула «Диана», флагманский корабль

адмирала Путятина, который в тот момент вел в Японии переговоры о заключении первого русско-японского договора. В большинстве пострадавших районов высота волн составляла 4-6 м, в деревне Ирумэ 13,2-16,5 м.

На следующий день, 24 декабря 1854 г. произошло еще одно крупное землетрясение – второе из «великих». Оно затронуло регион Нанкай и именуется «Нанкайское землетрясение годов Ансэй». Оно имело магнитуду 8,4 и вызвало разрушительное цунами. Было разрушено более 30 000 зданий, погибло 3 000 – 10 000 человек¹.

Южное побережье острова Хонсю проходит параллельно Нанкайскому разлому, который является субдукцией плиты Филиппинского моря под Евразийскую плиту. Это обусловило большую сейсмическую активность в этом регионе. Здесь же располагался эпицентр крупного землетрясения 1946 г. магнитудой 8,1-8,4.

Ущерб от землетрясения был серьезным: 5 000 построек было разрушены и еще 40 000 серьезно повреждены. 6 000 зданий было повреждено разразившимся пожаром. Цунами смыло еще 15 000, и в общей сложности погибло 3 000 человек². На о.Сикоку наибольшая высота наводнения составляла 7,5 м в Муги и 8,3 м на побережье Кōти.

Следуя сразу за открытием страны для иностранцев, эти землетрясения укрепили мнение японского народа в том, что решение сёгуната идёт наперекор «божественной воли» японских богов.

---

¹ Ансэй дайджисин (Великие землетрясения годов Ансэй). О:эдо рэкиси хякка («Историческая энциклопедия Большого Эдо»), Кавадэ Сёбо Синся, 2007, С.253.

² National Geophysical Data Center / World Data Service. Significant Earthquake Information. Date Views 12.05.2024 <https://www.ngdc.noaa.gov/hazel/view/hazards/earthquake/event-more-info/1971>

Тем временем, 11 ноября 1855 г. в Эдо произошло «землетрясение в Эдо годов Ансэй». По традиционному лунному календарю Японии оно произошло 2 октября. Японские верования гласят, что в десятом месяце японские божества уступают свои места меньшим божествам, а сами собираются на встречу в Идзумо.

Точная причина землетрясения неизвестна, но с большой долей вероятности эпицентр пролегает достаточно близко к разрыву, вызвавшему «Великое землетрясение Канто» 1923 г. Магнитуда этого землетрясения – 6,9-7,0 балла, оно не вызвало крупных цунами. В разных частях города ущерб оказался разным – все дело в разнице грунта. Больше всего пострадали районы с ранее осушенными болотами или искусственные насыпи. Особенно значительными были разрушения в «переулке *даймё*» (район Токийской станции), где располагались крупные особняки и несколько правительственных учреждений сёгуната. Сильно пострадал знаменитый квартал развлечений Ёсивара. Недавно построенные артиллерийские батареи (*дайба* 台場), символ власти сёгуната – были серьезно повреждены.

Оценки количества погибших варьируются от 8 000 до 10 000, в основном из вышеупомянутых районов³. Землетрясение и последующие пожары уничтожили около 50 000 объектов недвижимости и более 50 храмов. Суммарно последовавшим пожаром было уничтожено около 2,3 км² земли⁴. Масштабы разрушений и людских жертв в результате землетрясения были особенно высокими для

---

³ Smits, G., 2006. Shaking up Japan: Edo Society and the 1855 Catfish Picture Prints. *Journal of Social History*, 39(4). pp.1045-1078.

⁴ Enomoto, T., 1987. Study on the distribution of seismic intensity of the 1855 Ansei Edo earthquake in the Kanto District. *Structural Engineering // Earthquake Engineering*, Vol.4, No.1. pp.175-195.

того времени, поскольку Эдо периода Ансэй был построен из жаростойких, но не устойчивых к землетрясениям материалов. По состоянию на 1855 г. в Эдо не было крупных землетрясений примерно 154 года, и жителям казалось, что землетрясения слишком маловероятны.

Сильнее прочих пострадала резиденция княжества Мито в Коисикава. Погиб старший вассал Тода Тюдэйю (1804-1855), а также сподвижник и близкий друг лидера рода Токугава Нариаки (1800-1860) – Фудзита Тōко (1806-1855), что в дальнейшем поспособствовало дестабилизации политической обстановки в княжестве.

«Гэндзи Юмэ Моногатари» за 1855 г. повествует: «[...] ночью 2-го дня 10-го месяца произошло великое землетрясение в восточных провинциях, которое сильнее всего ощущалось в Эдо. Более 10 000 построек, включая замок, резиденции *даймё* и вассалов *сёгуна*, синтоистские святилища, буддистские храмы и жильё горожан было разрушено; пожар разразился в 30 местах сразу, пламя поднялось и распространилось во все стороны, да так что последовал грандиозный пожар. Число погибших составило сто четыре тысячи; трупы были захоронены властями в тринадцати больших храмах»⁵.

Через два дня после землетрясения начали появляться гравюры и прочие изображения, и в последующие недели было создано порядка 400 различных их типов. На большинстве гравюр были изображены гигантские сомы – тип изображения, известный как Намадзу-э. Землетрясения в то время обычно приписывались метаниям этого мифологического сома. Важно отметить, что большинство

---

⁵ Satow, E.M., 1905. Japan 1853-1864, Or, Genji Yume Monogatari. Tokyo: Naigai shuppan kyokai, pp.12.

жителей Эдо восприняли этот сценарий как метафорический⁶.

Гравюры этого времени зачастую показывают достаточно циничную картину происходящего: для многих жителей Эдо землетрясение стало источником потенциальных прибылей. Этот потенциал был особенно очевиден для квалифицированных рабочих, а также для торговцев, которые продавали материалы, необходимые для восстановления. Многие даже неквалифицированные рабочие смогли найти работу с более высоким заработком, а помощь правительства после землетрясения была быстрой и щедрой.

Из-за почти полного разрушения района Ёсивара сёгунат санкционировал открытие многочисленных временных публичных домов. Многие гравюры о землетрясениях использовали эти места в качестве декораций и часто изображали недавно разбогатевших строителей, тратящих там деньги. В целом гравюры о землетрясении в Эдо имели тенденцию интерпретировать значение этого события как predetermined встряску общества, в результате которой деньги текли из карманов элиты (даймё и богатых купцов) в руки трудолюбивых рабочих.

Обычным термином для этого перераспределения богатства в контексте землетрясения в Эдо были ёнаоси 世直し, буквально «исправление мира». В период Токугава этот термин также означал многочисленные крестьянские и городские бунты, направленные на грубое перераспределение благ – грабеж богатых в пользу бедных. Данное землетрясение также описывали, как акт ёнаоси.

---

⁶The Ansei Edo Earthquake and Catfish Prints. Date Views 13.05.2024 <https://meijiat150dtr.arts.ubc.ca/essays/smits/#poz-6rof>

Сёгунат Токугава сначала был вынужден выделить крупную сумму своим вассалам для восстановления их владений после землетрясений 1854 г., а в 1855 г. вновь тратиться на реконструкцию Эдо.

В «Сборнике событий» не упоминается повторный визит Перри 1854 г.; вместо этого внимание уделяется землетрясениям и цунами. В «Гэндзи Юмэ Моногатари» описывается серия бедствий, обрушившихся на Японию: «В 13 день 6 месяца⁷ вдоль побережья Тōкайдō и в северных провинциях произошло землетрясение; дома были разрушены, а тракты разверзлись, выплёскивая из себя грязь и песок, что привело к большим людским жертвам. [...]».

4-го числа 11-го месяца⁸, между семью и девятью часами утра, всю страну потрясло сильное землетрясение, последствия которого сильнее всего ощущались в Осака; было повреждено большое количество домов, и огромная волна поднялась по трем устьям реки Ёдогава, унося с собой большие джонки, мачты которых застряли в мостах и унесли их. [...] Утонуло больше людей, чем можно было бы установить»⁹.

⁷ Судя по описанию, имеется в виду «землетрясение Тōкай годов Ансэй» 23 декабря 1854 г., однако дается другая дата. Ближе всего к дате 13 июня (7 июля по григорианскому календарю) «землетрясение в Ига-Уэно» 15 июня (9 июля), но оно произошло в другом месте.

⁸ 4 ноября (по лунному календарю) произошло «землетрясение Тōкай годов Ансэй», в то время как описываемое источником «землетрясение Нанкай» произошло на следующий день, 5 ноября (по лунному календарю, 24 декабря 1854 г. по григорианскому календарю). Возможно, автор совмещает два землетрясения в одно.

⁹ Satow, E.M., 1905. Japan 1853-1864, Or, Genji Yume Monogatari. Tokyo: Naigai shuppan kyokai, pp.10.

«Гэндзи Юмэ Моногатари» завершает мрачную оценку 1854 г.: «В восточных провинциях у горы Фудзи образовались три небольших кратера; сосновый лес Миё был смыт водой; в бухте Суруга затонул русский военный корабль [Диана]; по всей округе горы сровнялись, а долины были засыпаны землетрясением; приливная волна поднялась вдоль побережья и разрушила дома жителей; погибло огромное количество людей и был нанесен огромный ущерб имуществу по всей стране»¹⁰.

События 1853-1855 гг. выставили правителей сёгуната, как некомпетентных, неспособных эффективно справиться ни с «черными кораблями» Перри, ни с силами природы. Разочаровавшись, люди начали искать иного политического и духовного лидерства. Хотя экспедиция Перри считается отправной точкой событий, которые привели к «Реставрации Мэйдзи» 1868 г., землетрясения Ансэй в равной степени можно рассматривать как катализатор, ускоривший социально-политические перемены.

Также необходимо учитывать, что районы Токай, Нанкай и Эдо – в основном находились во владении Токугава и их ближайших вассалов. Юго-Западные княжества, костья будущей оппозиции, оказались незатронутыми. Соответственно, экономически пострадали именно Токугава.

2. Тайфуны и пожары в Эдо

1856 год не принес Японии спокойствия. Центральным событием 1856 г. стал тайфун 23 сентября в Эдо: «Сильная буря обрушилась на район Фукагава 25-го числа 8-го месяца; сильные наводнения смывают многие дома»¹¹. Сильнейший ветер и дождь причинили большой ущерб, чем предыдущие

---

¹⁰ Ibid, pp: 10-11.

¹¹ Каэй нэнкан ёри бэй сōба нэдан нараби ни нэндайки какинуки дайсинпан («Сборник событий и записей о рисовом рынке с 1853 по 1868 год»),. Дата обращения 15.05.2024 <https://meijiat15odtr.arts.ubc.ca/steele-figure-1-full/>

землетрясения. [50] Районы вдоль побережья и вблизи реки Сумида были затоплены, мост Эйтайбаси был смыт, а храмовые постройки в Ниси Хонгадзи и Рэйгандзи обрушились.

«Гэндзи Юмэ Моногатари» так пишет о «великом шторме»: «Вся улица рыбаков была смыта, большое количество домов было разрушено в Синагава приливной волной [...] От замка, храмов и святынь, до резиденции *даймё* и домов простых людей, едва ли была крыша, которая не пострадала. [...] Говорят, что число раненых и убитых составило более ста тысяч человек. [...] Эти постоянно происходящие знамения и чудеса люди приписывали гневу богов на постоянное осквернение нашей страны визитами иностранных варваров»¹².

За 267 лет правления Токугава в городе произошло более 1800 пожаров, больших и малых. Пожары в годы Бакумацу были особенно обременительными – источники упоминают более 500 случаев с 1853 по 1868 гг.

Утром 16 декабря 1858 г. в Асакуса вспыхнул пожар. Ветра разнесли угли повсюду, сообщалось о пожарах даже в районе Адзобудзюбан [современный район Минато]. 19-го числа в р-не Канда вспыхнул еще один пожар. Благодаря сильным северо-западными ветрам он быстро распространился на жилые кварталы самураев и достиг Нихонбаси. Утром 20-го пожар вспыхнул вновь и спалил весь район Канда и обширную территорию на востоке до реки Сумида. Когда казалось, что пожар утих – возник огненный вихрь, вызванный высокой температурой и беспокойным ветром. Он обрушился на район Гофукубаси.

Ситуация повторилась в 1859 г. На центральном изображении «Сборника событий» за 1859 г. изображен замок Эдо, охваченный красным пламенем. Пожар, вспыхнувший 11 ноября 1859 г., можно было легко интерпретировать, как

---

¹² Satow, E.M., 1905. Japan 1853-1864, Or, Genji Yume Monogatari. Tokyo: Naigai shuppan kyokai, pp.13-14.

критику правящих кругов, бессильных дать отпор иностранцам.

В 1858-1859 гг. произошло много политических событий, еще сильнее настроивших людей против сёгуната. Сначала Ии Наосукэ (1815-1860), избранный на пост *тайрō*¹³, одобряет заключение 29 июля 1858 г. новый договор «О дружбе и торговле» с США¹⁴, а затем активно продвигает на пост следующего сёгуна малолетнего Токугава Ёситоми (1846-1866), против которого выступала оппозиция. Затем Наосукэ развязал против оппозиции беспрецедентные «репрессии Ансэй», казнив и пленив многих политических деятелей совершенно разного положения: от простолюдина до *даймё*. Несмотря на формальную законность действий сёгуната, большинством населения эти «репрессии» были восприняты как что-то противоестественное, направленное против сторонников императора.

«Гэндзи Юмэ Моногатари» называет «репрессии Ансэй» «жестоким и произвольным способом правления Ии Камонно Ками (Ии Наосукэ)»¹⁵. Следом идёт описание пожара в замке, который «поглотил резиденцию сёгуна со всеми прилегающими к ней постройками, в то время как пламя, перекинувшись на охранные башни, сожгло и их». В 1859 г. в Эдо произошло около 14 крупных пожаров. Казалось, что они были направлены против правительства сёгуната, что сыграло роль в настраивании населения против Ии Наосукэ. 24 марта 1860 г. возле одних из ворот в замок Эдо, которые именуются воротами Сакурада, 17 самураев из

---

¹³ Тайрō – «великий старейшина», непостоянная должность, которая учреждалась в особенный период и стояла над всеми остальными советниками.

¹⁴ Первый из т.н. «Ансэйских договоров» с Западными странами. Это были первые по-настоящему торговые договора между Японией и Западом, носившие неравноправный характер.

¹⁵ Satow, E.M., 1905. Japan 1853-1864, Or, Genji Yume Monogatari. Tokyo: Naigai shuppan kyokai, pp.35-36.

княжества Мито и 1 самурай из Сацума напали на кортеж Ии Наосукэ, убив его.

3. Вспышки холеры и кори в эру Ансэй

Еще одно бедствие эпохи Ансэй – эпидемии. «Сборник событий» так описывает 1858 г.: «Эпидемия [холеры] распространяется; многие люди умирают от этой болезни». На изображении помещен огненный демон, спускающийся на город. Подобные злые духи издавна ассоциировались с приходом смертельных болезней.

Ходили слухи, что в 1858 г. холера была занесена в Японию американскими кораблями, заходившими в Нагасаки¹⁶. Болезнь достигла Эдо к июлю 1858 г., сразу после того, как сёгунат подписал договор «О дружбе и торговле», после чего болезнь распространилась по стране и бушевала несколько лет. Только в Эдо насчитывают от 30 000 до 40 000 умерших, что отражено в *安政箇労働流行記概略* («сводка об эпидемии холеры осенью 1858 г.»). Стоит отметить, что в 1862 г. эпидемия кори совпадает с повторной вспышкой холеры, вновь приведя к гибели большого числа людей.

«Гэндзи Юмэ Моногатари» пишет: «Разразилась ужасная эпидемия. [...] Симптомами болезни были внезапный приступ лихорадки, сильная рвота и постоянные конвульсии; все тело холодело, и больной, измученный болями, умирал через пару дней. В нескольких случаях пациент умирал через тридцать шесть часов, так что в простонародье это называлось трехдневной холерой»¹⁷. Этот источник оценивал число погибших в стране в 300 000 человек. Скорее всего, это преувеличение. В Эдо, по оценкам, погибло

¹⁶ Gramlich-Oka, B., 2009. The Body Economic: Japan's Cholera Epidemic of 1858 in Popular Discourse. *East Asian Science, Technology, and Medicine*, 30: pp.32-73.

¹⁷ Satow, E.M., 1905. *Japan 1853-1864, Or, Genji Yume Monogatari*. Tokyo: Naigai shuppan kyokai, pp.37.

от 20 000 до 30 000 человек при уровне смертности от 2 до 4 %¹⁸. По другим оценкам, с 1858 по 1860 гг. в Эдо погибло от 100 000 до 200 000 человек¹⁹.

Эпидемия холеры унесла жизнь художника Утагава Хиросигэ (1797-1858), и, возможно, болезненного сёгуна Токугава Иэсада. Каждый день умирало так много людей, что крематории были переполнены. В районе Канда ежедневно можно было увидеть 50-60 процессий, и более 100 проходило через Нихонбаси [60].

С эпидемией холеры совпало еще одно знамение: «Комета появлялась каждую ночь с начала 8-го месяца [...] Её хвост был обращен на север и был очень длинным. Со временем она становилась все меньше и меньше [...] и к середине 9-го месяца исчезла из поля зрения. Такое чудо было предвестником великих и ужасных перемен в империи и бед для страны».

Корь проявлялась в Японии в 1859, 1860 и 1861 гг., но летом 1862 г. болезнь распространилась по всей стране, затронув 63 % населения²⁰. В Эдо число погибших составило 20 952 человека. Если в 1858 г. через Нихонбаси за день проходило 100 похоронных процессий, то в 1862 г. пик составил более 200. Психологическое воздействие такой массовой гибели людей было велико.

Совокупно «землетрясения Ансэй», регулярные пожары, потопаы и эпидемия холеры в 1858 г. и кори в 1862 г., от

---

¹⁸ Gramlich-Oka, B., 2009. The Body Economic: Japan's Cholera Epidemic of 1858 in Popular Discourse. *East Asian Science, Technology, and Medicine*, 30: pp.37.

¹⁹ Sugihara, K., Robb P.G. and Yanagisawa H., 1996. *Local Agrarian Societies in Colonial India: Japanese Perspectives*. Richmond: Curzon Press, pp.313.

²⁰ Jannetta, A.B., 1987. *Epidemics and Mortality in Early Modern Japan*. Princeton: Princeton University Press, pp.124-139.

которых погибло от 76 000 до 240 000 человек только лишь в Эдо²¹, политическая столица сёгуната опустела.

Заключение

Во-первых, можно сделать вывод, что катастрофы Ансэй сыграли свою роль в истощении финансовых и людских ресурсов Токугава в преддверии схватки с оппозицией за верховенство власти в стране. Во-вторых, они сыграли роль в падении авторитета Токугава среди людей – имевший в своей массе религиозно-мистическое сознание народ воспринимал последовавшие за открытием страны бедствия, как знак неправильности политики сёгуната.

Диалектически катастрофы периода Ансэй в Японии имели и положительную сторону. Люди, у которых поначалу было немного денег, стали получать милостыню от правительства и богатых купцов. Плотники, кузнецы и другие мастера получили большую выгоду от реконструкции Эдо и его окрестностей. В последующие годы разрушения, вызванные катастрофами Ансэй, описывались как способ начать все заново, привести в движение маховик реставрации имперского правления и подтолкнуть Японию в новую эпоху.

---

²¹ Сакай Сидзу. Ямай га катару Нихон-си (История Японии, рассказанная через болезни). Токио: Кōданся, 2008. С.242.

**Economic Development of Karafuto:
Industrialization and Incorporation
into the General System of the Japanese Empire**

(Barinov Alex A.)

Nowadays, the academic community has established the statement that Karafuto (1905-1945) was a purely economic colony, from which natural resources and pulp-paper products were massively supplied for the needs of the Japanese Empire. Undoubtedly, these reasons greatly influenced the fact that the southern part of Sakhalin was obtained as a result of the Russo-Japanese War in 1905. However, up until the 1920s, the region's economy was primarily self-directed. Since the 19th century, Japanese seasoning fishing has flourished on the island, which contributed very poorly to the development, that is why the main focus of local authorities was to attract permanent residents. Initially favorable conditions were created for agriculture, but local demographic and economic issues were able to be resolved only after the destruction of logistical routes from Europe during World War I and the beginning of industrialization in the governorate, gradually incorporating Karafuto into the economic system of the Japanese Empire. This research presents the process of transformation of the governorate economic structure from its creation in 1905 into becoming a part of the “internal lands” (内地 *naichi*) in 1943.

In 1907 Karafuto Civil Administration Office (樺太民政署 *Karafuto-minseisho*) was reorganized as the Karafuto Agency (樺太庁 *Karafuto-chō*), which almost immediately began providing benefits to settlers. The policy of the local authorities was primarily aimed at reducing the contribution of seasonable fishermen to the economic sphere of Karafuto. There was an urgent need to attract a permanent population in order to develop an utmost uninhabited area. For instance, the same

year, rules on the leasing of public lands were regulated, establishing procedures for new residents to obtain parcels of land. According to them, a thousand tsubo¹ were granted for building a house, 3 thousand tsubo for land cultivation (if 70% of the plot was cultivated during the next 3-5 years, its territory was given for use without rent) and 50 thousand tsubo for pastures².

A particular contribution in the early stages of the region's development was made by Sadatarō Hiraoka 平岡 定太郎 (1863-1942), who headed the Agency from 1908 to 1914. Under his leadership, the 300,000 chō³ was set aside to provide favorable conditions for settler farmers, Karafuto's annual revenues increased from 1,666,000 yen in 1907 to 2,261,000 yen in 1913⁴, and the Japanese population doubled to nearly 60 thousand people between 1910 and 1915.

In order to diversify the economy, in 1908 a limit was imposed on the number of fishing grounds that cooperatives could use through leasing. On the one hand, the authorities encouraged the residents to seek alternative ways of making profits, and, on the other hand, they received greater profits. By 1914 it became clear that such restrictions did not solve the problem of seasonable migration. The new head Bunji Okada 岡田 文次 (1874-1943) abolished this limitation. Since then, fishing cooperatives have been able to conduct activities on their plots, resulting in an increase of permanent resident-fishermen and improved economic performance.

---

¹ 1 tsubo = 35.58 sq ft or 3.3 sq m.

² Bazhenova, J. (2021). Karafuto v istorii Yaponskoy colonialnoy imperii [Karafuto in the history of the Japanese colonial empire]. Rossiya i ATR, 1. P.154.

³ 1 chō = 2.45 acre.

⁴ Hara, T. (2017). Karafuto 40-nen no rekishi. 40-man nin no furusato [40 years of Karafuto history. Homeland of 400,000 people]. Tokyo: Zenkoku Karafuto Renmei. P.113.

Agriculture never managed to become the backbone of Karafuto's economy. The region's climate did not allow for rice cultivation, and the Japanese were unable to change their diet, which contributed to the development of industry, since until the end of World War II they often worked part-time in factories to buy overpriced rice⁵. Growing local crops (potatoes and wheat) was apparently unprofitable.

These reasons, together with the outbreak of World War I, eventually led to a change in the policy vector towards industrialization. The interruption of supplies from Europe forced the search for alternative pulp production options. The coniferous forests of Sakhalin were the best suited for this, and in the following decades the pulp-paper industry became the main share of the Karafuto economy.

From the 1914, local authorities began selling forest land to companies on the condition that they would later build pulp mills⁶. Karafuto Industries Corporation (樺太工業株式会社 *Karafuto kōgyō kabushikigaisha*) was established, headed by businessman Heizaburo Ōkawa (大川 平三郎, 1860–1936), who was later nicknamed "The Paper King of Japan" (日本の製紙王 *Nihon no seishi-ō*). Moreover, Ōji Paper Corporation (王子製紙株式会社 *Ōji-seishi kabushikigaisha*) and Fuji Paper Corporation (富士製紙株式会社 *Fuji-seishi kabushikigaisha*) also began to gradually open new mills in Karafuto.

As for the forestry industry, in the first two decades the wood was usually used for reconstruction after the Russo-Japanese War and for new buildings. By the 1920s, Karafuto began to occupy a leading position in the supply of lumber to

---

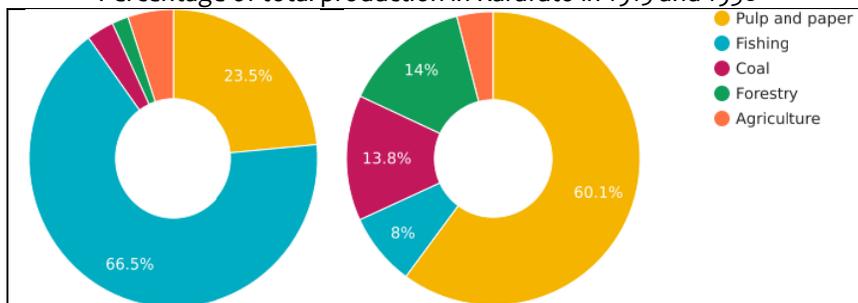
⁵ Nakayama, T. (2022). Novoe razvitie v lesnom i selskom hozyaistve Karafuto v 1930-1940 [New developments in forestry and agriculture in Karafuto in 1930-1940]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2. P.38-39.

⁶ Itani, H. (2007). Saharin no naka ni Nihon. Toshi to kenchiku [Japan inside Sakhalin. Cities and architecture]. Tokyo: Tōyō shoten. P.8.

the rest of the empire. It should be mentioned that this could have been seriously facilitated by the restoration in the central part of Japan after the Great Kanto Earthquake in 1923⁷. By 1926 the Karafuto forestry industry reached 48.2% of all supplies in this sphere to Japan⁸.

The development of the local coal industry began in the 1910s. World War I, and then the inclusion in the intervention in Russia, required large quantities of fuel, for which the high-quality coal of Sakhalin was extremely suitable. By 1920, Mitsui and Mitsubishi companies opened the first coal mines in Karafuto, increasing the production of this resource to 154 thousand tons⁹. However, this sphere will reach its greatest development only in the 1930s, overtaking fishery.

Percentage of total production in Karafuto in 1915 and 1938¹⁰

⁷ Visokov, M. (Ed.). (2008). *Istoriya Sahalina i Kurilskih ostrovov s drevneishih vremen do nachala XXI stoletiya* [History of Sakhalin and the Kuril Islands from ancient times to the beginning of the 21st century]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sahalinskoe knyzhnoye izdatelstvo. P.387-388.

⁸ Burykin, A. (2010). *Politika yaponskogo pravitelstva po formirovaniyu postoyannogo naseleniya yuga Sahalina (1905-1945)* [The policy of the Japanese Government on the formation of a permanent population in the south of Sakhalin (1905-1945)]. *Sociologiya vlasti*, 6. P.164.

⁹ *Ibid.* P.164-165.

¹⁰ Stephan, J. (1992). *Sakhalin. Istoriya (Prodolzhenie)* [Sakhalin. History (Continuation)]. *Kraevedcheskiy bulletin*, 3. P.98.

By the next decade, a shift from light to heavy industry was evident amidst the economic crisis in the Japanese Empire. New enterprises of non-ferrous metallurgy and aircraft construction were developed on the basis of military needs, while large old companies, experiencing mass disconnect due to social tensions, insisted on changing the country's foreign policy course. Unemployment continued to rise owing to inflation, wages were cut, small and medium-sized enterprises were closed. The Japanese economy began to need additional sources of cheap raw resources and markets, which after the outbreak of hostilities in China created a vicious circle, forcing continued expansion.

Despite the crisis, the economic integration of Karafuto into the overall colonial system that began in the 1920s continued. In 1929, the Ministry of Colonial Affairs (拓務省 *Takumushō*) was created, to which the “external lands” (外地 *gaichi*) of the empire now become subordinate. Also, for an additional influx of labor, Korean residents who worked in the coal mines were sent to Karafuto more and more often.

There were already eight pulp and paper mills in the region in 1925. In order to avoid bankruptcy and closure the idea of consolidation of the companies under a single management came up. In 1933, all three major pulp-paper companies in Karafuto were merged into one Dai-Ōji Paper Corporation, beginning by the mid-1930s to control up to 80% of the country's pulp production¹¹ and one-third of its total paper output¹².

---

¹¹ Shinomiya, T. (1997). *Kindai Nihon-seishi-gyō no kyōsō to kyōchō* [Competition and cooperation in the modern Japanese paper industry]. Tokyo: Nihon Keizai Hyoronsha. P.112-113.

¹² Sabirov, R. (2018). *Ispolzovanie lesnih resursov Yuzhnogo Sakhalina v period gubernatorstva Karafuto (1905-1945)* [Use of forest resources of

At the same time, the forestry industry developed, ranking second in contribution to the Karafuto economy by 1938. It should be mentioned, that by the middle of the decade, 75% of Karafuto forestry industry output went to local pulp and paper mills¹³. However, due to over-utilization of forest resources, by the beginning of World War II, areas of coniferous trees, except for those that were difficult to access, had been almost completely destroyed.

As for the coal industry, despite significant growth, it failed to become a dominant sphere in the Karafuto economy. The local landscape made it difficult and costly to build logistical routes, which was unprofitable given the economic crisis and warfare on the mainland. As a result, most of the coal mines built in Karafuto were located on the coast, where a port was usually constructed to load the resources onto ships. By 1941, the coal production of the region accounted for 9% of the total in the Japanese Empire¹⁴. In addition, during the Japanese presence, the overall number of coal mines established was 36¹⁵.

The process of industrialization could not but affect the rate of population growth. While in the first fifteen years of Karafuto's existence the total number of residents grew to approximately 91 thousand, the 1920s witnessed a doubling of immigration pace. Amid the economic crisis in the first half of the 1930s, the influx of citizens declined, but began to pick up again by the end of the decade.

Southern Sakhalin during the governorship of Karafuto (1905-1945)]. *Pervie kraevedcheskie chteniya*, 1. P.149.

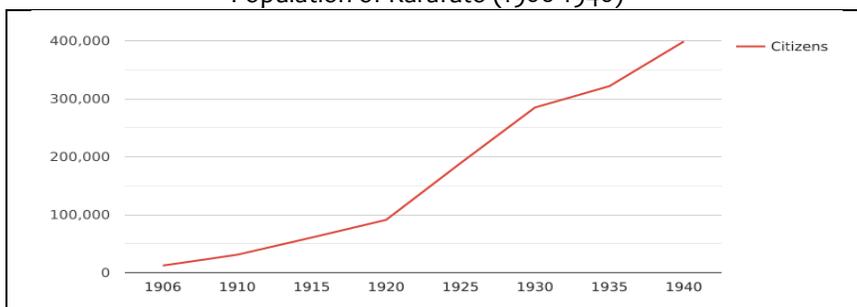
¹³ Ibid.

¹⁴ Bazhenova, J. Op. cit. P.159.

¹⁵ Potnyagina, A. (2021). *Cellulozno-bumazhnie kombinati perioda Karafuto. Ih rol v formirovanii gorodov* [Pulp-paper mills during the period of Karafuto. Their role in the formation of cities]. *Novie idei novogo veka*, 1. P.300.

In 1907, administrative reform resulted in the designation of three major centers. Ōtomari 大泊 was the largest port before the Russo-Japanese War, which led to a great increase of population due to its convenient location. Toyohara 豊原, becoming the capital of the region in 1908, was located on a fertile plain, which should have encouraged agricultural development. Maoka 真岡 had the second most important port. Based on the predominant fishery and agriculture in the economy, it was natural that they became the administrative centers.

Population of Karafuto (1906-1940)¹⁶

The development of industry was eventually a way out of the demographic issue of permanent population. Although fishery and agriculture did not disappear completely and continued to contribute to the economy of Karafuto. Back in the late 1910s, research stations were opened, engaging in improving the efficiency of various economic areas, including the above. In 1929, they were united into the Central Experimental Station of the Karafuto Agency (樺太庁中央試験所 *Karafuto-chō chūō shikenjo*), combining cultural and research functions.

¹⁶ Hara, T. Op. cit. P.27.

By 1935, the three most populated areas were Toyohara, Ōtomari and Tomarioru 泊居, each with a population of just over 60,000 people. In the first, business was actively developing due to its capital status. Through the second, communication with Hokkaido was established. Tomarioru developed owing to new workers in forestry, coal, and fishing. The total number of Karafuto population was about 400,000 residents in 1940.

Nevertheless, in the next few years, Karafuto's economy was slowly declining due to World War II. The geographical position of the island on the northern outskirts of the empire, climatic features that made it difficult for ships to approach in winter, together with a shortage of fuel, made the export of products unprofitable and often impossible. In April 1943, Karafuto was finally included in the "internal lands", although for ideological and political rather than economic reasons. More than 95% of the population were ethnic Japanese, the region's infrastructure was built almost from scratch, that is why it is possible that the central government was trying to secure its borders and its territory integrity in this way. Anyway, in August 1945, the Soviet Union, fulfilling its obligations to the United States and Great Britain, entered the war against Japan, obtaining the southern part of Sakhalin.

To conclude, Karafuto's economic development differs markedly from the experience of the "classic examples" of colonies, whose existence relied primarily on generating cheap resources for the metropolis. By the 1930s the region was already firmly based on the pulp-paper, forestry, and coal industries. Until the 1920s, however, it was regarded as a new free territory where a large number of primarily farmers could be resettled: a policy that was extremely similar to the development of Hokkaido in the second half of the 19th century.

Seasonable fishing, in the opinion of the central government, could not provide stable economic growth, that is why for the first fifteen years the emphasis was placed on agriculture. Only with the outbreak of World War I, due to the cessation of supplies from Europe, the gradual industrialization and integration into the overall system of the Japanese Empire began, eventually solving the initial demographic issue of permanent population.

References

1. Bazhenova, J. (2021). Karafuto v istorii Yaponskoy colonialnoy imperii [Karafuto in the history of the Japanese colonial empire]. *Rossiya i ATR*, 1, p.146-167.
2. Burykin, A. (2010). Politika yaponskogo pravitelstva po formirovaniyu postoyannogo naseleniya yuga Sakhalina (1905-1945) [The policy of the Japanese Government on the formation of a permanent population in the south of Sakhalin (1905-1945)]. *Sociologiya vlasti*, 6, p.159-165.
3. Hara, T. (2017). Karafuto 40-nen no rekishi. 40-man nin no furusato [40 years of Karafuto history. Homeland of 400,000 people]. Tokyo: Zenkoku Karafuto Renmei.
4. Itani, H. (2007). Saharin no naka ni Nihon. Toshi to kenchiku [Japan inside Sakhalin. Cities and architecture]. Tokyo: Tōyō shoten.
5. Nakayama, T. (2022). Novoe razvitie v lesnom i sel'skom hozyaistve Karafuto v 1930-1940 [New developments in forestry and agriculture in Karafuto in 1930-1940]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*, 2, p.30-49.
6. Potnyagina, A. (2021). Cellulozno-bumazhnie kombinati perioda Karafuto. Ih rol v formirovanii gorodov [Pulp-paper mills during the period of Karafuto. Their role in the formation of cities]. *Novie idei novogo veka*, 1, p.300-306.

7. Sabirov, R. (2018). Ispolzovanie lesnih resursov Yuzhnogo Sakhalina v period gubernatorstva Karafuto (1905-1945) [Use of forest resources of Southern Sakhalin during the governorship of Karafuto (1905-1945)]. *Pervie kraevedcheskie chteniya*, 1, p.143-151.
8. Shinomiya, T. (1997). *Kindai Nihon-seishi-gyō no kyōsō to kyōchō* [Competition and cooperation in the modern Japanese paper industry]. Tokyo: Nihon Keizai Hyoronsha.
9. Stephan, J. (1992). Sakhalin. Istoriya (Prodolzhnie) [Sakhalin. History (Continuation)]. *Kraevedcheskiy bulletin*, 3, p.65-126.
10. Visokov, M. (Ed.). (2008). *Istoriya Sahalina i Kurilskih ostrovov s drevneishih vremen do nachala XXI stoletiya* [History of Sakhalin and the Kuril Islands from ancient times to the beginning of the 21st century]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sahalinskoe knyzhnoye izdatelstvo.

ГЛАВА 8. ПО ВОЛНАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЯПОНИЯ И СОСЕДИ

Японская кинопропаганда в период войны с Китаем (1937-1945 гг.)

(Самойлов Н.А.)

В период агрессивной войны против Китая в 1930-1940-х годах и Второй мировой войны в целом японская пропаганда была направлена на поддержку экспансии японского империализма и была призвана способствовать осуществлению колониальной политики Японии на оккупированных территориях. В те годы были разработаны новые формы пропаганды и новые пропагандистские лозунги, такие как *хакко итиу* (八紘一宇, букв. «восемь углов мира под одной крышей») с целью убедить население завоеванных стран Азии в преимуществах «нового порядка», создаваемого Японией, и непобедимости японской императорской армии. Для осуществления этой линии использовались самые разные средства пропаганды, среди которых важное место отводилось кинематографу.

18 сентября 1931 г. вооруженные силы Японии после организованного ими Мукденского инцидента вторглись на территорию Северо-Восточного Китая, и в 1932 г. создали на оккупированной территории марионеточное государство Маньчжоу-го – первое в цепи квазигосударств, организованных японской военщиной в Азии в рамках претворения в жизнь паназиатского проекта «Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания». Таким образом, согласно замыслам японских правящих кругов, Маньчжурия, с одной стороны, должна была стать своеобразным образ-

цом для тех стран, которым предстояло войти в эту «зону взаимного процветания», а с другой стороны – в самой Японии она, наряду с Кореей и Тайванем, «стала рассматриваться как неотъемлемая часть территории японской империи, как своего рода ее продолжение на континенте»¹.

В Маньчжурии было развернуто интенсивное промышленное строительство, поощрялось переселение японских крестьян на эти земли, распространялись японская культура и образование. Ярким примером осуществления Японией хорошо продуманной социокультурной политики на территории марионеточного государства Маньчжоу-го может служить история создания и деятельности кинокомпании «Маньин» (полное название: 株式會社滿洲映畫協會 Чжуши хуэйшэ маньчжоу инхуа сехуэй – Акционерное общество «Маньчжурская киноассоциация»). В литературе также встречаются японский вариант сокращенного названия этой кинокомпании – «Мангэй 滿映» и русский эквивалент – кинокомпания «Маньчжурия»².

Политика, опробованная японскими оккупантами на территории Маньчжоу-го, в дальнейшем была перенесена и на те территории Китая, которые были захвачены во время японо-китайской войны 1937-1945 гг. Это касалось в том числе и идеологической политики, которая несла в себе ярко выраженные черты «культурного империализма». Современные китайские историки утверждают, что помимо военной оккупации и экономического грабежа, Япония в целях уничтожения национальной идентичности китайского

---

¹ Ковригин Е.Б. Геополитическая история Японии. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. С.74.

² Подробнее см.: Самойлов Н.А., Чэнь Бин. Кинокомпания «Маньин» и ее роль в политике Японии на территории Маньчжоу-го // Проблемы Дальнего Востока. 2019. №5 (2). С.122-132.

населения, ввела повсеместный идеологический контроль и осуществляла «культурную экспансию». Они указывают, что «ключевой момент колониального управления заключается в ментальном контроле. При отсутствии ментального контроля невозможно полноценное экономическое и политическое управление»³.

Осуществляя свою захватническую политику, японские оккупационные власти не могли полагаться только на военную силу, и для того, чтобы привлечь на свою сторону определенную часть населения завоеванных территорий, они разработали целый комплекс пропагандистских действий, включавший в себя кинопропаганду.

Активная идеологизация кинематографии и подчинение киноиндустрии политике государства происходили в то время и в самой Японии. В 1933 г. депутат японского парламента Иваса Акира выступил с инициативой проведения «Национальной политики в области кинематографии» в целях установления тотального контроля государства над производством кинокартин. Аналогичную идею централизации кинематографии в то время развивал японский киноактер Асаока Нобуо 浅岡信夫 (1899-1968), который после возвращения из США, выступил за активную поддержку кинопроизводства со стороны японского государства в целях противостояния Соединенным Штатам и Советскому Союзу в идеологической сфере. В том же 1933 г. Асаока был назначен главой Национального исследовательского центра кинематографии. Целями новой политической линии в сфере кинопроизводства стали: усиление воздействия кинематографа на японское общество

---

³ 罗钢、刘象思:《后殖民主义文化理论》, [Lo Gan, Liu Xiangsi. Хоу чжиминьчжуи вэньхуа лилунь = Теория культуры постколониализма]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюе чубаньшэ, 1999. С.324.

и повышение престижа Японии за рубежом⁴. В 1934 г. на заседании Кабинета министров было принято соответствующее постановление и провозглашен «новый курс активной поддержки кинодеятельности для блага государства»⁵.

С момента начала широкомасштабного наступления японских войск в Китае в 1937 г. и до окончания Второй мировой войны японский кинематограф оказался под полным контролем государства и военных кругов, в первую очередь – Отдела информации императорской армии. 5 апреля 1939 г. был принят Закон о кино 映画法 (отмененный лишь 26 декабря 1951 г.), определявший и регулировавший механизм государственного контроля над производством кинопродукции с целью использования художественных и документальных фильмов в идеологических и пропагандистских целях. Японское кино было призвано стать орудием пропаганды достижений Японской империи и инструментом создания позитивного образа японцев на оккупированных территориях. Достичь этого авторы закона рассчитывали путем снижения доли развлекательных фильмов и переориентации киноиндустрии в сторону военного и «культурного» кино. При этом «военное» кино совсем не обязательно сосредотачивалось на изображении войны и армии, но должно было обязательно изображать в положительном свете действия японских военных и политику японского государства. С принятием этого закона любой показ игровых картин в кинотеатрах в обязательном

---

⁴ Standish I. A New History of Japanese Cinema. NY-L.: Continuum, 2006. P.140-141.

⁵ 岩崎昶《日本电影史》[Ивасаки Акира. Жибэнь дяньин ши = История японского кино]. Пекин: Чжунго дяньин чубаньшэ. 1981. С.157.

порядке предварялся демонстрацией пропагандистских документальных лент⁶.

Просветительские фильмы, согласно принятой в то время в Японии классификации, именовались «фильмами культуры» (или «культурными фильмами», яп. 文化映画 «бунка эйга»). Как отмечают современные исследователи, японское словосочетание *бунка эйга*, как и советское *культурфильм* было заимствовано из немецкого кинематографа, где еще с конца 1910-х годов существовало понятие: *Kulturfilme*, обозначающее неигровые фильмы просветительского характера⁷. «Фильмы культуры» включали в себя воспитательные, документальные и пропагандистские киноленты⁸.

Кинокомпании, специализировавшиеся на кинохронике, начали отправлять на войну режиссеров и операторов, которые на месте стремились добыть самую свежую информацию и запечатлеть важные события. Использование кино во время войны с Китаем стало, возможно, наиболее эффективной формой пропаганды, используемой японским правительством, поскольку эти фильмы создавались для широкого круга зрителей. После вторжения Японии в Китай кинотеатры стали одними из первых вновь открытых там учреждений. Большинство демонстрируемых в них материалов были роликами военных новостей, японскими кинофиль-

---

⁶ High, Peter B. *The Imperial Screen: Japanese Film Culture in the Fifteen Years' War. 1931-1945*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. P.70-76.

⁷ Федорова А.А. Отец японской документалистики Камэи Фумио и его советские учителя // Япония 2013. Ежегодник. М.: «АИРО–XXI», 2013. С.389.

⁸ 胡昶、古泉：《满映-国策电影面面观》[Ху Чан, Гу Цюан..Маньин – гоцэ дяньин мяньмяньгуань = Маньин: Всестороннее изучение «государственной политики» в сфере кинематографии]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1990. С.58.

мами или пропагандистскими короткометражками, однако иногда они соседствовали с традиционными китайскими фильмами. Постепенно стали появляться киноленты на тему «Японии как спасителя Азии от западных тиранов» или с рассказами об истории дружественных отношений между азиатскими странами и Японией, а также фильмы, создававшие позитивный образ Японии (например, фильм «Япония, которую вы не знаете»)⁹.

В 1938 г. на экраны Японии и оккупированных ею территорий вышел документальный фильм «Нанкин», снятый сразу после захвата японской армией столицы Китайской республики. Постановщиком этой ленты был утвержден опытный кинорежиссер Мацудзакэ Кэйдзи 松崎啓次 (1905-1974), в дальнейшем прославившийся как продюсер первого фильма Куросава Акира «Сугата Сансиро» (1943 г.), ремейк которого, снятый режиссером Утикава Сэйитиро (1965), был очень популярен у нас во времена СССР под названием «Гений дзюдо». Оператором фильма «Нанкин» был назначен Сираи Сигэру.

Съемочная группа отправилась в Нанкин 12 декабря 1937 г. и прибыла в китайскую столицу 14 декабря, на следующий день после падения города. Встретив там Новый год, кинематографисты продолжили работу до 4 января. Целью их съемок стало изображение непоколебимой мощи японской императорской армии, ее непобедимости и в то же время «благородного поведения» ее офицеров и солдат. В фильме естественно ничего не говорилось о жестокостях и военных преступлениях. Наоборот, всячески подчерки-

---

⁹ Kushner, Barak. The Thought War: Japanese Imperial Propaganda. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.

валось «гуманное отношение» японских военнослужащих к китайским военнопленным и мирному населению.

Этот хроникально-документальный фильм включает демонстрацию мест основных боев, которые перемежаются кадрами, где японские солдаты угощают сигаретами китайских пленных, а японская армия проходит парадным маршем по городу. Создатели фильма посетили специальную зону для беженцев, созданную Международным комитетом и известную как Зона безопасности Нанкина, и показали, что там происходило. Особенно важное место с точки зрения пропаганды занимали кадры, где японская армия совместно с жителями Нанкина занималась восстановлением разрушенной части города, мирные граждане возвращались в свои дома, а законопослушным нанкинцам японская администрация выдавала документы, удостоверяющие их личность. Отдельное место было отведено подготовке и празднованию Нового года в японской армии, китайским детям, запускавшим петарды в новогоднюю ночь, и церемонии начала работы подконтрольного японской военной администрации Комитета самоуправления Нанкина. На явно постановочных кадрах была запечатлена раздача японцами сигарет радостным китайцам и угощение конфетами китайских детей. Естественно, что сцен жестокости и насилия в таком фильме быть не могло, тем более, что он был снят при поддержке Министерства армии и Министерства военно-морского флота.

В рамках проводимой японскими властями «культурной политики» был снят целый ряд художественных кинофильмов, которые были призваны рассказывать о «дружественных отношениях» японцев и китайцев. Очень показателен в этом плане японский фильм «Китайская ночь» (*支那の夜* *сина но ёру*), вышедший на экраны в 1940 г. Несмотря на

отсутствие открытой пропаганды, фильм можно рассматривать как одно из средств создания позитивного образа японского оккупационного режима. В главной роли снялась популярная в то время актриса Ли Сянлань 李香兰. В действительности она была родившейся в Китае японкой и её настоящее имя – Ямагути Ёсико 山口淑子¹⁰. Талантливая актриса и певица, во время войны Японии против Китая она была активно вовлечена в пропагандистскую индустрию, снимаясь в фильмах, где исполняла роль слабой и беззащитной китайянки, ищущей защиту у японских военнослужащих. Она приобрела огромную популярность у японской аудитории, однако после завершения войны и поражения Японии была объявлена «предательницей китайского народа» и смогла избежать смертного приговора лишь после того, как выяснилось, что она этническая японка. После войны она жила в Японии и активно выступала против милитаризма и военщины, за сближение Японии и Китая. В 2005 г. Ямагути Ёсико написала открытое письмо премьер-министру Коидзуми, в котором осудила посещение храма Ясукуни в Токио и потребовала признания всех военных преступлений Японии в годы Второй мировой войны.

В центре сюжета кинофильма «Китайская ночь» – история китайской девушки по имени Гуйлань 桂蘭 (яп. Кэйран), которая в ходе японского вторжения потеряла дом и родителей. Оказавшись на улице, она подверглась приставаниям со стороны хулигана, от которого ее спас храбрый офицер японского флота. На протяжении всей кинокартины девушка постепенно преодолевает в себе

---

¹⁰ Подробнее о ней см.: Самойлов Н.А., Чэнь Бин. Кинокомпания «Маньин» и ее роль в политике Японии на территории Маньчжоу-го // Проблемы Дальнего Востока. 2019. №5(2). С.122-132.

ненависть к японцам, проникаясь благодарностью к ним, и в итоге влюбляется в своего спасителя.

Когда девушка заболела и слегла с высокой температурой, не только ее спаситель Нагая, но и все жившие в гостинице японцы окружили ее своей заботой и вниманием. Вспомнив о том, что случилось с ее семьей, настроенная антияпонски Гуйлань изливает свою ярость на спасителя, но в ответ он в порыве отпускает девушке пощечину, после чего Гуйлань внезапно осознает свою ошибку, падает перед ним на колени и просит прощения. В конце концов полюбившие друг друга Гуйлань и Нагая поженились, но были вынуждены расстаться, поскольку он отправился на важное задание. Получив известие о том, что Нагая убит, Гуйлань поехала в прекрасный китайский город Сучжоу, где раньше они вдвоем проводили счастливые часы, и хотела утопиться. Однако ее молодому супругу удалось спастись, и в финальной сцене влюбленные обнимали друг друга на историческом каменном мосту.

«Китайская ночь» стала самым кассовым японским фильмом 1940 года, однако в Китае зрители пытались его игнорировать, посчитав откровенно пропагандистским. В то же время он оказался популярен на Тайване, в Корее, Вьетнаме, Таиланде, Бирме и Индонезии.

Еще один стереотип, который японский пропагандистский кинематограф должен был внедрить в Китае – это образ западных колонизаторов, на протяжении долгого времени угнетавших народы Азии и против которых вела борьбу Японская империя. В 1942 г., в самый разгар войны на Тихом океане, когда развернулись крупномасштабные военные действия между японцами и англо-американскими войсками, в Японии вспомнили, что это был год 100-летия со дня окончания Первой «Опиумной» войны. Японские

власти решили максимально использовать 100-летнюю годовщину сопротивления китайского народа колониальной политике Великобритании, а также напомнить о героической борьбе китайского патриота Линь Цзэсюя против торговли опиумом. В связи с этим было решено снять два кинофильма.

Первый – «Опиумная война 阿片戦争» был снят на киностудии «Toho Pictures» (東宝株式会社, *Tōhō Kabushiki-gaisha*) и вышел на экраны 14 января 1943 г. Все роли в фильме исполняли японские актеры. В главной роли – борца против британской агрессии Линь Цзэсюя – снялся выдающийся актер театра Кабуки Итикава Энъō Первый 初代市川猿翁 (иначе – Итикава Энносукэ, 1888-1963).

Второй фильм, в котором играли в основном китайские актеры, был снят в оккупированном японцами Шанхае и получил китайское название: «Ваньши Люфан» (萬世流芳, «Добрая слава останется в веках»). Он также был посвящен борьбе китайцев против агрессии Запада. Основной целью фильма стало использование образа китайского чиновника Линь Цзэсюя, который вел борьбу с английскими колонизаторами во время Первой «Опиумной» войны и, понимая вред, наносимый опиумом, пытался искоренить эту отраву. Его роль исполнил известный актер Гао Чжаньфэй. Данный фильм, по замыслу его создателей, полностью соответствовал точке зрения японского руководства относительно изображения англо-американского господства в Азии и мог прекрасно использоваться для пропаганды среди азиатских народов.

В японской аудитории фильм воспринимался как антизападный, продвигавший якобы «антиколониальную» повестку дня «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». Но интересно то, что, по мнению

китайской аудитории, фильм пропагандировал дух сопротивления иностранному врагу (и для многих это была Япония), поэтому он собрал самую большую аудиторию в истории тогдашнего китайского кинематографа. Эта картина вышла в прокат в 1943 г. и стала важной вехой в карьере актрисы Ли Сянлань.

В пропагандистских целях были сняты кинофильмы о многих исторических личностях, фольклорных и литературных персонажах. Так появились картины о Чингисхане и легендарном царе обезьян Сунь Укуне.

Особое место в японской кинопропаганде играла мультипликация. В начале это были короткие пропагандистские ролики, рассчитанные как на взрослую, так и на детскую аудиторию. Но постепенно стали появляться довольно продолжительные ленты.

Наибольшую известность и популярность получил мультипликационный фильм «Момотаро и его морские орлы 桃太郎の海鷲», снятый студией «Гэйдзюцу эйгася» по заказу Министерства военно-морского флота и вышедший в прокат 25 марта 1943 г.¹¹ Имея продолжительность 37 минут, он стал практически первым полнометражным мультфильмом. Фильм предназначался для детей и предлагал новую историю популярного героя японского фольклора Момотаро (Персикового мальчика), который при помощи нескольких животных, образы которых были также взяты из японского фольклора, решил атаковать демонов, засевших на острове (здесь был использован образ американцев и британцев, характерный для тогдашней японской пропаганды). По сути в этом анимационном фильме было вос-

---

¹¹ Patten, Fred. *Watching Anime, Reading Manga: 25 Years of Essays and Reviews*. Berkeley: Stone Bridge Press, 2004. P.65.

произведено японское нападение на Пёрл-Харбор. Целью фильма стала необходимость поднять боевой дух японских военнослужащих и рассказать детям о необходимости борьбы против англо-американцев, а также с хорошей стороны показать действия Японии в Азии.

В 1945 г. появился сиквел этого мультфильма – полнометражный анимационный фильм «Момотаро: Божественные солдаты моря 桃太郎海の神兵», который аналогичным образом изображал деятельность американцев и британцев в Юго-Восточной Азии как морально и физически слабых «дьяволов». Подобные фильмы были призваны показать японский народ чистым и добродетельным, превосходящим белую расу как в военном, так и в моральном отношении. По ходу картины британцы соглашаются сдать острова «божественным воинам» Момотаро. А в кратком эпилоге показано, как дети играют в парашютистов и прыгают на меловой контур континентальной Америки, таким образом демонстрируя, что США станут целью их поколения.

Претворение в жизнь концепции «Великой Восточно-азиатской сферы взаимного процветания» требовало диверсификации подходов к ее осуществлению. И, как показывают рассмотренные материалы, в этом контексте кинематографу отводилась очень важная роль. На протяжении всего периода агрессии Японии против Китая кинематография занимала важное место в попытках японского империализма духовно подчинить себе население Китая и других стран Азии и внушить мысль о превосходстве японской нации.

**Память о японо-китайской войне 1937-1945 гг.
в политическом сознании японского общества
через призму японских СМИ¹**

(Кульнева П.В.)

Вторая мировая война остается тяжелой страницей памяти для Японии и оказывает большое влияние как на национальное самосознание японского общества, так и на официальный дискурс и положение страны в международных отношениях. Так, различия в интерпретации событий прошлого служат причиной серьезных разногласий между Японией и соседними странами Азии, в первую очередь Китаем и Республикой Корея. В отношениях Японии с КНР память о японо-китайской войне является одним из главных факторов напряженности как на социальном, так и на политическом уровне: она определяет негативные тенденции во взаимном восприятии японского и китайского народов, а в периоды обострения разногласий приводит к масштабным протестам, влияющим, в том числе, на показатели двусторонних экономических связей (как это произошло после масштабных антияпонских выступлений в КНР в 2005 и 2012 гг.).

Учитывая значимость фактора памяти о войне в отношениях Японии со странами-соседями и роль СМИ в формировании политического дискурса и общественного мнения по проблемам, связанным с войной, большой интерес представляет отражение памяти о японо-китайской войне в современных публикациях СМИ Японии.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-18-00109 («Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии»). <https://rscf.ru/project/23-18-00109/>

В данной работе, через призму медиа-публикаций, будет сделана попытка выделить некоторые общие тенденции официального дискурса, связанного с японо-китайской войной 1937-1945 гг., которые определяют политическое сознание японского общества в настоящее время.

Ценность пацифизма и гармонии

Генеральной линией, определяющей отношение к войне в Японии на протяжении всего периода сэngo (яп. 戦後, букв. «после войны»), является высшая ценность пацифизма. Не случайно период сэngo отсчитывается от 15 августа 1945 г. – дня, когда (по японскому времени) император выступил перед японским народом по радио с объявлением о принятии условий Потсдамской декларации и желании обеспечить этим безопасность и процветание всех наций, 15 августа отмечается с тех пор как «день траура по погибшим и мольбы за мир». Это является одним из страновых отличий Японии в восприятии войны, связанных с пониманием места этой войны в национальной и мировой истории².

В день окончания войны государственный телеканал Японии NHK транслирует информацию о национальных и региональных мероприятиях, связанных с поминовением погибших, где декларируется неизменная ценность мира. 15 августа 2023 г. центральным событием, связанным с памятью о войне, как и каждый год на протяжении последних десятилетий, стали речи премьер-министра и императора Японии, которые сопровождались минутой молчания. Непременным при освещении национального дня памяти является упоминание количества жертв войны – 3,1 миллиона

---

² Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. №4. С.80-86.

– цифры, которая должна сохраниться в памяти японского народа. При этом подчеркивается, что потомков погибших (которые обязательно участвуют в мемориальных мероприятиях), становится с каждым годом все меньше, что требует новых усилий для сохранения памяти в контексте мольбы за мир³.

День траура по погибшим отмечается по всей Японии. Так, по сообщению NHK, 15 августа 2023 г. мемориальные мероприятия прошли, в том числе, на Окинаве, в префектурах Кагосима, Эхимэ, Хиросима, Ямагата, Ямагути. В последних трех префектурах прозвучал символический удар в Колокол мира. На Окинаве, в Кагосиме и Хиросиме прошли мероприятия с участием школьников – поколения, которое уже не является непосредственным свидетелем войны, но несет на себе важную миссию сохранения памяти. Сообщалось об устных выступлениях и конкурсах на японском и английском языках, где школьники доносили до аудитории идеи пацифизма. Главные идеи выступлений – необходимость ценить сегодняшний день и прилагать усилия для сохранения мира, а также, что крайне важно, обязанность современных японцев как жителей страны, испытавшей на себе атомные бомбардировки и другие ужасы войны, передавать этот урок будущим поколениям⁴.

Редакционные статьи ведущих японских газет («Асахи», «Майнити», «Ёмиури», «Санкэй», «Никкэй»)⁵, вышедших 15 августа

---

³ 78 лет со дня окончания войны... [終戦から 78 年...] // NHK. 15.08.2023. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230815/k10014162921000.html>

⁴ Памятные мероприятие по всей стране в «День окончания войны»... [「終戦の日」各地で追悼式典...] // NHK. 15.08.2023. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230815/k10014163851000.html>

⁵ Для анализа в данной работе использованы следующие редакционные статьи, вышедшие в годовщину окончания войны в 2023 г.: спустя 78 лет после войны... [戦後 78 年...] // Асахи симбун дэдзитару. 15.08.2023.

та 2023 г., при некоторых различиях в акцентах своих публикаций декларируют те же ценности мира и гармонии. В зависимости от политического спектра газеты роль, которую может играть Японии в современных международных отношениях, представлена по-разному, однако общим является обращение к мирному послевоенному периоду как к важнейшему итогу войны, достигнутому дорогой ценой, опасения в связи с текущими международными конфликтами, стремление избежать их дальнейшей эскалации и размышления о том, какие шаги могут быть для этого предприняты (в первую очередь Японией). При этом даже те газеты, где представлены праворадикальные точки зрения о том, что Япония должна полностью пересмотреть свою стратегию национальной безопасности и о том, что ядерное разоружение не поможет в предотвращении международных конфликтов («Ёмиури», «Санкэй»), представляют возможность активных действий со стороны Японии (в частности, возможность контратаки) как вынужденную реакцию на международную ситуацию. Как отмечает газета «Ёмиури», для противостояния внешним угрозам «нужно не только пропагандировать мир, но и иметь возможности сдерживания и контратаки».

URL: <https://www.asahi.com/articles/DA3S15716811.html>; Мысли о мире '23 ... ['23 平和考...] // Майнити симбун. 15.08.2023. URL: <https://mainichi.jp/articles/20230815/ddm/003/070/118000c>; День окончания войны – ценность мира, которую демонстрирует Украина [終戦の日 ウクライナが示す平和の尊さ] // Ёмиури симбун онлайн. 15.08.2023. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/editorial/20230814-OYT1T50213/>; Премьер-министр обязан говорить о важности ядерного сдерживания... [首相は核抑止の重要性語れ] // Санкэй симбун. 15.08.2023. URL: <https://www.sankei.com/article/20230815-M6JD2NW5IVKCSJBNJ3E3NVGW5Q4/>; Хотелось бы развить взгляд на историю, предотвращающий войну [戦争阻む歴史を見る眼を培いたい] // Нихон кэйдзай симбун. 15.08.2023. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQODK1407EoU3A810C2000000/>. При этом считается, что газеты «Асахи» и «Майнити» относятся к левому, а «Ёмиури», «Санкэй» и «Никкэй» к правому политическому спектру.

При этом «Ёмиури» подчеркивает, что послевоенная Япония все это время «шла по пути мирного развития». Как пишет газета «Санкэй», «японцы надеются, что трагедия [Второй мировой войны] не повторится», но авторы статьи задаются вопросом, «достаточно ли Япония делает для этого?»

Границы национальной гордости

Одно из главных противоречий в восприятии японцами прошлой войны состоит в том, что Япония, с одной стороны, является бывшим агрессором, признавшим свое поражение, с другой стороны, одновременно осознает себя как сторону, пострадавшую в этой войне. Страна действительно понесла большие потери, в том числе впервые в мировой истории приняв на себя атомные бомбардировки. Сформировавшийся в послевоенные десятилетия комплекс виктимности⁶, как представляется, помог японскому народу «покориться неизбежному и вынести невыносимое»⁷, как это выразил император Хирохито при объявлении о капитуляции.

Несмотря на то, что, как пишет известная исследовательница Японии, антрополог Рут Бенедикт, «японский народ принял очень спокойно поражение и все его последствия»⁸, капитуляция в войне не могла не стать тяжелейшей травмой для японского общества, связанной с потерей лица и

---

⁶ Под виктимностью понимается «ощущение собственного страдания, рождающее на уровне массового сознания чувство психологического комфорта» (Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С.42).

⁷ Речь Императора Хирохито о принятии условий капитуляции Японии 14 августа 1945 г. (перевод И.Кузнецова). URL: <https://supol.narod.ru/archive/books/hirohito.htm>

⁸ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. яз. 2-е изд. М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С.121.

ущемлением национальной гордости. По этой причине любая критика, звучащая в настоящее время в адрес Японии, в том, что страна в недостаточной степени осознала свои ошибки, не принесла надлежащие извинения, неподобающим образом ведет себя по отношению к соседним странам Азии, пострадавшим в войне, и т.п., воспринимается японцами крайне болезненно. Постоянные антияпонские публикации китайских СМИ и критика Японии, связанная с вопросами исторического прошлого, входят в число главных причин сформировавшегося в японском обществе негативного отношения к Китаю согласно опросам японской некоммерческой организации «Гэнрон НПО» (в 2023 г. на эти факторы указали 40,7% и 34,3% японских респондентов соответственно⁹).

Соразмерной является и реакция японских СМИ на критические заявления Китая и его политику памяти. Так, в 2016 г. в рубрике «борьба нарративов» (яп. 歴史戦) газета «Санкэй» отмечает, что, сделав «Нанкинскую резню» мемориальным наследием, Китай отказывается от раскрытия достаточного количества [ее] доказательств¹⁰. А в одной из своих недавних публикаций японское интернет-издание JB Press реагирует на очередную критику визитов высших должностных лиц Японии в храм Ясукуни со стороны Китая, называя ее «ежегодным фарсом». Напомним, что проблема храма Ясукуни является камнем преткновения в отношениях Японии со странами-соседями из-за того, что вместе с другими

⁹ Результаты 19-го совместного японско-китайского опроса общественного мнения [第 19 回日中共同世論調査結果] // Гэнрон НПО. 2023. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/16585-2.html>

¹⁰ Почему Китай, делая «Нанкинскую резню» мемориальным наследием ... [なぜ中国は「南京大虐殺」を記憶遺産に登録しながら...] // Санкэй симбун. 14.05.2016. URL: <https://www.sankei.com/article/20160514-ZSO665BWQFIDXLE4J5OZCLQVLA/>

погибшими во время войны там почитается память преступников, осужденных военными трибуналами. Как отмечает JB Press, «выражение, наряду с клятвой о мире, уважения и благодарности предкам, отдавшим жизни ради своей страны, является общемировой практикой»¹¹. В японском медиапространстве также представлены точки зрения о том, что Токийский трибунал был несправедливым «судом победителей» над Японией, война была слишком сложной для того, чтобы подводить однозначные итоги, и единственно правильной интерпретации исторических событий не существует¹².

Публикации СМИ демонстрируют, что независимо от своего статуса по итогам войны, страна отстаивает свое видение событий, на котором держится целостность государства и лицо японского народа в современном мире. Подобно тому, как табуированной темой остается критика роли императора в контексте памяти о войне, важные национальные значения имеют «места памяти»¹³ (в число важнейших из них как раз входит храм Ясукуни) и последовательность исторического нарратива. С «лицом» Японии связаны и результаты электронного опроса японской

---

¹¹ Причины, по которым Китай и Республика Корея вдруг начали разыгрывать карту Ясукуни [靖国参拜が突然、中国・韓国的外交カードになった理由] // JB Press. 17.08.2021. URL: <https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/66493>

¹² Например: Обман «Токийского процесса», который был политической церемонией [政治的セレモニーだった「東京裁判」の欺瞞] // Diamond Online. 22.08.2016. URL: <https://diamond.jp/articles/-/97873>; «Та война»... [「あの戦争」...] // Асахи симбун. 31.08.2022. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASQ8Z2RSCQ8XUPQJ001.html>; «Правильная история», которой не существует [存在しない「正しい歴史」] // Tōe кэйдзай. 12.11.2021. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/575847>

¹³ Понятие «мест памяти», которые сосредотачивают в себе национальную и коллективную память людей, было введено французским ученым Пьером Нора в 1980-е гг.

экономической газеты «Никкэй», проведенного в 2015 г. по случаю 70-летней годовщины окончания войны. 77% респондентов «Никкэй» согласились с тем, что страна уже принесла достаточно извинений пострадавшим народам и больше не должна этого делать¹⁴. Такому результату голосования способствовала сознательная политика правительства Японии, которая нашла отклик у достаточно большой части японского общества. Суть этого подхода была четко сформулирована премьер-министром С.Абэ и состоит в том, что будущие поколения не должны бесконечно нести бремя вины за события прошлого.

Восприятие войны в современном международном контексте

Японо-китайская война 1937-1945 гг. не может не восприниматься японским обществом в современном международном контексте. Как было упомянуто ранее, обострившееся после войны понимание ценности мира и гармонии усиливает опасения, связанные с новыми международными конфликтами. Кроме того, сформировавшееся понимание роли Японии в послевоенном мире определяет пассивный подход к участию страны в международных конфликтах, пересмотр которого возможен только при условии значительной внешней угрозы.

Большое значение для Японии всегда имела безопасность в регионе. В связи с этим в качестве главных региональных угроз, которые могут привести к повторению прошлого печального опыта, в редакционных статьях ведущих японских газет, посвященных годовщине окончания Второй

---

¹⁴ Пояснение к быстрому голосованию ... [クイック Vote 解説...] // Нихон кэйдзай симбун. 27.05.2015. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZ087290950W5A520C110000/>

мировой войны в 2023 г., упоминается Китай. Как отмечает газета «Ёмиури», усиление Китая – «главная угроза», которая может привести к «одностороннему изменению статус-кво» в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе. Большие опасения у авторов вызывают периодические ракетные запуски в КНДР и военные учения России в районе Курильских островов. Газета «Санкэй», которая поднимает вопрос ядерного сдерживания, с беспокойством отмечает, что Китай, Россия и Северная Корея, окружающие Японию, работают над укреплением своих ядерных сил. Газета «Никкэй» пишет об опасности ряда затянувшихся конфликтов, имея в виду, в том числе, противостояние Китая и США – ближайших соседей Японии. Как отмечает «Никкэй», подобная ситуация, характеризующаяся одновременным протеканием сразу нескольких затянувшихся международных конфликтов, имела место раньше в мировой истории.

Ожидаемо, что внимание японских газет приковано к Украине. Этой теме отведены отдельные разделы в редакционных статьях «Асахи», «Майнити» и «Ёмиури» 15 августа 2023 г. Газеты отмечают драматичность конфликта, отсутствие на данном этапе четких перспектив его разрешения, большие потери с обеих сторон. «Майнити» и «Ёмиури» пишут о таких уже заметных к настоящему времени глобальных последствиях, как мировой кризис, вызванный перебоями с поставками продовольствия и ростом цен на энергоносители, и проблема беженцев. «Асахи» пытается провести параллели с японо-китайской войной, которые вырисовываются не достаточно четко, но тем не менее, помогают лучше понять положение каждой из сторон в этом конфликте.

* * *

Анализ японских СМИ позволил проиллюстрировать такие ключевые особенности политического сознания современного японского общества, связанного с памятью о японо-китайской войне 1937-1945 гг., как сохраняющееся понимание высшей ценности мира и гармонии в условиях растущего количества внешних угроз; «деликатность» проблемы исторической памяти, связанную с «лицом» японской нации; опору на события прошлого в восприятии современных международных конфликтов.

Память о японо-китайской войне (как и о Второй мировой войне в целом) остается неотъемлемой частью политического сознания японского общества по прошествии длительного времени после ее окончания и имеет большое значение для понимания того, как японцы видят себя и свою страну в современном мире. Особого внимания при этом заслуживают публикации СМИ. Отражая мировоззрение японского общества, они, в то же время, являются одним из важнейших каналов формирования официального дискурса, связанного с войной.

Список использованных источников и литературы

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. 2-е изд. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
2. Нора П. Франция – память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб: СПбГУ, 1999.
3. Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015.
4. Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями:

к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. №4.

Список электронных ресурсов

5. День окончания войны – ценность мира, которую демонстрирует Украина [終戦の日 ウクライナが示す平和の尊さ] // Ёмиури симбун онлайн. 15.08.2023. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/editorial/20230814-OYT1T50213/> (дата обращения: 03.06.2024).
6. Мысли о мире '23 ... ['23 平和考...] // Майнити симбун. 15.08.2023. URL: <https://mainichi.jp/articles/20230815/ddm/003/070/118000c> (дата обращения: 03.06.2024).
7. Обман «Токийского процесса», который был политической церемонией [政治的セレモニーだった「東京裁判」の欺瞞] // Diamond Online. 22.08.2016. URL: <https://diamond.jp/articles/-/97873> (дата обращения: 03.06.2024).
8. Памятные мероприятия по всей стране в «День окончания войны»... [「終戦の日」各地で追悼式典...] // NHK. 15.08.2023. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230815/k10014163851000.html> (дата обращения: 03.06.2024).
9. Почему Китай, делая «Нанкинскую резню» мемориальным наследием ... [なぜ中国は「南京大虐殺」を記憶遺産に登録しながら...] // Санкэй симбун. 14.05.2016. URL: <https://www.sankei.com/article/20160514-ZSO665BWQFIDXLE4J5OZCLQVLA/> (дата обращения: 03.06.2024).
10. Пояснение к быстрому голосованию ... [クイック Vote 解説...] // Нихон кэйдзай симбун. 27.05.2015. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO87290950W5A520C1110000/> (дата обращения: 03.06.2024).
11. «Правильная история», которой не существует [存在しない「正しい歴史」] // Тōё кэйдзай. 12.11.2021. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/575847> (дата обращения: 03.06.2024).
12. Премьер-министр обязан говорить о важности ядерного сдерживания... [首相は核抑止の重要性語れ] //

- Санкэй симбун. 15.08.2023. URL: <https://www.sankei.com/article/20230815-M6JD2NW5IVKCJBNJ3E3NVGW5Q4/> (дата обращения: 03.06.2024).
13. Причины, по которым Китай и Республика Корея вдруг начали разыгрывать карту Ясукуни [靖国参拜が突然、中国・韓国の外交カードになった理由] // JB Press. 17.08.2021. URL: <https://jbpress.ismedia.jp/articles-/66493> (дата обращения: 03.06.2024).
  14. Результаты 19-го совместного японско-китайского опроса общественного мнения [第19回日中共同世論調査結果] // Гэнрон НПО. 2023. URL: <https://www.genron-pro.net/world/archives/16585-2.html> (дата обращения: 03.06.2024).
  15. Речь Императора Хирохито о принятии условий капитуляции Японии 14 августа 1945 г. (перевод И.Кузнецова). URL: <https://supol.narod.ru/archive/books/hirohito.htm> (дата обращения: 03.06.2024).
  16. 78 лет со дня окончания войны... [終戦から78年...] // NHK. 15.08.2023. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20230815/k10014162921000.html> (дата обращения: 03.06.2024).
  17. Спустя 78 лет после войны... [終戦から78年...] // Асахи симбун дэдзитару. 15.08.2023. URL: <https://www.asahi.com/articles/DA3S15716811.html> (дата обращения: 03.06.2024).
  18. «Та война»... [「あの戦争」...] // Асахи симбун. 31.08.2022. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASQ8Z2RSCQ8XUPQJ001.html> (дата обращения: 03.06.2024).
  19. Хотелось бы развить взгляд на историю, предотвращающий войну [戦争阻む歴史を見る眼を培いたい] // Нихон кэйдзай симбун. 15.08.2023. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQODK1407EoU3A810C2000000/> (дата обращения: 03.06.2024).

**Почему южнокорейцам так трудно
простить Японию за исторические прегрешения?**

(Стрельцов Д.В.)

Сложность решения вопроса о примирении с Японией по вопросам исторического прошлого связана не только с воспоминаниями о японской милитаристской политике периода Второй мировой войны, но и с сохранением на коллективном уровне более глубокой исторической памяти. В глазах многих южнокорейцев Япония на протяжении многих веков была одной из наиболее «варварских» стран, расположенных на периферии синоцентричного мира, а ее культурное развитие было основано в первую очередь на перенимании китайского и корейского культурного опыта. После завершения эпохи Мин и воцарения в Китае «варварской» циньской династии корейцы стали воспринимать свою страну как наследницу традиций просветительства, имеющую культурное превосходство над Японией. В Корее помнят и о нашествиях войск Хидзэси конца XVI в., которые закончились неудачей в результате отпора со стороны патриотических сил Кореи. Сильные антияпонские настроения преобладали в Корее во второй половине XIX – начале XX вв., когда она стала объектом соперничества двух могущественных соседей, а впоследствии и японской колонией. Историческое прошлое, связанное с Японией, отзывается в сердцах корейцев и обидой за убийство корейской королевы Мин, после которого корейский король был вынужден в 1896 г. в течение года скрываться в стенах российского посольства в Сеуле.

В период колониального господства 1910-1945 гг. корейцы воспринимались в Японии в качестве граждан второго сорта и подвергались жестокой этнической дискриминации. Многие из них, оказавшись в колониальный период в Япо-

нии, стали жертвами антикорейских настроений в японском обществе, которые особенно ярко проявилось в период «рисовых бунтов» 1919 г. и особенно землетрясения 1923 г., в «организации» которого обвинили корейцев, после чего последовали корейские погромы. Особое возмущение и чувство неотмщенной несправедливости продолжает вызывать память о навязывании корейцам японских имен, о насильственной трудовой мобилизации корейцев в годы Второй мировой войны для их работы в Японии на японских военных заводах.

К тому же нормализация японо-южнокорейских связей в 1965 г. произошла в несправедливой, с точки зрения значительной части современного южнокорейского общества, форме. Правительство Пак Чжон Хи отказалось от каких-либо претензий в отношении Японии в обмен на оказание Сеулу существенной экономической помощи (500 млн. долл. в виде правительственной помощи и 300 млн. долл. частных инвестиций). Свою роль в современном восприятии той сделки играет осознание собственного бессилия: Южная Корея отчаянно нуждалась тогда в экономической помощи, а в отношении экономически более сильной Японии она не могла ввести каких-либо ощутимых для нее мер воздействия. При этом от японской помощи, которую по идее можно было бы считать «компенсацией» за колониальную эксплуатацию, равным счетом ничего не получили как раз те, кто от нее пострадал в наибольшей степени – бывшие корейские рабочие, насильственно рекрутированные на японские оборонные предприятия, корейцы, пострадавшие от атомных бомбардировок, а также «женщины для утешения» – кореянки, подвергавшиеся насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

Кроме того, имеется принципиальное различие в позициях сторон по поводу легитимности договора 1910 г., передавшего суверенные права на Корею в руки японского императора: Сеул считает его незаконным с момента подписания, в Токио же полагают, что он утратил силу только в момент капитуляции Японии в 1945 г. С Севером же Токио так и не нормализовал межгосударственные отношения, соответственно, на межгосударственном уровне не произошло и урегулирования вопросов минувшей войны и колониального прошлого.

Тем не менее, режим Пак Чжон Хи в 1965 г. согласился с условиями послевоенной нормализации двусторонних отношений, предполагавшими взаимный отказ от претензий по вопросам колониального правления. Южнокорейская сторона полностью удовлетворилась формальным выражением «раскаяния» в связи с колониальным прошлым, содержащимся в заявлении японского министра иностранных дел Японии Э. Сиина. На церемонии подписания соглашения о нормализации отношений в 1965 г. тот выразил «искреннее сожаление» (*макото ни икан*) и «глубокое раскаяние» (*фукаку хансэй*) по поводу «неудачного периода» истории отношений двух стран [Yamazaki 2006, p.34].

Актуализация проблемы ответственности Японии в начале 1990-х гг. стала результатом действия многих разнонаправленных факторов, рост национализма, ослабление тотального идеологического контроля и демократизацию общественной жизни. Как следствие, вопросы извинений и компенсаций на долгие годы становятся серьезным препятствием в японо-южнокорейских двусторонних отношениях.

Мотивация к активному развитию тесных отношений с Японией была также ослаблена в связи с внутривнутри-

ческой ситуацией в стране. В доминирующем в Южной Корее общественно-политическом дискурсе в 1990-2020-е гг. заметно усилились антияпонские настроения. С одной стороны, сошло с политической арены старшее поколение корейцев, которые получили образование еще в колониальный период и сохраняли определенную культурную близость с Японией¹, либо выросли в период военных диктатур 1960-1980-х гг., когда критика Японии была приглушена по политическим причинам. На смену пришло новое поколение избирателей, в отношении которых политики стали активно использовать националистическую карту. Поколение рожденных в 1960-е гг. (т.н. «поколение 386»), молодость которых пришлась на период демократизации страны, характеризуют левые, «прогрессивные», антиамериканские, антияпонские и даже «прокоммунистические» взгляды². Именно это поколение оказалось в наибольшей степени подвержено политическим идеям исторического национализма³.

Выдвижение против Японии обвинений в связи с незакрытыми счетами за колониальное правление оказалось беспроигрышным ходом, позволяющим политикам отвлечь внимание общественности от внутренних проблем и получать дополнительные кредиты доверия среди избира-

---

¹ Koga, K.. Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific//Asian Politics and Policy, 2023. Volume 15, Issue 1. P.66.

² Kuni, M. Kishida's Seoul visit was a positive step — at least in the short term// The Japan Times, May 9, 2023. Mode of access: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2023/05/09/commentary/japan-commentary/south-korea-japan-relations-2/>

³ Kimura, K. Why Are the Issues of “Historical Perceptions” between Japan and South Korea Persisting? // Journal of International Cooperation Studies, 2011. Volume 19, No.1, P.23. Mode of access: https://www.research.kobe-u.ac.jp/gsics-publication/jics/kimura_19-1.pdf

телей. В политике (и это касается не только Кореи) в связи с наступлением эпохи медиакратии существенно большую роль стал играть популизм, который в южнокорейском случае приобрел отчетливо выраженный антияпонский привкус. На этом фоне налаживание прочных доверительных отношений с Японией оказалось делом исключительно трудным, если не невозможным.

Наиболее острыми проблемами исторического прошлого, по отношению к которым южнокорейцы по-прежнему ощущают неудовлетворенность в связи с недостаточным уровнем покаяния с японской стороны, остаются проблема «женщин для утешения» и проблема насильственного труда корейских рабочих.

Первая проблема заключается в том, что корейки наряду с тайваньками были главной жертвой системы сексуальной эксплуатации на «станциях утешения» японской императорской армии. Это было связано с тем, что система образования в японских колониях предполагала обязательное изучение японского языка и была ориентирована на воспитание верности императору и уважения к Японии, что создавало чувство культурной близости с Японией и потому облегчало налаживание подобной практики. По некоторым оценкам, в систему сексуального рабства было вовлечено от 80 тыс. до 100 тыс. женщин⁴.

В результате ряда расследований выяснилось, что в планировании, создании и функционировании «станций для утешения» систематическое участие принимали японские военные власти, а к принятию соответствующих решений были причастны чиновники министерства внутренних дел,

---

⁴Tanaka Yuki. Japan's Comfort Women: Sexual Slavery and Prostitution during World War II and the U.S. Occupation. London and New York, 2002. P.32.

генерал-губернаторы Кореи и Тайваня и японские полицейские чины всех рангов⁵. При этом практика создания «станций для утешения» была повсеместной для всех районов японской военной оккупации. Она представляла собой систему сексуальной, расовой, этнической и экономической дискриминации женщин, которая влекла за собой нарушение их базовых прав и нарушение многочисленных международных законов, в том числе касающихся преступлений против человечности. После войны страдания вовлеченных в эту практику женщин не закончились – многие из них долгие годы страдали от последствий болезней, психологических и физических травм и посттравматического расстройства, а также социальной дискриминации в связи со своим прошлым опытом.

Японское правительство на первом этапе отрицало государственное участие Японии в подобной практике и отказывалось не только извиняться перед женщинами или предоставлять им компенсацию, но и проводить какие-либо расследования. И только в сделанном 4 августа 1993 г. генеральным секретарем кабинета министров Японии Коно Ёхэй заявлении признавалось, что японские военные были прямо или косвенно вовлечены в создание и управление «станциями утешения» и мобилизацию женщин для работы в них, что во многих случаях женщины были привлечены для работы против собственной воли и что правительство

---

⁵ Hayashi Hirofumi. Disputes in Japan over the Japanese Military "Comfort Women" System and Its Perception in History// The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 617, The Politics of History in Comparative Perspective (May, 2008). P. 127.

Японии приносит на этот счет свои искренние извинения и выражает чувство раскаяния⁶.

Вторая проблема связана с тем, что в колониальный период 1910-1945 гг. народ Кореи подвергался насильственной трудовой и военной мобилизации для нужд японской императорской армии, а многие корейцы пострадали от навязанного стране Японией участия в войне. На японских военных заводах работали корейские рабочие, насильственно завезенные в метрополию, а от атомных бомбардировок Японии пострадали корейцы, оказавшиеся в Хиросиме и Нагасаки опять-таки в результате насильственной трудовой мобилизации.

В настоящее время имеется три основных момента расхождений, являющихся источником острой обиды южнокорейцев.

Во-первых, южнокорейцы хотели бы, чтобы Япония признала договор 1910 года нелегитимным с момента его подписания и официально осудила период колониального правления 1910-1945 гг. Япония же в ответ настаивает, что договор был заключен в соответствии с международным правом того времени и имел юридическую силу вплоть до ее капитуляции в 1945 г., и что в этот период ею был внесен немалый вклад в экономическое и культурное развитие Кореи.

Во-вторых, южнокорейская сторона настаивает, что поскольку от нормализации отношений в 1965 г. южнокорейские жертвы японского колониального владычества не получили должной компенсации, именно японское прави-

---

⁶ Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". August 4, 1993 / Ministry of Foreign Affairs of Japan. <https://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (дата обращения 26.06.2020).

тельство, но не частные лица, такую компенсацию им обязано предоставить. В свою очередь, Токио, не отрицая наличия проблемы, придерживается той точки зрения, что поскольку стороны в 1965 г. отказались от взаимных претензий по итогам японского колониального правления, материальную помощь пострадавшим корейским гражданам с японской стороны должны оказывать частные лица и организации.

В 2015 г. после долгих переговоров стороны все же договорились о создании специального фонда для выплаты компенсаций «женщинам для утешения», в который японская сторона должна была внести из государственного бюджета 1 млрд иен (около 10 млн. долл.). Однако уже через три года деятельность фонда была приостановлена по инициативе Южной Кореи, новое правительство которой фактически стало рассматривать действия предыдущего президента, подписавшего соглашение, как «предательство». С 2018 г. между двумя странами продолжается конфликт по поводу компенсаций корейским рабочим, работавшим в годы войны на японских предприятиях: японская сторона отказывается выполнять предписания южнокорейских судов, вынесших постановления в пользу корейских жертв и их потомков.

В-третьих, многие южнокорейцы полагают, что японская сторона должна выступить с новыми извинениями, причем их в недвусмысленной форме должен озвучить не кто иной, как сам японский император. Это связано с тем, что порабощение Кореи и сама колониальная политика проводилась в довоенный период от его имени, и поэтому именно император должен лично выступить с извинениями перед корейским народом. Хотя в соответствии с послевоенной японской конституцией роль императора

носит символический характер, он регулярно выступает в этой роли в качестве главы государства и представителя Японии и японского народа на официальных церемониях.

Нужно отметить, что в послевоенный период японские императоры несколько раз выражали свою оценку колониальной политики Японии в Корее. 6 сентября 1984 г. на этот счет высказался император Хирохито во время официального визита главы южнокорейского государства Чон Ду Хвана в Японию. Отметив, что между двумя странами существовали глубокие отношения с долгой историей, он заявил: «Несмотря на эти отношения, в нынешнем столетии был короткий период несчастливого прошлого между нашими двумя странами. Это поистине достойно сожаления; оно больше не повторится»⁷. Высказывание императора, при том, что оно было воспринято позитивно в Республике Корея, до конца не удовлетворило южнокорейскую сторону, которая хотела бы получить извинения в более четкой и недвусмысленной форме.

24 мая 1990 г. император Акихито, принимая в Токио президента Южной Кореи Ро Дэ У, заявил о том, «не может не чувствовать «сильную печаль», когда задумывается «о страданиях людей в вашей стране, вызванных нашей страной в этот несчастный период». Американская исследовательница Дж.Ямадзаки обратила внимание на тот факт, что использованный императором термин цусэки («сильная печаль») записан двумя китайскими иероглифами, означающими «боль» и «сожаление». Это необычное слово, и некоторые южнокорейцы критиковали его как несколько архаичное и неясное, настаивая на том, что «истинное» извинение должно включать более очевидные формы

---

⁷Yamazaki J. Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study London; New York: Routledge, 2006. P.36.

извинительной лексики, содержащейся в японских словах *сядзай*, *оваби* или *сумимасэн*⁸.

Если южнокорейцы нуждаются в открытом признании вины за их унижения и страдания как японской колонии, то японская сторона готова признать только сам факт исторической несправедливости, глубоко не вдаваясь в неприятные подробности. Поскольку различия в позициях сторон по поводу извинительной лексики следует рассматривать в категориях «сохранения лица», критически важного для дальневосточного культурного ареала, единственным методом «сохранить лицо» может быть только использование нарочито расплывчатых выражений и эвфемизмов, а также отказ от эксплицитных формулировок, описывающих преступления военного времени. Обратной стороной этой ситуации является то, что противоположная сторона всегда остается до конца не удовлетворенной, что в свою очередь создает проблему «усталости» Японии от извинений. Это в свою очередь порождает постоянный источник напряженности в двусторонних отношениях, которая сохраняется даже несмотря на близость стратегических интересов сторон как союзников Америки.

В ходе визита в Японию 16-17 марта 2023 г. президента РК Юн Согёля, южнокорейской стороной были сделаны новые предложения по решению застарелых проблем исторического прошлого. Южная Корея решила отказаться от требований в адрес Японии о выплате из ее государственного бюджета компенсаций корейским жертвам подневольного труда, согласившись с тем, что вопрос об ответственности государства уже был урегулирован Соглашением о претензиях, достигнутым во время нормализации диплома-

---

⁸Yamazaki J. Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study London; New York: Routledge, 2006. P.40.

тических отношений двух стран в 1965 г.⁹ Одновременно Сеул предложил использовать для выплат компенсаций учрежденный в Южной Корее специальный фонд, пополняемый за счет взносов сталелитейной компании POSCO и других южнокорейских фирм, которые в свое время имели возможность использовать японские кредиты. Южнокорейская сторона также настаивала на том, чтобы две японские фирмы, которые были объектом исков пострадавших, а именно Nippon Steel и Mitsubishi Heavy Industries, также внесли добровольные взносы в этот фонд. Расчет был на то, что в результате применения такой схемы любые претензии потерпевших к Японии будут закрыты.

7 мая 2023 г. состоялся ответный визит в Сеул премьер-министра Ф. Кисида. Интрига заключалась в том, будет ли Кисида извиняться перед южнокорейской стороной в связи с проблемами исторического прошлого. В конечном счете из уст японского премьера прозвучало только согласие следовать декларации 1998 г. о партнерстве, подписанной тогдашним премьер-министром Японии Обути Кэйдзо и президентом Южной Кореи Ким Дэджун¹⁰. Однако Кисида не пошел дальше подтверждения приверженности заявлениям своих предшественников и никаких слов извинений не произнес. Единственное, что сказал японский лидер – это то, что у него «защемило сердце», когда он подумал о страданиях корейцев в период колониального прошлого¹¹.

---

⁹ The New York Times. March 17, 2023. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/03/17/world/asia/japn-south-korea-relations.html>

¹⁰ Takahashi Kosuke. Japanese Prime Minister Kishida's Visit to South Korea: 3 Points to Watch // The Diplomat.com, May 06, 2023. Mode of access: <https://thediplomat.com/2023/05/japanese-prime-minister-kishidas-visit-to-south-korea-3-points-to-watch/>

¹¹ The New York Times. May 7, 2023. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/05/07/world/asia/south-korea-japan-summit-apology.html>

Однако отсутствие ясных и прямых извинений с японской стороны вызвало среди южнокорейской общественности чувство сильного разочарования.

На этом фоне неудивительными выглядят данные социологических исследований, касающихся восприятия Японии в Южной Корее. По данным опроса, проведенного в ноябре – декабре 2019 г., о своем «доверии» к Японии заявило лишь 13,0% опрошенных – сокращение за год составило 5,1%¹². В целом же около трех четвертей южнокорейских граждан, негативно относящихся к Японии, в качестве главной причины своей нелюбви к Японии называют именно «историческое прошлое»¹³. К тому же многие южнокорейцы по-прежнему воспринимают Японию как милитаристскую державу. Например, в ходе одного из опросов общественного мнения, проведенных в июне 2019 г., «пацифистской страной» назвали Японию только 8% респондентов, тогда как «милитаристской страной» около половины опрошенных¹⁴. Другой опрос показал, что 61% южнокорейских респондентов рассматривают Японию как военную угрозу для своей страны¹⁵.

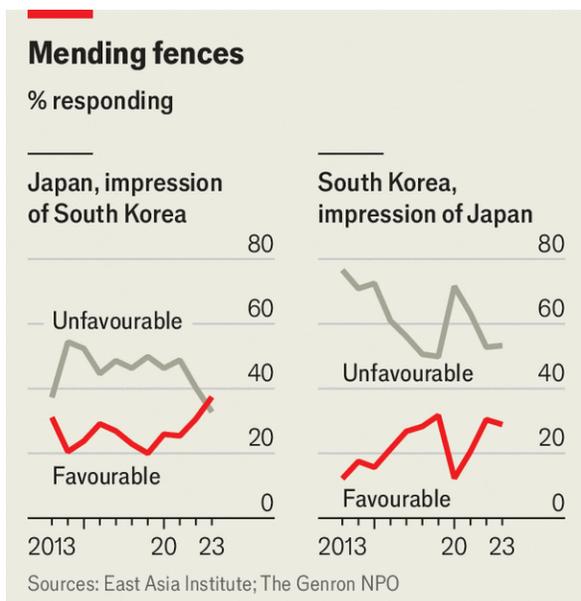
---

¹² South Koreans least trusting of Japan among six nations surveyed// The Japan Times. 08.02.2020. <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/02/08/national/south-koreans-least-trusting-japan-among-six-nations-surveyed/#.XmaHC6gzYuU> (дата обращения 26.06.2020)

¹³ Tom Le and Daphne Yang. Repeating Past Mistakes in Japan-Korea Reconciliation // Tokyo Review. 30.01.2020. <https://www.tokyoreview.net/2020/01/japan-korea-reconciliation-mistakes/> (дата обращения 26.06.2020)

¹⁴ Lindgren Wrenn Yennie, Woo Eun Hee, Hanssen Ulv, Lindgren Petter. The identity politics driving the Japan–South Korea trade war // East Asia Form. 25.11.2019. <https://www.eastasiaforum.org/2019/11/25/the-identity-politics-driving-the-japan-south-korea-trade-war/> (дата обращения 26.06.2020)

¹⁵ Nearly half of South Koreans would back North in war with Japan, while 40% 'have no idea// The Japan Times. 08. 11.2019. <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/08/national/politics-diplomacy/nearly-half-south-koreans-back-north-vs-japan/#.Xoi43czgYuX> (дата обращения 26.06.2020)

Взаимное отношение в Японии и Южной Корее к стране-партнеру (март 2024 г.) Источник: <https://www.economist.com/asia/2024/03/18/relations-between-japan-and-south-korea-are-blossoming>

Стоит признать, что доля южнокорейцев, у которых сложилось благоприятное впечатление о Японии, по другому опросу составила в период с ноября по декабрь 2023 г., 44% – рекордно высокий показатель, причем он вырос на 4,1 процентных пункта по сравнению с предыдущим годом. Тем не менее, в Южной Корее Япония была одной из наименее популярных стран: в Таиланде эта доля составила 91,1%, Франции (81,5%), США (80,4%) и Великобритании (71,1%)¹⁶.

Таким образом, отношение большинства южнокорейцев к Японии имеет ярко выраженную эмоциональную окрас-

¹⁶ <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/02/18/japan/south-korean-people-japan-impression-improves/>

ку, проявляясь в непреходящем чувстве глубокой обиды, не только в связи с «неискупленными» историческими грехами ее островного соседа, но и с нежеланием японцев подобающим образом выражать свое раскаяние¹⁷. На это накладывается и дополнительная обида за то, что настоящие жертвы уходят из жизни, так и не получив от Японии должных компенсаций (одна из последних жертв сексуальной эксплуатации умерла в конце 2019 г.).

В свою очередь, в Японии считают, что руководство страны в прошлом уже в достаточной степени выражало свои извинения в связи с историческим прошлым, что проблема материальных компенсаций уже полностью решена и что нынешнему поколению японцев не за что извиняться. Там исходят из того, что Сеул использует карту «извинений» для оказания давления на Японию и для торга, нацеленного на получение уступок по иным вопросам. Это в свою очередь дает многим японцам основания ассоциировать извинения со слабостью или, наоборот, рассматривать их как дипломатическую рутину, а не как проявление истинного отношения к историческому прошлому.

Рост националистических настроений в Восточной Азии, затронувший Японию и Южную Корею в равной степени, не позволяют найти должный компромисс. На этом фоне вопросы исторического прошлого, сохраняя свою остроту, будут стоять в повестке дня двусторонних отношений еще неопределенно долго.

---

¹⁷ Японский император, посетивший Южную Корею в сентябре 1984 г., заявил о своем «сожалении» в связи с событиями, «которые произошли в минувшем столетии». Однако многие южнокорейцы хотели бы получить от японского императора более сильные формы извинительной лексики. См. Yamazaki Jane. Japanese Apologies for World War II: a rhetorical study. London, 2006. P.37.

**Японское управление в Корее 1910-1945 гг.:
колониальная индустриализация или модернизация?**
(Овчинникова Л.В.)

Исследование японского управления в Корее в 1910-1945 гг. сохраняет свою актуальность и в XXI веке. Изучение колониального периода важно для исследования не только прошлого Японии и Кореи, но и для понимания настоящего. Многие проблемы отношений этих двух азиатских стран берут истоки из колониального прошлого, что поддерживает постоянный интерес к данной проблематике со стороны историков, политиков, общественности. Вместе с тем историография японского колониального управления в Корее трансформируется. Обвинительный подход, характерный для работ, которые фокусировались на эксплуатации Кореи метрополией, превалировал с начала 1950-х до середины 1990-х гг. в отечественных и зарубежных исследованиях. Их авторы утверждали, что именно соображения военно-стратегического характера побудили японские власти и японские монополии расширить промышленное строительство в колонии, развивать добычу военно-стратегического сырья, строить железные дороги и пр.¹ Исследователи делали упор на военно-промышленном развитии колонии в 1939-1945 гг.; описывали так называемую колониальную индустриализацию, в основу которой были положены «хищническая разработка природных ресурсов Кореи, оптимальная форма эксплуатации рабочей силы в целях создания бастиона милитаризма и агрессии»².

---

¹ История Кореи, т.2. М.: Наука, 1974. С.26-27, 130-133; Хан Ёнью. История Кореи – новый взгляд. Москва: изд-во Восточная литература РАН, 2010. С.476-477, 492-495.

² История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. С.306-307.

Долгие годы вклад колониальной администрации в модернизацию и индустриализацию Кореи сильно критиковался националистически настроенными корейскими учеными. Они настаивали на тезисе «необходимости разделения колониализма и модернизации, поскольку считали, что колониальное управление либо разрушало, либо искажало само стремление корейцев модернизироваться»³. Деятельность японской администрации оценивалась как полностью деструктивная. Вместе с тем вступление Кореи в современный мир со всеми его составляющими произошло в основном в колониальную эпоху. Это было сопряжено с многочисленными изменениями в социально-экономической и культурной жизни.

Начиная с середины 1980-х гг. японские и небольшое число южнокорейских историков начали писать о модернизации Кореи в период японского управления, исследуя положительные изменения в социально-экономической сфере жизни корейцев. «Японское управление принесло современные технологии и инновации в Корею в виде железных дорог, линий телеграфа, школ, университетов, библиотек, универмагов, госпиталей, фабрик и прочего. Генерал-губернаторство предпринимало попытки улучшить здравоохранение и санитарно-гигиеническое состояние»⁴. Сторонники данного направления историографии писали, что Корея явилась объектом эксплуатации со стороны

---

³ Kim In Soo. Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885-1920. New York: Peter Lang, 1996. P.155-156.

⁴ Ibid. P.39.

японской метрополии, но в то же время ее экономика активно развивалась⁵.

В данной статье автор сопоставляет обе стороны деятельности японской администрации в Корее – как колониальную индустриализацию и как ее следствие эксплуатацию корейского населения, так и модернизацию в социально-экономической сфере. Он также рассматривает в общем виде основные тенденции историографии колониальной истории Японии и Кореи.

Остановимся на вопросе индустриализации Кореи. В конце 30-40-е гг. XX в. Япония вынашивала планы установления своей гегемонии в Азии, рассматривая при этом Корею в качестве плацдарма для продвижения на континент. По мере того, как она усиливала свое присутствие в колонии, на полуострове выявлялись новые запасы стратегического сырья – золота, серебра, железной руды, свинца, каменного угля, причем количество многих природных ископаемых превосходило аналогичные запасы метрополии. Минерально-сырьевая база Кореи была использована метрополией для развертывания колониальной индустриализации. Уже с конца 20-х – начала 30-х гг. японские монополии, действовавшие до этого в основном в обрабатывающей и легкой промышленности, переключились на тяжелую промышленность, топливно-энергетические и другие отрасли, связанные с военным производством. К этому времени закончилось строительство химического комбината в Хыннаме, гидроэлектростанции на реке Пучжонган, других крупных индустриальных объектов. В 1931-1936 гг. на Корейском полуострове было построено около 1300 новых

---

⁵ Ким Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток, 2014, №3. С.177-185.

военных предприятий, поставляющих оружие и боеприпасы для армии, форсировалось развитие горнодобывающей отрасли. В указанное пятилетие продукция горнорудных предприятий возросла почти в 5 раз. В первую половину XX в. в Корее были построены и реконструированы железные и шоссейные дороги, телеграфные линии. Военно-промышленное строительство сопровождалось концентрацией частного финансово-промышленного капитала в руках японских монополий дзайбацу. К 30-м гг. японские монополии контролировали около 80% всех акционерных компаний. Однако с середины 30-х гг. власти расширили возможности инвестиций корейской буржуазии в такие области, как горнорудные разработки, лесоводство, морские промыслы. Деятельность японских колониальных властей в области сельского хозяйства была направлена на переключение всей аграрной экономики на нужды милитаризма и войны. Усилилась экспроприация казенных и частных земель. Обширные массивы крестьянской земли изымались под строительство железных, шоссейных дорог, промышленное строительство по сниженным ценам. В итоге японская администрация стала самым крупным обладателем земельного фонда Кореи. В колониальные годы метрополия вывозила в среднем около 70% сельскохозяйственной продукции, что обрекало корейских крестьян на полуголодное существование.

В то же время, как писалось выше, деятельность японского генерал-губернаторства привели к модернизации Кореи, которая включала в себя различные сферы экономической и общественной жизни – строительство железных дорог и эксплуатацию в городах электрических трамваев, архитектурное строительство, новые формы городского досуга, обучение широких слоев населения. Остановимся на деятельности японской колониальной администрации в

сфере образования. В колониальный период система образования только складывалась, и японская администрация, «...начала проводить в Корее образовательную деятельность практически с нуля»⁶. 1/3 корейских детей посещала школы; в 1945 г. цифра общей грамотности составила чуть меньше 50%. В 1939 г. в Корее в колледжах и образовательных семинариях для учителей было зарегистрировано 6 313 слушателя. В 1925 г. в Сеульском университете обучалось 200 корейских студентов. В 1942 г. 6 771 корейский студент учился в колледжах и университетах Японии; в том же году около 14 000 корейцев проходили обучение в японских средних школах. Генерал-губернаторство рассматривало в качестве шага к модернизации жизни в Корее и развитие общественного здравоохранения. В 1938 г. в Корее было 149 современных госпиталей (правда, большинство из них частных). В этих медицинских учреждениях лечились как японские (334 438 чел.), так и корейские пациенты (389 739 чел.). Проводилась вакцинация населения, в результате которой наряду с другими кампаниями по здравоохранению в колониальную эпоху, средняя продолжительность жизни корейцев выросла с 26 до 42 лет.

Модернизации коснулась и индустриальной сферы. С 1929 г. по 1938 г. количество современных предприятий выросло с 484 до 1 203, а количество занятых на них рабочих и служащих увеличилось с 46 000 в 1922 г. до 231 000 в 1938 г. Самое большое их число открывались в химической, пищевой, текстильной и металлообрабатывающих отраслях. Если мы рассмотрим сферу производства шире, включив сюда горную промышленность, а также производства, связанные с сельскохозяйственным сектором и строитель-

---

⁶ Seth Michael. Education Fever, Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. P.27.

ством, то получится, что около 2,1 млн корейцев в 1938 г. работали на современных предприятиях⁷. Самые большие нововведения касались транспорта, а именно строительства сети железных дорог, что стало существенным фактором экономического развития Кореи. К 1940 г. было построено 5 671 км железных дорог на Корейском полуострове (протяженность железных дорог в самой Японии – 24 955 км). Пассажиропоток железных дорог тогда составил 47,3 млн чел.⁸ Автобусы перевезли в тот год примерно то же количество пассажиров⁹.

Деятельность генерал-губернаторства сопровождалась растущими долгами. Самая большая статья расходов – это строительство железных дорог (31,7% от всех расходов); деньги тратились на образование (3%); на обеспечение работы полиции и жандармерии (4,3%)¹⁰; на поддержание деятельности судов и тюрем (2,3%). Удивительно, что еще одна статья немалых расходов в 48 000 иен шла на стимулирование обучения корейскому языку. В 1941 г. долг генерал-губернаторства составил огромную сумму в 1 035 млн иен. Некоторые исследователи даже высказывали мнение, что благосостояние корейского общества росло за счет метрополии¹¹.

Исследование модернизации Кореи включает такие темы, как урбанизация, жизнь горожан. Сеул из города с грязными не асфальтированными улицами и одноэтажными

---

⁷ Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York: John Day Company, 1940. P.210, 217.

⁸ Ibid. P.185.

⁹ Ibid.

¹⁰ Тёсэн кэйсацу гайё [Корейская полиция] 朝鮮警察概要. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1938. С.20-22.

¹¹ Grajdanzev Andrew. Ibid. P.210, 217.

зданиями с соломенными крышами «превратился в город, где ходят электрические трамваи, строятся современные здания и дома, жители которых участвуют в современных видах досуга и развлечений»¹². Население городов получило возможность «ходить на бейсбольные игры, выставки и показы. На освещенных фонарями улицах можно было видеть трамваи, новые универмаги и кафе»¹³. Подобные изменения в жизни коснулись разных слоев населения. В колониальный период получили развитие почтовая система, газеты, банки, корпорации и торговые ассоциации, современная система государственной службы. Изменился и состав корейского общества: ранее население состояло преимущественно из крестьян; в колониальный период большую его часть стали составлять рабочие промышленных предприятий и служащие. Появился и средний класс¹⁴. С ростом популярности универмагов в 1930-е гг. росло потребление; корейцы стали покупать современные товары. Женщины все чаще делали покупки в универмагах, а не на традиционных рынках. Считается, что 60-70% покупок в универмагах осуществлялась корейцами¹⁵.

Генерал-губернаторство предприняло усилия в области сохранения памятников корейской истории, напр., пещеры и статуя Соккурам VIII в. и близлежащего храма Булгукса¹⁶.

---

¹² Cwiertka Katarzyna J., "Dining out in the Land of Desire: Colonial Seoul and the Korean Culture of Consumption," *Consuming Korean Tradition in Early and Late Modernity: Commodification, Tourism and Performance*, ed. Laurel Kendall. 2011. P.21.

¹³ Em Henry H., *The Great Enterprise: Sovereignty and Historiography in Modern Korea*. Durham: Duke University Press, 2013. P.1.

¹⁴ Peterson Mark, *A Brief History of Korea*. New York: Facts on File, 2010. P.174.

¹⁵ Cwiertka Katarzyna J. *Op. cit.* P.23, 28, 31.

¹⁶ Буддийский храмовый комплекс VIII в., состоящий из рукотворного грота-храма Соккурам 石窟庵 и монастыря Пульгукса 佛國寺 («Царства

Посредством этой деятельности власти стремились к политической и культурной гегемонии. Она имела пропагандистскую, воспитательную задачу: надо было представить археологические свидетельства, чтобы доказать превосходство японцев над корейцами¹⁷ и показать, что «при позднем правлении династии И корейцы принадлежали к более низкой расе и выродились в слабый недееспособный народ»¹⁸. Молодому поколению старались внушить, что японское управление способствовало реставрации старого мира, где Корея всегда находилась под контролем внешних сил, и в то же время была страной, имеющей с Японией общие расовые корни¹⁹. Имел место и незаконный вывоз корейских сокровищ и исторических артефактов в Японию.

Итак, исследователи, интерпретирующие колониальную историю региона историю в рамках теории колониальной модернизации, как правило, делают акцент на развитии экономики Кореи в данный период. Они приводят факты роста производства в Корее, улучшения транспортной системы, образования, здравоохранения. Вот некоторые из них: среднегодовые темпы роста корейской экономики в 1910-1945 гг. составили 3,7%, населения – 1,3%, в угледобывающей промышленности и электроэнергетике – 9%, в сфере обслуживания – 5%. Как следствие этих изменений, вес сельского хозяйства в структуре производства уменьшился с 68 до 41%, тогда как доля угледобывающей промышленности увеличилась с 5 до 14%. Расходы частных лиц в среднем

Будды») на горе Тхохамсан, в 16 км от г. Кёнджу (пров. Сев. Кёнсан). Шедевр дальневосточного буддийского искусства и архитектуры.

¹⁷ Em Henry H. P.10.

¹⁸ Pai Hyung Il, *Heritage Management in Korea and Japan: The Politics of Antiquity and Identity*. Seattle: University of Washington Press. P.128-130, 138.

¹⁹ Em Henry H., p.10, 89-94; Pai Hyung Il. P.138.

в год росли на 3,3%, с учетом роста населения рост расходов на душу населения составил 1,9%. Хотя потребление зерновых уменьшилось, потребление других продуктов питания и товаров промышленного производства возросло²⁰. Таким образом ряд историков, склоняющихся к теории колониальной модернизации, делает вывод, что Япония «не была в той степени империалистическим вампиром, который высасывал кровь из ее колоний, как это иногда утверждалось»²¹.

Сторонники теории колониальной индустриализации придерживаются противоположного мнения. Модернизация подразумевает преобразования во всех сферах – политической, социальной, культурной и экономической. Вместе с тем Япония, заключив в 1910 г. договор о слиянии с Кореей, фактически лишила ее независимой государственности. В колонии не действовала Конституция японской империи, а управление осуществлялось на основе указов и постановлений, издаваемых японским генерал-губернаторством. Искоренение гражданских прав и свобод корейского населения, жесткий контроль над политическими движениями – все это, по мнению многих историков, свидетельствует о нежелании японского правительства модернизировать Корею. Отсутствие у корейского населения основных гражданских прав и свобод было следствием проводимой колониальным режимом дискриминации по национальному признаку²². Особый акцент исследователи

---

²⁰ Ким Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток, №3, 2014. С.177-185.

²¹ Fujitani Takashi, *Race for Empire: Koreans as Japanese and Japanese as Americans during World War II*. Berkeley: University of California Press, 2011. P.39.

²² Ким Н.Н. Там же.

этой группы делают на эксплуатацию корейского населения. Более того, японские власти пытались полностью искоренить корейскую национальную культуру. Наблюдаемый в колониальные годы расцвет корейской национальной прозы и искусства, по мнению многих историков, следует расценивать не как результат японской политики “культурной модернизации”, а как следствие сопротивления и борьбы с японским режимом. Искоренение корейского языка, запрет говорить на нем в общественных местах является вопиющим фактом социальной несправедливости и национальной дискриминации. По поводу преобразований в экономической сфере сторонники теории колониальной индустриализации пишут, что Япония использовала Корею как базу снабжения продовольствием и сырьем, как рынок сбыта монопольной продукции, а также как источник дешевой рабочей силы и получения сверхприбыли. Она рассматривалась и в качестве этапной базы для вторжения на континент. Политика экспроприации материальных и людских ресурсов достигла пика развития в годы Второй мировой войны. Была введена система реквизиций продовольствия и сырья, обязательная воинская повинность. Корейская молодежь использовалась в качестве живого заслона на японских фронтах, а из корейских женщин в возрасте от 12 до 40 лет формировались отряды «женщин для утешения» при японской армии²³. Аграрная политика властей способствовала закреплению полуфеодалных отношений в деревне. К концу колониального периода сократилось количество дворов крестьян-собственников, а количество крестьян-арендаторов выросло²⁴. В результате земельной

---

²³ Там же.

²⁴ Там же.

переписи японским властям удалось перевести в свою собственность 50,4% всей земли.

В историографии сейчас не существует единого мнения и взгляда на колониальную историю Японии и Кореи. Помимо двух основных подходов – теории колониальной индустриализации и эксплуатации и теории колониальной модернизации – появилась новая тенденция, базирующаяся на плюралистическом видении проблем и лишенная догматизма и односторонних оценок при анализе колониального прошлого. Как пишут сторонники такого подхода, в частности Д.Акита и Б.Палмер, «...следует расширить область своего научного исследования с тем, чтобы включить туда разнообразные сферы общественной жизни и показать, как это общество изменилось, где были достигнуты положительные изменения»²⁵. Ряд исследователей призывает избавиться от крайностей теории колониальной индустриализации и теории колониальной модернизации и посмотреть на современность и колониализм глобально²⁶. Такой подход продемонстрировали и Син Гиук и М.Робинсон, которые полагают, что природа японского колониализма достаточно сложна. В качестве альтернативы упомянутым выше противоборствующим теориям, каждая из которых в их понимании по-своему ущербна и необъективна в отражении исторического прошлого, они предложили свою концепцию культурной гегемонии. Она предполагает использование властью институтов образования, религии, семьи как средств укоренения новых ценностей в сознании подчиненного населения. Такая система контроля и управления намного гибче системы прямой эксплуатации, поскольку

---

²⁵ Akita G., Palmer B. The Japanese colonial Legacy in Korea (1910-1945). A New Perspective. USA: MerwinAsia, 2015. P.12.

²⁶ Ким Н. Н. Там же.

рассчитана на достижение добровольного согласия населения с политикой властей.

Итак, японское управление принесло на Корейский полуостров индустриализацию, которая сопровождалась эксплуатацией корейского населения, а также и модернизацию – современные технологии и инновации в виде железных дорог, линий телеграфа, школ, университетов, библиотек, универмагов, госпиталей, фабрик и прочего²⁷. Исследователям необходимо рассматривать японское колониальное управление во всем комплексе его проявления и развития. Думается, что не следует ни абсолютизировать, ни преуменьшать эксплуатацию колонии, так же, как и факты ее модернизации. Нельзя забывать о больших потерях и жертвах, которые корейский народ понес в колониальную эпоху, проявившихся во введении системы военной и трудовой мобилизации молодых корейцев, узаконенной проституции и пр., о жертвах антияпонского сопротивления. В то же время именно в период японского управления в Корею началось строительство современной инфраструктуры, были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования.

Список литературы

1. История Кореи. Т.2. М.: Наука, 1974. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Ким. Н.Н. Критика теории колониальной модернизации Кореи: подходы и оценки в современной южнокорейской историографии // Восток, 2014, №3. С.177-185.
4. Хан Ёнью. История Кореи – новый взгляд. М.: изд-во Восточная литература РАН, 2010. 758 с.

---

²⁷ Akita G., Palmer B., p.39.

5. Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945-1946. Записки очевидца. М.: Наука. 1974. 271 с.
6. Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940-1945). Записки и размышления очевидца. М.: Наука, 1982. 287 с.
7. Нихон рэкиси [История Японии] 日本歴史. Токио: Иванами сэтэн, 1962 (на япон.яз.).
8. Тёсэн кэйсацу гайё [Корейская полиция] 朝鮮警察概要. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1938 (на япон. яз.).
9. Ямабэ Кэнтаро 山辺健太郎. Никкан хэйгō сёси 日韓併合小史 [Краткая история японской аннексии Кореи]. Токио: Иванами сэтэн, 1965 (на япон. яз.).
10. Akita George, Palmer Brandon. The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910-1945 // A new Perspective. USA: MerwinAsia, 2015 (на англ. яз.).
11. Cwiertka Katarzyna J. Dining out in the Land of Desire: Colonial Seoul and the Korean Culture of Consumption. Consuming Korean Tradition in Early and Late Modernity: Commodification, Tourism and Performance, ed. Laurel Kendall, Honolulu: University of Hawaii Press, 2011 (на англ. яз.).
12. Encyclopedia of Western Colonialism since 1450. Detroit: Macmillan, 2007. (на англ. яз.).
13. Fujitani Takashi. Race for Empire: Koreans as Japanese and Japanese as Americans during World War II. Berkeley: University of California Press, 2011 (на англ. яз.).
14. Grajdanzev Andrew. Modern Korea. New York: John Day Company 1940 (на англ. яз.).
15. Em Henry H. The Great Enterprise: Sovereignty and Historiography in Modern Korea. Durham: Duke University Press, 2013 (на англ. яз.).
16. Kim In Soo. Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885-1920, New York: Peter Lang, 1996 (на англ. яз.).

17. Pai Hyung Il. Heritage Management in Korea and Japan: The Politics of Antiquity and Identity. Seattle: University of Washington Press, 2013 (на англ. яз.).
18. Peterson Mark. A Brief History of Korea. New York: Facts on File, 2010 (на англ. яз.).
19. Seth Michael. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002 (на англ. яз.).
20. Shin, G-W. & M. Robinson (eds.), Colonial Modernity in Korea, Cambridge (MA): Harvard University Press, 1999 (на англ. яз.).

ГЛАВА 9. РУССКИЕ В ЯПОНИИ, ЯПОНЦЫ В РОССИИ

**«Русские в Японии» середины XIX в.
глазами Ивана Гончарова
(издание 1955 г. из библиотеки Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета)
(Филиппов А.В., Азаркина М.А.)**

Япония и Россия: истоки диалога культур

Восприятие иной культуры всегда волнующе сложно. Можно предположить, что благодаря нашей русской истории (давние связи с Востоком на степных границах) контакты с иностранцами более привычны для нас, чем для европейцев прежних времен. "Мы и они" – было для русских не противоречием, а своего рода давало повод к поиску гармонии с народами, имеющими иные традиции и отличную культуру. В середине XIX в. (благодаря миссии Е.В.Путяткина и путевым запискам секретаря миссии И.А.Гончарова). Тогда русские впервые по-настоящему познакомились с Японией – полное свежести описание страны, её уникальной культуры и менталитета вышло из-под пера великого писателя Гончарова на основе свежих и непредвзятых впечатлений от пребывания в Стране Восходящего Солнца. Русские читатели были потрясены, будто шагнув в почти неведомый прежде мир. Действительно, понимание своеобразной культуры Японии требовало глубокого погружения. В XVII–XIX вв. национальная самоизоляция Японии полностью закрыла её для остального мира. Исключением, единственной связующей нитью с Западом оставалась только голландская фактория в Японии. А повторное открытие Японии для международной торговли произошло именно в середине XIX века (в том числе и для России).

В России ранние упоминания о Японии относятся к середине XVII в. (1643, 1678). Успехи в освоении Сибири во многом способствовали поискам торговли с японцами и

прокладке туда сухопутного маршрута. Эта тенденция усилилась благодаря царю Петру Великому (1710). Большой вклад внесли казаки-первопроходцы, передвигавшиеся по Сибири по суше, ходившие на лодках по реке Амур, искавшие пути к Тихому океану. Японские моряки, спасенные после кораблекрушений, также стали причиной усиления интереса (включая основание школы японского языка в Санкт-Петербурге более 300 лет назад). Русские посланники, в том числе официальные, несколько раз бывали в Японии (1739 Шпанберг, 1792-1793 Лаксман, 1804-1805 Рязанов, 1811-1813 Головнин), хотя в те времена и не добились успеха.

Новый план экспедиции «для открытия сношений с Японией» разработали в 1843 г., но реализацию пришлось отложить на 10 лет. Наконец, решение об отправке миссии Путятина (1853-1855) было принято в условиях обострения международной обстановки. Симодский трактат, 1855 г. (Договор о мире и дружбе Японии и России = 日露和親条約), подписанный Путятиным стал итогом почти полутора вековых усилий по поиску путей к налаживанию торговли с японцами (1710-1855).

Симодский мирный договор 1855 г. заложил основы отношений между Россией и Японией. В миссию Путятина входили секретарь Гончаров, драгоман и советник Гошкевич [см.: Рис.1]. За полвека до этого у российской общественности была возможность почитать о Японии благодаря публикации о пребывании в японском плену В.М.Головнина (издание 1816 г.). Но в середине XIX в. ситуация была уже иной. Для тщательной подготовки миссии Путятина даже пригласили консультантом в Петербург известного в Европе японоведа немца Ф.Зибольда. Русскоязычный впечатляющий трёхтомник о Японии, изданный в 1854 г. (основанный всего более на материалах Зибольда), подготовил российское общество к серьёзному восприятию информации о нашем дальневосточном соседе. Именно после путятинской миссии появились "**впечатления Гончарова о Японии**" и "**японско-русский словарь Гошкевича**" [см.: Рис.2].

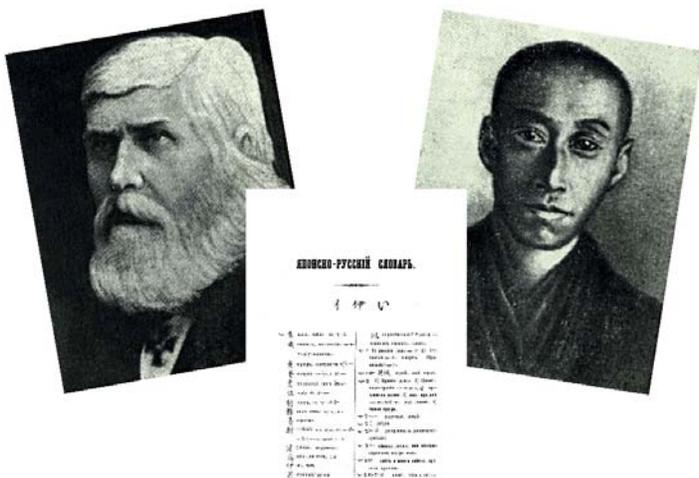

Рис.1. Портреты Иосифа Гошкевича и Татибана Косай (приводится по: [5]. Первая страница составленного ими словаря (1857 г.) [6].

Рис.2. Титульные листы двух экземпляров японско-русского словаря Иосифа Гошкевича с дарственными надписями 1857 г. (на титуле ошибочно назван «русско-японским словарем») [6] [из книжного собрания Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета].

Авторы раздела видят своей задачей донести до современного читателя взгляды участников миссии на Японию, специфику их знакомства с экзотической страной. Основное внимание уделяется редким материалам из собрания библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, главным образом первому изданию книги «Русские в Японии» (Гончаров, 1855) с привлечением некоторой дополнительной информации.

Известный великий роман о путешествии Гончарова под названием «Фрегат Паллада» был опубликован в 1858 г. Хотя некоторые его части издали тремя годами ранее (1855) на страницах «Отечественных записок» и «Морского сборника» (сразу после возвращения из Японии). В том же 1855 г. материалы из «Морского сборника» появились в виде 237-страничной книги под названием «Русские в Японии», довольно сырой, хотя и исполненной свежести, характерной для текста без литературной обработки и цензуры. Ценность данного издания заключена в том, что это подлинный травелог "как есть", без погони за деликатными фразами и выводами. Яркие выдержки и фрагменты из этого редкого издания, приводимые далее, помогут читателю полнее ощутить его богатство и своеобразие, особенности общения впервые встретившихся представителей разных культур (японской и русской). Оригинал текста не доведён до идеальной формы, в нём много тематических повторов и возвращения к ранее упомянутым аспектам, есть пространные размышления автора, исключенные из поздних версий. На экземпляре из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета есть дарственная надпись автора в адрес главы миссии – вице-адмирала, графа Путятина. «Твоя от Твоих.

Его превосходительству Евфиму Васильевичу Путятину почтительнейшее приношение от автора» [см.: Рис.3]. Точное название книги «Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 гг. (из путевых заметок) И.Гончарова», издана в Санкт-Петербурге, в Типографии Императорской Академии Наук, 1855.

Рис.3. Книга «Русские в Японии...» Ивана Гончарова (1855 г.) [3]. Титульный лист с оборотом; форзац; обложка; первая страница с текстом [из книжного собрания Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета].

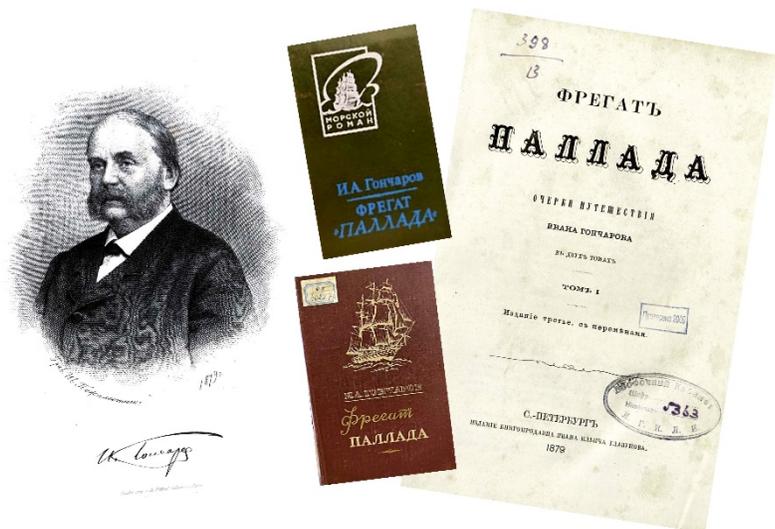
Гончаров стал секретарем миссии, приняв обязанность вести дневник путешествия, описывая природу, повседневную жизнь и быт, национальные обычаи (в итоге, заметки оказались полны и личными суждениями их автора). Почему известный литератор, писатель взялся за работу

секретаря, насколько его характер и натура подходили для этого? Современникам Гончарова его согласие отправиться с миссией было непонятно. Вспомним, кстати, известнейший литературный персонаж Гончарова – знаменитого бездельника Обломова (черты которого благодаря публикациям уже были знакомы русскому читателю). Фигура Обломова по устремлениям, вероятно, очень близка и самому автору, Гончарову. В литературных кругах у Гончарова даже было прозвище "принц де Лень". Современники воспринимали его как настоящего русского барина, любящего комфорт и вкусную еду, который вдруг внезапно пошел работать секретарем дипломатической миссии в почти неведомую страну, совершив сомнительный и рискованный шаг, выходящий за пределы привычного. Друзья не поняли поступка Гончарова. Приведем слова из воспоминаний самого писателя, как он пришёл к такому решению: «Ехать... и в голове не было... Я пошутил, а между тем судьба ухватила меня в когти, и вот я – жертва своей шутки»¹. В итоге появилось захватывающее сочинение «Фрегат Паллада», которое стало для России «окном в экзотику» и обеспечило знакомство русского общества с Японией благодаря миссии Путятин и таланту Гончарова [см.: Рис.4].

Путятину, как главе миссии, предписывалось вести переговоры, всячески демонстрируя дружественные намерения России. Начало переговоров с японцами длилось с августа 1853 по апрель 1854 г. Но заключению договора помешало начало Крымской войны в России и возникшая потребность во фрегате Паллада в боевых действиях. Перего-

¹[Азаркина М.А.] «Ехать... и в голове не было... Я пошутил...» / Библиотека Восточного факультета СПбГУ / ВКонтакте [электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-5982518_410 (дата обращения: 9.07.2024)

воры, таким образом, прервались, и Гончаров отправился в Петербург через Сибирь по суше. Путятин же вновь возвратился в Японию в конце 1854 г. уже на фрегате "Диана". А 26 января 1855 г. был заключён Симодский трактат, первый в истории договор между Россией и Японией.

Рис.4. Портрет Ивана Гончарова [7]. Титульный лист 3-го издания «Фрегат Паллада» 1879 г. [7]; обложки переизданий книги во второй половине XX века [из книжного собрания Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета].

Что же именно в образе Японии и японцев, стиле их жизни и поведения привлекло особое внимание Гончарова, пока он с миссией Путятина находился в Японии (а дело до подписания договора ещё не дошло).

Япония и японцы глазами Гончарова

Природа и безлюдье, отсутствие людской суеты

Экспедиция прибыла в Японию 10 августа 1853 г., но пришлось месяц ожидать от японцев разрешения на вход в гавань (дрейфуя у берегов). За это время участники миссии

получили возможность налюбоваться очарованием пейзажа с борта фрегата. Виды на острова с моря казались нереальными, как театральные декорации. Одной фразой Гончаров сумел выразить вызванные эмоции: «... всё улыбающаяся природа; за холмами верно смеющиеся долины поля...»². Впрочем, для русских, привыкших к размаху и полноте чувств, была непонятна и непривычна царящая вокруг островов тишина. С некоторым изумлением писатель отмечал: «нет людской суеты, мало признаков жизни... Куда спрятались жители? Зачем не шевелятся они толпой на этих берегах? Отчего не слышно их песен, не видно трудов и игр?»³. Ощущение дисгармонии, возникшее с первого взгляда на Японию, не покидало Гончарова до конца пребывания в стране. В его душе постоянно боролись недоумение и понимание, задумчивость и восхищение.

Тема **природы** постоянно присутствует в записках. Причём, не только восхищение от созерцания красот и их описания, но и авторских мыслей как бы всё изменить и благоустроить на русский манер. Обустройство территории у японцев Гончарову совсем не нравится. «Вообще японцы любят утыкать свои холмы редкими деревьями, от чего они походят также на куличи, утыканные фальшивыми розанами»⁴. Потому, любуясь зелёными лугами, он мечтает, сколь гармонично сюда бы вписались привычные русскому глазу строения. «Там, на высокой горе, стоять бы монастырю... Здесь бы хорошо быть складочным магазинам, а тут, кучей, как у нас в Кронштадте, теснились бы суда с лесом

---

² Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 годов (из путевых заметок) И. Гончарова». Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1855. С.8.

³ Там же, с.11.

⁴ Там же, с.99.

мачт...»⁵. Словом, истинный писатель, сочетающий блестящую наблюдательность и богатую фантазию.

Особенности поведения

Особенно ярко наблюдательность проявлялась при описании самих японцев. Гончаров подмечал **особенности поведения**, присущие этому народу, сравнивая с европейскими традициями. Пытался добиться восприятия максимально отстранённого, не как представитель дипломатической миссии, а как зритель. Каждый раз при участии в церемониях «жалел, что я участник, а не зритель, что не люблюсь на это откуда-нибудь, с выгодного пункта»⁶. Впрочем, в описаниях его часто сквозит ирония и даже какое-то превосходство (вероятно, неизбежное предубеждение при встречах культур Востока и Запада).

С первой же встречи с японцами и писателя, и всю русскую миссию поразила традиция поклонов и приветствий. Несмотря на изумление, Гончаров с точностью сумел описать и даже привести в некую систему увиденное. Так, при встрече с чужестранцами (т.е. участниками экспедиции), японцы, «положив руки на колени, приседали и кланялись, чуть не до земли»⁷. «Перед высшим лицом быстро падает на пол, садится на пятки и поклонится в землю»⁸. Как особенную черту всего народа Гончаров отметил постоянную готовность к приветствию. «Мне, например, не случалось видеть, чтоб японец ходил прямо или стоял, а непременно полусогнувшись, руки постоянно держит наготове, на коленях, и так и смотрит по сторонам,

---

⁵ Там же, с.45.

⁶ Там же, с.49.

⁷ Там же, с.3.

⁸ Там же, с.206.

нельзя ли кому поклониться», – отмечает писатель с некоторым ехидством⁹.

Одежда

Описания **традиционного японского облачения** – впечатляют множеством аспектов. Здесь сплетено всё, – и изумление, и явный сарказм. Первые японцы, взошедшие на палубу фрегата, подверглись наиболее язвительной критике. «На них была синяя верхняя кофта, с широкими рукавами, и халат, туго обтянутый вокруг поясницы и ног. Халат держался широким поясом. А ещё? Ещё ничего. Ни панталон, ничего...»¹⁰. Сколь же остёр всепроникающий взор великого русского писателя. Один взгляд на гостей, – и сразу оценка. Без панталон! Будто критический взгляд рентгеном сумел проникнуть под «халат». Впрочем, позже, при более основательном знакомстве, Гончаров осознал, что традиционные наряды разнообразнее: шелковые халаты, юбки и "мантильи". Женская одежда мало отличается от мужской: «те же юбки, ... закрытые сверху кофты»¹¹. Всякий раз, увидев новое, автор не упускал возможности связать. Парадный головной убор у знати похож «на дамские рабочие корзиночки, и, пожалуй, на кузовки, с которыми у нас бабы ходят за грибами»¹². Обидно, но зато как ярко и доступно. Русский читатель, для которого велись записи, сразу мог представить всю колоритность чужого одеяния. Не ограничившись описаниями костюма, далее в тексте автор выдвинул логичный вывод, что японская церемониальная одежда, вероятно, создана, чтобы «сидеть и важничать в ней».

---

⁹ Там же, с.205.

¹⁰ Там же, с.3.

¹¹ Там же, с.84.

¹² Там же, с.190.

Несмотря на критичность оценок, Гончарову явно импонировала цветовая гамма японских нарядов: мягкие, нежные, пастельные тона, придающие загадочность и недосказанность.

Трапеза и продовольствие

Российские читатели были в курсе гурманских склонностей самого Гончарова (автора книги о сибарите – «Обломов»), его тяге **к вкусной еде**. «С какою жадностью читал бывало я описание чужих обедов, т.е. чужих народов, вникал во все мелочи, говорил, помните, и вам, как бы желал пообедать у китайцев, у японцев! И вот и эта мечта моя исполнилась»¹³. Гончаров весьма детально описывал редкие яства и связанные с ними церемонии. Хотя японская чайная церемония не произвела на него должного впечатления. «Чай превосходный, крепкий и ароматический, но нам он показался не совсем вкусен, потому что был без сахару»¹⁴. Подробны описания отведанных экзотических блюд: «рис вареный, без соли», «винегрет из раков», сырая рыба, нарезанная «длинными тесьмами», «груша, кажется, облитая красным сладким соусом», «тесто, отзывавшееся яичницей», «крылышко утки, с вареной зеленью» (С.197-198)¹⁵. Необычные сласти: «сладкое тесто из какого-то горошка», «синия, белая и красная конфеты, похожая вкусом, частью на картофель, частью на толокно» (С.219)¹⁶. И много другого. Современному человеку эти блюда кажутся если не привычными, то хотя бы понятными, но для русских в XIX в. казались чем-то странным. Особо шок вызвало полное отсутствие

---

¹³ Там же, с.193.

¹⁴ Там же, с.194.

¹⁵ Там же, с.196-198.

¹⁶ Там же, с.219.

хлеба и замена его на рис, а также всякое отсутствие в пище растительного масла. И ещё немаловажное уточнение от Гончарова как русского гурмана: «Порции их так малы, что человеку, с хорошим аппетитом, их обеда не достанет на закуску»¹⁷. Этот факт, похоже, действительно озадачил Гончарова.

*Люди, характеры, социальные нормы
и социальная организация*

Важное место в рассказе о путешествии занимают люди. Это и портреты отдельных людей, и целых групп. Знай японцы о впечатлениях Гончарова, какими они предстанут перед читателями в России, они, вероятно, были бы огорчены. «Красивых лиц я почти не видал, а оригинальных много...»¹⁸. Женщины также получили нелестное описание и характеристики. «Все она смуглянки, и куда нехороши собой!», «все некрасивыя, чернозубыя»¹⁹. Гончаров, описывая внешность японцев, и рассуждая об их происхождении, проявил также глубокие познания в антропологии. «Японцы и китайцы – родня между собою. Те же продолговатая смугло желтая лица, такое же образование челюстей, губ, выдавшиеся лбы и виски, несколько приплюснутый нос, черные и карие, средней величины, глаза»²⁰. Писателю были интересны не только лица или одежда, внешность. Он стремился понять и оценить душу, интересовался эмоциями, мыслями, поступками. Но и духовный мир японцев не оставил приятного впечатления. «Какия лица, какия выражения на них! Ни одна фигура не смотрит на нас, не следит с

---

¹⁷ Там же, с.220.

¹⁸ Там же, с.29.

¹⁹ Там же, с.85.

²⁰ Там же, с.24.

жадным любопытством за нами... Между тем, все они устави-ли глаза в стену, или в пол, и, кажется, побились об заклад о том, кто сделает гримасу глупее»²¹. Впоследствии, правда, Гончаров с удивлением отметил у японцев и живой пылкий ум, и чувство юмора, и умение ценить маленькие радости жизни (например, еду). На изменение его восприятия повлияли постоянно сопровождавшие делегацию переводчики из японцев.

Наиболее тесное общение сложилось с тремя переводчи-ками. Садагора – «старый, грубый циник», «нянька пристав-ленная к голландцам и гроза их». Льюда [**вероятно, имя звучало как Рёда**] – «льстивый, кланяющийся плут», принад-лежащий «к разряду застарелых и закоснелых японцев», находящихся «всё старое прекрасным, ... всё новое ... грехом». Кичибе – 25-летний молодой человек, у которого «нет застарелой ненависти к новому и веры в японскую систему правления», ... «он просто служит за жалованье»²². Более всего Гончарову импонировало общение с последним. Его разумные суждения, рвение к изучению языков и искрен-нее стремление общаться – всё было притягательным для Гончарова. Даже изворотливость переводчика, проявляв-шаяся в желании угодить обеим сторонам переговоров, не вызывала неприятия. Как-то в общении с Гончаровым Кичибе пожаловался, что устал от напряженных перегово-ров. «Люблю лежать и ничего не делать»²³ – признавался японец. Совсем как лентяй Обломов...

Изворотливость японцев, уход от прямых ответов и возмущала, и обескураживала. Верительные грамоты были

---

²¹ Там же, с.59.

²² Там же, с.86.

²³ Там же, с.183.

переданы российской стороной сразу по прибытии в Нагасаки, но дело не двигалось с мёртвой точки. После четырех месяцев безнадежных ожиданий встречи с настоящими представителями власти Японии, участники делегации хотели получить хоть какое-то чёткое понимание, чего ожидать и когда. Но чёткости в ответах и обещаниях японцев не было, ничего конкретного не происходило! «Мы толкуем, спорим между собой о том, что будет; верного вывода сделать нельзя, – огорченно пишет Гончаров – ... Не знаешь, как и куда примет направление мысль японца, что кроется в его словах. У него другая убеждения, ... другая философия и нравственность»²⁴.

Для русских, дар Гончарова наблюдать и делать политические выводы сыграл значимую роль в восприятии и понимании политического и социального устройства Японии 1853-1854 гг. Он сумел воспринять и выразить дух заката феодальной эпохи Токугава. Приверженцы системы самоизоляции для Японии ещё чаяли не допустить перемен, но избежать их уже было невозможно (налицо революционная ситуация в канун событий Мэйдзи-исин). «Хлопот будет немало с здешним правительством»²⁵, «хотя народ сам по себе и способен к реформе»²⁶. Готовность к взаимному диалогу нашла косвенное подтверждение на новогоднем приёме в начале 1854 г. Всем членам российской делегации было подано особое блюдо: перепонка «какой-то улитки, которой она прилипает к скалам». Блюдо было несъедобным, но это был символ симпатии и привязанности. На

---

²⁴ Там же, с.178-179.

²⁵ Там же, с.180.

²⁶ Там же, с.182.

знак такого благожелательного расположения Гончаров ехидно заметил: «уж сказали бы лучше "прилипчивости"»²⁷.

Завершающим аккордом стали слова хозяина приема, старика Цуцуи Хидзэн-но ками сама (ориг. Тсутсуй Хизе-но-Ками Сама), слова, прояснившие, что первый русско-японский договор будет заключён. «Мы приехали из-за многих сотен, ... а вы из-за многих тысяч миль. Мы никогда друг друга не видали, были так далеки между собою, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе. Как это странно и приятно»²⁸. От японской стороны переговоры по установлению торговых отношений вел Кавадзи, но на них присутствовал и Тсутсуй. «... Каждое слово его [Кавадзи], взгляд, даже манеры, всё обличало здравый ум, остроумие, проницательность и опытность»²⁹. Всего прошло восемь или десять совещаний, а затем чиновники японского правительства отбыли в столицу сёгуна Эдо.

Фрегат «Паллада» с Гончаровым на борту покинул Нагасаки в конце января 1854 г. Первый этап переговоров был завершён. Значимым итогом стало ознакомление (благодаря Гончарову) русского общества с культурой соседней Японии, близкой географически, но крайне далёкой с точки зрения культуры. Далее Гончаров отправился через Сибирь, добравшись в Санкт-Петербург в середине февраля 1855 г. Симодский трактат был подписан во время нового визита Путятина в Японию на фрегате «Диана», спустя год, в конце января 1855 г., уже в отсутствие Гончарова.

Япония – это «запертой ларец, с потерянным ключем, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными

---

²⁷ Там же, с.195.

²⁸ Там же, с.200.

²⁹ Там же, с.223.

усилиями склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство»³⁰. К середине XIX в. японцы сумели отыскать свой потерянный ключ, и стали делиться с окружающими странами сокровищами из ларца манящей культуры Японии.

Вместо заключения

Особо отметим, что наблюдения Гончарова в той почти необработанной форме, в какой авторы статьи предложили читателю в целом ознакомиться с его путевыми заметками о Японии – порой могут быть восприняты как резко критичные и даже парадоксальные. Возможно, кто-то сегодня мог бы обвинить великого писателя в отсутствии «толерантности». Однако, нам думается уместным предложить иной взгляд. При кажущейся **«внешней ироничности»** (порой воспринимаемой даже как сарказм и якобы превосходство) – Гончаров исполнен **«внутренней благожелательности»** (желания постигнуть иную культуру и дать шанс для диалога России с ней). Последнее (внутренняя благожелательность) – почти всегда была превалирующей чертой внешней политики России в отношении с Японией (впрочем, и с другими странами). К сожалению, партнеры России не всегда либо не сразу это понимали и понимают. Именно на внутреннюю благожелательность Ивана Гончарова при настраивании диалога культур и следует обратить особенное внимание.

Литература:

1. [Азаркина М.А.] «Ехать... и в голове не было... Я пошутил...» / Библиотека Восточного факультета СПбГУ / ВКонтакте

---

³⁰ Там же, с.2.

- [электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-5982518_410 (дата обращения: 3.07.2023)
2. [Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997-] Т.3: Фрегат "Паллада": Материалы путешествия: Очерки. Предисловия. Официальные документы экспедиции. СПб.: Наука, 2000. 847 с.
  3. Гончаров И.А. Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 годов (из путевых заметок). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1855. 238 с. [из «Морского сборника», 1855]
  4. Гончаров И.А. Фрегат "Паллада". М.: Азбука, 2018. 800 с.
  5. Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX – начала XX в.: Несколько портретов / Отв.ред. В.Н.Горегляд. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 170 с.
  6. Русско-японский словарь, составленный И.Гошкевичем при пособии японца Тацибана но Коосай. СПб.: Тип. Я.Ионсона: Литогр. Р.Голике, 1857. XVIII, 465, [3] с.
  7. Фрегат Паллада. Очерки путешествия Ивана Гончарова. В двух томах. Изд.3-е, с переменами. СПб.: издание книгопродавца Ивана Ильича Глазунова, 1879. С.415, 593. [первое издание 1858]
  8. Филиппов А.В. Введение в специальность (история Японии). СПб.: Лема, 2018. 122 с.

Kurono Yoshibumi:
30 years of work for the benefit of the Oriental Faculty
(Osmanov E.M.)

The name of Kurono Yoshibumi (Joseph Nikolaeovich Kurono) is well known in Japanese studies circles, especially among those whose line of work is associated with St.Petersburg University. Kurono was one of the first to teach Japanese at the university on a regular basis and for a long time (30 years).

Born in 1859 (Japanese historiography indicates that the year of birth is implausible, since it does not correspond to the time of his father's death)¹, in a samurai family of vassals of the notorious Enomoto Takeaki, Kurono, on the advice of the latter, began to study Russian at the school of foreign languages. It's need to say that Kurono family was quite significant, its representatives were direct vassals of the Tokugawa house and occupied a large mansion in the Kojimachi-Tanimachi area of Edo. He received his initial education at home, and additionally studied Japanese calligraphy.

Рис. 1. Kurono Yoshibumi
(from SPbU archive)

¹小林潔「黒野義文『露和通俗会話篇』について」『人文研究』第176巻、神奈川大学人文学会、2012年1月1日、59-93頁。

In 1870 Kurono entered a private school, where he attended lectures on Chinese classics and Chinese history. Even as a child, Kurono, along with Enomoto, participated in negotiations with Russian representatives in Hokkaido, which may have determined his future fate. In 1872, he entered the Russian language school founded by Nikolai Kasatkin in the Kandasurugadai district of Tokyo. Two years later, in March 1874, Kurono entered the Russian language department of the Tokyo School of Foreign Languages, the director of which was the famous philosopher Nakae Chomin. He was taught Russian by the elder brother of the famous doctor in physiology I.I.Mechnikov – Lev Ilyich Mechnikov. Kurono himself noted: "at school, at the request of his father, he chose the Russian language, with which he received a general European education under the guidance of Russians: G.Trachtenberg, Mechnikov, Kostylev V.Ya. (1848-1918), Bogomolov and Gotsky-Danilovich²". In 1879, before graduating from school, he became Mechnikov's assistant in teaching Russian, and from 1881 he received a position as a full-time teacher. Given the interest in learning Russian in Japan at that time, there were many Japanese students among Kurono who later became famous, including the founder of modern Japanese literature Fatabatei Shimei.

According to eyewitnesses, Kurono himself was quite extravagant at that time. He did not recognize European-style clothes, in class he was always dressed in a traditional wafuka and his invariable attribute was a powerful iron cane.

---

² Biographical Dictionary of professors and teachers of the Imperial St. Petersburg University for the past third quarter of a century of its existence. 1869-1894. T.I. A.-L. St.Petersburg. P.360. (In Russian; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869-1894. Т.І. А.-Л. СПб. С.360.)

In addition, he had an extraordinary appetite and could drink 10 glasses of beer and eat a portion of gyunabe for 10 people in a next to the school eatery.

The official biography of Kurono also indicates the fact that he created the Hokumeikai (Northern Lights Society) for the study of knowledge about Russia, which aimed to spread obtained from the Russian press of that time information about Russia in Japanese society. However, due to lack of funds, the society quickly ceased to exist. Unfortunately, it is completely impossible to identify the true reasons for Kurono Yoshibumi's interest in the Russian language and Russia.

Another interesting fact in Kurono's biography is connected with the translation into Japanese in 1876 of a memorandum of a Russian citizen F.Gridnin, a former employee of the newspaper Golos, who at that time traveled to Japan with the artist of the Imperial Theaters D.Leonova. This note, submitted to the head of the Ministry of Education Tanaka, contained a draft for the establishment of an Academy of Fine Arts in Japan from Russian teachers. The text of this project itself was published in the first issue in 1877 of the Pedagogical Journal (Keikuzassi) published by the Ministry of Education. In 1877-78 Kurono also published several articles in the newspaper Niti-niti Shimbun in defense of this project, and the most interesting thing is that he translated the rules of Russian military campaigns into Japanese.

Since 1877 Kurono, together with Saga Juan, began work on compiling the first Russian-Japanese dictionary in Japan. However, when in 1884, at the initiative of Mori Arinori, the school of Foreign Languages was practically abolished as a result of the merger with the Tokyo School of Commerce. Kurono left his teaching job and, under the patronage of Mori

Arinori joined the editorial department (Hansyukeku) in The Ministry of Education and has been tasked with completing the compilation of the Russian-Japanese dictionary that was started earlier. In the summer of 1886, the dictionary was completed and in September Kurono went to Russia for scientific purposes. After spending some time in Vladivostok, following the advice of Japan's Plenipotentiary Envoy in Russia Nishi Tokujiro³, Kurono heads to St. Petersburg. The trip to St. Petersburg took quite a long time and the 28-year-old Kurono arrived in the capital only in November 1887.

Under the patronage of the Nishi Tokujiro, since autumn of 1888 Kurono began teaching Japanese at the Oriental Faculty of St. Petersburg University, simultaneously writing various textbooks on the Japanese language. Eight manuals prepared by him have been preserved in the library of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University by now. "In Japan Kurono was baptized according to the Orthodox rite and took the name Joseph Nikolaevich... He not only regularly lectures, but also constantly publishes textbooks that are extremely useful for students"⁴.

Kurono's teaching career at the university lasted for almost 30 years, until 1916. V.M.Alpatov notes that "Russia became his second homeland, he taught at St.Petersburg

---

³ Nishi Tokujiro (1847-1912) – a Japanese statesman, Minister of Foreign Affairs of Japan in 1897-1898. He left a significant mark on the history of St. Petersburg University. Having attended a law course at the university in 1872-73, from October 1874, on the recommendation of Professor V.P.Vasiliev, he began teaching Japanese at the Faculty of Oriental Languages.

⁴ Babintsev A.A. From the history of Russian Japanese studies // Japanese Philology. M., Moscow State University, 1968. p.126. (In Russian: Бабинцев А.А. Из истории русского японоведения // Японская филология. М., МГУ, 1968. С.126.).

University until the end of his life. Until 1907, he was the only Japanese language teacher at the university"⁵. As the Japanese authors point out, Kurono not only contributed to the spread of the study of the Japanese language and Japanese studies in general in Russia, but also laid the foundation for the development of Japanese studies in Europe and the United States. Kurono was the first teacher of the outstanding Japanese scholars Nikolai Iosifovich Konrad and Nikolai Alexandrovich Nevsky. During his stay in St.Petersburg, Kurono was associated with all Japanese envoys and ambassadors who worked in Russia from 1874 to 1917 – from Enomoto Takeaki to Uchida Kosai. During 30 years Kurono was closely linked with all the Japanese living in the capital – he was contacted when it was necessary to find a good doctor or a teacher of the Russian language, rent an apartment and many other household issues. Kurono was a recognized expert not only in the field of the Japanese language, but also gave advice on issues of politics, economics and the history of Japan. Thus, Kurono was a fairly well-known personality in St. Petersburg, having, in addition to the Japanese, many representatives of the Russian government among his good acquaintances.

Kurono died at the age of 59 on February 8, 1918⁶ in the village of Tosno near Petrograd on the way from Gatchina to Gryazovets (Vologda province) where he decided to move with the Japanese diplomatic corps to get through hard times. The funeral was held at the expense of Petrograd University.

---

⁵ Alpatov V.M. The study of the Japanese language in Russia and the USSR. М., Наука, 1988. p.21. (In Russian: Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М., Наука, 1988. С.21.).

⁶ According to Japanese historiography, Kurono died of cholera on June 18, 1917.

Pic. 2. Kuroki's Japanese language manuals (from SPbU library fund)

**«Меморандум» японских пленных в с. Медведь,
или жалобы по-японски**

(Серебрякова С.Г.)

Русско-японская война (1904-1905 гг.) – ключевое событие в русско-японских отношениях на рубеже XIX–XX вв. Во время этой «последней джентльменской войны» уже действовали нормы международного права, которые формировались на протяжении второй половины XIX века и были закреплены на конференциях в Женеве, Петербурге, Брюсселе и Гааге. Часть Конвенции II «О законах и обычаях сухопутной войны»¹, принятой в Гааге в 1899 г., регламентировала правила обращения с военнопленными и гарантировала последним право на жизнь, кров и здоровье после сдачи в плен.

Именно эти правила применялись в русско-японскую войну. Стоит отметить, что Конвенция была создана как выражение некоего общего «идеала» обращения с военнопленными, она также не имела прямого отношения к русско-японской войне, так как была принята на 5 лет раньше начала боевых действий. Тем не менее и Россия, и Япония относятся к странам – подписантам Конвенции, поэтому во время войны нормы Конвенции действовали для обоих государств.

Одна из основных особенностей русского плена в войну с японцами заключалась в том, что военнопленных японцев размещали не вблизи театра боевых действий в Маньчжурии, а в Европейской части России. Небольшое

---

¹Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre. La Haye, 29 juillet 1899. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/150-DIH-10-FR.pdf> (Accessed: 19.05.2024).

количество пленных позволяло без больших затрат для государства организовать транспортировку пленных на несколько тысяч километров на Запад. Несмотря на то, что в первой половине войны пленных размещали в разных городах Московского, Петербургского и Киевского военных округов, после осени 1904 г. военнопленные, находящиеся в Европейской части России, были переведены в с. Медведь Новгородской губернии. На момент окончания войны в лагере села Медведь было 1777 человек, которых передали на западную границу Российской Империи, откуда они были доставлены в Германию для дальнейшей отправки в Японию морем.

Причин, по которым военнопленных японцев отправили так далеко, было несколько, однако, по мнению автора статьи, наиболее существенным фактором было то, что в с. Медведь в то время были пустующие казармы и находился 199-й резервный пехотный Свирский полк, который мог на себя взять ответственность за «окарауливание» (именно так писали в документах того времени) пленных японцев. Казармы с. Медведь представляли собой высокие кирпичные здания с большой вместимостью. Рядом с казармами был плац, где военнопленные могли бы гулять.

В казармах с. Медведь русские военные должны были создать условия для жизни японских военнопленных, в число которых входили не только японские солдаты и офицеры, но также и иностранцы: китайцы, корейцы и англичане. Англичане были офицерами, находившимися на службе японской армии, китайцы и корейцы относились к гражданским лицам, которые сопровождали японскую армию.

Порядок обращения с военнопленными определялся внутренними русскими инструкциями, которые были включены в два документа: «Временное положение о военно-

пленных русско-японской войны»² от 13 мая (26 мая) 1904 г. и Циркуляр №203 от 23 июля (5 августа) 1904 г.³. Они были написаны на основе вышеупомянутой Конвенции, принятой в 1899 г. в Гааге.

«Временное положение» и Циркуляр №203 являются внутренними документами, которые регулировали обращение с японскими военнопленными. Нормы и правила, прописанные там, были обязательны для исполнения всеми русскими должностными лицами, которые имели отношение к взаимодействию с японскими пленными. Внутри Империи японскими военнопленными заведовал Главный Штаб⁴.

Таким образом, во время войны в России действовали как внутренние документы, регламентирующие разные сферы жизни военнопленных (условия транспортировки, размещения, питания, лечения, досуга, а также материального обеспечения), так и международные документы, которые, в целом, не отличались по духу от русских указов и служили гуманитарным ориентиром для последних.

В с. Медведь японских военнопленных размещали как в казармах (нижние чины), так и в отдельных комнатах (по 4-6 человек в каждой), расположенных в отдельном флигеле. Питание японских солдат соответствовало нормам питания для солдат русской армии и включало в себя каши, супы,

---

² Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Иллюстрированная летопись русско-японской войны (по официальным данным и показаниям очевидцев) // Новый журнал иностранной литературы. 1904. №4. С.40-46.

³ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (Дата обращения: 05.06.2024).

⁴ Хохлов И.В. Военнопленные русско-японской войны 1904-1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2017. С.192.

хлеб, мясо. Военнопленные имели право на прогулки, занятия спортом, лечение, а также на занятия творчеством в качестве досуга. Японцы могли выходить за пределы лагеря.

В целом, обращение русских властей с военнопленными можно назвать гуманным. Несмотря на то, что грубых нарушений (которые бы не были исправлены) с русской стороны в отношении японцев выявлено не было, японские солдаты и офицеры были недовольны некоторыми вещами, с которыми они столкнулись в плену. Японцы изначально старались решить свои вопросы непосредственно с руководством лагеря, но, по всей видимости, им не удалось этого сделать. Атмосфера в лагере царила достаточно свободная, и японцы не боялись высказывать своё недовольство некоторыми условиями своей жизни в лагере.

Одной из самых подробных монографий, в которой раскрывается русский плен с точки зрения международного права, является книга японского юриста Такахаси Сакуэ «Международное право в русско-японскую войну»⁵, изданная через несколько лет после окончания войны. В ней приводится информация о том, что в декабре 1904 г. 65 японских военнопленных подали петицию в Посольство Соединённых Штатов в Москве с просьбой прислать к ним представителя из Посольства. Визит американского вице-консула Томаса Смита, представителя Посольства, был согласован с русскими властями. Во время визита японские военнопленные вручили Томасу Смиту «меморандум» (или просто докладная записка) с жалобами из 7 пунктов⁶. В статье приводится их содержание, взятое из монографии Такахаси

---

⁵Takahashi Sakuye. International Law Applied to the Russo-Japanese War: With the Decisions of the Japanese Prize Courts. New York the banks law publishing co. 23 park place, 1908. 805 p.

⁶Ibid. P.96-97.

Сакуэ, которое выделено курсивом. Для комментирования были использованы как международные и внутренние правовые акты, так и текст отчёта Томаса Смита, который он составил в результате посещения лагеря в с. Медведь.

№1. Японцы указывают на то, что *пассажиры японского парохода и японской шхуны должны быть освобождены, так как не принимали участие в боевых действиях.*

В данном положении японцы фактически обвиняют русское правительство в неисполнении норм международного права. Стоит отметить, что относительно людей, не являющихся военными, в Гаагской Конвенции сказано, что сопровождающие армию (к ним относятся маркитанты, корреспонденты, поставщики продовольствия) могут по усмотрению армии, взявшей их в плен, принять их на положении военнопленных⁷. «Временное положение о военнопленных русско-японской войны» в самом начале сообщает о том, что помимо входящих в состав японских морских и вооружённых сил «военному плену могут быть также подвергнуты японские подданные, входящие в состав японских торговых судов»⁸. Таким образом, взятие в плен пассажиров не нарушало ни международные, ни отечественные нормы права.

В этом же пункте японцы, указывая на положения Женевской Конвенции, говорят о том, что *хирурги тоже должны быть освобождены, и подчёркивали, что Японское правительство освободило всех, кто не имел отношение*

---

⁷ Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre. La Haye, 29 juillet 1899. Art.13. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/150-DIH-10-FR.pdf> (Accessed: 19.05.2024).

⁸ Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. П.1. Указ. соч. С.40.

к военной службе. С хирургами вопрос более сложный, чем с пассажирами. Японцы ссылаются на международный документ, подписанный в 1864 г. в Женеве (Конвенция «Об улучшении участи больных и раненых воюющих армий на поле боя»), и регламентировавший обращение с медицинским персоналом на войне. Статья 2 действительно говорит о том, что медицинский персонал наделяется нейтралитетом⁹. Таким образом, японцы оперировали верными данными, утверждая, что врачи не должны были быть задержаны как военнопленные.

Томас Смит в своём отчёте о посещении с. Медведь уточняет, что двое медиков: Миядзава и Татибана, взятые в плен с Садо-мару и Хагиноура-мару, желали быть освобождены. На доводы относительно освобождения медицинского персонала русские офицеры ответили Томасу Смиту, что нет никакой проблемы освободить врачей¹⁰.

Кроме того, японцы имели претензии к тому, что несмотря на то, что им была доступна медицинская помощь, у них по-прежнему не было бесплатных лекарств. Пункт №2 заключался в том, что им необходимо было покупать лекарства за свои деньги. Также японцы хотели иметь японский медицинский персонал. Вторая просьба не находила оснований ни в международном гуманитарном праве, ни в отечественных указах. Что касается лекарств, то Томас Смит в своём отчёте приводит слова А.Ю.Станкевича, командира полка (на него была возложена основная ответственность за организацию жизни военнопленных): в аптеках есть те

---

⁹ Convention de Genève du 22 août 1864 pour l'amélioration du sort des militaires blessés dans les armées en campagne. Genève, 22 août 1864. [El. Resource] URL: <https://ihl-databases.icrc.org/fr/ihl-treaties/gc-1864> (Accessed: 10.06.2024).

¹⁰ Takahashi Sakuye. Op. cit. P.100.

лекарства, которые им положены по закону. Если же военнопленные хотят приобретать что-то ещё, они могут сделать это на свои собственные средства, как это делают офицеры русской армии¹¹. Равенство положения японских военнопленных и соответствующих им чинов в русской армии было одним из основополагающих принципов обращения с пленными японцами. По всей видимости, речь не шла о жизненно важных лекарствах для японских пленных. Косвенным подтверждением хорошего уровня лечения японцев можно считать низкий процент смертей среди военнопленных. Д.В.Стрельцов указывает, что в плену умерло около 1% японцев¹².

Пункт №3 состоял из нескольких подпунктов. В них японцы выражали неудовольствие по поводу того, что *получение ими корреспонденции задерживается вплоть до того, что они вынуждены ждать письма несколько месяцев. Японцы просят вернуть им письма, которые не прошли Бюро о военнопленных, а также письма, которые были присланы из Японии. Также они упоминали о том, что не получали посылки, о которых написано в письмах, или же получали не свои посылки. Что касается доступа газет, то японские пленные упоминают, что им был ограничен доступ к газетам (даже к русским), чего не было раньше.*

Проблемы с корреспонденцией пленных действительно существовали и не были решены вплоть до окончания войны. Дело в том, что цензура писем была обязательна и осуществлялась Военным ведомством, где тогда существовала проблема нехватки кадров, владеющих японским языком (иероглификой). Допустить доставку непрочитанных

¹¹ Ibid. P.99.

¹² Стрельцов Д.В. Указ. соч. С.132.

писем в Военном ведомстве не могли, поэтому в июле (по ст. стилю) 1904 г. майором Лопушанским было подано прошение, в котором указывалось на то, чтобы японцам следует писать знаками катакана всё, кроме базовых иероглифов, обозначающих цифры, дни и месяцы¹³. Именно медленная процедура цензуры задерживала письма. В ноябре 1905 г. Главный Штаб разрешил отправлять письма без цензурирования, и их количество сразу возросло: с 2 722 в июле до 3 920 в ноябре 1905 г.¹⁴.

Проблему с посылками тоже не удалось решить в течение войны. Самое большое количество посылок приходится также на время после войны. На октябрь и ноябрь 1905 г. японцам прислали 1 373 и 471 посылку соответственно. Отчёт Справочного бюро о военнопленных говорит о том, что в ноябре и декабре 1904 г. японским пленным поступило 29 и 13 посылок соответственно¹⁵. По всей вероятности, в это число не входят не дошедшие посылки, о которых упоминали японцы. Таким образом, мы можем говорить о том, что система пересылки корреспонденции и посылок работала неидеально, что приводило к недовольству японских военнопленных.

Чтение газет для японцев также было отрадой в плену, так как из газет они узнавали о ходе сражений и положении Японии. Томас Смит отмечает, что А.Ю.Станкевич говорит о том, что ограничение в чтении газет были

---

¹³ РГВИА Ф.2602, Оп.3, Д.16. Л.5.

¹⁴ Бухе Е.А. Военнопленные: Обзор деятельности Центр. справ. бюро о военнопленных во время Рус.-яп. войны / Сост. делопроизводитель бюро Е.А.Бухе, под руководством зав. бюро Ф.Ф.Мартенса. СПб.: Гл. упр. Рос. об-ва Красного креста, 1907. С.128.

¹⁵ Бухе. Указ. соч. С.133.

зеркальными мерами русского правительства на аналогичные действия Токио в отношении русских военнопленных¹⁶.

В пункте №4 японцы пишут о том, что они *недовольны отсутствием переводчика, указывая на то, что в японском плену для русских пленных выделен «как минимум 1 переводчик на каждые 40 пленных»*. В том же пункте они обвиняют *русское правительство в экономии*. Вопрос переводчика действительно был насущным, так как несмотря на то, что в дневнике одного из пленных по фамилии Курита сказано, что среди пленных высокого положения были те, кто мог понимать русский язык¹⁷, этого, вероятно, было недостаточно для комфортной жизни японцев в плену. Стоит также отметить, что японцы учили в плену русский и другие европейские языки. В отчёт Томаса Смита сказано, что несмотря на то, что просьба была санкционирована, сложность заключалась в том, чтобы найти такие кадры¹⁸, поэтому в данном случае мы можем говорить скорее о лучшей подготовленности японской стороны к этому аспекту плена.

Положение №5 касается того, что *время прогулок японцев было сокращено до 2 часов (а иногда ввиду различных обстоятельств) японцы оставались и вовсе без возможности прогулки*. До этого японцы имели возможность совершать покупки с 12:00 до 20:00, при этом им запрещалось посещать базары, трактиры, чайные и частные дома. В русском официальном отчёте отмечается, что ограничения вводились постепенно¹⁹. Интересны причины таких ограниче-

¹⁶ Takahashi Sakuye. Op. cit. P.99.

¹⁷ Фукиура Тадамаса хорётати но нитиросэнсō (Военнопленные и их русско-японская война) Издательство NHK, 2005. 吹浦 忠正捕虜たちの日露戦争 日本放送出版協会 2005. С.67.

¹⁸ Takahashi Sakuye. Op. cit. P.99.

¹⁹ РГВИА Ф.400. Оп.3. Д.2574. Л.60.

ний. В архивных документах есть рапорт в Главный Штаб из с. Медведь, в котором сказано, что японским офицерам запрещены увольнения в базарные и праздничные дни, так как существовали опасения о насильственных действиях со стороны местного населения²⁰.

Пункт №6 касался ограничений для японских пленных в выборе и возможности совершать покупки. Во-первых, время было ограничено и уменьшено до 1 часа. Во-вторых, японцам запретили совершать покупки по выходным (суббота и воскресенье) и по праздникам. Также им запретили даже заходить в некоторые магазины. Эти ограничения привели к тому, что японцы, как они сами сообщают, были вынуждены тратить на покупки больше денег, чем раньше.

Ситуация с ухудшением условий для японцев, описанная в этом и предыдущем пунктах, не изменилась после визита Томаса Смита. В мае 1905 г. из Главного Управления Российского общества Красного Креста в Главный Штаб была направлена просьба отменить более суровый режим. В официальном документе сказано, что пленные японские офицеры обратились в Справочное бюро о военнопленных с просьбой облегчить более суровый режим, введённый в декабре 1904 г. В частности, речь шла о продлении времени для прогулок, возможности чтения газет и решении проблемы с корреспонденцией. В сообщении также подчёркивается, что это были ответные меры на обращение Токио с русскими пленными²¹.

Стоит отметить, что даже более строгий режим, который был в лагере во время посещения Томаса Смита,

---

²⁰ РГВИА Ф.400, Оп.3, Д.2579. Л.19.

²¹ Там же. Л.42.

соответствовал нормам международного права и внутри-российского законодательства.

Последний пункт №7 раскрывал *желание пленных общаться с японцами в других местах водворения*. Сложно сказать однозначно, что побуждало японцев просить о такой возможности. Однако, по всей видимости, организация такого общения доставила бы дополнительные трудности, поэтому этот вопрос не был предметом для дискуссии.

Отдельно Томас Смит выделяет другие жалобы плен-ных, которые не вошли в число перечисленных выше. В частности, речь идёт о количестве разрешённого к покупке спиртного. Японцы жаловались на то, что раньше им было разрешено к покупке 70 бутылок пива в день и несколько бутылок виски, однако к моменту визита Томаса Смита им было разрешено покупать уже только 30 бутылок. А.Ю.Станкевич указывает на то, что ограничение было наложено вследствие нарушения японцами порядка и долгов²². По всей види-мости, ситуация потребовала международного вмеша-тельства. По этой причине последовала просьба Томаса Смита об облегчении режима, и японцам разрешили приобретать в день 40 бутылок пива и 1 стакан виски на каждого человека²³.

Другая тема, затронутая японцами, касалась возмож-ности посещения бань. Проблема заключалась в том, что им полагалось посещать баню дважды в месяц, в то время как они хотели бы увеличить количество походов до 4 раз в месяц, то есть примерно раз в неделю. Согласно внутрен-ней Инструкции из Циркуляра №203, баня для военноплен-

---

²² Takahashi Sakuye. Op. cit. P.100.

²³ Ibid. P.99-100.

ных предполагалась дважды в месяц (минимум)²⁴, и таким образом, это было правомерно. Несмотря на это, А.Ю.Станкевич санкционировал пользование японцами частными банями за 20 копеек (небольшая сумма), что удовлетворило японских офицеров²⁵.

Таким образом, текст жалоб японцев является одним из важнейших источников по жизни военнопленных в лагере в с. Медведь. Кроме того, интересно не только содержание жалоб японцев, которые были подробно рассмотрены в статье, но также сам факт того, что японские пленные смогли высказать эти жалобы международному наблюдателю. Томас Смит в своём отчёте не отметил ничего, что могло бы быть расценено как нарушение со стороны России норм и правил в обращении с японскими пленными. Проблемы, о которых писали и говорили японцы, в большинстве своём имели организационный характер. Часть проблем удалось решить: например, с посещением бань или закупкой алкоголя. Тем не менее другие проблемы были более системными и несмотря на то, что русская сторона старалась доставлять письма быстрее, цензура военного времени не позволила это сделать. Также отметим, что большинство жалоб не носили характер обвинения России в нарушениях международного гуманитарного права, а были лишь демонстрацией желания пленных жить в более комфортных с их точки зрения, условиях. Невыполнение русской стороной части просьб было связано во многом с большой трудностью или невозможностью их выполнения в тех исторических реалиях.

---

²⁴ Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (Дата обращения: 05.06.2024).

²⁵ Takahashi Sakuye. Op. cit. P.100.

Использованная литература:

1. Бухе Е.А. Военнопленные: Обзор деятельности Центр. справ. бюро о военнопленных во время Рус.-яп. войны / Сост. делопроизводитель бюро Е.А.Бухе, под руководством зав. бюро Ф.Ф.Мартенса. СПб.: Гл. упр. Рос. об-ва Красного креста, 1907. 152 с.
2. Временное положение о военнопленных Русско-японской войны. Иллюстрированная летопись русско-японской войны (по официальным данным и показаниям очевидцев) // Новый журнал иностранной литературы. 1904. №4. С.40-46.
3. РГВИА Ф.2602, Оп.3, Д.16.
4. РГВИА Ф.400. Оп.3. Д.2574.
5. РГВИА Ф.400, Оп.3, Д.2579.
6. Стрельцов Д.В. Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // Ежегодник Японии. 2022. С.122-136.
7. Фукиура Тадамаса хорётати но нитиросэнсō (Военнопленные и их русско-японская война). Изд-во NHK, 2005. 吹浦忠正。捕虜たちの日露戦争。日本放送出版協会、2005. 270 с.
8. Хохлов И.В. Военнопленные русско-японской войны 1904-1905 гг. в селе Медведь Новгородской губернии // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2017. С.189-201.
9. Циркуляры Главного Штаба за 1904 год. Циркуляр №203 от 23 июля 1904 года. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.gen-volga.ru/biblio/b-1904-203.htm> (Дата обращения: 05.06.2024).

10. Convention de Genève du 22 août 1864 pour l'amélioration du sort des militaires blessés dans les armées en campagne. Genève, 22 août 1864. [El. Resource]. URL: <https://ihl-data-bases.icrc.org/fr/ihl-treaties/gc-1864> (Accessed: 10.06.2024).
11. Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre. La Haye, 29 juillet 1899. [El. Resource]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/150-DIH-10-FR.pdf> (Accessed: 19.05.2024).
12. Takahashi Sakuye. International Law Applied to the Russo-Japanese War: With the Decisions of the Japanese Prize Courts. New York the banks law publishing co. 23 park place, 1908. 805 p.

ГЛАВА 10. ПЛОДЫ СТАГНАЦИИ: ЯПОНСКАЯ ЭКОНОМИКА В XXI В.

Автомобильная корпорация «Тоёта» в 2000-2010-е гг.: национальный и глобальный аспект деятельности

(Мостовая А.С.)

Характер развития Японии в 2000-2010-е гг. японские исследователи часто определяют термином «потерянное тридцатилетие», указывающим на то, что этот период является продолжением рецессии 1990-х гг. В 2010 г. Япония уступила статус второй экономической державы мира¹ Китаю, что привело к усилению пессимистических настроений в японском обществе. В стране усугубились социально-экономические проблемы: демографические – снижение рождаемости, старение общества; сокращение промышленного производства и его перенос за рубеж и др. В контексте глобализации японская экономика ввиду высокой взаимозависимости внутреннего и внешнего сектора стала более чувствительно реагировать на изменения, происходящие в других странах и регионах мира.

В начале 2000-х гг. процессы перемещения японских промышленных предприятий за пределы страны приобрели более интенсивный характер. В отличие от предшествующих периодов за рубеж стали выносить производство секторов и отраслей промышленности, имеющих стратегическое значение для экономики страны. Представители делов-

---

¹ Китай обогнал Японию по объему экономики // РИА Новости: официальный сайт. 2011. URL: <https://ria.ru/20110214/334119301.html> (Дата обращения: 1.01.2024)*

вых и научных кругов Японии положительно оценивали эту тенденцию, утверждая, что перенос промышленного производства за рубеж будет способствовать решению проблемы дефицита трудовых ресурсов, вызванную отрицательными демографическими явлениями в стране. Они прогнозировали, что национальные компании оставят в Японии капиталоемкие и высокотехнологичные операции для сохранения контроля над уникальными технологиями и ноу-хау, и вместе с этим получают более выгодные условия для трудоемких этапов производства за рубежом². В течение непродолжительного периода времени этот подход действительно был эффективным: корпорациям возможность получать высокие прибыли, однако в условиях стремительно меняющейся международной обстановки подобная стратегия стала представлять угрозу национальным интересам Японии.

Несмотря на глубокие структурные изменения в мировом автомобилестроении и череду экономических кризисов, оказавших влияние на международные рынки автомобилей, корпорации «Тоёта» 2000-2010-е гг. достигла наивысшего расцвета, впервые в своей истории вышла на лидирующее место в мировом автомобилестроении по показателям производства и продажи автомобилей, потеснив американских и европейских конкурентов. В трудные времена такие выдающиеся результаты флагмана японского автопрома, демонстрирующие достижения всей страны, были особенно важны для нации и способствовали укреплению авторитета «Тоёты» внутри Японии и за ее пределами.

---

² 洞口治夫. グローバリズムと日本企業組織としての多国籍企業 [Хорагути, Х. Глобализм и японские предприятия в форме ТНК]. Токио: 東京大学出版会 [Токё дайгаку сюппанкай], 2002. 288 с. (яп. яз.)

В 2000-е-2010-е гг. Япония оставалась главным рынком сбыта автомобилей для «Тоёты», как и для других японских производителей. В 2008 г., впервые с 1946 г., в Японии было зарегистрировано сокращение численности автовладельцев. Данная ситуация стала следствием усугубления демографических проблем – увеличения доли стареющего населения и убыли населения³. Кроме того, стремительно менялась структура спроса на внутреннем рынке: с 2004 г. фиксировалось увеличение продаж бюджетных малолитражных автомобилей, на фоне снижения интереса к стандартным моделям. Это объяснялось не только заботой об экологии, но и более низкими расходами на покупку и содержание автомобилей подобного класса (топливо, налоги и др.), что в целом отражало снижение уровня благосостояния граждан Японии. Еще одной характеристикой внутреннего рынка оставалась стремительная смена предпочтений потребителя, которая вынуждала производителей оперативно реагировать на изменения, выпуская новую продукцию. Это вело неоправданному росту расходов на НИОКР, снижению эффективности производства, а следовательно, прибылей автопромышленников. В таких условиях производителям становится все сложнее сохранять свои конкурентные преимущества. В глобальном масштабе объемы рынка автомобилей, напротив, продолжают расти: увеличивается ёмкость рынка США, потенциалом для дальнейшего роста обладают рынки азиатских стран с огромным населением, в первую очередь Китая и Индии. Также большой интерес у авто-

---

³ В марте 2008 г. количество автомобилей в собственности составило 79,08 млн ед. и сократилось по сравнению с предыдущим годом на 160 тыс. ед.

производителей вызывают страны Африки и Латинской Америки.

Корпорации «Тоёта», половина производства которой размещалась за рубежом, требовалось найти оптимальный вариант для дальнейшего стабильного развития всех направлений деятельности. Этот период в истории компании можно охарактеризовать как стадию поиска разумного баланса, который достигается за счет взаимозаменяемости и взаимодополнения внешних и внутренних ресурсов компании⁴.

По мере расширения масштабов и видов деятельности, управление становилось более сложным и разноплановым. «Тоёта» превратилась в гигантскую транснациональную компанию с разветвленной системой поставщиков, ее производственно-сбытовые структуры располагались в разных частях света, что требовало обновления базовых принципов деятельности. В тот период на предприятиях «Тоёты» в Японии и за рубежом работало около 300 тыс. сотрудников, поэтому было необходимо создать новую платформу для их единения и подчинения общим целям. Консолидация управленческого и трудового потенциала корпорации требовалась в том числе для преодоления последствий глобального финансового кризиса 2008 г. («Шок Лемана»)⁵.

9 марта 2011 г. А.Тоёда представил корпоративный документ “Toyota Global Vision” («Глобальное видение Тоё-

---

⁴ 塩見治人. トヨタショックと愛知経済 — トヨタ伝説と現実 2011 / 塩見治人, 梅原浩次郎 [Шок «Тоёта» и экономика Айти / Сиоми Х., Умэхара Кодзиро]. Токио : 文眞堂 [Бунсиндо], 2011. 232 с. (яп. яз.)

⁵ В 2008 г. «Тоёта» впервые с 1938 г. зафиксировал чистый убыток в 4,4 млрд долл., что было связано с резким падением спроса на автомобили в мире. Японские экономисты назвали это явление «Шок Тоёты».

та»), в котором содержались целевые установки и ценностные ориентиры для дальнейшего развития «Тоёты»⁶. Впервые в истории «Тоёты» к разработке документа были привлечены представители ее зарубежных филиалов из Северной Америки, Европы, Азии и Океании, КНР, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Также впервые оригинальный текст документа составлялся на английском языке, что отражало его глобальную значимость и вызывало чувство сопричастности у зарубежных сотрудников компании⁷.

В качестве метафоры для объяснения главных идей «Видения» разработчики использовали дерево. Корни выражали приверженность ценностям основам так называемого «духа добросовестного производства», сформулированным в таких документах, как «Пять главных принципов Тоёда», «Руководящие принципы Тоёта» и «Путь Тоёта»⁸. Плоды – результаты деятельности, выраженные в ее продукции, предоставляемой покупателям, и включали в себя «создание самых лучших автомобилей» и «вклада в развитие принимающих сообществ». Кроме того, в соответствии с этим документом была реформирована административная система корпорации, изменены функции ее региональных подразделений и система принятия решений.

---

⁶Toyota Global Vision // Корпорации «Тоёта»: официальный сайт. 2011. URL: <https://pressroom.toyota.com/toyota-global-vision> (Дата обращения: 23.11.2023)

⁷Ранее подобные документы составляли на японском, а затем переводили на английский и другие языки.

⁸Five Main Principles of Toyoda, the Guiding Principles, and the Toyota Way. Toyota Way – философия менеджмента на принципах производственной системы Тоёта.

Этот этап зарубежной деятельности «Тоёты» характеризуется не только глубоким проникновением в экономические структуры принимающих стран, но усилением ее влияния на политическую, социальную и культурную стороны жизни общества. Причем в отличие от прежних периодов, интеграция происходит на различных уровнях: от общенационального до локального. Завершив формирование образа транснациональной корпорации, демонстрирующей решимость бороться с глобальными вызовами внутри страны, «Тоёта» выходит за рамки национальных границ и начинает проводить аналогичную работу в принимающих странах, внедряясь в социальные институты и встраиваясь в существующие реалии. Значительные усилия направляются на то, чтобы «размыть» существующее у европейцев и американцев восприятие «Тоёты» как строго национальной японской компании. В различных регионах и странах мира создаются региональные координационные центры, которые в том числе пропагандируют успехи корпорации в содействии решению экологических и других общественно значимых задач, проявляют интерес к проблемам локальных сообществ, включаясь в их деятельность.

Несмотря на ряд изменений, в целом производственная стратегия в отношении развитых стран укладывалась в традиционные рамки деятельности корпорации, в то время как стратегия по созданию региональной производственной системы в Юго-Восточной Азии носила ярко выраженный инновационный характер⁹.

---

⁹ Президент компании А.Тоёда назвал это событие «новой главой в истории «Тоёта»... и в истории мирового автомобилестроения».

Отправной точкой формирования стратегии «Тоёты» получившей название проект IMV (Innovative International Multi-purpose Vehicle), являлся меморандум Brand to Brand Complementation (BBC), подписанный в 1988 г. шестью странами – членами АСЕАН¹⁰. В 1989 г. «Тоёта» стала участником этого соглашения и в его рамках учредила с 1990 г. в Малайзии, Индонезии, Таиланде и на Филиппинах ряд компаний по выпуску автозапчастей, дополнивших ее сборочные производственные структуры в этом регионе, с региональным координационным центром в Сингапуре. В рамках проекта планировалось производить пять моделей автомобиля (три пикапа, минивэн и SUV), специально разработанных для рынка ЮВА, Латинской Америки и Африки¹¹.

В проекте IMV странами с быстро развивающимися рынками отводилась центральная роль (они были обозначены как приоритетные и в «Глобальном видении Тоёта» (Toyota Global Vision)¹².

Своеобразным девизом проекта IMV стали слова А.Тоёда, «неважно, где автомобиль собран или продан, «Тоёта» хочет, чтобы покупатель мог оценить высочайшее качество Made by Toyota». То есть теперь символ качества,

---

¹⁰ Это было соглашение по организации локальной системы комплектующих, позволявшее по сниженным тарифам экспортировать комплектующие любому автомобильному бренду, если уровень локализации внутри АСЕАН при их производстве составлял более 50%.

¹¹ トヨタ、IMVプロジェクトをスタート [«Тоёта» запустила проект IMV] // Корпорации «Тоёта»: официальный сайт. 2004. URL: <https://global.toyota/jp/detail/1573023> (Дата обращения: 23.05.2023)

¹² Согласно проекту, на первом этапе в качестве ключевых производственно-экспортных были выделены Таиланд, Индонезия, Аргентина и ЮАР.

заклученный в слова Made in Japan, становился равнозначен надписи Made by Toyota.

Стратегия IMV привела к возникновению абсолютно новой более сложной формы зарубежной деятельности. С ее помощью была воплощена в жизнь идея создания независимо функционирующей производственной системы, которая развивается по собственной траектории. В стратегии IMV прослеживались две главные цели:

- 1) создание автономного сектора зарубежного производства, способного функционировать независимо от Японии, в том числе для сокращения уязвимости к различным факторам риска (стихийным бедствиям, резким изменениям цен на сырьевых рынках, политическим и экономическим потрясениям и др.);
- 2) укрепление своих позиций и дальнейшая экспансия на рынки принимающих стран, предполагающая более глубокое внедрение в социально-экономическую сферу (в условиях прежней модели зарубежные предприятия выступали в основном как базы для экспорта в Японию или третьи страны, в то время как инновационная модель предусматривала создание опытно-конструкторских и образовательных центров, включающих аспекты дизайна, маркетинга и др., с привлечением местных кадров, лучше понимающих особенности рынка, вкусы и предпочтения своих соотечественников)¹³.

С момента объявления о начале реализации проекта в 2004 г. прошло два десятилетия. За эти годы стратегия

---

¹³ Продукция, произведенная внутри стран, охваченных стратегией IMV, была ориентирована на внутренний рынок этих стран, региональный рынок ASEAN и рынки третьих стран за пределами регион.

IMV продемонстрировала успехи и продолжила развиваться дальше. Увеличилось количество стран-участников проекта, произошло наращивание производственных мощностей и увеличение объемы производства. Кроме того, был расширен модельный ряда автомобилей и разработаны их модификации; к единой системе производства присоединилось большое число новых локальных поставщиков деталей и компонентов.

Таким образом, в 2000-е-2010-е годы возможности развития корпорации «Тоёта» за счет внутреннего ресурса японского рынка становились все более ограниченными, что побудило ее к интенсивному поиску более эффективных моделей деятельности за пределами Японии и созданию новых форматов организации производства и сбыта.

Некоторые тенденции развития аквакультуры в Японии

(Спицына К.А.)

Аквакультура как деятельность по разведению, содержанию, выращиванию водных биоресурсов в искусственной среде обитания играет значительную роль в изменении современных агро-производственных систем, быстро развивается и становится новым рубежом в стабильном производстве продуктов питания.

В Японии состояние рыбной отрасли в целом вызывает тревогу и привлекает внимание широкого круга специалистов, предпринимателей и правительственных кругов. Приводимые ими данные показывают устойчивую тенденцию к снижению добычи производства, которая определяет картину состояния дел в рыбной отрасли и в аквакультуре как ее составляющей.

В 2018 г. Япония произвела 4,2 млн тонн рыбы (включая моллюсков и ракообразных) стоимостью 13 775,7 млн долларов США. 38% этой стоимости приходится на аквакультуру и 62% на рыболовство (т.е. вылов дикой рыбы). За период с 2008 по 2018 гг. объем произведенной продукции снизился на 25%, а ее стоимость снизилась на 10%¹.

По данным Министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии объем добычи морепродуктов и производств аквакультуры в 2022 г. составил 3 916 946 тонн, что на 5,8% меньше по сравнению с предыдущим годом.

---

¹ OECD Report of Fisheries Country Notes. Fisheries and Aquaculture in Japan. January 2021, p.1.

При этом объем производства в области морской аквакультуры составил 911 839 тонн, что на 1,6% меньше, чем в предыдущем году. Несмотря на общую тенденцию снижения объемов, по отдельным культурам наблюдается рост производства, например устриц, морских гребешков. Разная динамика заметна и в объеме производства объектов аквакультуры в морской среде и внутренних водах. Объем производства во внутренней аквакультуре составил 31 503 тонны, что на 1 351 тонну (4,1%) меньше, чем в предыдущем году. На это повлияли показатели снижения объема выращивания угря, хотя, с другой стороны, очевидны показатели, отражающие рост производства лососевых².

В 2023 г. тенденция к снижению общих объемов добычи морепродуктов и производства аквакультур стала еще более заметной. Объем добычи морепродуктов и производства аквакультуры составил 3 724 300 тонн, что на 4,9% меньше по сравнению с предыдущим годом. Объем улова составил 2 823 400 тонн, что на 4,3% меньше по сравнению с предыдущим годом. Морской аквакультуры было произведено 849 000 тонн, что на 6,9% меньше по сравнению с предыдущим годом³.

Очевидно, что на статистические показатели влияет большой комплекс факторов, который связан не только с колебаниями внутреннего потребления в Японии, упадком сельских районов и нехваткой рабочей силы, но и с динамикой природных и климатических условий, с пандемией

---

² Подробнее см., например: статистика Министерство сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии за 2022 г. https://www.maff.go.jp/j/tokei/kekka_gaiyou/gyogyou_seisan/gyogyou_yousyoku/r4/

³ Подробнее см., например: статистика Министерство сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Японии за 2023 г. https://www.maff.go.jp/j/tokei/kekka_gaiyou/gyogyou_seisan/gyogyou_yousyoku/r5/index.html

COVID-19 и ее последствиями, а также с геополитическими процессами, которые приводят к изменению структуры рыболовства и добычи морепродуктов в мировом масштабе, что непосредственно затрагивает и Японию.

В связи со складывающейся ситуацией различные организации Японии разрабатывают меры по оживлению рыболовной отрасли с акцентом на аквакультуру как потенциальный локомотив для реализации перспективных планов.

Рамочные условия управления морскими ресурсами создаются правительством Японии, и включают ряд законодательных актов и программ, например поправки к Закону о рыболовстве (2018 г.), Дорожную карту реализации мер по управлению ресурсами (2020 г.), Комплексная стратегия индустриального развития аквакультуры (2020 г.) и т.д.

Данные документы затрагивают такие аспекты аквакультуры как территориально-пространственное размещение, инженерно-проектное обеспечение процессов, развитие соответствующих направлений в биологии, отбор объектов аквакультуры, питание и корма, болезни, регулирование ресурсов промысла и поддержание природного баланса биоресурсов.

Некоторые целевые направления развития аквакультуры отражены в таблице 1⁴.

Очевидно, что в будущем значительные усилия будут направлены на диверсификацию объектов аквакультуры, выращиваемых в соответствии с предпочтениями потребителей. Также будет сделан акцент на улучшение вкуса культивируемых водных организмов.

---

⁴ Special Issue: Food Security in Japan's Fisheries, p.31 <https://www.jfa.maff.go.jp/j/kikaku/wpaper/attach/pdf/index-9.pdf>

Таблица 1.

Сектор	Ключевой показатель эффективности	Промежуточный результат (данные на конец 2022 г.)	Программа, определяющая ключевые показатели эффективности
Аквакультура	<p>Цель – добиться искусственного производства молодняка (100% для аквакультуры японского угря, голубого тунца и т.д.), а также создать устойчивую систему аквакультуры без какой-либо нагрузки на природные ресурсы путем перевода всех кормов для рыб на искусственные корма к 2050 году.</p> <p>Нацеленность на достижение следующих объемов производства по стратегическим объектам аквакультуры к 2030 году:</p> <ul style="list-style-type: none"> - желтохвост: 240 000 тонн. - красный морской лещ: 110 000 тонн. - голубой тунец: 20 000 тонн. - лосось и форель: 30 000-40 000 тонн. - гребешок: 210 000 тонн. - жемчуг (цель на 2027 год): 20 миллиардов иен - новые промысловые виды (групперы и т.д.): 10 000-20 000 тонн 	<p>Искусственное производство молоди рыб (для японского угря, голубого тунца, желтохвоста) в 2021 году составила 2,9%. Доля искусственного корма в 2021 году составила 45%.</p> <p>Объемы производства в 2021 году составили (% указывает на сравнение с целевым показателем):</p> <ul style="list-style-type: none"> - желтохвост: 130 000 тонн (54%) - красный морской лещ: 70 000 тонн (64%) - голубой тунец: 20 000 тонн (100%) - лосось и форель (только кижуч): 20 000 тонн (50%) - морской гребешок: 160 000 тонн (76%) - жемчуг: 12,9 млрд иен (64%) 	<p>MIDORI: Стратегия создания устойчивой производственной системы (принята в 2021 г.);</p> <p>Комплексная стратегия индустриального развития аквакультуры (2020 г., дополнение 2021 г.)</p>

Параллельно с этим Япония активизирует усилия по использованию систем аквакультуры (морских и береговых) для воспроизводства рыбных ресурсов и создания условий для пополнения сырьевой базы рыболовства.

Многие правительственные проекты и программы Японии ставят аквакультуры во главу угла как потенциальную площадку развития инновационных и ресурсосберегающих производств, способствующих интенсификации и снижению затрат производства морепродуктов в искусственных условиях.

К мерам интенсификации можно отнести, например, организацию искусственного кормления рыбы, улучшение водообмена, применение аэраторов, расчистка водоподающей и водосбросной системы, удаление растительности, профилактика заболеваний, гидротехнические системы, направленные на: поддержание работы гидротехнических сооружений в безаварийном режиме и т.д.

Морепродукты и другие пищевые ресурсы рыболовства привлекают внимание как средство решения проблемы нехватки продовольствия по мере роста населения планеты. Аквакультура рассматривается как один из способов увеличения объемов продовольствия. В рамках японской правительственной программы «Научное и технологическое исследовательское партнерство для устойчивого развития» (SATREPS) Япония сотрудничает с Таиландом над реализацией проектов, касающихся превращения Юго-Восточной Азии в мировое продовольственное хранилище⁵.

В центре внимания находятся аквакультуры. Цель сотрудничества – улучшить аквакультуру посредством различных научных и исследовательских мероприятий. Области научных интересов включают создание превосходных объектов аквакультуры с использованием генетических данных, разработку технологии разведения (суррогатной технологии), диагностику и профилактику инфекционных заболеваний, а также разработку вакцин, альтернативных кормов и технологий обнаружения факторов опасности.

Таким образом, аквакультура сочетает в себе широкий спектр возможностей, которые многосторонне используют в настоящее время в Японии.

---

⁵ См. подробнее: https://www.jst.go.jp/global/english/case/biological_resources_4.html

**Космическая безопасность Японии:
курс на милитаризацию**

(Амара М.И.)

В современном мире развитие космонавтики стало неотъемлемой частью государственной политики многих государств мира, первоначально истоком которой являются астрономия и астрология¹. В то же время помимо флёра романтизма и таинственности, человечество столкнулось лицом к лицу с ситуацией, которую можно назвать «войной дронов» при расширении границ военного присутствия, в частности, в космосе.

Сам термин «космонавтика» впервые был предложен А.Штернфельдом в книге «Введение в космонавтику» в 1934 г. В 1937 г. в Москве эта книга выходит с переводом Г.Лангемакса с французского и была дополнена новыми исследованиями. Книга затем стала базовой работой в космической индустрии в Советском Союзе². На русский язык благодаря переводчику вошли в научную литературу переведенные с французских текстов А.Штернфельда слова «космонавт», «космонавтика» (заменившие существующие тогда «астронавтика» и «звездоплавание»), «космический полет», «космический корабль», «перегрузка», «скафандр» (из терминологии водолазного дела), «космодром» и др. Предложенная А.Штернфельдом терминология и определила будущий лексикон

---

¹ Астрономия – наука о Вселенной, изучающая расположение, движение, структуру, происхождение и развитие небесных тел (планет, звёзд, астероидов). Астрология – наука о взаимосвязи человека и Мироздания, затрагивая абсолютно все аспекты жизни человека на Земле включая магические, эзотерические, религиозные.

² Второе издание книги на русском языке вышло в 1974 г.

советской ракетно-космические техники³. В свою очередь, К.Э.Циолковский стал одним из первых ученых, кто, понимая необходимость освоения космоса для развития человечества, первый стал заниматься именно практическими вопросами сформировав основу для развития ракетостроения.

Официальной отправной точкой по освоению и использованию космического пространства Японией является запуск первой горизонтальной испытательной ракеты «Карандаш» в 1955 г. Благодаря ученому Итокава Хидэо⁴, это событие ознаменовало начало всей космической деятельности Японии.

11 февраля 1970 г. в Японии был успешно запущен первый спутник «Осуми おおすみ», и Япония стала четвертой страной в мире после СССР, США и Франции, которая доставила в космос искусственный спутник ракетой-носителем Lambda-4S-5⁵. Основной особенностью запуска было испытание схемы вывода типа «гравитационный разворот»⁶ (*Gravity turn*)⁷.

---

³ А.Штернфельд не знал русского языка, но выучил его с целью изучения трудов К.Э.Циолковского.

⁴ <https://www.isas.jaxa.jp/j/special/2012/prof.itokawa/>

⁵ Железняков А.Б., Кораблев В.В. Освоение космоса Японией // Научно-технические ведомости СПбГПУ. №2 (219) 2015. С.200.

⁶ Гравитационный разворот – манёвр космического аппарата в гравитационном поле небесного тела, при котором направление тяги совпадает или противоположно направлению движения, изменяющемуся под действием силы тяжести. Обычно используется при выведении аппарата на орбиту и при посадке с орбиты. Благодаря тому, что ракета постоянно поворачивается в направлении движения, гравитационный разворот позволяет минимизировать гравитационные и аэродинамические потери, затраты на изменение направления движения, а также поперечные нагрузки на аппарат.

См.: https://keldysh.ru/microsatellites/MIPT_2019_Boborykin.pdf

⁷ <https://www.astronaut.ru/bookcase/books/afanasiev3/text/18.htm>

Законодательство в сфере космической безопасности и национальной обороны

18 декабря 2018 г., были фактически приняты новые Руководящие принципы программы национальной обороны, в которых изложены основные пункты политики по обороне Японии, а также значение и роль оборонного потенциала, включая структуру Сил самообороны и цели закупок средств для военной обороны, создавая так называемые «многодоменные силы обороны»⁸, то есть силы быстрого реагирования в условиях непредвиденных ситуаций. Такие силы смогут выполнять междоменные операции во всех областях, включая космос и киберпространство, приспособленные к проведению гибких и стратегических действий как мирное время, так и во время вооруженных чрезвычайных ситуаций. Создание таких «многодоменных сил обороны» способны также укрепить потенциал Альянса Японии и США и способствовать сотрудничеству в области безопасности⁹. Таким образом, в настоящее время Япония приступила к более активным и решительным действиям в сфере обеспечения национальной безопасности.

В 2022 г. Япония перешла на новую стадию выстраивания государственной политики, переставив акцент с мирного развития страны на усиление военной оборонительной мощи. 16 декабря 2022 г. Правительство Японии одобрило пакет из трех так называемых стратегических документов, направленных на регулирование вопросов безопасности в новых

---

⁸ https://www2.jiaa.or.jp/en/article_page.php?id=15#~:text=The%20%22Multi%2Ddomain%20Defense%20Force,peacetime%20to%20armed%20contingencies.%20The

⁹ https://www.mod.go.jp/en/d_policy/basis/guideline/index.html#~:text=The%202018%20NDPG%20of%20formulated%20on,and%20electromagnetic%20spectrum%3B%20is%20capable

областях, включая космос¹⁰: Стратегия национальной безопасности¹¹, Стратегия национальной обороны¹² и Программа укрепления обороны¹³.

Стратегия национальной безопасности 2022 (СНБ, National Security Strategy of Japan) декларативно установила основополагающие принципы национальной безопасности Японии, которые можно свести лишь одному основному: дальнейшее укрепление Альянса Японии и США и координация действий. Альянс США и Японии (日米同盟, *Nichi-Bei Dōmei*) – военный союз между Японией и Соединенными Штатами Америки, закрепленный в Договоре о сотрудничестве и безопасности между Соединенными Штатами и Японией, который был впервые подписан в 1951 г.

В сфере космической безопасности Япония намерена усиливать сотрудничество между Японским агентском аэрокосмических исследований (JAXA) и Силами самообороны, использовать космические технологии в гражданских целях¹⁴. Япония также намерена проводить свою политику безопасности таким образом, чтобы поддерживать универсальные ценности: свобода, демократия, уважение основных прав человека и верховенство закона. В Стратегии говорится, что, «как миролюбивая нация, Япония будет придерживаться основной политики поддержания исключительно национальной оборонной политики, не превращаясь в военную державу, которая представляет угрозу для других стран и соблюдения Трех неядерных принципов. Альянс Японии и

---

¹⁰ <https://www.csis.org/analysis/space-security-japans-new-strategy-documents>

¹¹ См.: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf>

¹² https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf

¹³ https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/plan/pdf/program_en.pdf

¹⁴ https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/national_security_strategy_2022_pamphlet-e.pdf

США, включая обеспечение расширенного сдерживания, по-прежнему останется краеугольным камнем политики национальной безопасности Японии».

Ключевым элементом новой Стратегии является создание возможности для нанесения контрудара, который заменил зафиксированное в первой Стратегии 2013 г. обязательство не обладать средствами нападения на страну-противника. Власти поставили своей целью в течение десяти лет создать оборону, позволяющую «отразить и победить агрессию на более ранней стадии и на значительном расстоянии». При этом в Стратегии отмечается, что вероятность ракетных атак на Японию стала «ощутимой угрозой», а ее собственная система перехвата ракет является неэффективной, а нанесение ответного контрудара при наличии «признаков неизбежной атаки» со стороны противника соответствует Конституции.¹⁵

Национальная стратегия в области обороны (National Defense Strategy) относит к объектам обороны территориальные земли, воды и воздушное пространство Японии, романтически представляя это самым сердцем национальной безопасности Японии и акцентируя, что это является важной обязанностью правительства Японии по их защите.

13 июня 2023 г. в Стратегическом штабом космического развития Японии утвержден также новый *Базовый план космической политики и Инициатива космической безопасности*. Япония все активнее определяет свое место в стратегии дальнейшего использования космического пространства с учетом обеспечения космической безопасности. Новый Базовый план космической политики представляет основы развития

---

¹⁵ <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/japans-new-national-security-strategy-as-a-tool-for-chinas-integrated-deterrence>

национальной безопасности на ближайшие десять лет в целях предотвращения и уменьшения опасности стихийных бедствий, а также для развития инноваций, космической науки и исследования, а также ракет и другой инфраструктуры, поддерживающей эту космическую деятельность. В Плане отмечается, что в рамках Инициативы по космической безопасности будет радикальное расширение использования космических систем и обеспечение безопасного и стабильного использования космического пространства в целях национальной безопасности. Для таких целей будут использоваться технологии частного сектора для создания космической архитектуры национальной безопасности, такие как сбор информации, телекоммуникации, спутниковое позиционирование и наблюдение за космической сферой¹⁶.

Документы по регулированию вопросов космической безопасности

Космическая политика Японии и обеспечения космической безопасности регулируются несколькими правовыми документами, основными из которых являются: принятый 21 мая 2008 г. Закон «О космосе», ставший основой для выработки полноценной, отвечающей современным вызовам космической стратегии Японии¹⁷; Закон «О запуске спутников и управление спутниками» (2016) и Закон «Об обеспечении надлежащей обработки данных спутников дистанционного зондирования» (2016).

Законом «О космосе» сформулированы следующие цели: определение основных принципов в отношении освоения и использования космического пространства для улучше-

---

¹⁶ https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/actions/202306/13space.html

¹⁷ Уханова Э.В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса // Японские исследования. 2020. №2. С.67.

ния жизни граждан и развитию экономики и общества, а также улучшение международного мира и благосостояния человечества, принимая во внимание тот факт, что важность освоения и использования космического пространства возросла с развитием науки и техники¹⁸. Закон устанавливает (ст.14), что обеспечение международного мира и безопасности являются базой для национальной безопасности Японии. Так, государство должно принять необходимые меры по содействию развитию и использованию космического пространства для обеспечения международного мира и безопасности, включая меры по безопасности Японии.

Такое декларативное изложение целей, увы, не сочетается с реальными действиями в сфере самообороны и национальной безопасности. В течение двух последних лет политика Японии была направлена на усиление влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе исключительно в союзе с США посредством укрепления позиций в оборонной сфере для так называемого «поддержания безопасности и мира» в этом регионе. Во время состоявшейся встречи премьер-министра Кисида Фумио и президента США Байдена в Вашингтоне 10 апреля 2024 г. стороны, не имея никаких разногласий, достигли всех договоренности в сфере военного сотрудничества Японии и США. По словам Байдена, «союз между Японией и США является краеугольным камнем мира, безопасности и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире, – отметил Байден. – Наш союз – это действительно глобальное партнерство»¹⁹.

Благодаря принятому Парламентом Японии 15 июня 2021 г. закону «О космических ресурсах» Япония стала четвер-

---

¹⁸ <https://stage.tksj.jp/spacelaw/country/japan/27A-1.E.pdf>

¹⁹ См.: <https://www.dw.com/ru/ot-tihogo-okeana-do-kosmosa-ssa-i-aponia-obnovlout-svoj-voennyj-alans/a-68797447>

той страной в мире после США, Люксембурга и Объединенных Арабских Эмиратов, в которой действует специальный закон, регулирующий исследования космических ресурсов. Закон позволяет частным организациям исследовать, добывать и использовать различные космические ресурсы, такие как вода, полезные ископаемые и другие природные ресурсы, существующие в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела. Одно из направлений форсирования космической политики Японии также является лунная программа, начало реализации которой началось в 1990 г. с момента запуска первого космического зонда «Хитэн»²⁰ для исследования Луны. В 2024 г. Япония стала пятой страной в мире после СССР, США, Китая и Индии, посадившей аппарат на естественный спутник Земли. Так, японский лунный посадочный модуль SLIM (*Smart Lander for Investigating Moon*) совершил успешную посадку на естественный спутник Земли 19 января²¹.

Космическая безопасность

Инициатива Министерства обороны Японии, парламентариев и членов Правительства по изучению проблем неопознанных летающих объектов с точки обеспечения безопасности страны по направлению космической безопасности находится в рамках новой Стратегии обеспечения безопасности страны.

В 2024 г. Япония вступила на новую стадию освоения космического пространства и выработки новых мер по обеспечению космической безопасности (*Space security*²²),

---

²⁰ <https://web.archive.org/web/20081115183853/http://www.isas.jaxa.jp/j/enterp/missions/hiten.shtml>

²¹ <https://www.interfax.ru/world/941087>

²² Термин «космическая безопасность (*Space security*) появился в 1950-х годах, в период «первой космической гонки» между СССР и США.

восприняв документально зафиксированные случаи полетов в воздушном пространстве над Японией неопознанные летающие объекты как угрозу национальной безопасности страны. Так, 28 мая 2024 г. состоялась встреча японских парламентариев с целью обсуждения возможного создания межпарламентской группы по рассмотрению вопросов, связанных с изучением неопознанных летающих объектов. Планируется, что эта группа в дальнейшем сделает запрос в Правительство Японии о создании отдельной специализированной организации по изучению неопознанных аномальных явлений²³ по аналогии с созданными в 2022 г. Министерством обороны США Управления по разрешению общедоменных аномалий (*All-Domain Anomaly Resolution Office*)²⁴ для расследования неопознанных летающих явлений, включая неопознанные летающие объекты. В США также создан сайт для предоставления общественности рассекреченной информации о загадочных объектах, зафиксированных в небе²⁵.

6 июня 2024 г. в Парламенте Японии состоялось уже первое заседание созданной межпартийной группы, возглавляемой бывшим Министром обороны Хамада Ясукадзу²⁶ для изучения неопознанных аномальных явлений²⁷ с целью выработки новой политики национальной безопасности страны с учетом полученных и обработанных сведений о данных явлениях. На встрече, которую провел Хамада, приняли участие около 30 членов верхней и нижней палат Парла-

---

²³ <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/05/28/japan/politics/japan-lawmakers-group-ufos/>

²⁴ <https://www.aaro.mil/About-AARO/>

²⁵ 20 декабря 2019 г. в США также созданы особое военное подразделение – Космические войска (Space Force USA, USSF). См.: <https://www.spaceforce.mil>

²⁶ Должность занимал в период с 10 августа 2022 г. по 13 сентября 2023 г.

²⁷ Принятая аббревиатура в англоязычной прессе – UAP (Unidentified Aerial Phenomena).

мента от правящей и оппозиционных партий. Генеральным секретарем группы, состоящей примерно из 80 человек, является бывший министр окружающей среды Коидзуми Синдзиро. Ключевым моментом встречи было обсуждение того, что неопознанные летающие объекты могут представлять серьезную угрозу национальной безопасности, если окажутся современным секретным оружием или беспилотными дронами-шпионами других стран²⁸. Таким образом, если еще у кого данная тема являлась предметом для шуток, то стоит отметить, что японские парламентарии, с одной стороны, подтвердили факт существования неопознанных летающих объектов на официальном уровне, сняв таким образом табу об общественном обсуждении существования инопланетной жизни²⁹. С другой стороны, встреча показала, что Япония вступила на путь кардинально новой тактики выстраивания военной боевой готовности в условиях ведения в мире боевых действий с массовым использованием боевых дронов и дронов-разведчиков. К примеру, при получении данных о неопознанных летающих объектах будет действовать протокол боевого режима, когда «истребители будут подняты в воздух для попытки визуального подтверждения».

В сфере усилий по обеспечению космической безопасности Япония безоговорочно действует в связке с США и принимает активное участие в деятельности космических войск США. В частности, высшие военные космические чиновники Японии³⁰ и США заявили на Симпозиуме воздуш-

---

²⁸ <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20240607-190607/>

²⁹ <https://www.cbsnews.com/news/ufo-investigation-japan-us-says-region-hotspot-uap-sightings/>

³⁰ Полковник Сугияма Кимитоси является командующим группой космических операций Сил воздушной самообороны Японии.

но-космических сил³¹, что Космические силы США в 2024 г. развернут свое новое подразделение в Японии³².

Спор об официальном признании существования неопознанных летающих объектов в Японии уже ведется несколько лет, несмотря на то что было бы наивным считать, что Япония, как и некоторые другие страны не фиксировали неопознанные летающие явления в воздушном пространстве. Возьмем, к примеру ответ в 2007 г. Кабинета министров на официальный запрос члена Конституционно-демократической партии Осака Сэйдзи о возможном использовании Японией права на активацию самообороны как ответ в случае «ситуации вооруженного нападения» неопознанного летающего объекта: «Правительство никогда не подтверждало существование неопознанных летающих объектов, предположительно прилетавших из-за пределов Земли...». Однако сразу же возникли разногласия, поскольку главный на тот момент секретарь кабинета министров Матимура Нобутака заявил, что «абсолютно уверен в существовании неопознанных летающих объектов»³³.

На протяжении многих лет принцип мирного использования космоса воспринимался как ограничение национальной политики Японии, смысл которого в том, что освоение космоса должно осуществляться «исключительно в мирных целях». Данный принцип был закреплён в дополнительной Резолюции Парламента к Закону «О национальном агентстве космический исследований»³⁴, принятой 13 июня 1969 г., когда было создано Национальное агентство космичес-

---

³¹ Air and Force Warfare Symposium: <https://www.afa.org/afa-warfare-symposium/>

³² <https://www.airandspaceforces.com/space-force-japan-component-activated-this-year/>

³³ <https://www.sankei.com/article/20180227-CJX7JMWAGJORFM7DLSLPTJXVBE/>

³⁴ https://www.jaxa.jp/library/space_law/chapter_1/1-1-1-5_j.html

кого развития Японии (NASDA³⁵), ныне называемое Японским агентством аэрокосмических исследований (JAXA). Согласно данной Резолюции, Силам самообороны Японии не разрешалось использовать спутники для сбора разведывательной информации и связи, а также не разрешалось разрабатывать, запускать и эксплуатировать спутники и ракеты. В то время как в других странах развитие космоса было тесно связано с национальной безопасностью, в Японии в то далекое время освоение космоса не связывали с национальной безопасностью.

Заключение

К сожалению, новая принятая Стратегия действий Японии в области национальной обороны не направлена на поддержание хрупкого мира сегодня, а направлена на расширение военной мощи, увеличение финансирования военной сферы и расширение зон присутствия в космическом пространстве. Япония отошла от политики мирного развития страны и основного послевоенного антивоенного принципа самообороны, на котором выстраивалась политика Японии. Можно констатировать факт возросшей роли Японии в освоении и использовании космического пространства. Космическая безопасность Японии обеспечивается сегодня реализацией амбициозных целей по добыче космических ресурсов, а также всесторонним участием и помощью в космических программах США, в частности, участием в американской программе по высадке космонавтов на Луну Artemis³⁶.

---

³⁵ https://global.jaxa.jp/about/history/nasda/index_e.html

³⁶ <https://www.nasa.gov/feature/artemis/>

**Углеродный след прошлого и авария на Фукусимской АЭС:
Национальные и префектурные меры Японии в борьбе
с изменением климата в рамках Киотского протокола**

(Косик М.А.)

Несколько десятилетий назад Япония заняла активную позицию в решении проблемы глобального потепления, подписав Киотский протокол в 1997 г. До трагедии на Фукусимской АЭС в 2011 г. страна успешно справлялась с задачей сокращения выбросов на 6% в рамках периода действия обязательств протокола. Однако, учитывая значительную зависимость Японии от импортных источников энергии, таких как нефть, газ и уголь, большая часть парниковых газов в стране образовывалась не в процессе производства, а в процессе потребления энергии.

По этой причине, в 2000-х гг. премьер-министр Фукуда Ясуо объявил о плане сократить выбросы парниковых газов на 60-80% к 2050 г., провозгласив цель создания «низкоуглеродного общества». Это ознаменовало новую эру в истории страны, ориентированную на постепенный отказ от ископаемого топлива и на формирование экологически сознательного общества. В рамках реализации проекта, в стране был разработан правительственный документ под названием «Основная политика в отношении мер противодействия глобальному потеплению». Он включал в себя более 100 действий по сокращению выбросов парниковых газов, конкретные методы замедления глобального потепления и классификацию вредных газов¹.

Для достижения подобных целей, после вступления в силу Киотского протокола в 2005 г. Министерство окружающей среды Японии инициировало масштабную энергетичес-

---

¹ Streltsov, Dmitry Viktorovich. "The Global Warming Challenge: The Politics of Japan". World Economy and International Relations 5 (2011): p.55-62.

кую кампанию «Cool Biz» 「クール・ビズ」. Министр окружающей среды Койке Юрико, совместно с директорами универмагов и ведущими бизнес-лидерами, призвала офисных работников переодеться в более легкую одежду и повысить температуру кондиционеров в зданиях для экономии энергии. Благодаря тому, что премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро и его кабинет подали пример, отказавшись от галстуков и пиджаков на одной из своих встреч, инициатива «Cool Biz» быстро изменила дресс-код японских офисных работников, позволив им отказаться от деловых костюмов в жаркое время года. Спустя год экспертное исследование показало, что в течение 12 месяцев компании-участницы сократили выбросы CO₂ на 46 миллионов тонн, продемонстрировав успешность данной инициативы².

Осознав успех этой кампании, правительство решило запустить аналогичную программу на зимний период. «Warm Biz» 「ウォーム・ビズ」 стал зимним эквивалентом летней инициативы, направленным не на уменьшение охлаждения офисных зданий, а на ограничение потребления энергии для отопления. Офисным работникам было предложено носить более тёплую одежду, чтобы свести к минимуму использование отопления и поддерживать оптимальную температуру в зданиях. Снижение температуры на 3 градуса позволило сократить выбросы парниковых газов примерно на 20%³.

Вслед за успехом этих программ была запущена инициатива 「チーム・マイナス 6%」 или «Team Minus 6%».

---

² Midori Aoyagi, "Climate Change Communication in Japan", Oxford Research Encyclopedia of Climate Science, April 26, 2017, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228620.013.470>

³ Chun Knee Tan, Akinori Ogawa, and Takashi Matsumura, "Innovative Climate Change Communication: Team Minus 6%", Global Environment Information Centre (GEIC), United Nations University (UNU), January 1, 2008, p.53-70.

Целями этой кампании были экономия воды, питание натуральными продуктами и снижение потребления электроэнергии. Это стало одной из самых известных кампаний, часто освещаемых в местных СМИ. Широкая огласка не была случайной, так как целью инициативы было пробуждение командного духа среди различных социальных секторов для совместной борьбы с глобальным потеплением. За пять лет с момента запуска эта инициатива превратилась в историческое национальное движение, в котором участвовало около 35 000 компаний и 3,34 миллиона частных лиц⁴.

В 2007 г. на 34-м саммите «G8» премьер-министр Абэ Синдзо предложил еще одну инициативу под названием «Cool Earth 50» [美しい星 50]. Эта инициатива отразила его видение механизма борьбы с глобальным потеплением путем дальнейшего развития Посткиотской Системы. Целью инициативы было сокращение глобальных выбросов парниковых газов на 50% к 2050 г. посредством развития инновационных технологий. В плане реализации инициативы были определены пять политических целей, направленных на повышение общей энергоэффективности: диверсификация транспортного сектора, содействие развитию новой энергетики, продвижение безопасного использования атомных электростанций, обеспечение стабильных поставок ископаемого топлива и поддержка в достижении этих целей⁵.

Однако, реализация всех планов премьер-министра Абэ была возможна только при активном участии местных органов власти. Согласно Конституции Японии, префектуры обладают полномочиями самостоятельно принимать решения и выбирать наиболее подходящие для них инструменты

---

⁴ Ibid.

⁵ Tamotsu Terada and Atsushi Kurosawa, " 'Cool Earth 50' – Implementation and Challenges", *Journal of the Society of Mechanical Engineers* 111 (October 5, 2008): p.819-824, https://doi.org/10.1299/jsmemag.111.1079_819

регулирования в тех сферах, которые не охвачены национальным законодательством. В соответствии с докладом, подготовленным Министерством юстиции в 2018 г., 83,2% префектурных правительств успешно реализовали свои планы по сокращению выбросов парниковых газов. Действительно, местные органы власти продемонстрировали значительную восприимчивость к экологическим инициативам и готовность действовать независимо для достижения поставленных целей⁶.

Так, например, одной из инициатив, охватившей более шести префектур, стала программа под названием 「ファイフティ・ファイフティ」 или «Fifty-Fifty». Японская Ассоциация Энергосервисных Компаний (ESCO) реализовала эту инициативу как образовательную программу по энергосбережению для учащихся учебных заведений. Программа предусматривала изучение детьми различных экологических проблем, их влияния на Японию и возможных способов их решения. Для этого образовательным учреждениям предоставлялись специальные субсидии, равные половине сэкономленных затрат на коммунальные услуги. Эти меры способствовали снижению государственных затрат на электроэнергию и предоставлению школам дополнительного финансирования для образовательных нужд. В результате шесть государственных школ в районе Сугинами, Токио, участвующие в программе, добились сокращения выбросов CO₂ на 1880 кг за один год по сравнению со средними выбросами за аналогичный период. Вдохновленные этим успехом, со второго семестра 2005 г. к программе присоединились еще 62 школы⁷.

---

⁶ Roppongi, Hitomi. "From Global to Local: A Multilevel Approach to the Local Implementation of Climate Policies in Japan". *Sustainability and Law*, 2020, p.543-558. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42630-9_27

⁷ Sangster, Warwick. 'Benchmark Study on Green Buildings: Current Policies and Practices in Leading Green Building Nations'. Retrieved January 15 (2006)

В 2000 г. независимыми лицами был учрежден Hokkaido Green Fund. Индивидуальные инвесторы основали его с целью финансирования проектов ветроэнергетики на севере Японии. В то время крупная торговая компания TOMEN Corporation разработала план строительства крупной ветряной электростанции в районе Хаматонбецу. Несмотря на трудности с получением средств от банков, компания была готова сотрудничать с HGF в борьбе с выбросами. Хотя компания предоставила финансовую помощь, 80% инвестиций поступило от частных лиц. Директор HGF Судзуки Тору, при содействии Иида Тэцунари, исполнительного директора Института устойчивой энергетической политики (ISEP), создал схему сбора средств от граждан, включающую «анонимное партнерское соглашение». Благодаря этим усилиям, в 2001 г. начала работу ветряная турбина Хамакадзэ-тян, став первой в Японии ветроэнергетической установкой, финансируемой гражданами⁸.

Говоря о локальных инициативах, стоит также упомянуть префектуру Миэ, которая является одним из крупнейших промышленных центров Японии, известным своим машиностроением, нефтехимией и пищевой промышленностью. Так, со второй половины XX в. Миэ страдала от значительного загрязнения воздуха. Поэтому, эта префектура стала первой в стране, введшей налог на промышленные отходы, отменившей строительство атомной электростанции и разработавшей инновационные стратегии переработки. В 2000 г. Киотский протокол послужил одним из основных стимулов для разработки плана по сокращению выбросов парниковых газов под названием «Комплексный план мер

2008, <http://www3.cec.org/islandora-gb/en/islandora/object/greenbuilding%3A143/datastream/OBJ-EN/view>

⁸ Jeffrey D.Sachs et al., "Why Is Green Finance Important?", SSRN Electronic Journal, 2019, <https://doi.org/10.2139/ssrn.3327149>

по противодействию глобальному потеплению префектуры Миэ» 「三重県地球温暖化対策推進計画」. Документ обязывал промышленные предприятия принять меры по остановке глобального потепления путем сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу⁹. В государственном секторе местные власти внедриli движение «Eco-office» или 「エコオフィス活動」, аналогичную основной идее кампании Cool Biz. В рамках этой инициативы в офисных зданиях были установлены ламповые выключатели и энергосберегающие кондиционеры, способствующие повсеместному снижению количеству потребляемой энергии¹⁰.

Наконец, следует отметить префектуру Фукуока, которая стала одним из ведущих регионов Японии в области местного самоуправления по вопросам изменения климата и охраны окружающей среды. Столица префектуры – Фукуока, была одним из первых городов Японии, решивших проблему глобального потепления посредством городского климатологического планирования. За последние 100 лет среднегодовая температура в префектуре увеличилась на 2,54°C, из-за чего в 1999 г. власти приняли «Базовый экологический план Фукуоки», основная идея которого заключалась в сохранении ветровых коридоров¹¹. При правильной планировке города тепло не задерживалось на его территории, буквально выдуваясь с улиц. Несмотря на сокращение

---

⁹ Noriko Sugiyama and Tsuneo Takeuchi, "Local Policies for Climate Change in Japan", *The Journal of Environment & Development* 17, no.4 (December 1, 2008): p.424-441, <https://doi.org/10.1177/1070496508326128>

¹⁰ Jose Antonio Puppim de Oliveira, "The Implementation of Climate Change Related Policies at the Subnational Level: An Analysis of Three Countries", *Habitat International, Climate Change and Human Settlements*, 33, no.3 (July 1, 2009): p.253-259, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2008.10.006>

¹¹ Leslie Mabon et al., "Fukuoka: Adapting to Climate Change through Urban Green Space and the Built Environment?", *Cities* 93 (October 1, 2019): p.273-285, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.007>

доли зеленых насаждений в городе почти на 10% с 1985 г., по условиям Киотского протокола площадь парков и скверов к 2010 г. увеличилась на 21,4%¹².

Вдобавок, Фукуока часто испытывает воздействие температур выше среднего, что побудило местные власти в 2018 г. инициировать современный проект «Один человек – один цветок» 「福岡市一人一花運動」. Эта инициатива была направлена на преобразование города и озеленение жилых и муниципальных зон. Горожане сажали деревья на крышах, создавали зеленые стены и украшали здания живыми цветами. Благодаря своему географическому положению эволюция энергетической и климатической политики в регионе послужила образцом для других субтропических азиатских городов и остаётся таковым до сих пор¹³.

Важно отметить, что значительная часть усилий по сокращению выбросов в Японии была связана с использованием атомных электростанций. В 2010 г. почти 30% электричества в стране производилось с помощью ядерной энергетики. Хотя это представляло собой эффективный метод снижения выбросов парниковых газов, японская электроэнергетическая промышленность столкнулась с серьезными испытаниями после аварии на Фукусимской АЭС. В ноябре 2013 г. Федерация электроэнергетических компаний Японии (ФЕРС) опубликовала «План экологических действий для японской электроэнергетической промышленности». Данный план имел особую значимость, так как

---

¹² "Fukuoka Ichi Kara 'Fukuoka-Shi Shin Midorinokihonkeikaku' Ni Tsuite '福岡市から「福岡市新・緑の基本計画」について", accessed March 11, 2021, <https://www.city.fukuoka.lg.jp/jutaku-toshi/koenkeikaku/midori/shin-midorinokihonkeikaku.html>

¹³ "Furawāshiti Fukuoka 'hitori ichi hana' shidō! | Ibentorepōto | Fukuoka ken kaki nōgyō kumiai 'フラワーシティ福岡「一人一花」始動! | イベントレポート | 福岡県花卉農業組合", accessed March 11, 2021, <https://www.fukuhana.jp/event/16246/>

после землетрясения и последовавшей за ним аварии на Фукусимской АЭС доля тепловой энергетики в производстве электроэнергии возросла до 80-90%. Несмотря на стремление Японии продолжать развитие возобновляемых источников энергии, последствия аварии на АЭС привели к таким проблемам, как повышение цен на электроэнергию и увеличение импорта ископаемого топлива¹⁴.

В ноябре 2012 г., перед конференцией COP18, Япония объявила, что государство не выполнило обязательства первого периода Киотского протокола по сдерживанию глобального потепления. Вместо снижения выбросов на 6%, страна зафиксировала их рост почти на 18%. Несмотря на установку солнечных панелей после катастрофы на Фукусимской АЭС, ситуация в атомной энергетике осталась практически неизменной. Выбросы углекислого газа увеличились на 2,1% в 2011 г., а после закрытия большинства ядерных реакторов в 2012 г. – еще на 6,7%¹⁵. В 2013 г. выбросы достигли 1,395 миллионов тонн, самого высокого уровня с 1990 г. Остановка 50 из 54 атомных энергетических реакторов привела к переходу на неэкологичные источники энергии, что вызвало значительное увеличение выбросов CO₂, метана и других вредных газов в атмосферу¹⁶.

Таким образом, Киотский протокол стал важной отправной точкой для осуществления реформ и различ-

---

¹⁴ Jeff Huang and Ken Nagasaka, “The Trends of Japanese Electric Utility Industry under Kyoto Protocol after 311 Earthquake”, *APCBEЕ Procedia* 1 (2012): p.199-203, <https://doi.org/10.1016/j.apcbee.2012.03.032>

¹⁵ Vlado Vivoda and Geordan Graetz, “Nuclear Policy and Regulation in Japan after Fukushima: Navigating the Crisis”, *Journal of Contemporary Asia* 45, no.3 (July 3, 2015): p.490-509, <https://doi.org/10.1080/00472336.2014.981283>

¹⁶ “Nuclear Power in Japan / Japanese Nuclear Energy – World Nuclear Association,” <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx>

ных кампаний, направленных на сокращение выбросов в атмосферу. Однако землетрясение и последующая авария на Фукусимской АЭС в 2011 г. значительно подорвали многие из усилий Японии в этой области. Несмотря на это, страна продемонстрировала свое экологическое лидерство, выполнив свои обязательства по сокращению выбросов парниковых газов на 6% ниже уровня 1990 г. в течение первого периода действия обязательств до 2012 г. Меры, принятые японским правительством на национальном и межрегиональном уровнях, оказали значительное влияние на развитие климатической и энергетической политики страны. Успехи Японии в данной области подтвердили возможность одного государства эффективно противодействовать глобальному потеплению.

Тем не менее, последствия аварии на Фукусимской АЭС привели к значительным изменениям в энергетической стратегии страны. Вынужденное закрытие атомных реакторов и переход на неэкологичные источники энергии вызвали рост выбросов парниковых газов. Это подчеркивает необходимость дальнейшего развития и внедрения устойчивых энергетических решений, способных обеспечить как экологическую безопасность, так и стабильное энергообеспечение. В будущем Японии предстоит продолжить работу над совершенствованием своей энергетической и климатической политики, уделяя особое внимание развитию возобновляемых источников энергии и повышению энергоэффективности. Это позволит стране не только преодолеть последствия прошлых катастроф, но и укрепить свое лидерство в области глобального экологического устойчивого развития.

– ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ –

Печатное слово или новомодный стриминг? Монография специалистов продолжает добрые традиции

(Амара М.И.)

«Самое обидное, что в информационной войне всегда проигрывает тот, кто говорит правду, поскольку он ограничен правдой, лжец может нести все, что угодно»
(народная мудрость)

Как в информационном потоке увидеть правду? Как отделить истину от лжи? Как сегодня, при постоянных изменениях в способах передачи информации, понять – где факты, а где дипфейк (DeepFake), результат синтеза изображения человека, его голоса, а также целых видеороликов, сконструированных искусственным интеллектом? Сегодня мы видим, как общество, играя с возможностями искусственного интеллекта, уже попало в ловушку манипулирования правдой и ложью. Теперь стало в сотни раз сложнее понять и уловить тонкую грань между ними. С горечью стоит признать, что в Японии, следуя традиции с 1995 г., по которой люди выбирают иероглиф года, в 2024 г. Дракона выбран иероглиф 翔 (sho), означающий высоко летать, парить. А стоило бы выбрать иероглиф, обозначающий «ложь» или «искусственный интеллект».

Мощная волна использования генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) накрыла и Японию. Но лишь сейчас общество стало задумываться о том, чтобы начать формировать законодательство об ограничении его использования.

Прогнозируем, что Японию вновь ожидают большие перемены, в попытках идти в ногу со временем. Цифровизация перешла в иную стадию, слившись с искусственным интеллектом, породив монстра под названием дипфейк. Интернет-ресурсы, в частности, YouTube канал уже переполнен продуктами технологий по созданию дипфейка (подделка голоса людей; конструирование целых программ, новостных лент и развлекательных видео, где усопшие люди ожили, моргая глазами либо нелепо распевая некогда известные хиты). Ныне окончательно стирается грань морали и нравственности под натиском новейших технологий по производству лжи. Реальность всё больше напоминает сюжет из научно-фантастического фильма Стэнли Кубрика 1968 г. «2001: Космическая одиссея», где искусственный интеллект убил космонавта (мол, несчастный случай), когда тот выразил ему недоверие.

Ещё одна тенденция нашего времени – профессиональное самовыражение в социальных сетях посредством видеоблогов (и, желательно, с коротким видео, зачастую ускоренным), стриминга, а не через качественные глубокие и всесторонние исследования, напечатанные на бумаге. Ещё немного и печатная книга станет раритетом и эксклюзивом.

Вернёмся же к теме монографии и отметим, что со времени проведения симпозиума «Япония: цивилизация, культура, язык» в 2022 г. в Японии (да и во всём мире) произошли большие перемены. Так, в 2023 г. закончилась пандемия COVID-19, но 2023 г. ознаменовался и крупным коррупционным скандалом с участием членов кабинета министров и чиновников Либерально-демократической партии из фрак-

ций Seiwa Kai¹ и Shisuikai, распущенных в январе 2024 г. После публикаций в прессе об откатах, сокрытии доходов от политических мероприятий, рейтинг кабинета премьер-министра Кисида Фумио упал до 20%. В прессе утверждалось, что фракция Абэ Синдзо (Seiwa Kai, крупнейшая фракция в ЛДПЯ), в течение многих лет систематически создавала «фонды для подкупа» в нарушение Закона «О контроле за политическими фондами»².

В 2023 г. Япония также активно развивала связи с США в области военной безопасности. В феврале 2023 г. Парламент Японии одобрил решение о покупке у США 400 крылатых ракет «Томагавк» для укрепления системы противоракетной обороны Aegis³ Морских сил самообороны Японии⁴. Кабинет Кисида Фумио ещё больше усилил политический курс Японии на милитаризацию, с катастрофической скоростью увеличивая оборонный бюджет страны⁵. Следует упомянуть и недавнее назначение нового премьер-министра Японии Исиба Сигэру, приступившего к обязанностям с 1 октября 2024 г., карьера которого частично связана с военной сферой (с 2000 г. – зам. начальника Управления национальной обороны, в 2007-2008 гг. – министр обороны в правительстве). Его назначение премьером означает, что Япония и дальше продолжит курс на милитаризм и наращивание военного потенциала.

---

¹ Seiwa Seisaku Kenkyukai (1979-2024).

² <https://mainichi.jp/articles/20231225/ddm/005/070/016000c>

³ [https://en.wikipedia.org/wiki/Aegis_system_equipped_vessels_\(ASEV\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Aegis_system_equipped_vessels_(ASEV))

⁴ <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA2745KoX20C23A2000000/>

⁵ <https://www.nippon.com/en/japan-data/h02121/>

Учитывая всё сказанное, полагаем, что симпозиум «Япония: цивилизация, культура, язык» в 2024 году в стенах Санкт-Петербургского государственного университета стал важной вехой для отечественных японоведов. Подготовленная монография не только продолжила добрую традицию, но и свидетельствует о насущной потребности в поддержании всесторонних научных исследований российских японоведов в условиях новых и неожиданных вызовов современного мира, которые мы все сегодня видим.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРКИНА Милана Александровна, кандидат педагогических наук, зав. отделом по направлению Востоковедение Научной библиотеки имени М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

АМАРА Марина Игоревна, кандидат юридических наук, независимый исследователь.

АРАКАВА Ёсико 荒川好子, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

АРХИПОВА Марина Евгеньевна, студент 4 курса бакалавриата исторического факультета Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук при РАН, Россия, 119049, Москва, Мароновский переулок, 26.

БАРИНОВ Алексей Александрович, студент 5 курса (выпускник), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 119017, Москва, Старая Басманная, д.21/4, стр.5.

БЕРТОВА Анна Дмитриевна, кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

БОРИСОВА Анастасия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

БЫКОВА Стелла Артемьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, с.1.

ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; приглашенный профессор Университета иностранных языков Киото (Япония); Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.

ВОЛОДЧЕНКО Александр Сергеевич, доктор географических наук, доцент, независимый исследователь, г. Дрезден, Германия.

- ВОРОБЬЁВА Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный Университет, Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, оф.301а.
- ГАБИТОВА Арина Ильшатовна, независимый исследователь.
- ГОГОЛЕВА Василиса Дмитриевна, студент 2 курса кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
- ГОФМАН Алина Владимировна, студент бакалавриата, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
- ГРАЧЕВ Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, 125009; Москва, ул. Моховая, д.11, стр.1.
- ДАВЫДОВА Алевтина Вадимовна; учитель японского языка, МБОУ г. Иркутска СОШ №26, Россия, г. Иркутск, 664022, ул. Советская, 46.
- ДРЕЗГУНОВА Софья Никитична, независимый исследователь.
- КАРАЧАРОВ Григорий Валерьевич, студент (магистрант), Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, Россия 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
- КАРЦЕВА Мария Александровна, студентка 4 курса, направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) Преподавание русского языка и литературы. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет», адрес: Россия, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д.33.
- КИКНАДЗЕ Диана, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
- КЛОБУКОВА (ГОЛУБИНСКАЯ) Наталья Федоровна, кандидат культурологии, Приглашенный преподаватель Факультета мировой экономики и международной политики НИУ ВШЭ, направление «Востоковедение и африканистика», Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д.21/4.

- КОСИК Маргарита Алексеевна, студент-магистр, Высшая Школа Экономики, факультет Мировой экономики и Мировой политики, Программа двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёнки «Экономика и политика в Азии», Россия, 115184, Москва, ул. Малая Ордынка, д.29.
- КУДРЯШОВА Анастасия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д.11, стр.1.
- КУЛЬНЕВА Полина Викторовна, кандидат экономических наук, участник научного коллектива проекта «Нарративы "исторических обид" в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76); научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской Академии Наук (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12).
- КУТАФЬЕВА Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- МОЗГУНОВА Александра Дмитриевна, Кандидат культурологии, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского университета (МГПУ), Россия, 127220, Москва, Полтавская ул., д.3, каб. 421.
- МОСТОВАЯ Анна Сергеевна, младший научный сотрудник, Центр глобальных и региональных исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
- НУРГАЛИЕВ Илназ Рамилович, ассистент кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ), Россия, 127220, г. Москва, Полтавская, д.3.
- ОВЧИННИКОВА Любовь Всеволодовна, Кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

- ОСМАНОВ Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.
- РОМАНЧЕВ Данила Дмитриевич, аспирант, лаборант-исследователь, Центр японских исследований Института Востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12.
- САВИНСКАЯ Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры японского языка Института иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы "Московский городской педагогический университет", Россия, 127220, Москва, ул. Полтавская, д.3, каб. А-420.
- САДОКОВА Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор кафедры японской филологии ИСАА МГУ, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр.1.
- САМОЙЛОВ Николай Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11.
- САНИНА Ксения Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
- СЕРГЕЕВА Анастасия Игоревна, старший преподаватель кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (МГПУ), Россия, 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4, к.1.
- СЕРЕБРЯКОВА Светлана Георгиевна, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 11.
- СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор заведующая кафедрой истории и культуры Японии ИСАА МГУ, Россия, Москва, 125009, Моховая ул. 11.
- СИН Юнь, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
- СПИЦЫНА Ксения Андреевна, кандидат экономических наук, независимый исследователь.

- СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
- СТРИЖАК Ульяна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель ОП «Востоковедение», доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д.11.
- СУДАКОВА Александра Андреевна, аспирант МАЭ РАН, младший научный сотрудник отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.
- СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Россия, 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д.54, каб.315.
- ТРАЗАНОВА Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»; сотрудник научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии АТР, Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8.
- ФЕДЯНИНА Владлена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой японского языка Московского городского педагогического университета, Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
- ФИЛИППОВ Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой японоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
- ФИЛИППОВ Евгений Александрович, старший библиотекарь, отдел литературы стран Азии и Африки ФГБУ "Российская национальная библиотека", Россия, 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., д.18.
- ФРОЛОВА Евгения Львовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая (и.о.) кафедрой востоковедения Гуманитарного Института Новосибирского государственного национального исследовательского университета, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- ХОВАНЧУК Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения ВИ-ШРМИ, Дальневосточного федерального университета, Россия, 690922, г.Владивосток о. Русский, п. Аякс, 10, корпус Д. ауд.915.

ХРОНОПУЛО Лиала Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

ЩЕПКИН Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

ARPITA Paul. Ph.D. Assistant Professor Department of Japanese, Bhasha Bhava, Visva-Bharati Santiniketan, PIN: 731235, India.

ЯСУМОТО Такако 安元隆子, профессор факультета международных отношений Университета Нихон, 2 тёмэ-31-145 Бункё-тё, г. Мисима, преф. Сидзуока 411-8555, Япония.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Японоведение в России: прошлое и тренды текущего момента (Филиппов А.В., Щепкин В.В.)	3
ГЛАВА 1. Японский язык: ловушки преподавания	
Япония и соседи: особенности языковой политики в новейшей истории (Фролова Е.Л.)	11
Дифференцированный подход в преподавании японского языка в разноуровневых группах (Воробьева Л.А., Давыдова А.В.)	24
Intercultural Communication Competence Development in Japanese MOOC: Content and Strategy Analysis of Situational Dialogue (Син Юнь)	31
Лексическая сочетаемость параметрических прилагательных современ- ного японского языка 大きい ōкий «большой», 広い хирой «широкий» и 長い нагай «длинный»: межъязыковая интерференция в японской речи русских студентов на начальном уровне ロシア語母語話者の初級日本語学習における母語干渉を背景とした 日本語次元形容詞「大きい」「広い」「長い」の使い分け (Аракава Ёсико 荒川好子)	41
ГЛАВА 2. Душа слов: исследования лексики японского языка	
Семантика и употребление предикативного прилагательного НАЙ в японском языке (Кутафьева Н.В.)	55
Способы репрезентации языковой категории считаемости в японском языке (Воробьева Л.А.)	70
Этимология идиом современного японского языка (Савинская А.В., Дрезгунова С.Н.)	82
Этимологический разбор слов канго в японском языке (Сергеева А.И.)	95
Прагматические и семантические изменения kimi. История и современ- ное употребление (Карачаров Г.В.)	108
Категория лексики дзокуго в японском языке (Быкова С.А.)	117
Семантика и синтаксис японского предложения: проблема количества участников (Стрижак У.П.)	129

ГЛАВА 3. От «записок» до «веб-новелл»: тысячелетие японской литературы

Образ рыбы в современной японской психологической прозе (Хронопуло Л.Ю.)	141
Особенности бинарной оппозиции ути / сото на примере рассказа Нагаи Кафу «Первое января» (Санина К.Г.)	149
Нравственный потенциал красоты в литературе средневековой Японии: Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» (986-1000) (Карцева М.А.)	160
К вопросу о наименовании японских веб-новелл (Нургалиев И.Р.)	172
The 'Spiritual' Quest in Modern Japanese Literature: Analysing Tōkoku's Literary Innovation of "Hikyū" through the lens of Yōmeigaku (Arpita Paul)	183
Повесть Кавагоэ Сюити «Источник тепла», перевернувшая образ Сахалина サハリン・イメージを覆した川越宗一の小説『熱源』 (Ясумото Такако 安元隆子)	202

ГЛАВА 4. Ритуал и религия в Японии

Язык, поэзия и религия в средневековой Японии (по произведениям буддийского монаха Дзиэн) (Федянина В.А.)	210
Непраздничные ритуалы и обряды в средневековой Японии по письменным источникам (Архипова М.Е.)	223
Мотив «строительной жертвы» в японском повествовательном фольклоре (Садокова А.Р.)	239
Жизнь и деятельность Кумагаи Тэцутаро: к вопросу о феномене слепых пасторов в Японии (Бертова А.Д.)	249
Особенности развития ритуалов с благовоениями в современном японском буддизме (Войтишек Е.Э.)	262
Празднование «Дня Косин» в контексте современной культуры Японии (Габитова А.И.)	276
Взаимодействие и влияние религиозной и туристической практик на примере паломнических практик госюин (Судакова А.А.)	285

ГЛАВА 5. Цвет, предмет и туалет: проявления японской культуры

Бытование синего цвета в культуре Японии (Хованчук О.А.)	303
Социально-символический код новогодней телевизионной программы «Песенное состязание красных и белых» (Тразанова Н.Ю.)	315
Озеро, дерево, лютия, человек... Многозначность термина «бива» в японской культуре (Клобукова (Голубинская) Н.Ф.)	325
Техника изготовления чайных ложечек тясяку в традиции Пути Чаю (Кудряшова А.В.)	337
Изменения в архитектуре и оснащении зданий театров Кабуки в эпоху Мэйдзи (Борисова А.А., Гоголева В.Д.)	346
Женская J-pop группа АКВ48 как носитель социокультурных особенностей Японии (Гофман А.В.)	354

ГЛАВА 6. Карты, карточки и книги: Япония в печати

- Хикифуда в истории Японии (Мозгунова А.Д.) **362**
- Дзинкоки – популярное учебное пособие 1627 г. по арифметике, соробан и прикладной математике периода Эдо. Его автор, содержание, переиздания и влияние на историю развития васан в Японии (Филиппов Е.А.) **375**
- «История Японии» в серии рекламных карточек компании «Либи» (карточки 1-4) (Кикнадзе Д.) **399**
- Первая выставка старых японских географических карт в Европе (Берлин 1934). Каталог выставки М.Рамминга (Симонова-Гудзенко Е.К., Володченко А.С.) **410**

ГЛАВА 7. От Ямато к Японской империи: страницы истории

- Попытки «восстановления Мимана (кор. Имна)» государством Ямато (562-623 гг.). Ч.1-я: Политика Ямато в южной Корее в 562-583 гг. (Суровень Д.А.) **420**
- Принц Ацуакира и его «причуды»: несколько соображений о принципах жизни придворного общества в период Хэйан (Грачев М.В.) **438**
- Знамена апокалипсиса: потрясения эры Ансэй (1854-1860) и их влияние на развитие кризисной ситуации в Японии (Романчев Д.Д.) **453**
- Economic Development of Karafuto: Industrialization and Incorporation into the General System of the Japanese Empire (Barinov A.A.) **467**

ГЛАВА 8. По волнам исторической памяти: Япония и соседи

- Японская кинопропаганда в период войны с Китаем (1937-1945 гг.) (Самойлов Н.А.) **477**
- Память о японо-китайской войне 1937-1945 гг. в политическом сознании японского общества через призму японских СМИ (Кульнева П.В.) **489**
- Почему южнокорейцам так трудно простить Японию за исторические прегрешения? (Стрельцов Д.В.) **501**
- Японское управление в Корее 1910-1945 гг.: колониальная индустриализация или модернизация? (Овчинникова Л.В.) **515**

ГЛАВА 9. Русские в Японии, японцы в России

- «Русские в Японии» середины XIX в. глазами Ивана Гончарова (издание 1955 г. из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета) (Филиппов А.В., Азаркина М.А.) **529**
- Kurono Yoshibumi: 30 years of work for the benefit of the Oriental Faculty (Osmanov E.M.) **546**
- «Меморандум» японских пленных в с. Медведь, или жалобы по-японски (Серебрякова С.Г.) **552**

ГЛАВА 10. Плоды стагнации: японская экономика в XXI в.

Автомобильная корпорация «Тоёта» в 2000-2010-е гг.: национальный и глобальный аспект деятельности (Мостовая А.С.)	566
Некоторые тенденции развития аквакультуры в Японии (Спицына К.А.)	575
Космическая безопасность Японии: курс на милитаризацию (Амара М.И.)	580
Углеродный след прошлого и авария на Фукусимской АЭС: Националь- ные и префектурные меры Японии в борьбе с изменением климата в рамках Киотского протокола (Косик М.А.)	592
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Печатное слово или новомодный стриминг? Монография специалистов продолжает добрые традиции (Амара М.И.)	601
Сведения об авторах	
Аффилиация	605

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык 2024

(к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета).

[«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №10]

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

ISBN 978-5-4391-0967-8

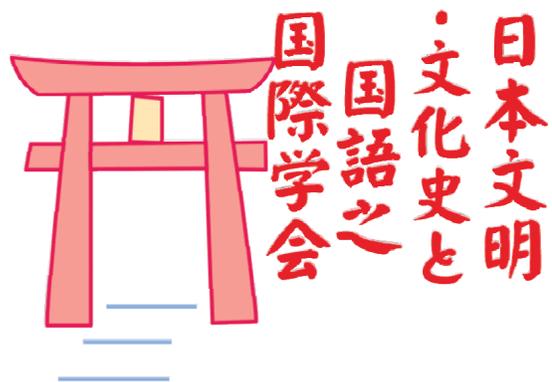
9 785439 109678 >

Подписано в печать 31.10.2024 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 35265

Отпечатано в «Изд-во "Art-xpress"»,
Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, корп.3, оф.4
тел. 331-33-22
<http://art-xpress.ru/>

Я П О Н И Я :
ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК 2024
(К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)
«ISSUES OF JAPANOLY» №10

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №10

ЯПОНИЯ:
ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК 2024
(К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

JAPAN:
Civilization, Cultural History,
Language 2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024